Вятский государственный гуманитарный университет

ВЕСТНИК ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1(1)

Киров
2013

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
Л. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. Коробкова
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Тимшин В. А. Философы и философское образование в Вятском государственном гуманитарном университете: к 100-летнему юбилею вуза 6
Калиниченко В. В. Косвенный опыт трансцендентального и принцип конечной разрешимости у Канта 13
Моторина Л. Е. Анджей Валицкий о русской идее и особенностях русской философии 18
Новоселов О. Н. Спокойная неопределенность 22
Корякина А. П. Симуляция бытия и возможность ее преодоления: подход Ж. Бодрийара 27

ИСТОРИЯ

Отечественная история

Вишняков-Вишневецкий К. К. Иностранные предприниматели в Нарвской части Санкт-Петербурга (конец 1850-х – начало 1880-х гг.) 31
Калинина Д. А. Органы центрального и местного управления России конца XIX – начала XX в.: опыт взаимодействия 40
Машковцев А. А. Католики Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект 45
Рафиков А. М. Новые исследовательские подходы к изучению истории татарского купечества Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. 53

Всеобщая история

Калинин А. А. «Красная угроза» Греции в оценках американских дипломатов в 1946–1949 гг. 61
Суровень Д. А. Сведения древнеяпонских источников о расселении тунгусо-маньчжурского народа идзумо на острове Хонсю 72

ПРАВО

Розуван А. М., Редикульцева Е. Н. Правовое регулирование обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: актуальные проблемы и возможные пути их решения 88
Коврижных Л. А. К вопросу использования средств видеонаблюдения в избирательном процессе 93
Сучкова Т. Е. Некоторые аспекты использования дефиниции «должностное лицо» в современном законодательстве Российской Федерации 96

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Осипова Н. О. «Ренессансный текст» в поэзии русской эмиграции 103
Ефимова Н. И., Золотова Т. А. Базовые ценности в молодежной культуре (на материале субкультурного фольклора) 111
Ковырзенкова Т. В. Парадоксалист в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского: между «героем» и «антигероем» 116
Павлова В. Г. Интертекстуальное антропонимическое пространство в поэзии Николая Алешкова (на примере сборника «Сын Петра и Мариши») 120

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Поспелова Н. И. Новое коммуникационное пространство музыки: вызов сетевой культуры 125
Колобова Ю. И. Культурологическая реконструкция биографии поколения «военной эмиграции» 131
Чикишева О. В. «Оттепель» как историко-культурный феномен и предмет современного научного осмысления: региональный аспект 138
Сиднева Т. Б. Концепт «искусство» как предмет современных культурологических рефлексий 142
Мехоношин В. Ю. Особенности культурологического анализа кинотекста 145

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Данюшенков В. С., Коршунова О. В. Исследование познавательной деятельности школьников методом компьютерной энцефалографии 150
Помелов В. Б. А. С. Макаренко – современник всех поколений (к 125-летию со дня рождения великого педагога) 157
Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А. Система профессиональной ориентации старших школьников и студентов в контексте регионального социально-экономического развития: анализ результатов исследования 166
Клепцова Е. Ю. Основные факторы гуманизации образования субъектов образовательной деятельности 172

ПЕРСОНАЛИИ

Станиславу Авенировичу Смирнову – 75 лет 178
Александру Ивановичу Богданову – 60 лет 180
Евгению Михайловичу Вечтомову – 60 лет 181
Математике надо служить... (Сергею Ивановичу Калинину – 60 лет) 184

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вечтомов Е. М. Полукольца и пучки. Обзор результатов исследований за 2008–2012 гг. 185
Кузьмина В. П. Клинико-психологические исследования лиц с ограниченными возможностями здоровья 194

Сведения об авторах 197

Information about authors 200

CONTENTS

Timshin V. A. Philosophers and philosophical education in the Vyatka State University of Humanities to the 100 th anniversary of the university

Kalinichenko V. V. Indirect experience of the transcendental and the principle of finite solubility in Kant

Motorina L. E. Andrzej Walicki of the Russian idea and features of Russian philosophy

Novoselov O. N. Quiet uncertainty

Koriakina A. P. The simulation of Being and the possibility of its overcoming: the approach by J. Baudrillard.

Vishnyakov-Vishnevetskiy K. K. Foreign Industrialists in Narvskaya Part of St. Petersburg (the end of 1850th – the beginning of 1880th)

Kalinina D. A. The central and local government of Russiathe late XIX – early XX century.: interaction experience

Mashkovtsev A. A. Catholics of the Kazan province in second half XIX – the beginning XX ages: socially-demographic aspect

Rafikov A. M. Studying of a history of the tatar merchant class of Vuatskoj province of second half XIX – the beginnings XX centuries: opportunities of local and regional approaches

Kalinin A. A. "Red Menace" to Greece in assessments of American diplomats in 1946–1949

Surowen D. A. The information of ancient Japanese sources about resettlement of Tungusian-Manchurian people *izumo* on island Honshu

Rozuvan A. M., Redikultseva E. N. Legal regulation of ensuring the housing rights of orphan children and children without parental support: actual problems and possible ways of their decision

Kovrizhnykh L. A. On the use of video surveillance in the electoral process

Suchkova T. E. Some aspects of use of a definition «official» in the modern legislation of the Russian Federation

Osipova N. O. "The Renaissance text" in the poetry of Russian emigration

Efimova N. I., Zolotova T. A. Basic Values In Youth Subculture (On Subcultural Folklore)

Kovyrzenkova T. V. Paradoxalist in Dostoevsky's «Notes from Underground», between hero and antihero

Pavlova V. G. Anthroponymic area in the poetry of N. Aleshkov (in the example of the antology "Peter and Marisha's son")

Pospelova N. I. New Communicative Environment of Music: Challenges of Internet

Kolobova Yu. I. Culturological reconstruction to biographies of the "military emigration" generation

Chikisheva O. V. "Thaw" as a historical and cultural phenomenon and subject of modern scientific research: regional aspect

Sidneva T. B. Concept «art» in contemporary culturological reflections

Mekhonoshin V. Yu. The main features of cultural movie analysis

Danyushenkov V. S., Korshunova O. V. The study of schoolchildren cognitive activity by means of computer encephalography

Pomelov V. B. A. S. Makarenko – the contemporary of all generations (to the 125-th anniversary of the great teacher)

Bazhin K. S., Simonova G. I., Khodyreva E. A. The system of senior pupils and students vocational guidance in the context of regional socio-economic development: analysis of survey results

Kleptsova E. Yu. The main factors of humanization of education of subjects of educational activity

Vechtomov E. M. Semirings and sheaves. Review of the results of research for the years 2008–2012

Kuzmina V. P. Clinical and psychological studies of persons with disabilities

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

К 100-летнему юбилею нашего вуза мы решили посвятить раздел «Философия и социология» истории кафедры философии и социологии и этапам ее развития. Раздел открывается статьей заведующего кафедрой, кандидата философских наук В. А. Тимшина, в ней рассказывается о важнейших вехах истории кафедры и о том, какие яркие личности внесли свой вклад в ее творческую жизнь.

Затем идут публикации преподавателей, которые в разное время работали на кафедре, оригинальное содержание этих работ явилось главным мотивом для их помещения.

Публикуется также статья аспиранта кафедры А. П. Корякиной, научным руководителем которой является доктор философских наук, профессор О. А. Останина.

М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор,
член редколлегии «Вестника Вятского государственного гуманитарного университета»

УДК 1(091):101.9

В. А. Тимшин

ФИЛОСОФЫ И ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЯТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВУЗА

В статье дается исторический обзор становления и развития кафедры философии и социологии ВятГГУ. Уделяется внимание наиболее ярким философам, чья творческая деятельность связана с работой в первом вузе на Вятской земле.

The article gives a historical overview of the formation and development department of philosophy and sociology VSHU. Attention is given to the most vivid philosophers, whose creative activity is linked to the work the first university Vyatka land.

Ключевые слова: философ, В. Э. Сеземан, В. В. Калиниченко, творческое наследие, философское образование, кафедра философии и социологии ВятГГУ.

Keywords: philosopher, V. E. Sezeman, V. V. Kalinichenko, creative heritage, philosophical education, department of philosophy and sociology VSHU.

Любой юбилей, а тем более 100-летний, – это повод пристально всмотреться в страницы прошлой истории, желание найти истоки того, что мы имеем сейчас, попытка разобраться в тех случайных, а может быть и не совсем случайных событиях минувших лет, оказавших влияние и оставивших в памяти заметный след, надежда открыть и заново прочитать забытые имена.

Среди них – Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963). Сегодня интерес к философскому наследию этого российско-литовского мыслителя возрастает [1], однако вятский период его жизни до конца еще не изучен. Мы можем лишь предполагать, что послужило причиной перебраться в 1918 г. с семьей в провинцию [2], ведь к этому времени В. Э. Сеземан уже известен в философских кругах.

После окончания в 1909 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета его оставляют на кафедре философии и отправляют для дальнейшего обучения в университеты Марбурга и Берлина. Здесь он сближается с Борисом Вышеславцевым и Владиславом Татаркевичем, поддерживает дружеские отношения с Николаем Гартманом [3]. По возвращении в Петербург в 1911 г. преподает в Екатерининской женской гимназии. Свои неокантианские взгляды В. Э. Сеземан публикует в статьях журналов «Логос» и «Новые идеи в философии» [4]. После защиты магистерской диссертации в должности приват-доцента работает в Петербургском университете. В годы Первой мировой войны идет добровольцем на фронт, возвращается в Петербург, преподает.

12 сентября 1918 г. он пишет на имя педагогического совета Вятского учительского института заявление с просьбой зачислить его в случае открытия вакансии кандидатом на должность

© Тимшин В. А., 2013

лектора по истории философии, логики, психологии и педагогики [5]. Однако руководство института с решением затягивает. Во многом это связано с проходившей в это время реорганизацией – переходом учительского института в статус высшего педагогического учебного заведения. В. Э. Сеземан, обеспокоенный неясностью ситуации, пишет из Орла на имя члена правления института А. А. Григорьева письмо, датированное 2 октября 1918 г., где просит дать ответ в ближайшие дни. Его отпуск заканчивается, и в случае отрицательного решения он вынужден будет вернуться в Петербург или вести переговоры с Астраханским университетом [6]. В Москве 5 октября 1918 г. на девятом заседании государственной комиссии по просвещению принимается устав, закрепляющий за учительскими институтами статус вуза. В этот же день совет Вятского учительского института представляет кандидатуру приват-доцента В. Э. Сеземана в Вятский губернский отдел народного образования, который в своей резолюции от 8 октября 1918 г. временно допускает его к исполнению обязанностей преподавателя и сообщает, что о дате окончательного утверждения институт будет уведомлен особо [7]. В соответствии с разработанным в институте учебным планом В. Э. Сеземан ведет занятия по истории философии на втором и третьем курсах по два часа в неделю и педагогику на третьем курсе в объеме трех недельных часов [8].

Спокойную жизнь в губернском городе нарушают события Гражданской войны, когда в марте 1919 г. красные войска отступают под Глазов, а штаб 3-й армии переводят в Вятку. Угроза закрытия молодого вуза в целях использования его помещений и отправки сотрудников на фронт заставляет руководство принять решение об эвакуации. 16 апреля В. Э. Сеземан в составе 10 преподавателей и 45 студентов прибывает в уездный город Яранск и там продолжает педагогическую деятельность.

В апреле же В. Э. Сеземана избирают преподавателем кафедры философии и психологии Саратовского университета, где в это время работает С. Л. Франк, возглавляющий историко-философское общество. Но переезд откладывается. Учебный год еще не закончен, а в конце мая Сеземана задерживают и привлекают к работе на впервые организованных институтом губернских школьно-инструкторских курсах. В то же время руководство вуза просит Яранский отдел управления уездом выдать необходимые документы для проезда до Саратова его семье. Однако жена с маленьким сыном ехать одна не решается. В июне Сеземан добивается для себя девятидневного отпуска для сопровождения семьи до города Козьмодемьянска. В дороге он заболевает, жена увозит его в Саратов, а руководство вуза продлевает ему отпуск. В конце лета пединститут реэвакуируется в Вятку, но В. Э. Сеземан сюда больше не возвращается [9].

Уходит из учебного плана и философия. В 1920 г. там значится уже история научного мировоззрения. Тем не менее в 1921 г. в институте организуется научно-философский кружок, который в дальнейшем объединяется с кружком по изучению марксизма-ленинизма и работает под названием ленинского кружка [10].

Новый этап в философском образовании в Вятском педагогическом институте связан с именем Якова Львовича Харапинского (1895–1984). В 1917 г. он окончил юридический факультет Киевского университета. За сочувствие большевикам и проведение революционно-агитационной работы был арестован и заключен в Житомирскую тюрьму. Петлюровцы приговорили его к расстрелу, но он остался жив благодаря подходу конного отряда из дивизии Щорса [11]. Затем он перебирается в Москву, преподает в ряде вузов, проводит занятия в губсовпартшколе.

В августе 1925 г. Я. Л. Харапинский по предложению Центрального комитета ВКП(б) на один год едет в Вятский педагогический институт, однако остается здесь на четыре года (1925–1929). Перед ним поставлена задача организовать подготовку преподавателей для института из числа выпускников. И он успешно с этим справляется.

В Вятском пединституте Я. Л. Харапинский ведет занятия по диалектическому и историческому материализму, активно занимается научной деятельностью. Будучи в должности проректора по учебной работе (1926–1929), налаживает издание научных трудов преподавателей института, хотя сделать это было непросто. Наркомпрос на публикации выделял всего 500 рублей в год, поэтому выход был найден в привлечении личных средств авторов. В это время у Я. Л. Харапинского выходит ряд статей: «Материалистическая диалектика в педагогике» (Вятка, 1926), «Социально-философские воззрения Ш. Фурье» (Вятка, 1927), «Материалистическая диалектика в математике. Часть 1» (Вятка, 1928). В 1927 г. постановлением научно-политической секции Государственного ученого совета (ГУС) Харапинского утверждают доцентом исторического и диалектического материализма, государственного права. В мае 1929 г. его представляют к утверждению в должности профессора по кафедре философии.

После отъезда обратно в Москву Яков Львович не теряет связи с Кировом, со второй, как он говорил, родиной. В письменных воспоминаниях 1958 и 1968 гг., хранящихся в музее ВятГГУ, он тепло отзывается о своих студентах, которые были скромны, трудолюбивы и имели большую

жажду к знаниям. В их числе Василий Матвеевич Домрачев и Иван Минеевич Сметанин – выпускники института и будущие заведующие кафедрой. В дальнейшем Я. Л. Харапинский долгие годы возглавлял кафедру философии в Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (ныне – РЭУ им. Г. В. Плеханова), а после 1958 г. работал в должности профессора.

До конца 20-х гг. преподаватели общественных дисциплин (диалектический и исторический материализм, политэкономия, ленинизм) были объединены в рамках общественно-экономической предметной комиссии, в состав которой входили и представители студенчества. Комиссия осуществляла руководство всей учебной работой по соответствующим специальностям.

В марте 1930 г. упраздняются предметные комиссии и создаются кафедры, в том числе кафедра марксизма и ленинизма [12]. Она включает в себя двух штатных работников: и. о. доцента политэкономии В. М. Домрачева и и. о. доцента диалектического и исторического материализма И. М. Сметанина. Заведование кафедрой поручается В. М. Домрачеву (1903–?), до этого три года проработавшему в институте, а с 1928 г. заведовавшему кабинетом марксизма-ленинизма. В июне 1930 г. он едет в Москву и принимает участие в работе философского съезда. В октябре того же года его командируют на четыре месяца в Коммунистическую академию (г. Москва) для повышения квалификации. В 1931 г. он уже числится внештатным доцентом. Дальнейшая судьба В. М. Домрачева неизвестна.

С 1932 г. на протяжении около двадцати лет (1932–1939, 1960–1970) кафедрой заведует И. М. Сметанин (1903–1985). Это примечательная личность. Выходец из многодетной крестьянской семьи, он уже в годы учебы в Вятском пединституте выделялся среди своих сокурсников, за что, по воспоминаниям дочери М. И. Сметаниной, его и прозвали «Ваня умный».

В дальнейшем Иван Минеевич активно занимался общественной работой, на протяжении многих лет выступал перед руководящими работниками в совпартшколе. В годы Великой Отечественной войны И. М. Сметанин был начальником эвакогоспиталя. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [13]. Лекции И. М. Сметанина были настолько интересны, что пользовались большой популярностью не только среди студентов, но и их друзей, не обучающихся в вузе. Они тоже приходили на его занятия.

Одним из первых кандидатов философских наук, работавших на кафедре, был Федор Фомич Кальсин (1905–1975). Ему, выпускнику Ленинградского политехнического института, присуждают ученую степень в 1941 г. В Кировском пединституте Федор Фомич работает в 1941–1947 гг. Здесь он получает звание доцента (1946), занимает должность заместителя директора института по научной и учебной работе (1944–1946), читает курс диалектического и исторического материализма. В дальнейшем, продолжая научную деятельность в Горьком и развивая проблемы теории познания, доктор философских наук, профессор Кальсин оказал решающее влияние на становление научных взглядов его аспиранта В. Ф. Юлова, в настоящее время доктора философских наук, профессора ВятГГУ.

После войны коллектив кафедры пополняется новыми преподавателями, кандидатами философских наук: Ю. С. Беренгард, Е. С. Куликов, Н. Н. Харин, Л. К. Гришанов, А. Т. Королев, Н. И. Рубцов, Н. В. Мартынов, А. Д. Шаров, преподаватель В. Р. Ананьев. Многие из них – фронтовики, закончившие аспирантуру и по направлению приехавшие в Киров. Благодаря им оживляется научная деятельность. На кафедре исследуются философские проблемы логики, специальной теории относительности, рассматриваются диалектические особенности свободы и необходимости при социализме, анализируются проблемы коммунистического воспитания и творчества народных масс [14].

Знаменательным для кафедры стал 1959 г. Кафедра марксистско-ленинской философии выделилась из кафедры марксизма-ленинизма и стала самостоятельной. Ее возглавил опытный партийный работник, кандидат философских наук Александр Дмитриевич Шаров (1913–1980). Карьера Александра Дмитриевича очень стремительна. Через год он заместитель ректора по научной работе (1960–1963), затем ректор КГПИ им. В. И. Ленина (1963–1964), секретарь по идеологии Кировского обкома КПСС (1964–1974) [15].

В 60-е гг. в связи с увеличением числа студентов вуза, появлением в учебных планах новых дисциплин, таких как «Эстетика», «Научный атеизм», а также в связи с освободившимися вакантными должностями, на кафедре начинают работать К. П. Анисова, Г. Н. Калабурдин, О. А. Корчак, В. И. Шпензер, А. Е. Ворончихин, Л. А. Пупышева, Е. Ф. Владыкина, Г. А. Воскобойникова, Б. С. Солодкий. Многие из них преподают в вузе не одно десятилетие, а доцент Е. Ф. Владыкина успешно трудится по сей день.

В этот период особо выделяется научная деятельность Николая Ивановича Рубцова (1922–1988). Уроженец Брянской области, после окончания семилетки учился в Сталинском горном техникуме. В 1941 г. был призван в армию, участвовал в Сталинградской битве. Получив очередное тяжелое ранение в 1944 г., проходил лечение в кировском эвакогоспитале № 1322. После

выздоровления и демобилизации остался в Кирове, работал инструктором горкома ВЛКСМ. В 1947 г. поступил на исторический факультет Кировского пединститута. Обучаясь на третьем курсе, подал документы на заочное отделение философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Получив с отличием диплом историка, работал учителем в школах Кирова, а после окончания МГУ его приняли в аспирантуру на кафедру диалектического и исторического материализма. В это время определилась научная тема, которую Николай Иванович развивал на протяжении многих лет, – проблема соотношения свободы и необходимости. Его кандидатская диссертация, успешно защищенная им в Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова в 1962 г., так и называлась: «О соотношении свободы и необходимости в развитии общества». В дальнейшем у него выходит ряд статей, посвященных роли труда в развитии свободы личности [16]. Научно-исследовательская деятельность Н. И. Рубцова нашла свое отражение и в докторской диссертации, посвященной анализу диалектики свободы и необходимости в общественном развитии. Ее он успешно защитил в 1972 г., став тем самым первым доктором философских наук на Вятской земле.

В марте 1973 г. Н. И. Рубцова избирают на должность профессора кафедры философии и научного коммунизма, а руководство вуза предлагает открыть аспирантуру по марксистско-ленинской философии. Однако в сентябре он вместе с семьей переезжает в Белоруссию, где преподает в Гомельском университете. В общей сложности в Кировском педагогическом институте Николай Иванович проработал около 15 лет.

С 1971 по 1982 г. кафедру возглавляет кандидат философских наук, доцент Александр Кузьмич Останин. А. К. Останин с отличием окончил Высшую партийную школу в Горьком (1962), аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС (1969), занимался партийной работой. Тема его научных интересов связана с изучением влияния научно-технической революции на изменение социальной структуры рабочего класса СССР.

В эти годы в состав кафедры вливаются ученые, защитившие кандидатские диссертации и в дальнейшем составившие ее ядро: В. Ф. Юлов, О. Н. Новоселов, М. И. Ненашев, Н. И. Злыгостева, С. А. Липин, Л. А. Моторина. Несколько слов о Любови Евстафьевне Моториной. После окончания в 1973 г. психологического факультета МГУ она работает на нашей кафедре. Защищает в Москве кандидатскую диссертацию по философии (1979), возвращается на кафедру, а в 1980 г. переезжает в Москву. В настоящее время Л. Е. Моторина – профессор кафедры философии Московского авиационного института.

Во второй половине 80-х гг. на кафедру приходят работать кандидаты философских наук, доценты О. А. Останина, В. А. Патрушев, преподаватель О. В. Курис.

Научная тематика проводимых исследований становится более разнообразной. С. А. Липин занимается проблемами этики и эстетики, публикует ряд монографий, вышедших в центральных издательствах: «Сквозь призму чувств» (М., 1978), «Человек глазами природы» (М., 1985). В 1985 г. он успешно защищает докторскую диссертацию.

О. Н. Новоселов обращает внимание на изучение проблем социологии управления. В 1982 г. в кировском издательстве публикует монографию «Директор – организатор управления». В конце 80-х он организует социологические исследования с привлечением преподавателей кафедры и студентов вуза, возрождая тем самым интерес к социологии, которая преподавалась в институте еще в 20-х гг.

Поддерживается связь с крупными промышленными предприятиями. Ветеран кафедры В. Р. Ананьев выступает в качестве соавтора книги «Мы – лепсенцы» (Горький, 1988), посвященной истории крупнейшего трудового коллектива города.

М. И. Ненашев по результатам работы в Народной республике Мозамбик и проведенных там социологических исследований публикует при Институте Африки книгу «Общественно-политическое и религиозное сознание молодых мозамбикцев (на материале полевых исследований 1987 года)» (М., 1989).

Проводимая в те годы перестройка отразилась на методике организации учебных занятий по общественным дисциплинам. Преподаватели начинают использовать активные формы, в том числе технологию малых групп при проведении семинаров. Стали проводиться научные студенческие конференции по различным вопросам учебных программ.

В 80–90-е гг. кафедрой философии заведуют доктор филологических наук, профессор Сергей Александрович Липин (1987–1989), кандидат философских наук, доцент Елена Федоровна Владыкина (1988–1994), доктор философских наук, профессор Владимир Федорович Юлов (1982–1987, 1994–2005).

Под руководством Владимира Федоровича Юлова после защиты им в 1991 г. докторской диссертации начинает формироваться научное направление по исследованию проблем теории познания. Ученый разрабатывает идею активности сознания. Одно из первых его учебных пособий было посвящено мировоззренческой активности учащихся в курсе физики, первая монография – активности естественно научного со-

знания. Свои научные наработки В. Ф. Юлов реализует в проблемном курсе лекций по философии для студентов вузов (Киров, 1995; Киров, 1998), учебном пособии «Концепции современного естествознания» (Киров, 1997), многочисленных статьях и выступлениях. В его монографиях, вышедших во второй половине 2000-х гг., всесторонне исследуются философские вопросы сознания и мышления [17].

Сегодня Владимир Федорович активно разрабатывает авторскую концепцию всеобщей технологии познания. Научные идеи В. Ф. Юлова получили развитие в кандидатских диссертациях его аспирантов и соискателей, общее количество которых более 30.

В 90-х гг. на кафедре начинают работать кандидаты философских наук В. А. Криушина, Н. И. Ярыгин, В. Ф. Одинцов. В начале 2000-х состав кафедры пополняется новыми преподавателями, которые затем успешно защищают кандидатские диссертации: С. А. Чернова, А. Ю. Долгих, Т. А. Горюнова. В эти годы получают степень доктора философских наук и ученое звание профессора О. А. Останина и М. И. Ненашев.

Сложные социально-экономические и политические условия конца 90-х гг. породили интерес к русской религиозной философской мысли. Это направление развивает О. Н. Новоселов. Он издает многостраничный труд «Русская православная судьба» (Киров, 1997). В дальнейшем вопросы философии религии изучает Н. Н. Ярыгин.

Новый импульс философское образование в вузе получает в 2002 г., когда кафедра философии входит в состав социально-гуманитарного факультета (декан Е. А. Ходырева), в создании которого активное участие принял профессор М. И. Ненашев.

На факультете разрабатываются учебные планы по специальностям высшего профессионального образования «Философия» и «Социология», успешно проходит первый набор студентов. Впервые в регионе начинается подготовка будущих философов и социологов, а кафедра впервые за всю историю становится выпускающей по этим специальностям.

В 2003 г. начинает работу совет по защите кандидатских (а затем и докторских) диссертаций по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания. Председатель диссертационного совета – профессор В. Ф. Юлов. В числе первых защитивших в этом совете диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук – В. А. Тимшин (2003), А. Ю. Долгих (2004), О. Н. Сысолятина (2004), А. Л. Емшанов (2006), в разное время ставшие преподавателями кафедры.

В 2004 г. кафедра философии переименовывается в кафедру философии и социологии. Для реализации специальности «Социология» привлекаются молодые выпускники ВятГГУ, поступившие в аспирантуру, а затем (2007) успешно защитившие диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук – Э. В. Бушкова-Шиклина и Е. В. Митягина.

В 2005–2009 гг. кафедрой заведует доктор философских наук, профессор, академик РАЕН Михаил Иванович Ненашев. Интересы Михаила Ивановича в научно-исследовательской и преподавательской деятельности чрезвычайно разнообразны. Его выпускная дипломная работа, защищенная на философском факультете МГУ, посвящена кантовскому учению о пространстве. В кандидатской диссертации он исследует методологические аспекты совместного труда и научно-технической революции, а в докторской – проблему свободы в русской философии XIX в. По результатам исследований он публикует монографии [18], принимает участие в коллективной разработке лекций по русской философии рубежа XIX–XX вв., издает авторские курсы философии, логики, в соавторстве разрабатывает учебное пособие по социологии. Ему принадлежит ряд публицистических работ и художественных рассказов [19].

При непосредственном участии М. И. Ненашева налаживаются деловые связи с Учебно-методическим советом по социологии и социальной антропологии УМО по классическому университетскому образованию (МГУ им. М. В. Ломоносова). В 2007 г. успешно проходит аккредитация специальностей «Философия» и «Социология», а позже – первый выпуск философов и социологов.

На кафедру приглашаются работать видные специалисты. Среди них Владимир Валентинович Калиниченко (1948–2008). Окончив в 1973 г. физический факультет Горьковского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, он в течение пяти лет работал ассистентом кафедры физики, а затем кафедры философии Кировского государственного политехнического института. Учился в аспирантуре Института истории естествознания и техники АН СССР. Свою кандидатскую диссертацию «Философский анализ связи естественно научного и гуманитарного знания» он выполнил под руководством известного российского философа М. К. Мамардашвили [20]. Более двадцати лет Владимир Валентинович жил и работал в Москве. Преподавал в столичных вузах, а с 1987 г. в Московском государственном историко-архивном институте (с 1991 – РГГУ).

Переехав в 1999 г. в Киров, работал заместителем директора, а затем директором Кировского филиала РГГУ. С 2004 г. – доцент кафедры философии и социологии ВятГГУ. Владимир Валентинович разрабатывает и читает специальные

и факультативные курсы: «Введение в социальную феноменологию», «Философские идеи М. Мамардашвили», «Философская герменевтика». Ученики, первые выпускники-философы сегодня с благодарностью вспоминают его уроки подлинного философствования.

Научная деятельность В. В. Калиниченко охватывает вопросы феноменологии, герменевтики, трансцендентализма, интенциональности. Его работы – образец изысканного стиля и глубины. На протяжении многих лет (1991–2008) он являлся членом редколлегии журнала «Логос». В совершенстве владея немецким языком, переводил и готовил к публикации тексты сложнейших европейских философов. Был известен за рубежом. Лондонский профессор А. М. Пятигорский, приглашенный на философский диалог телепрограммы «Гордон», в качестве собеседника выбрал именно В. В. Калиниченко [21]. В своих интервью Пятигорский называл Владимира Валентиновича последним московским философом, единственным феноменологом в России [22]. Болезнь оборвала жизнь В. В. Калиниченко в 2008 г.

С 2009 г. кафедра философии и социологии входит в состав одновременно переименованного факультета философии и культурологии (декан Н. И. Поспелова). С этого периода кафедрой руководит кандидат философских наук, доцент Ольга Васильевна Курис.

Здесь можно выделить три события, которые происходят в первый раз. Впервые кафедра выступает в качестве организатора межвузовской студенческой олимпиады по философии и социологии. Впервые в 2010 г. открывается магистратура по философии и проходит набор студентов. В этом же году впервые на кафедре открывается докторантура по специальности «Онтология и теория познания» (первый докторант – доцент кафедры философии и социологии А. Ю. Долгих, занимающийся проблемами метафизики).

С марта 2011 г. заведующим кафедрой философии и социологии становится кандидат философских наук, доцент Вадим Алексеевич Тимшин.

Формулируется миссия кафедры как регионального научно-образовательного центра в области философии и социологии. Здесь удается сконцентрировать ведущих представителей интеллектуально-философской мысли области: все четыре доктора философских наук являются штатными работниками кафедры. Среди вузов города только в ВятГГУ получают профессиональное философское образование специалисты, магистранты, аспиранты и докторанты. Только здесь работает совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по философским специальностям.

Состав кафедры пополняется ее выпускниками, молодыми учеными – кандидатами наук. Среди них Г. В. Суворов и Н. В. Коротков. Для преподавательской деятельности привлекаются аспиранты, также выпускники кафедры: М. О. Матушкина, З. С. Шашин, М. А. Харунжева, А. И. Балог. В среднем возраст преподавателей составляет 42 года.

В 2012 г. после успешной аккредитации впервые в области выпускаются магистры философии: Е. Бармина, А. Матанцев, М. Трапезников.

В целом научная деятельность кафедры развивается по следующим направлениям: онтология и всеобщая теория познания: рефлексия идейных оснований единства; онтологические и гносеологические аспекты языка; гуманитарное познание: научные и мировоззренческие формы; религия как познавательный феномен; современные проблемы феноменологии: этническое и социальное; социология общественного мнения и современная региональная практика.

Деятельность кафедры не ограничивается рамками вуза. Поддерживаются и активно развиваются деловые и научные связи с крупными российскими и зарубежными вузами, образовательными центрами Москвы, Перми, Нижнего Новгорода, Днепропетровска.

Социальная активность кафедры наиболее ярко проявилась в ходе реализации просветительского проекта «Университет третьего возраста», когда на безвозмездной основе для пожилых людей преподавателями было прочитано тринадцать адаптированных лекций по современным проблемам науки, философии и социально-гуманитарной сферы.

Большое внимание уделяется работе со студентами. Ежегодно на факультете в рамках межрегиональной научной конференции «Философия – культура – социум: аспекты взаимодействия» работают две секции. Студенты, магистранты и аспиранты кафедры обсуждают актуальные проблемы философии и социологии, делятся своими научными достижениями.

На кафедре стали отмечать Всемирный день философии. Традиционно за круглым столом проходит неформальная беседа студентов и преподавателей. В последний раз в рамках темы «Философия – профессия творческая!» обсуждались авторские работы аспирантов З. С. Шашина (фильм «*Просыпаясь – сутра*») и Р. Ю. Панченко (Сказка о ежике, который следовал стоицизму Марка Аврелия). Никого не оставил равнодушным фильм студентов четвертого курса специальности «Философия», которые взяли интервью у кировчан о том, насколько хорошо они знают философов, философию и какое место она занимает в современной жизни.

Таким образом, сохраняя и преумножая лучшие традиции, и в XXI в. философская мысль на Вятской земле продолжает свое развитие, вписывая тем самым новые страницы истории.

Примечания

1. См., например, *Белов В. Н.* В. Э. Сеземан – систематик русского неокантианства // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 121–126.

2. В числе причин и несносные условия революционного и голодного Петрограда, и возможные идейные разногласия с коллегами, а может быть и не оборвавшиеся родственные связи. В архиве ВятГГУ имеется любопытный документ. В. Э. Сеземан в марте 1919 просит у руководства вуза трехдневный отпуск для поездки на станцию Опарино Пермской железной дороги (сегодня этот поселок – районный центр Кировской области). Вполне возможно, что он ездил на встречу со своими родственниками, которые еще в годы столыпинской реформы перебрались из прибалтийских стран в северные регионы России. В Опаринском районе были такие поселения эстонцев, латышей и других национальностей. Эту гипотезу предложил заведующий кафедрой отечественной истории ВятГГУ М. С. Судовиков, за что автор выражает ему особую признательность.

3. *Повилайтис В. И.* Василий Сеземан: штрихи к портрету // Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: сб. науч. тр. / Клуб исследователей Восточной Европы. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. Вып. 2. С. 24.

4. *Сеземан В.* Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М., 1911. Кн. 1. С. 93–122; *Сеземан В. Э.* Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. СПб.: «Образование», 1913. Сб. 5. С. 1–34.

5. Архив ВятГГУ // Дело канцелярии Вятского Учительского Института о личном составе Института. Началось 7 августа 1918 года. Кончилось 29 ноября 1918 года.

6. Архив ВятГГУ // Дело по личному составу преподавателей института. Начато 1 января 1920. Кончено 16 августа 1921. С. 64–65.

7. Архив ВятГГУ // Дело канцелярии Вятского Учительского Института о личном составе Института. Началось 7 августа 1918 года. Кончилось 29 ноября 1918 года. С. 77.

8. Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина: X лет: 1918–1928: Юбилейный сборник. Вятка, 1928. С. 14–16; Архив ВятГГУ // Дело по личному составу преподавателей института. Начато 1 января 1920. Кончено 16 августа 1921. С. 134.

9. Архив ВятГГУ // Дело по личному составу преподавателей института. Начато 1 января 1920. Кончено 16 августа 1921. С. 105, 109, 116–117, 119.

10. Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина: X лет: 1918–1928. С. 28; Полвека в пути: Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина: 1918–1968. Киров, 1970. С. 95–97.

11. *Самсин А. И.* Страницы истории социально-гуманитарного образования в Плехановке (часть 1). URL: http://defense-chelny.ru/article/articleview/713/1/119/index.html

12. Именно с 1930 г. начинает отсчет кафедра философии. Как самостоятельная она выделяется из кафедры марксизма-ленинизма в 1959 г. В последующие годы именуется кафедрой марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, а с 24 сентября 1975 г. кафедрой марксистско-ленинской философии. С конца 80-х гг. носит название «Кафедра философии». В 2002 г. кафедра философии входит в состав образованного социально-гуманитарного факультета. В 2004 г. переименовывается в кафедру философии и социологии. С 2009 г. входит в состав факультета философии и культурологии.

13. Преподаватели ВятГГУ. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 158.

14. Приведем некоторые работы, опубликованные в тот период: *Гришанов Л. К.* О логическом законе противоречия // Ученые записки Кировского педагогического института. 1956. Вып. 10. С. 36–45; *Рубцов Н. И.* О свободе личности при социализме // Московский пропагандист. 1957. № 12. С. 22–28; *Рубцов Н. И.* О соотношении свободы и необходимости в социалистическом обществе // Ученые записки Кировского педагогического института. 1958. Вып. 16. С. 112–130; *Харин Н. Н.* К вопросу о противоречивом характере некоторых понятий специальной теории относительности // Ученые записки Кировского педагогического института. 1959. Вып. 18. С. 125–140; *Шаров А. Д.* Народ – творец социалистической культуры. О роли народных масс в развитии художественной культуры социалистического общества. Киров, 1958.

15. *Останин Е. С.* Александр Дмитриевич Шаров. 8 февраля 1963 – 30 декабря 1964 года // Ректоры ВятГГУ: 1914–2004. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 117.

16. *Рубцов Н. И.* Роль труда в развитии свободы личности // Тезисы докладов ко II научной региональной сессии. Горький, 1965. С. 124–128; *Рубцов Н. И.* Развитие внутренней потребности в труде – одно из условий развития свободы // К полной победе коммунистического труда. М., 1966. С. 188–211.

17. См. *Юлов В. Ф.* Мышление в контексте сознания. М.: Академ. проект, 2005; *Юлов В. Ф.* Научное мышление. Киров, 2007.

18. См. *Ненашев М. И.* Петр Чаадаев: учение о свободе воли и смысле истории. Киров, 1999; *Ненашев М. И.* Концепции свободы в философии Владимира Соловьева. Киров, 1999.

19. См.: Сайт Михаила Ивановича Ненашева. URL: www.nenashev.kirov.ru

20. *Алешин А. И.* Владимир Валентинович Калиниченко // Вестник РГГУ. 2009. № 12. С. 302. URL: http://rggu-bulletin.rggu.ru/binary/object_23.1329383306.98835.pdf

21. *Ненашев М. И.* Памяти Владимира Валентиновича Калиниченко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 2(1). С. 182.

22. *Пятигорский А.* Я гедонист, а не нарциссист // Кто сегодня делает философию в России. Т. 1. М.: Поколение, 2007. С. 217, 226.

Владимир Валентинович Калиниченко (1948–2008), кандидат философских наук, доцент, преподавал на кафедре философии и социологии ВятГГУ в период 2004–2008 гг., специалист по европейской философии, феноменологии, проблемам сознания.

Настоящая публикация является фрагментом работы «Приключения трансцендентальной субъективности», опубликованной в журнале «Логос» (2010. № 5).

УДК 165.18+1(091)

В. В. Калиниченко

КОСВЕННЫЙ ОПЫТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО И ПРИНЦИП КОНЕЧНОЙ РАЗРЕШИМОСТИ У КАНТА

Кант исходит из принципа конечной разрешимости объективного знания, согласно которому понятия должны относиться к данным возможного опыта, в противном случае они не имеют никакой объективной значимости. Отсюда вытекает невозможность построения любой рациональной и глобальной философии истории, а также «подлинной науки» о трансцендентальной субъективности или эгологии, которые пытались построить Фихте, Гегель и Гуссерль.

Kant is based on the principle of finite solubility of objective knowledge that the concept should relate only to the data of possible experience, otherwise they have no objective significance. This implies the impossibility of constructing a kind of rational and global philosophy of history, as well as "real science" of transcendental subjectivity or egology who tried to build a Fichte, Hegel and Husserl.

Ключевые слова: трансцендентальное, априорные формы познания, самосознание, апперцепция.

Keywords: the transcendental, a priori forms of cognition, self-awareness, apperception.

Хорошо известно, что у Канта не было специальной теории сознания, или теории субъективности, – как в смысле описания особого объекта, так и в смысле задания некоей субстанциональной мыслящей «вещи». Невозможность такой теории Кант доказывал, исходя из своей интерпретации того, что он называл трансцендентальным. Априорные формы чувственности и рассудка определяются Кантом принципиально косвенно – из сферы возможного опыта, то есть из сферы, уже определяемой трансцендентальными условиями и принципами. И относительно задания самого трансцендентального Кант действует буквально по принципу: если бы этого не было, то его следовало бы выдумать.

Это указывает на то, что трансцендентальная сфера была приурочена Кантом к человеку именно как реальному, живому, разумному и чувствующему существу. Трансцендентальное есть условие возможности опыта в пределах способностей человека. Эти условия в принципе не могли вытекать или дедуцироваться из каких-то «более фундаментальных» оснований или из какой-то онтологически более первичной реальности (абсолютный дух, трансцендентальное *Я* и т. п.).

© Калиниченко В. В., 2010

Так, априорные формы чувственности – пространство и время – берутся Кантом как «чистые созерцания». Между тем это не созерцания в собственном смысле, а формы созерцаний. Но сохранение термина «созерцание» подчеркивает то, к чему первично относятся эти формы, и то, к чему они относятся в плане существования или осуществления (а именно, к человеческой чувственности), что и может исследоваться *a posteriori*. Термин «созерцание» здесь хранит память о начале редукции (эмпирическом созерцании как способности). Другое дело, что основания самого выделения способностей или вопрос об их эмпирическом статусе обусловлены теми антропологическими предпосылками, на которые опирается Кант.

Точно так же и трансцендентальное *Я* – это не субстанциональный субъект, а, скорее, особое наклонение или жест самосознания как формальное напоминание о содержании, которое поставляет нам внутреннее чувство и которое должно быть редуцировано в трансцендентальном пределе. Косвенность опыта означает также, что трансцендентальные смыслы существуют принципиально в рефлексии, то есть «условия возможности» онтологически отделены от того, условием чего они выступают. С этими двумя планами тесно связан запрет Канта на интеллектуальную интуицию как человеческую возможность.

Для Канта исключена возможность построения рациональной и глобальной философии истории, а также «подлинной науки» о трансцендентальной субъективности или эгологии. Методологически исключены – в силу того, что можно было бы назвать *принципом конечной разрешимости* объективного знания. Согласно Канту понятия должны относиться к данным возможного опыта – без этого «они не имеют никакой объективной значимости, и суть – лишь игра воображения или рассудка своими представлениями» [1]. Этот принцип приобретает особое значение для анализа сознания и задания трансцендентальной субъективности. Он принципиально отличен как от диалектики непосредственного – опосредованного, которая служила Гегелю средством в развертывании структур субъективности, так и от «принципа всех принципов» Гуссерля, который оказался слишком неопределенным, чтобы служить действенным критерием отбора суждений относительно сознания.

Известно, что план сознания как особую тему обсуждения Кант вводит в «Критике чистого разума» в разделе «Трансцендентальная логика»

(вторая часть «Трансцендентального учения о началах»), то есть там, где заходит речь о синтезе чувственности и рассудка, который составляет суть опыта в кантовском понимании. Эта тема сознания позволяет Канту выйти за рамки объективного и как бы стороннего описания чувственности и рассудка в «план автора», который пишет «Критику...», и дополнить объективные анализы до некоей целостной картины, приближающей ответ на вопрос «Что я могу знать?» к ответу на вопрос «Что такое человек?». Иначе говоря, нужно постоянно иметь в виду, что описание субъективности здесь дается Кантом не «наряду с» описанием форм чувственности и рассудка, а представляет собой совершенно инопредметный или псевдопредметный, а точнее, трансцендентально-рефлексивный уровень анализа. Поэтому содержательно уровни кантовского «повествования» совершенно не приводимы к некоей единой онтологической или метафизической картине, что было характерно для Гегеля, который прямо интерпретировал движение собственной мысли и рефлексии как самодвижение Абсолюта.

Согласно Канту среди всех представлений имеется («следует полагать») особое и парадоксальное представление «я мыслю», которое есть акт спонтанности и, таким образом, не принадлежит чувственности. Кант называет его «чистой апперцепцией» и характеризует как самосознание, порождающее представление «я мыслю». Такое парадоксальное и на поверхностный взгляд даже путаное, «неправильное» определение как раз и указывает на невозможность первичного терминологического отделения рефлексивного и предметного планов. Собственно, «я мыслю» в качестве представления и в качестве чистой апперцепции есть своего рода «кентавр», без которого попросту невозможно было бы совместить предметный и рефлексивный планы в рамках единого анализа опыта. Во всяком случае, прагматические резоны отмеченной характеристики Кант высказывает многократно. Представление «я мыслю» должно сопровождать все прочие представления, благодаря чему можно вообще утверждать, что многообразное содержание представлений имеется в том субъекте, который мыслит. «Я мыслю» сопровождает все остальные представления и должно быть одним и тем же во всяком сознании. Оно едино, и это единство Кант называет трансцендентальным единством самосознания. Только на основе такого единства возможно само априорное познание. Доказательство необходимости особой роли «я мыслю» здесь ведется от противного – иначе представления не были бы моими – со всеми вытекающими последствиями.

Как отмечает И. Керн, сознание сознания или самосознание, выраженное в «я мыслю», и есть рассудок, и в таком задании рассудок обладает *Я* (имеет своего собственника, – сказал бы Г. Шпет), следовательно, рефлексивен. Сознание без рефлексии не обладает структурой *Я*, которая появляется только благодаря сознанию сознания [2].

Таким образом, у Канта изначально отсутствует некое тетическое (положительное) определение сознания. Само сознание как представление разрешимо только в особом опыте рефлексии, оно и выступает следом этого опыта. «Лишь благодаря тому, что я могу связать многообразное (содержание) в *одном сознании*, имеется возможность того, чтобы я представлял себе *тождество сознания* в самих *этих представлениях*; иными словами, аналитическое единство апперцепции возможно, только если предположить наличие некоторого синтетического единства апперцепции» [3].

Итак, само единство заключает в себе синтез, однако возможно это единство только благодаря осознанию этого синтеза. «Я мыслю», таким образом, есть некое априори синтеза, но в своем *существовании* в качестве представления оно – *после* синтеза, ибо *благодаря* осознанию синтеза. Иначе говоря, самосознание возможно только через сознание синтеза представлений многообразного. «Мысль, что все представления, данные в созерцании, в совокупности принадлежат мне, означает, что я соединяю их в одном самосознании или по крайней мере могу соединить их в нем, и, хотя сама эта мысль еще не есть осознание синтеза представлений, тем не менее она предполагает возможность его. Иными словами, только в силу того, что я могу постичь многообразное (содержание) представлений в одном сознании, я называю все их моими представлениями, в противном случае я имел бы столь же пестрое разнообразие Я (Selbst), сколько у меня есть сознаваемых мной представлений» [4].

Таким образом, само синтетическое единство многообразного содержания представлений как данное априори у Канта и есть основание тождества апперцепции, которая, в свою очередь, априори предшествует всему моему определенному мышлению. Важно отметить, что здесь порядок априори – не натурный порядок во времени. Это порядок рефлексии. Если переходить от этого порядка к плану предметности, то есть к плану описания реальной работы рассудка и чувственности, то уже здесь порядок иной, ибо «...не предмет заключает в себе связь, которую можно заимствовать у него путем восприятия, только благодаря чему она может быть усмотрена рассудком, а сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть не что иное, как способность априори связывать и подводить многообразное (содержание) данных представлений под единство апперцепции» [5]. Синтетическое единство сознания, по Канту, есть условие соответствия созерцания объекту, условие объективности знания.

В то же время такое косвенное задание сознания не означает выделение особого объекта – сознания. Когда рассудок составляет такое представление, как «я существую», тут нет еще ничего содержательно многообразного. «Рассудок, благодаря самосознанию которого было бы также дано многообразное в созерцании, рассудок, благодаря представлению которого существовали бы так же объекты этого представления, не нуждался бы в особом акте синтеза многообразного для единства сознания, между тем как человеческий рассудок, который только мыслит, но не созерцает, нуждается в этом акте» [6].

Итак, благодаря трансцендентальному единству апперцепции, данное в созерцании многообразное содержание объединяется в понятие об объекте. Но нужно иметь в виду, что по характеру экспериментальной (не спекулятивной) работы у Канта не объект как некое фихтевское «не-Я» выводится из Я-сознания, а, наоборот, самосознание полагается исходя из понятия об объекте. Это и есть то, что у Канта называют совместимостью трансцендентального идеализма с эмпирическим реализмом [7]. У Канта введение и характеристики единства самосознания опосредованы тетическими суждениями относительно того, что для него дано с несомненностью. Это данное с несомненностью есть, во-первых, единство созерцания, возможность синтеза различных представлений в одном представлении и, во-вторых, выделенная система категорий. Категории, по Канту, показывают, что эмпирическое сознание многообразного содержания, данного в едином созерцании, также подчинено чистому сознанию априори – подобно тому как эмпирическое созерцание непременно подчинено трансцендентальным формам чистой чувственности. Следовательно, в плане рефлексии у Канта не категории выступают аналогом априорных форм чувственности, а именно чистое самосознание. Априорная «равномощность» чистых рассудочных понятий и чистых форм чувственности имеет место только в плане содержательного описания чувственности и рассудка. Упущение этого обстоятельства порождает многие трудности в понимании Канта и даже недоразумения, когда дело касается критики кантовского трансцендентализма.

Кант подчеркивает, что само многообразное содержание созерцания дано до синтеза рассудка и независимо от синтеза. Каким образом? Этого, как утверждает Кант, определить нельзя, поскольку наше определение может случиться только после того, как синтез произошел. Определение требует категорий. И только если бы существовал рассудок, который бы сам созерцал или производил бы предметы своими представлениями, – тогда в отношении такого знания категории не имели бы никакого значения. Ибо они «суть лишь правила для такого рассудка, вся способность которого состоит в мышлении, то есть в действии, которым синтез многообразного, данного ему в созерцании со стороны приводится к единству апперцепции, так что этот рассудок сам по себе ничего не познает, а только связывает и располагает материал для познания...» [8].

И подобно тому как невозможно ничего сказать сверх самой необходимости существования содержания представлений до синтеза, точно так же нельзя обосновать, почему именно посредством таких и такого-то числа категорий рассудок априори осуществляет единство апперцепции, как нельзя обосновать, почему существуют определенные функции суждений или почему пространство и время суть единственные формы возможного для человека созерцания. Кто может, пусть назовет иные формы, но в существе кантовского построения это ничего не изменит.

Обратим внимание на то, что синтез рассудка есть единство действия, сознаваемое рассудком как таковое, без чувственности, но способное внутренне определять чувственность в отношении многообразного содержания, которое может быть дано только сообразно чистым формам созерцания. Здесь синтез – это не удвоение сущностей (как если бы вначале было созерцание, а потом созерцание созерцания и т. д.). Синтез рассудка – это самореферентная и даже тавтологическая характеристика сознания, и она не предметна в принципе. Остается, конечно, вопрос, является ли кантовская трансценденталистская парадигма единственным способом задания такой непредметности или принципиальной необъективируемости сознания, если вообще признавать последнее важнейшим признаком сознания, а точнее, нужно было бы сказать – если вообще признавать границы объективации в нашем познании. Сказал же многозначительно В. И. Молчанов: «Сознание – опыт непредметного, если угодно, сознание – это непредметное, которое всегда с нами, хотим мы этого или нет. Мы получаем доступ к бытию благодаря сознанию как опыту непредметного. Если непредметное бытие – это дар, то непредметное сознание позволяет нам достойно принять этот дар» [9].

Совмещение Кантом предметного и рефлективного планов в едином «дискурсивном нарративе» без того, чтобы каким-то мистическим образом погрузить рефлексивное содержание в некое онтологическое пространство интегрирующей предметности, порождает специфические трудности кантовского трансцендентализма. Важнейшая из них – различение чистого и эмпирического Я. Канту по-своему удалось справиться с этой трудностью и именно благодаря последовательному, хотя и весьма непростому в плане выражения и письма, блокированию всяких пред-

метных (в пределе – оестествляющих) интерпретаций сознания.

Можно сказать, что в послекантовском немецком идеализме происходит своего рода оживление, или анимация, трансцендентального субъекта. Решающий шаг здесь делает Фихте, и после него у Шеллинга и, в наиболее последовательно обоснованном варианте, у Гегеля создается совершенно особое и красочное сюжетное пространство квазимифологических персонажей, действующих вполне самостоятельно, таких как Разум, Дух, Я и т. д. Содержание философии становится более объемным и разнообразным по сравнению с трансцендентальным аскетизмом Канта – скажем, в отношении рациональной теологии, истории и психологии. Но платой за такое богатство оказывается утрата «конечной разрешимости» и верифицируемости новых спекулятивно-диалектических конструктов и теорий. Персонажи этих теорий, претерпевая поистине мистико-магические взаимопревращения, берут на себя то, что на самом деле всегда является делом автора этих теорий.

Отмечу здесь только один и наиболее интересный для наших целей момент. Когда речь идет о такой важнейшей философской добродетели, как рефлексия, то в рамках отмеченной мифологической ориентации она совершенно неизбежно помещается в онтологическое пространство философского произведения. Ее следы даже непросто бывает различить за анимационной риторикой. Рефлексивные связи «разыгрываются» между персонажами и по существу служат местом проявления тотальной монистической связности философского сюжета, знаком высшего единства Абсолюта. Автор такой монистической философской системы как бы устраняется, становясь на «точку зрения Абсолюта» и рассматривая собственное теоретическое движение как момент самодвижения Абсолюта. Ошибочно было бы считать, что именно Кант со «своим» рассудком, предписывающим законы природе, породил «абсолютный идеализм». Здесь дело касается постоянно возобновляемых различных начал и стилей мышления, хотя, разумеется, известное возрождение спинозизма у Фихте, замешанное на «выбранных местах» из Канта, дало впечатляющие результаты.

Другой и более последовательно развернутой вехой анимационного сюжета выступает философия Гегеля. Отмечу здесь лишь два момента. Первый касается критики Канта. Так, в «Науке логики» Гегель формально соглашается с Кантом в том, что чистая апперцепция должна рассматриваться как деятельность превращения материала в «мое». Но далее он говорит: «Человек стремится вообще к тому, чтобы познать мир, завладеть им и подчинить его себе, и для этой цели он должен как бы разрушить, то есть идеализировать реальность мира. Но вместе с тем мы должны заметить, что не субъективная деятельность самосознания вносит абсолютное единство в многообразие. Наоборот, это тождество есть само абсолютное, само истинное. Абсолютное, как бы по своей доброте, отпускает от себя единичности, чтобы они наслаждались своим бытием, и это же наслаждение само затем гонит их обратно в абсолютное единство» [10].

Сколь бы метафорическими ни казались эти гегелевские обороты, известно, что они вовсе не были чистой манерой письма. Напротив, в их основе лежат совершенно необходимые представления и интуиции, только и позволившие Гегелю создать свою систему.

Второй момент связан с оестествлением рефлексии или помещением ее внутрь философского сюжета, что отмечалось мной выше. Нагляднее всего у Гегеля это оестествление выступает там, где мыслитель имеет дело непосредственно с содержанием Абсолюта, или с «бесконечным содержанием». По сути, трансцендентальное как «условие возможности» понимается Гегелем не как указание на границы умопостижения или опыта в широком смысле, но как характеристика Абсолюта, и в такой перспективе трансцендентальная сфера выступает предметом не только внешнего – со стороны Гегеля как автора философского текста – описания: здесь субъективность сама, не утрачивая своей жизненной силы, несмотря на все более рефлексивно-абстрактные определения, должна снять собственную конечность, а следовательно, «в какой-то момент», уже не нуждаясь в рефлексии, стать «условием возможности» самой себя.

Гегель помещает рефлексию во внешний план, вменяя ее анимированной субъективности. В то же время это не кантовская субъективность, которая у Канта играла роль особого предела, и прежде всего предела для самого Канта в его исследованиях и экспериментах. У Гегеля это живая субъективность, относительно которой автор занимает внешнюю позицию описания, совершая на самом деле псевдообъективации.

В «Философии религии» единичное Я отказывается от своей конечности и переходит на точку зрения мыслящего разума, поскольку для Гегеля именно этот разум обнаруживает свою истинную самость как всеобщее. Но этот разум персонифицирован в Я. В качестве конечного по отношению к всеобщему само это Я есть момент всеобщего, и оно должно отказаться от себя в благоговении перед всеобщим, узнать свою акцидентальность: «Конечное должно снять себя, и лишь это отрицание истинно. Таким образом, конечное есть существенный момент бесконечного в природе Бога, и, следовательно, можно сказать: Бог сам делает

себя конечным, *полагает в себе определения»* [11]. Картина этой величественной драмы может быть совместима с принципом конечной разрешимости Канта только в одном случае: если мы признаем, что Гегель создает особый театр марионеток. Позже будут говорить, что Гегелю удалось схватить – пусть в превращенной форме – деятельно-историческую природу человека. Это, очевидно, в особом смысле так и есть. Только после этого в философии почти повсеместно зародилась тяга «назад, к самим вещам».

В XX в. нашелся один чрезвычайно смелый человек, начинавший как математик, который попытался создать, возможно, самую всеохватывающую, после Гегеля, систему «подлинно научной философии» или «философию как строгую науку», основанную на трансценденталистских принципах, двигаясь, однако, скорее, по пути Фихте, чем Канта. Универсальность и основательность замыслов ранних работ Гуссерля, еще не измотанного тяжестью собственной ноши, позволяют увидеть в самом трансцендентально-феноменологическом порыве своего рода компенсацию шока от поразительных успехов физико-математического естествознания. Успех философии как строгой науки обеспечивал бы феноменологии статус подлинного наукоучения и лидерства. Здесь нужен был сильный миф и новая анимация субъективности, то есть реанимация. Казалось, в лозунге «К самим вещам!» воплотился сам позитивный дух научного исследования. Сегодня нужно признать, что это – скажем мягко – отчасти было иллюзией. И Гуссерль заплатил за нее упорнейшим трудом за письменным столом, пытаясь своими скрупулезными анализами сознания имитировать науку. С другой стороны, именно после труда Гуссерля мы получили возможность саму науку «поставить под вопрос», – ведь трудности основоположника феноменологии в истолковании собственного дела, смысла и статуса своих описаний, конституирований и рефлексий, во-первых, вполне отвечали сложности сознания как главного предмета анализа и, во-вторых, позволили и в науке увидеть пределы, проясняющие ее природу. Гуссерль был, пожалуй, первым серьезным критиком того духа научности, которым была буквально опьянена Европа начала века. Гуссерль был более радикален, чем его, скажем, неокантианские современники или имманентисты. После него случался и больший радикализм в суждениях о науке, но это, как правило, означало уже просто «покинуть поле», как это видно на примере Хайдеггера, что, впрочем, вряд ли может пройти без последствий для философа. Хайдеггер здесь вовсе не исключение.

Примечания

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 314.
2. Там же. С. 102.
3. *Kern I.* Idee und Methode der Philosophie. Berlin; N. Y. 1975. S. 426.
4. *Кант И.* Указ. соч. С. 192.
5. Там же. С. 193.
6. Там же.
7. Там же. С. 196.
8. *Horstmann R.-P.* Die Grenzen der Vernunft. Fr. a. M., 1991. S. 32.
9. *Кант И.* Указ. соч. С. 200.
10. *Молчанов В. И.* Философия М. Хайдеггера и проблема сознания // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 160.
11. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. М., 1974. С. 158.
12. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии религии // Гегель Г. В. Ф. Философия религии: в 3 т. 1975. С. 361.

Любовь Евстафьевна Моторина. Преподавала на кафедре философии Кировского государственного пединститута (сейчас ВятГГУ) в период с 1973 по 1980 г. В настоящее время профессор кафедры философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета), главный редактор научно-образовательного журнала «Философское образование. Вестник Межвузовского центра по русской культуре Минобрнауки России», член редколлегии научного журнала «Кантовская студия» (г. Прешов, Словакия), директор межвузовского центра гуманитарного образования по содержанию и методике преподавания философии в вузах Российской Федерации.

Автор монографии «Феномен человека: методология исследования» (М.: МАИ, 2007), учебного пособия «Философская антропология» (М.: Высшая школа, 2009) с грифом Минобрнауки РФ, соавтор учебного пособия для аспирантов. «История и философия науки (Философия науки)» (М.: Инфра-М, 2012) с грифом НМС по философии Минобрнауки РФ.

УДК 1(091)(470)

Л. Е. Моторина

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ О РУССКОЙ ИДЕЕ И ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ*

В статье рассматривается интеллектуальная биография польского историка русской философии Анджея Валицкого (Andrzej Walizki); его анализ понятия «русская идея», интерпретация истории русской философии в контексте развития отношений русской философской мысли к Западу, а также оценок Западом русской философской мысли; подчеркивается значение его исследований для развития русской национальной идентичности.

In the article is considered the intellectual biography of Andrzej Walizki, a Polish historian of Russian philosophy; his analysis of 'Russian idea' concept, interpretation of Russian philisophy's history in the context of development relations of Russian philosophical thought towards West, and Western valuation of Russian philosophical thought as well; emphasized the significance of his studies for development of Russian national identity.

Ключевые слова: русская философия, русская идея, славянофильство, западничество, религиозно-философский Ренессанс, русская идея в современной России.

Keywords: Russian philosophy, Russian idea, Slavophilism, Westernism, religious-philosophical Renaissance, Russian idea in the modern Russia.

Исследование русской философии «со стороны» других культур позволяет приблизить и углубить наше понимание вопросов: что привлекает зарубежных аналитиков в истории русской философии? Какие ценности русской духовной культуры продолжают вызывать интерес ученых разных стран? Что означает понятие «русская идея»? Насколько взаимосвязаны «русский коммунизм» и особенности русской культуры? Эти вопросы продолжают оставаться в центре научных дискуссий как отечественных, так и зарубежных исследователей русской философской мысли.

Среди зарубежных исследователей академическую известность приобрели работы историка русской философии Анджея Валицкого (Andrzej Walizki). Он относится к тем польским ученым, которые сумели во все времена сохранить интеллектуальную свободу, пренебрегая идеологическими запретами и всякого рода ограничениями. Он автор более двадцати книг на польском и английском языках. Ряд его монографий переведен на русский, итальянский, японский, испанский, украинский языки. Он окончил Варшавский университет (1953), является заслуженным профессором Польской Академии наук и университета Нотр Дам (Индиана, США), действительным членом Польской Академии наук (1998). Работал на факультете социологии Варшавского университета (1958–1960), в Институте философии и социологии Польской Академии наук (1960–1981). В качестве приглашенного профессора преподавал в университетах Англии, США, Австралии, Австрии, Дании, Японии, Швейцарии. Он – гражданин Польши и США. Среди его трудов нет ни одной книги, написанной на заказ или утратившей научную ценность.

Принимая из рук президента Итальянской республики премию Бальцана 23 ноября 1998 г. [1], Валицкий заявил, что целью его научной деятельности была реализация «эмпатического подхода», который способствовал бы пониманию исторических и интеллектуальных особенностей русской интеллигенции. Главное, к чему он всегда стремился, – это превращение изучения интеллектуальной истории России в особую, признанную международным сообществом сферу научного исследования, при этом «быть как можно дальше от какого-либо протаскивания антирусских стереотипов». Без сомнения, что Анджей Валицкий много способствовал распространению неискаженных знаний о русской философии повсюду в мире, как на Западе, так и на Востоке [2].

В интервью нашему журналу «Философское образование» в марте 1993 г. в дни работы в Москве русско-американской конференции «Рус-

Работа выполнена при финансовой поддержке РНГФ, проект № 12-03-00029, тема: «Философское россиеведение за рубежом во второй половине XX – начале XXI вв.: направления, школы, центры».

© Моторина Л. Е., 2013

ская философия и Россия сегодня», Валицкий рассказал о том, как возник у него интерес к русской философии. «Личным другом моих родителей, – пояснил Валицкий, – был русский философ, творец так называемой "педагогики культуры", С. И. Гессен, который вместе со Степуном издавал известный журнал "Логос". Я, будучи гимназистом, общался с Гессеном, и можно говорить о его влиянии на меня. Я собирался изучать философию, но в то время, когда я поступил в университет, философия там на несколько лет вообще была ликвидирована, это было началом полной сталинизации образования (шел сорок девятый год). Философию можно было изучать только после окончания какого-нибудь другого факультета.

Так как мой отец принимал участие в движении Сопротивления в Польше, его посадили в тюрьму. И мне дали понять, что человек с таким политическим положением, как я, может рассчитывать только на то, чтобы изучать русскую филологию, так как никто не хотел ее изучать, у меня не было конкурентов. Я интересовался русской культурой под влиянием С. И. Гессена и еще потому, что мой отец родился в Петербурге, дед работал в Петербурге врачом. Отец прожил в Петербурге 15 лет и хорошо знал русский язык. Так я стал русистом, потом решил вернуться к философии, тем более что знание русской литературы вывело меня через литературную критику в область общественной мысли России. Моя первая книга – "Личность и история" – появилась в 1959 году, когда мне было 29 лет. Я посвятил эту книгу Гессену. Это был сборник статей о славянофилах, западниках, о влиянии Шопенгауэра на Тургенева, об идее свободы у Достоевского... Затрагивались такие темы, которые в России тогда считались вообще невозможными.

Книга возбудила положительный интерес в Польше. А ваши философы сказали, что они лично симпатизируют моим взглядам, но вообще время еще не пришло... В 1960 году я поехал в Америку, встретил там знаменитого знатока русской культуры из Оксфорда Исайю Берлина, он очень поддержал мой интерес к истории русской мысли. Там же, в Америке, я познакомился и с другими специалистами. Моя вера в то, что следует заниматься именно этой проблематикой, еще более укрепилась. После польской "оттепели" 1955–1956 годов цензура стала мягче. Я чувствовал, что могу кое-что писать, пользуясь совершенно невероятной с советской точки зрения свободой. То, что я пишу, может появиться на Западе и будет воспринято там как совершенно нормальная, честная и, возможно, оригинальная интерпретация. Поэтому я подумал, что если мы с Советами связаны как единый политический блок, а у нас появилось гораздо больше свободы, то, может быть, это именно и есть моя обязанность – теперь продолжать заниматься русской культурой. Я написал историю русской мысли от просвещения до марксизма. Остановился на начале XX века, потому что знал: когда на сцену выйдет Ленин, тогда либо я пойду на компромиссы, либо у меня это снимут» [3].

Это интервью с А. Валицким мы рассматриваем как особый исторический документ, поскольку нельзя более точно выразиться о себе, чем это делает сам автор.

В июне 2012 г. А. Валицкий вновь посещает Москву, делает доклад на пленарном заседании юбилейной конференции «Александр Герцен и исторические судьбы России», организованной ИФ РАН, где накануне состоялась презентация русского перевода его книги «Философия права русского либерализма» [4]. В дни работы конференции *спустя двадцать лет* мы обратились с просьбой об интервью, на что Валицкий уклончиво ответил: с тех пор мои взгляды не изменились. Действительно, А. Валицкий очень последователен в своих выводах и критических оценках.

Например, по вопросу о своеобразии русской философии Валицкий во всех своих работах, утверждал, что он никогда не признавал какой-то особой уникальности русской мысли. Он объяснял русские культурные течения в компаративистском плане, показывая, что, хотя они оригинальны и интересны, все-таки самобытными и исключительными в абсолютном смысле их считать нельзя.

Валицкий четко обозначил свою позицию и в интервью: русская мысль, начиная с Просвещения и до наших дней, является частью европейской мысли. «Поэтому считаю, что, для того чтобы не брать на себя ответственность за все произошедшее в русской истории, русская философия должна показать, что все эти разговоры об уникальности русского исторического пути – большое преувеличение. Нельзя говорить о какой-то русской философии вообще. Авторы "Вех" критиковали определенную традицию русской мысли и действительно предупреждали об опасности. Но содержанием "русской идеи" является как раз то, что "Вехи" критиковали. Я не знаю, почему на конференции (имеется в виду конференция 1993 г. – *Л. М.*) не говорили о Белинском, о Чернышевском как о носителях части русской идеи. Этот радикализм, включая и писаревский, тоже является частью русской идеи. Русский нигилизм, представляемый Писаревым, способствовал разрушению каких-то культурных основ. И он тоже принадлежал к русской идее. Получается противоречие: люди употребляют термин "русская идея" в положительном смысле, забывая о том, что, например, Бердяев, который одним из первых воспользовался этим понятием,

включал в него и анархизм, и нигилизм революционных демократов тоже.

Но ведь те, кто сегодня в восторге от русской идеи, отнюдь не в восторге от Писарева, Чернышевского... Значит, просто нельзя так обобщать. Солженицын утверждает, что всему виной марксизм, другие говорят: виноват не марксизм, а русская культурная традиция, без ее влияния на марксизм не произошло бы то, что произошло. Валицкий же на стороне тех, кто не считает во всем виноватой русскую культурную традицию. Именно люди, враждебно относящиеся к России и к русской культуре, подчеркивают специфику русской культуры в негативном смысле, в том смысле, в каком писал о ней Бердяев в книге "Истоки и смысл русского коммунизма": именно русская идея виновата в том, что появился большевизм. Такую точку зрения, которую я называю культурным детерминизмом, я полностью отвергаю. С другой стороны, восхищаясь русской культурой, противопоставлять ее европейской – значит лить воду на мельницу тех, кто заявляет: "Россия никогда не будет европейской страной"» [5].

Валицкий подчеркивает, что «русскую философию необходимо рассматривать в контексте мировой философии, учитывая связи, переходы и т. д. Какого-то установившегося значения русская идея не имеет. Разные мыслители, которые думали по-разному, пользовались этим термином. В том числе Бердяев, который написал целую книгу о русской идее. Он трижды высказывался по этому вопросу. Во-первых, в "Вехах" он критиковал всю эту специфически русскую традицию; но в "Истоках и смысле русского коммунизма" пришел к выводу, что именно определенные особенности русской традиции, в частности, мессианство и эсхаталогическая устремленность к Царству Божьему на Земле, то есть некая извращенная религиозность, с неизбежностью привели к коммунизму» [6]. Таким образом, позицию Бердяева Валицкий оценивает как двойственную. С одной стороны, замечает он, Бердяев эти идеи критикует как культурную причину торжества коммунизма, с другой – не может отрицать, что к нему самому это также относится, что он во всем этом тоже как-то участвовал.

В статье «Русская идея» А. Валицкий затрагивает вопрос о возвращении к русской идее в постсоветской России. Согласно его оценкам отступление от марксистско-ленинской идеологии и отсутствие идеологических запретов создало в России идеологический вакуум и потребность в самоопределении. В этой ситуации русская идея, по его мнению, стала символизировать поиск национальной идентичности в сфере ценностей. Тема идентичности становится привлекательной для политиков, предвкушающих новую форму идеологической интеграции государства. Отсюда Валицкий делает вывод: задача формулировки русской идеи в современной России означала, помимо всего прочего, создание *канона философских традиций*, которые можно было бы рассматривать как отличительно русские и поэтому заслуживающие продолжения [7].

В статье «Русская философия истории» А. Валицкий тонко подмечает, что «есть что-то *парадоксальное* в том, что основоположником современной русской философии истории стал Петр Чаадаев, в совершенстве изучивший западную философию своего времени и провозгласивший Россию страной «без истории» [8]. Валицкий отмечает особую пристрастность русской интеллигенции к значимости истории. По его мнению, существовало много причин для такого пристрастного интереса к значимости истории. С его точки зрения, она была средством для определения русской национальной идентичности; выражала глубокую необходимость модернизации, ведущую к осознанию контраста между российской политической властью и ее социальной неразвитостью. И, помимо всего прочего, возможно, интерес к истории стал результатом дезинтеграции русской духовной культуры, выступая в качестве замещения религиозного мировосприятия.

В этой же статье он пишет: «Центральное место в секуляризованной истории занимал принцип прогресса, который отвечал на больной вопрос о том, *что должно быть сделано*. Поэтому русская интеллигенция XIX в. рассматривала приверженность прогрессу как наиболее существенную основу для самоопределения. Многие концепции прогресса могли функционировать также как секуляризованные теодицеи, или, точнее, как историодицеи, оправдывая и объясняя страдания прошлого и настоящего в качестве необходимой расплаты за торжество правды и правосудия в будущем. Более того: в стране в историческом смысле ретардной (замедленной, отсроченной. – *Л. М.*) идея о неизбежных ступенях развития могла служить оправданием страданий в ближайшем будущем, предоставляя аргументы для точки зрения, что люди, живущие в настоящем, и даже целые поколения должны жертвовать собой во имя земного спасения их потомков. Отсюда становится понятно, почему идея неизбежного, всеобщего прогресса нашла в России не только полных энтузиазма сторонников, но также и мощных критиков» [9].

Анджей Валицкий признавал, что он с симпатией относится к русской культуре, но при этом ее европеизирует. Это особенно проявляется в его оценках славянофильства. Он характеризует славянофилов не как уникально русское явление, но как вариант общеевропейского течения

консервативного романтизма. То же самое он утверждает и относительно других течений русской мысли [10].

В 1964 г. Валицкий защитил докторскую диссертацию, посвященную славянофильству и славянофильско-западническим спорам. Английское издание: The Slavophile Controversy (1973, 1975), итальянское издание: Una Utopia Conservatrice. Storia degli Slavofili (1973). Данная работа Валицкого получила также известность в СССР среди историков русской философии – профессионалов. Выбор славянофильства для историко-философского исследования Валицкий объяснял тем, что славянофилы, как и другие представители русского консерватизма, почти полностью игнорировались советскими авторами, тогда как взгляды западников, если и рассматривались, то в искаженном виде, в духе известной «борьбы против космополитизма». Таким образом, монография Валицкого объективно восполняла пробел в исследовании философии славянофилов, существовавший в историко-философской науке. Соответствующие работы на русском языке отсутствовали, а немногие западные работы принадлежали славистам или историкам, слабо знакомым с историко-философской проблематикой. Новым в трактовке Валицким теоретического наследия славянофилов, по мнению М. А. Маслина, являлось соотнесение славянофильского противопоставления «Россия – Европа» с обоснованным немецким социологом Фердинандом Тённисом противопоставлением Gemeinschaft и Gesselschaft (община и общество). Валицкий также опирался на методологию Макса Вебера и Карла Мангейма, рассматривая славянофильство в качестве специфической разновидности европейского консервативного романтизма [11].

Объектом историко-философского исследования Валицкого было и русское народничество. Начавшиеся в СССР в 20–30-х гг. исследования идеологии революционного народничества были прекращены по прямому указанию Сталина после выхода в свет в 1937 г. «Краткого курса истории ВКП (б)». И возобновились только в 60-х гг. В 1965 г. на польском языке была опубликована двухтомная антология русского народничества с большим предисловием Валицкого. Он выступил в Оксфорде с курсом лекций о народничестве в качестве участника семинара Исайи Берлина. Итогом этих лекций стала его вышедшая на английском языке монография «Спор о капитализме. Исследования социальной философии русских народников» (1969, 1989) [12]. Впоследствии эта книга была переведена на испанский, итальянский и японский языки.

В отличие от советских авторов, описывающих преимущественно идеологию революционного народничества, Валицкий, по мнению М. А. Маслина, не проводит резких различий между революционным и легальным народничеством, делая акцент на его теоретическом содержании в качестве специфического идейно-философского течения. Специально анализируется теоретический спор между народничеством и марксизмом, в особенности народническая критика того, то Валицкий называет «историческим детерминизмом» марксизма [13].

Нельзя обойти вниманием и обобщающее исследование истории русской мысли от Просвещения до Владимира Соловьева и раннего марксизма. Соответствующая работа на польском языке была опубликована в 1973 г. На английском оно публиковалось в 1979 и 1980 гг. [14] До сих пор эта большая монография, отмечает М. А. Маслин, остается наиболее подробным и достоверным, основанным на первоисточниках изложением процесса развития русской философской мысли XVIII–XIX вв., имеющимся на английском языке. К сожалению, до сих пор не существует русского перевода этой ценной книги [15].

В заключение хотелось бы отметить, что Валицкий различал национальную идентификацию и вероисповедание. Он говорил, что это разные вещи. Он также различал европеизацию и вестернизацию. Европеизация, по его мнению, предполагает, что вы становитесь частью Европы, но не ценой потери собственной культуры, своей национальной идентичности. Ведь все европейские страны сохранили четко выраженную культурную специфику. Вестернизация же – это подражание странам Запада. В интервью он подчеркнул: «Если вы хотите сказать, что в русской культурной традиции много таких черт, которые препятствуют европеизации, то есть успешному прохождению реформ, я с вами полностью согласен. Но именно поэтому я дистанцируюсь от той точки зрения, что эти черты являются чем-то, от чего Россия избавиться не может, что характерно для русской культуры по самой ее сущности. Я думаю, что культура всех народов подвержена изменениям, и нет, поэтому, какой-то неизменной сущности русской культуры, что русская культура, оставаясь самой собой, может как-то изменяться. В этом смысле я защищаю Россию от русофобских обобщений, представляющих Россию пленницей собственной культуры. У каждой страны есть своеобразие, у России оно просто более резко выражено, чем у многих других стран [16].

Те же принципы Валицкий высказывает по отношению к вопросу о возможном будущем объединении Церквей: не просто переход православных христиан в католицизм, а союз на основе равноправия с соответствующим признанием их различных традиций.

С выводами А. Валицкого можно соглашаться, по ряду вопросов можно вступить с ним в дискуссию, но несомненно одно: его работы вносят значительный вклад в понимание истории русской философской мысли, русской национальной идентичности и продолжают сохранять свое значение для развития национального самосознания в современной России.

Примечания

1. Номинация премии: Культурная и социальная история славянства от Екатерины Великой до Октябрьской революции: Анджей Валицкий (Польша – США).
2. См.: *Маслин М. А.* Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии // Гуманитарные науки. 2012. № 4(8). С. 91–92.
3. «Русская мысль является частью европейской мысли» (Интервью с проф. Анждеем Валицким) // Философское образование. 1998. № 1. С. 11–12.
4. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012.
5. «Русская мысль является частью европейской мысли». С. 6–7.
6. Там же. С. 8.
7. *Валицкий А.* Русская идея / пер. с англ. Л. Моториной // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 99.
8. WALICKI, ANDRZEJ. Russian philosophy of history. In E. Craig (Ed.), Routledge Encyclopedia of Philosophy. L.: Routledge. Retrieved August 05, 2003. P. 2. URL: http://www.rep.routledge.com/article/E081
9. Ibid. P. 1–2.
10. «Русская мысль является частью европейской мысли». С. 7.
11 *Маслин М. А.* Указ. соч. С. 89.
12. *Walicki A.* The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philodophy of the Russian Populists. Clarendon Press, 1969, 2-nd ed. University of Notre Dame Press, 1989. (Данные приводятся по: *Маслин М. А.* Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии. С. 91.)
13. *Маслин М. А.* Указ. соч. С. 90.
14. *Walicki A.* A History of Russian Thought from the Enlightment to Marxism. Stanford University Press, 1979, and Clarendon Press, 1980.
15 *Маслин М. А.* Указ. соч. С. 90.
16. «Русская мысль является частью европейской мысли». С. 10.

Олег Николаевич Новоселов (1939–2011), кандидат философских наук. В Кировском государственном педагогическом институте (ныне ВятГГУ) работал в течение 26 лет (1972–1998 гг.) – сначала старшим преподавателем, а с 1981 г. в должности доцента по кафедре философии. Защитил в Институте социологии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность директора в управлении развитием предприятия (объединения)».

В 1982–1987 гг. руководил Лабораторией социологических исследований, под его руководством было проведено десять крупных социологических исследований на промышленных предприятиях г. Кирова. В период с 1983 по 1985 г. был деканом факультета русского языка и литературы.

В 1998 г. Олег Николаевич перешел на работу в Кировский филиал Московского гуманитарно-экономического института на должность профессора, несколько лет возглавлял кафедру общегуманитарных дисциплин, преподавал философию, логику, социологию.

Мы публикуем в несколько сокращенном виде главу из книги О. Н. Новоселова «Русская православная судьба. Религиозно-философское исследование» (Киров, 1997).

УДК 141.201

О. Н. Новоселов

СПОКОЙНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В статье через формулу «спокойная неопределенность» раскрываются типические черты русского характера, его противоречивость, сильные и слабые стороны, связь особенностей русского характера с православием и русской историей.

The article in the formula of “quiet uncertainty” revealed typical features of the Russian character, his contradictions, strengths and weaknesses, communication features of the Russian character with Orthodoxy and Russian history.

Ключевые слова: русская история, русский характер, православие, религиозность, антиномия.

Keywords: Russian history, Russian nature, Orthodox, religious, antinomy.

© Новоселов О. Н., 1997

Спокойная неопределённость – вот поистине лучезарный образ, который полнее всего выражает характерное состояние русского народа и в прошлом, и сегодня.

Странным и даже несовместимым может показаться сочетание этих двух слов. Как правило, условием спокойствия, прежде всего душевного, является определённость, а состояние неопределённости порождает беспокойство. И тем не менее спокойная неопределённость – вполне естественное русское состояние, предполагающее покой, устойчивость, безмятежность в условиях неопределённости: вот я стою на распутье дорог, я – перед *выбором* и, тем не менее, я спокоен. Почему так? – Вероятно, потому, что от моего выбора, от выбора, совершаемого моим умом, мало что зависит. Мой ум спокоен и душа спокойна потому, что не от них зависит мой завтрашний день: во мне и вне меня есть нечто такое, что *ведёт* меня.

Покой на Руси – самое характерное и природное, и душевное, и национальное состояние.

Это – и нравственный, и эстетический идеал России, и просто условие нормальной жизни. Покой – желанное состояние как людей, погружённых в суету житейскую, так и людей «не от мира сего».

Покой – естественен, прекрасен, величественен. Кого не завораживает картина *И. Левитана* «Над вечным покоем»? Этот вид с высоты маленькой деревянной часовни над уходящим в туманные лесные дали водным простором создаёт ощущение бесконечности мироздания. Здесь покой вечен не в смысле неподвижности бытия, а в смысле созерцания его из иного, надвременного, плана бытия, взгляд *оттуда*, где вечно разлиты мир, тишина, поэтическое вдохновение.

Новый Завет проникнут ниспосланием людям плодов Святого Духа, и плоды эти – *мир, покой, благодать*. В состоянии покоя нет эгоизма, ибо покой разлит не здесь только, а *повсюду*, где жизнь движется естественно и наполненно, как глубокая река. Напутствуя учеников, Иисус Христос говорил: «А входя в дом, приветствуйте его, говоря: *мир дому сему*» (Мф. 10:12). Такими же словами начинается большинство посланий Святых Апостолов.

Эту мудрость хорошо понимал А. Пушкин, утверждая:

«На свете счастья нет,
Но есть покой и воля».

Высказывая свои лучшие пожелания в письмах близким людям, мы добавляем: «Желаю тебе самого главного – здоровья и душевного покоя». Или говорим: «Сделай это обязательно, ради спокойствия души». Чтобы больного человека не слишком пугать больницей, его сначала помещают в «приёмный покой». Удаляясь ко сну, желаем друг другу: «Спокойной ночи». А нежелательному собеседнику мы говорим: «Оставьте меня в покое»! Размышляя о жизни общества, иногда вспоминают русскую пословицу – «Покоем мир крепок, а смутами – гинет». Желая облегчить душам умерших пребывание в ином мире, заказываем в церкви молитвы «За упокой» или молимся сами: «Упокой, Господи, душу усопшего...».

Покой – это признак чистой совести, а чистая совесть – результат трудной работы над своим нравственным очищением, получение долгожданной надежды на Божественную благодать.

Покой – это не лень и не безволие, наоборот, это – результат большого усилия воли, спасающей человека из трясины забот о повседневных нуждах. Потому так любили на Руси «Книгу Екклезиаста»: *«Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!..»* (Еккл. 1: 14)

Покой – условие внутренней сосредоточенности и плодотворного труда. Святые Отцы писали о священном безмолвии души и тела: «Безмолвие тела – есть познание и приведение в порядок внутренних движений и чувств, а безмолвие души – есть познание помыслов и нерасхищаемая мысль».

В романе *И. Гончарова* «Обломов» мы видим тип человека, погружённого именно в состояние спокойной неопределённости. Обломов талантлив, умен, тонко чувствует красоту жизни. Его бездеятельность – чисто внешняя, лишь по отношению к практической жизни. Не сознавая того, он является хорошим выразителем учения Екклезиаста-проповедника. Гончаров пишет, что если в комнату его героя кто-то приносил новости, движение, «Обломов мог слушать, смотреть, не шевеля пальцем, на что-то бойкое, движущееся и говорящее перед ним... он хотел жить по-своему... Всякий понимал жизнь по-своему, как не хотел понимать её Обломов».

«Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки – это для него были синонимы; другая – из покоя и мирного веселья». Люди со своими ежедневными заботами для Обломова – пустые маски, все одинаковые со своей пустопорожней суетой.

Загадка Обломова состоит в том, что, оставаясь внешне бездеятельным, он не только внушает уважение, но *все любят его*, тянутся к нему. Обломов не оставляет впечатления пошлости, в нём нет самодовольства – этого главного признака пошлости. Леность Обломова – это не та пассивность, которая происходит от внутренней пустоты. Русская леность – явление очень сложное. Она объясняется незаинтересованностью во внешней, материальной жизни. Сама по себе материальная жизнь – бессмысленна и пуста, потому что в ней нет смысла. Эта жизнь несвободна и одномерна, потому что не испытала духовного Преображения. Она слишком далека от Царства Божия.

Понимая, однако, что он опустился, пишет Гончаров, Обломов плачет «холодными слезами безнадежности по светлому, навсегда утраченному идеалу жизни».

Русский философ *Н. О. Лосский* (*1870–1965*) верно замечает, что обломовщина – есть во многих случаях оборотная сторона высоких свойств русского человека – чуткости к недостаткам нашей действительности, стремления к полному совершенству.

Нельзя не упомянуть и противоположной черты нашего человека, про которую говорят: «русские долго запрягают, да быстро ездят». Это тот неистовый, страстный и волевой импульс, который запечатлел Н. В. Гоголь в образе Птицы-тройки. Многие иностранцы отмечали страстность и экстремизм русских. Английский публицист Грахам, по свидетельству Лосского, утвер-

ждал: «Русские – вулканы, или потухшие, или спокойные, или в состоянии извержения. Под поверхностью даже самых спокойных и глупых таится энергия расы, ведущая к внутреннему огню и тайне человеческого духа».

Хорошо известны страсть, самопожертвование, духовный «экстремизм» русских при защите отеческой веры – *Православия*, духовных святынь, родной земли. Эти время от времени всплески максимальной энергии с радикальной определённостью как бы *уравновешивают* наше непрерывное состояние спокойной неопределённости.

В состоянии спокойной неопределённости важно увидеть *две стороны:* по отношению к *земной*, предметной, деятельности и по отношению к *вере*. В чем состоит особенность второй стороны?

Устойчивость в вере выводит человека из рамок настоящего времени, ибо уже здесь, на земле, он как бы *предвосхищает* состояние *вечности*.

Но пренебрежение настоящим приводит к забвению сегодняшних дел, в том числе религиозных обязанностей. От этого образуется хладнокровие в религиозных чувствах, в чувстве любви к ближнему, равнодушие к совершению добрых дел. Человека, находящегося в таком состоянии, Святые Отцы называют выразительно и просто – «*теплый христианин*».

Святитель IV в. *Василий Великий* утверждает: «Теплый христианин – не есть христианин». При этом он ссылается на Откровение Иоанна Богослова, в котором Бог дает наставление:

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если б ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: "я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды"; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Откр. 3:15–17).

Русская православная церковь именно это предостережение может принять по отношению к себе. *Теплота в вере*, согласно Василию Великому, вовсе не означает небрежности в соблюдении наружного Богопочитания: оно может быть послушным и прилежным, особенно когда люди стекаются в храм по праздникам. Но теплота наблюдается в *повседневной* жизни – ежедневных молитвах, в поведении в семьях, на работе, в обыденном общении.

Что же такое теплота в христианстве? – Это нерадение человека сейчас, в данный момент быть последователем воплотившегося Богочеловека. Соглашаясь с тем, что добро прекрасно, он не спешит употребить свои духовные силы для исполнения его во имя Господа Иисуса Христа.

Василий Великий разбирает три главные причины теплоты в вере. *Первая – характер семейного воспитания*. Можно ли воспитать в ребёнке любовь к ближнему, если родители внушают ему, в лучшем случае, только вежливость или порицание? Такие дети могут хорошо знать Священное Писание, но не станут делать больше, чем их родители.

Примеры нашей сегодняшней жизни также показывают, что дети могут превзойти родителей и умом, и знаниями, и особенно в скорости комбинирования и переработки информации с учетом ситуации. Они могут превзойти их в остроте языка, богатстве и разнообразии ощущений, связанных с восприятием красоты природы или искусства, но никогда (может быть за редким исключением) не превзойдут они родителей в душевном расположении к ближним, в способности к сочувствию, жалости и состраданию.

Второй источник теплоты в христианстве – робость или *ложная стыдливость в выражении веры*. Даже самое сокровенное в душе без внешнего обнаружения постепенно охладевает, становится едва тёплым, и не только по отношению к Богу, но и к людям. Многие стыдятся показаться благочестивыми, а ведь благочестие – глубокое религиозное чувство, вспыхивающее по призыву совести. За этой робостью стоит боязнь раскрыть для внешнего наблюдателя свои сокровенные чувства, нежелание показаться человеком «не от мира сего», страх быть осмеянным холодным, равнодушным миром. Ложная стыдливость порождает неискренность, за неискренностью следует ложь, а ложь омрачает совесть и наполняет душу грехом.

Наконец, *третья* причина теплоты в вере коренится в *усыплении души* привычками обыденной жизни и *мирскими заботами*. С утра и до вечера занимаясь служебными делами, заботами о пропитании семьи, человек легко забывает про свою высшую природу. Его радости становятся всё менее глубокими, как от насыщения хорошей пищей или от удовлетворения личного тщеславия. В то же время веру, т. е. саму жизнь, «сие, – по выражению Василия Великого, – дыхание души своей» он считает всё более второстепенным делом.

Русский человек постоянно объят этими тремя узурпаторами души – поверхностным воспитанием, ложной стыдливостью, вовлечением в мирские заботы. Все они так глубоко вошли в жизнь русского народа, что стали как бы органическими. Более того, русский философ *Л. П. Карсавин* (*1882–1952*) пришёл к выводу, что религиозность русского человека естественно включает и воинствующий атеизм. Отсюда, как он считает, происходит пассивность, бездейственность Русской православной церкви.

Определяющая же причина нашей теплоты в вере – бессознательная, сверхразумная уверенность (даже самоуверенность) в Божией защите: «Господь – крепость жизни моей: кого мне стра-

шиться?» (Пс. 26:1). Примечательно очень точное заключение Карсавина: *«Уверенность в будущем обожении обеспложивает настоящее»*.

Словами «спокойная неопределенность» можно кратко обозначить ту духовную ситуацию, которая установилась в России после потрясений 1991 г., знаменательно свершившегося в особый день – 19 августа, как раз в праздник Преображения Господня (и это не случайное совпадение).

Все эти волнения не затрагивали глубин духовной жизни русского православного народа. После событий 1991 и 1993 гг. спокойствие ещё более окрепло.

Спокойствие это содержит в себе, тем не менее, высокое потенциальное напряжение. Это спокойствие в состоянии той неопределённости, в котором находится маятник, теоретически установленный в самой верхней точке – на месте крайней неустойчивости. И такое состояние для русской национальной жизни является вполне естественным.

Неопределенность духовного состояния России в конце XX в. подкрепляется тремя особенностями общественной ситуации:

1) прекращение с 1991 г. деятельности организационных структур единственной правящей партии (коммунистической) создало уникальное для современной цивилизации *непартийное общество* и непартийное государство. Фактором *устойчивости* в такой ситуации является политическое безразличие и неопределённость по отношению к любым властям.

Глубины духовного мира русский людей не затрагиваются политическими и идеологическими волнами. Им надежнее повторять простые и мудрые слова из Псалтири: «Господь – свет мой и спасение моё: кого мне бояться?» (Пс. 26:1);

2) *влияние Церкви* на общество с внешней стороны представляется незначительным. Число прихожан – весьма невелико по отношению ко всему населению. За годы коммунистической диктатуры произошло не только физическое уничтожение самых преданных носителей православного сознания, не только массовое помрачение людей материалистическим атеизмом и духовное обеспложивание подавляющей части интеллигенции. Произошло ещё разрушение векового социального уклада, основанного на *общинности* русской жизни. Дело в том, что животворящим истоком русского общества всегда был *церковный приход* как клетка живого организма, объединявшая людей постоянным посещением одного храма, связанных ритмом церковной жизни и личным знакомством. Именно отсюда, на основе взаимного духовного общения, взаимного понимания, сочувствия и поддержки, *строилось* русское общество. В этих духовных источниках, как Волга из тысяч лесных родников, зарождалась русская православная жизнь. Не из внутреннего религиозного переживания изолированного человека, а именно из церковного прихода берёт начало русское православное сознание. Церковный приход в таком понимании сегодня практически исчез. По этой причине Церковь, хотя и оказывает благотворное влияние на духовную жизнь общества, но, с социологической точки зрения, оно невелико, и трудно надеяться на его усиление;

3) объединяющей основой сегодняшней российской жизни официально провозглашён «здравый смысл», т. е. не религия, не идеология, не политика, а «простой» человеческий здравый смысл, под которым понимается мышление человека, не витающего в облаках, а «твёрдо» стоящего на земле. Под этим понимается отказ от любых идеологических доктрин, расчётливость, взвешенность во всех практических делах с тем, чтобы при минимальных трудовых и материальных затратах получить максимальный вещественный результат. Любимые пословицы человека со здравым смыслом – «нельзя объять необъятное», «в здоровом теле – здоровый дух», «лучше воробей в руке, чем журавль в небе», «рыба ищет где глубже, а человек – где лучше», «рука руку моет», «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» и т. п.

Многим из нас, однако, известны русские пословицы другого рода, противоречащие здравому смыслу: «человек без мечты, что птица без крыльев», «от здорового духа – здоровое тело», «человек обязан быть дерзновенным», «лучше на родине костями лечь, чем на чужбине быть в почёте», «где закон, там и обид много».

Ни религия, ни Церковь не против здравого смысла как такового, однако сфера его применения всегда временна, весьма ограничена и зависима. Он оправдан лишь при решении конкретных и частных вопросов, которые вытекают как следствие в процессе решения политических, религиозных, нравственных, в конечном счете духовных проблем. Без осознания духовного смысла жизни здравый смысл оказывается беспомощным и ненужным, тем более что на поверхности общественной жизни может появиться множество «здравых смыслов», не объединяющих, а разъединяющих людей, и дело тогда безнадежно запутается. Но самое главное, что даже гипотетически единый для всех «здравый смысл» не способен привлечь, воодушевить людей, ибо здравый смысл – ***бездуховен***. Он принципиально не способен поставить перед человеком, тем более перед целым народом, достойную и долговременную цель. Парадоксально, но в здравом смысле *нет смысла действительного*.

Известный современный философ, лауреат Нобелевской премии (1977) *И. Пригожин*, про-

фессор свободного Брюссельского университета, русский по происхождению, считает, что в мире постоянно возникают и одновременно существуют *порядок* и *беспорядок*. Это – два аспекта одного целого, дающие нам различные видения мира.

Мир – и природный, и социальный – *нестабилен*, но мы должны относиться к нему с уважением. Из-за нестабильности мира нам следует отказаться от мечты об «исчерпывающем» знании. Мы можем знать лишь начальные условия движения мира в бесконечном числе точек. Но нестабильность мира делает будущее непредсказуемым. Это напоминает развитие событий в талантливом художественном произведении, когда, зная исходную ситуацию, мы зачарованно ждем неожиданного развития действия.

Состояние нестабильности, по Пригожину, равнозначно в нашем контексте состоянию спокойной неопределённости, когда в любой момент времени может возникнуть новый тип решения, новый поворот истории, не выводимый из предыдущего процесса. В точках смены типов решений – в точках *бифуркации* – может происходить смена пространственно-временной организации объекта.

В связи с этим можно сказать, что Россия постоянно находится в точке бифуркации и никогда из неё не выходит. Россия избегает какой-либо пространственно-временной определённости, скорее всего, бессознательно.

Таким образом, выразить состояние России в названных здесь терминах вообще-то можно, но лишь в форме антиномии: *неопределённость социального и политического положения России является стабильным, устойчивым состоянием.*

Любые попытки как-то преодолеть извечную неопределённость и организоваться на *государственном* уровне всегда приводили в России к бюрократическим, мертвящим властным структурам, жестоким порядкам, массовому недовольству, угрожавшим, в конечном счете, общественной стабильности и покою.

Вынужденные строгости Ивана Грозного привели к ужасной Смуте и, в конечном счете, падению династии Рюриковичей. Понятное желание патриарха Никона привести в порядок богослужебные книги – к страшной трагедии Раскола. Энтузиазм Петра I в утверждении в патриархальной России европейских порядков – к жестокостям и насилию над историей, тайным заговорам и бироновщине. Наконец, построенная на «строго научной основе» диктатура пролетариата и коммунистический порядок привели к распаду тоталитарной империи, экономическому упадку, снижению государственного престижа на мировой арене. История непрестанно учит, что введение демократических, правовых, европейских, короче, земных порядков по всей стране, чревато общественной деградацией и человеческими трагедиями.

Если же порядки заводились не на «царском» уровне, а по какому-то одному «департаменту», это приводило к крайней бюрократизации подотчётной сферы, убивавшей всё живое. Нигде «организационная упорядоченность» не достигала такой «цели в самой себе», как в России. Желанная для бюрократа определённость, создаваемые им «системы» и «подсистемы» – все это абсолютно чуждо русской душе, черпающей силы для творческих взлётов из спокойной неопределённости.

Посмотрим на одну из бюрократических систем, организованную с «завидной» определённостью. Ни в одной стране, наверное, нет такой чёткой и строго организованной системы образования, как в России. Нигде не придают такого принципиального значения научно разработанным учебным программам, нигде не издают такого количества учебных *стандартов*, планов, методических наставлений, инструкций, рекомендаций для учителей и воспитателей детских садов. Огромная армия работников центральной и местных педагогических властей, состоящей, главным образом, из методистов, занимается отработкой, проверкой и особенно любимым ими *контролем* за пунктуальным исполнением методических указаний. Вообще, *методика* и *методисты* – это стены и крыша бюрократической системы современного образования, не имеющего, однако, фундамента.

Нигде в мире не защищают такого количества кандидатских и докторских диссертаций по *педагогике*, как в России. Нигде нет такой несокрушимой Академии образования (бывшей Академии педагогических наук), выстоявшей после уничтожающей критики общественности в конце 80-х гг. за бюрократическую вредоносность и полную ненужность для действительного образования и воспитания.

Чиновнику, прочно осевшему в руководящем кресле и испытывающему головокружительное чувство самодовольства от устойчивости и определённости системы образования, идеально скроенной в его бюрократических циркулярах, невозможно понять живую *истину* образования. А истина эта состоит в том, что образование юных душ может быть только или живым, творческим духовно-созидающим действием учителя, или не быть вообще.

Образование происходит только тогда, когда оно одето в живую форму духа. Только *дух образует и просвещает*. Молодой и пытливый ум ученика ищет истину не в вылущенных формулировках и назидательных наставлениях, а в духовном сострадании святым мученикам мысли – живым источникам духовного света, т. е. *просвещения*.

Просвещение! Как выразителен русский язык! Ни в одном языке мира нет слова «просвещение» в привычном для нас смысле. *Н. В. Гоголь* писал по этому поводу:

«Просветить – не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, и знает, зачем произносит. Недаром архиерей в торжественном служении своем, подъемля троесвещник и двусвещник, всех ими освещает, произнося: "Свет Христов освещает всех!"»

Просвещение в таком понимании абсолютно неприемлемо для современного бюрократа и, с его точки зрения, вообще неприменимо в устойчиво определённой системе образования. Вот почему существовавшее в России несколько веков Министерство *просвещения* преобразовано в наше время в Министерство *образования*. Неискоренимы в России попытки преобразовать «спокойную неопределённость» в «системную определённость».

Нечто подобное происходит и по другим департаментам. Тяга к чарующей определённости топит творческие порывы живых умов в холодном омуте устойчивых организационных форм.

Тем не менее спокойная неопределённость – это нормальное состояние российского общества. Скрытое сопротивление всякой определённости происходит не случайно, а из внутреннего, глубокого источника. Спокойная неопределённость в России так же естественна, как некоторая недооформленность деталей в любой материальной деятельности русских. Огромные просторы земли и широта русской души трудно поддаются окончательной отделке. Даже в чертах лица русских людей можно видеть некоторую незавершённость, размытость.

И рядом с этим вырисовывается другая особенность России. Неопределённость в земных делах сочетается с поразительной определённостью в вере. Слово «русский» часто употребляют как синоним «православный», по-гречески – «ортодоксальный» («орто» – прямой, «докса» – суждение). Быть православным – значит следовать учению Церкви строго и неуклонно, не поддаваться никаким колебаниям в вере. Примером этой в высшей степени православности, ортодоксальной нетерпимости к малейшим отклонениям от сложившегося обряда является трагическая история *старообрядчества*. Покушение на *духовные* устои отцов представляется русскому человеку самым тяжким грехом, ещё большим, чем предательство родины. Какими же нужно было обладать преданностью, волей, ощущением духовной связи с предками, чтобы многие тысячи старообрядцев пошли на подвиги, массовое мученичество, добровольное самосожжение?

Таково выражение нашей «спокойной неопределённости» по отношению к вере. И пусть неприступная, как гранит, твёрдость православных духовных устоев оборачивается душевной мягкостью, уступчивостью, умственной нерешительностью, пространственной и телесной неоформленностью, всем тем, что обозначается как «неопределённость», но *эта неопределённость – спокойная*, потому что духовная. Прочностью, надёжностью этой опоры объясняется и наше смиренное пребывание в истории.

Русский православный дух, как стрелка магнитного компаса, точно распознает направления – в сторону земного царства или в сторону Царствия Небесного.

УДК 111.83

А. П. Корякина

СИМУЛЯЦИЯ БЫТИЯ И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ: ПОДХОД Ж. БОДРИЙАРА

Статья посвящена тотальной симуляции бытия и возможности ее преодоления через существование Другого, которое выводится с помощью понятия интерсубъективности.

The article is devoted to the total simulation of Being and the possibility of its overcoming through the existence of the Other, that is deduced with the help of the concept of intersubjectivity.

Ключевые слова: бытие, Другой, жизнь, интерсубъективность, красота, подлинность, симуляция, смерть, соблазн.

Keywords: being, Other, life, intersubjectivity, beauty, authenticity, simulation, death, seduction.

Проблема подлинности была одной из самых важных проблем в философии экзистенциализма, но с течением времени она, как ни странно, не исчезла, а, наоборот, обострилась. Эта проблема постоянно трансформировалась, отражая все новые грани социокультурных изменений. Сейчас, в эпоху репрессивного влияния массовых коммуникаций, в век виртуализации всех сфер жизни, данная тема снова становится одной из самых актуальных. В наше время появляется необходимость четкого ответа на вопрос, где же лежит демаркационная линия, отделяющая подлинную реальность (реальность мира, личности, знания) от ее симу-

© Корякина А. П., 2013

лированного двойника. Становясь все более прозрачной, эта неуловимая линия становится объектом отчаянного поиска. Процессы все более глубокого сокрытия подлинного разрастаются, современный же человек живет в этих условиях как в естественных для своего бытия. И если в философии экзистенциализма вопрос подлинности был связан с массовостью, с анонимностью Man, то современная философия, отражая вновь возникшие процессы, акцентирует внимание на другом: сейчас неподлинность существует в пространстве насквозь симулированном, в процессе постоянной виртуализации бытия и его экзистенциальных модусов, чего еще, конечно, не было в первой половине XX в., и даже во второй половине XX в. захват пространства симулякрами не был еще столь всеобъемлющим, как в наши дни. Стоит также отметить, что в настоящее время анонимность и массовость модифицировались, став всепроникающими и тем самым более жесткими, чем в XX в.

Красота, жизнь, смерть, соблазн – есть ли здесь в наше время хотя бы небольшая доля подлинности, которая могла бы фундировать систему координат, с помощью которой мы достигли бы той самой призрачной линии демаркации? Ответить на этот вопрос достаточно сложно. В гиперреальности, опутывающей сетями разного уровня сложности все бытие современного человека, растворяются без следа многие феномены, способные служить зацепкой. Среди них находится и феномен смерти – феномен, являющийся одной из самых близких внутренних реалий Ego.

О симуляции и смерти подробно говорит Ж. Бодрийар. Смерть для него – акт символического обмена, финальный и расточительный дар человека, которому была точно так же щедро подарена жизнь, изначально содержащая в себе эту необходимость страшного обратного отдаривания. Эта смерть не является симулякром, она пока еще живой феномен, не затронутый вирусом бесконечного деления и самоповторяемости. Такая смерть тесно связана с жизнью, они обратимы, здесь пока еще не нужно отказываться от земной жизни ради смерти, то есть ради «загробной жизни», которая является выражением личного бессмертия, идею которого Ж. Бодрийар считает инструментом властных структур любого рода. «Итак, первоначально бессмертие было эмблемой власти и социальной трансцендентности. <...> Затем бессмертие распространяется и увековечивается в деспотических обществах, в великих Империях с их тотальной трансцендентностью власти» [1]. Но на самом деле это еще не предел. Здесь бессмертие связано хотя бы с областью воображаемого, как определяет это сам Ж. Бодрийар. В наши же дни идея бессмертия не касается и «загробной жизни», а воображаемое, которое еще было каким-то выражением живительного разнообразия, постепенно стало сходить на нет. Сейчас идея бессмертия тесно связана с идеей, упирающейся в область гиперреального, – клонированием. Клонирование, этот бесконечный процесс самоповторения, полностью разрушает обратимость жизни и смерти, а значит, является примером глубинного проникновения симуляции в их сердце. Но если клонирование ведет к уничтожению обратимости жизни и смерти, то оно уничтожает и самого субъекта. Ж. Бодрийар отмечает: «Нет более и самого субъекта, так как идентичное удвоение кладет конец его раздвоенности», «...Клонирование освящает повторение Того же самого: 1 + 1 + 1 + 1...» [2].

Клонирование уничтожает разнообразие, что постепенно ведет к энтропии внутри пространства, ставшего во много раз преувеличенным, гиперреальным. Наступает эра Прохлады: не холода, а именно Прохлады, что Ж. Бодрийар подчеркивает употреблением английского слова «cool». Следует, однако, отметить, что не следует понимать концепт «клонирование» исключительно в биологическом смысле, то есть только лишь в естественнонаучном ключе. Клонирование – это, скорее, более обширный процесс всеобщей симуляции, проходящий внутри всего пространства, пораженного вирулентностью.

Но кроме клонирования есть еще одна угроза подлинности феномена смерти. Этой угрозой является превращение жизни в эквивалент линейной экономической операции. Происходит четкий подсчет, суммирование всех достижений, человек становится просто суммой нажитых «накоплений»: «У нас же покойник – это просто человек, ушедший вон. <...> Он еще до смерти стал лишним бременем. В итоге прожитой им жизни-накопления со счета списывают его самого – чисто экономическая операция» [3]. Это обычное механическое свойство аддитивности, ведущее к обесцениванию жизни, а значит и к обесцениванию смерти, а также их обратимости. И жизнь, и смерть – бессмысленны, механистичны, схематичны и односторонне линейны. Потеряв свою обратимость, жизнь и смерть и с этой стороны попадают в капкан симуляции.

Врастая в зараженное пространство, феномены жизни и смерти все больше теряют шанс на освобождение из плена. И «ксерокс» штампует их до бесконечности, как и другие феномены, попавшие в зону вирулентности. «Идеальность», к которой стремится гиперреальность, слишком стерильна и гомогенна. Она не предусматривает существования жизни и смерти в их первозданности и стихийности, только выхолощенные, зараженные симуляцией жизнь и смерть не портят этой гладкой, ничего не отражающей и поглощающей все поверхности. И в этой «идеальности» сквозит лицо энтропии, «cool», тепловой смерти. Ж. Бод-

рийар называет эту «идеальность» операционной, но не только из-за стерильности и полной однородности, но и из-за насильственности подобных хирургических преобразований: «Любое проявление фатальности или негативности будет уничтожено всеобъемлющим функционированием пластической хирургии в угоду чему-то подобному улыбке смерти в похоронном бюро...» [4] И теперь все без исключения может попасть в эту стерильную операционную. Именно здесь в полной мере и проявляется всепроникающий и жесткий характер новой массовости и анонимности, о которых было сказано в начале статьи. Они не связаны с давлением тоталитарных государств на личность человека, не имеют отношения к нежеланию брать на себя ответственность за свою и, таким образом, чужую жизнь, не могут быть преодолены через обращение к Ничто, как это было в экзистенциализме. Новые массовость и анонимность отличаются тем, что они незаметны, их диктат «ласков», но не менее порочен: он охватывает и само государство, тоже попавшее под колесо симуляции, и ответственность, также не избежавшую этой судьбы – судьбы стать вечно повторяющим себя симулякром. Выход к Ничто в данной ситуации просто невозможен, потому что обратимость жизни и смерти исчезла, а вместе с ней растворилась и возможность экзистенциального Ужаса, Тоски и Страха.

Все «cool» (здесь уже в любом смысле данного слова), все одинаково, все неразличимо и не вызывает сильных эмоций, если вообще вызывает хоть какие-то. Всего становится слишком много, чтобы обращать на это свое внимание, тратить свои силы. Нет больше личности, а потому нет и направленного на что-то определенное интереса. Весь этот наплыв огромного числа копированных вещей, слов, образов, картинок, коммуникационных линий увеличивается все быстрее, засоряя и без того уже зараженное и замусоренное пространство.

В итоге даже пол теряет присущий ему когда-то соблазн. На первый взгляд может показаться, что в сфере пола нет места симуляции. Это происходит от того, что обычно мало кто думает о поле в подобном ключе, считая все вопросы, касающиеся его, само собой разумеющимися и естественными. Но именно в центр этой само собой разумеющейся области Ж. Бодрийар забрасывает концепт «транссексуальность». И это, опять же, не является просто констатацией биологического факта. «Речь идет о маскараде, об игре, построенной на коммутации признаков пола, на половом безразличии в противовес той, прежней игре, что основывалась на половых различиях...» [5] Здесь скрывается все та же «прохлада» неразличимости и безэмоциональности, молчания и бесконечной повторяемости одного и того же. Клонирование и транссексуальность оказываются тесно связанными между собой. Там, где слово берет клонирование, с необходимостью находится место и для транссексуальности. Все, что когда-то было тайной пола, ушло, не оставив следа. Соблазн же уступил место порнографической сексуальности, которая избыточно реальна, гиперреальна. Тяжесть гиперреальности надвигается на соблазн и давит его. Тайна исчезает.

То же самое происходит и с красотой. Максимум на что она может рассчитывать в данных условиях – остаться на поверхности в качестве симулякра. Красиво все. Но точно так же все одновременно и безобразно (и без*о*бразно). И всем это, по большому счету, безразлично. Сегодня красиво одно, завтра – другое, а послезавтра мы забудем все вообще. Вечный вопрос «что есть красота?» совсем перестает иметь смысл. Связка «есть» чересчур сильно указывает на несуществующий бытийственный смысл. Соблазн и красота идут рука об руку: красота, чаще всего, была именно соблазнительна. Но растворив соблазн, вирусы симуляции обесценили красоту, свели ее к неустойчивому изображению, которое постоянно меняется и, в общем-то, не вызывает почти никаких чувств. Красота – просто яркое пятно на глади экрана.

Красота, тайна, соблазн, пол обладают бытием только при наличии непохожести, кардинального отличия, благодаря которому не может быть никакой путаницы. При бесконечном же дублировании и гипертрофировании одного и того же все сливается в одну сплошную массу полной идентичности и эквивалентности. Одно спокойно можно заменить на другое, не потеряв при этом ничего. Идентичность приходит на смену единичности и уничтожает ее. Тайну соблазна, конечно, пытаются использовать в своих целях, но это уже совсем не тот первоначальный, стихийный соблазн, этот новый соблазн – соблазн современной рекламы, политики и сексуальности. Он совершенно не наполнен тайной, в нем нет очарования и завороженности: «Дискурс, описывающий в терминах соблазна механизм работы социального, политического или того, что от них осталось, настолько же пуст, как и само пространство политического: он просто преломляет его в пустоте» [6].

Сущность настоящего соблазна так же глубоко связана с символическим актом обмена, как и пара жизнь-смерть. Соблазн обрубает бесконечную цепь самодублирования, совращая с линейного пути. Он заставляет растрачивать все без остатка. Это символический акт. И когда пол лишается соблазна, проступает чистая механика – механика пола. Сфера соблазна лежит за пределами всякой симуляции, именно поэтому так

сложно прорваться к нему. Соблазн – вызов сфере симуляции. Он несовместим с полом, подвергшимся нейтрализации. Эта нейтрализация пола состоит в его избыточности: есть чересчур мужское, есть чересчур женское, а значит, тем самым, уже не совсем мужское, не совсем женское – что-то нейтральное, неопределенное, «прохладное». Здесь нет места соблазну. Здесь нет места ничему, потому что снова появляется стерильная идеальность операционной, которая не потерпит никаких различий. Она требует очевидности, прозрачности, которые полностью осуществимы только в гомогенном, ничего не скрывающем в себе пространстве. Соблазн же полностью отвергает эту гомогенность, играя на несходстве и различиях: «Скудостью отличается любая теория отражения, особенно же идея, будто соблазн коренится в притяжении тождественным, в миметическом восхищении собственным образом или в каком-то идеальном мираже сходства» [7].

Получается, что достижение сферы соблазна – возможность выпрыгнуть из мира симуляции, который заставляет нас бесконечно вращаться вместе со всеми симулированными феноменами, делая симулякрами нас самих. Но уйти в соблазн, то есть соблазниться, совратиться с бесконечного пути симуляции возможно только при участии Другого. Без Другого этот побег будет невозможен. Мы дублируем сами себя и не можем остановиться, но Другой чужд нам, он резко останавливает наше разрастание. Тайна соблазна вновь может появиться лишь тогда, когда наша жизнь станет игрой Другого. Но существует ли этот Другой? Как можно допустить, что он есть именно извне, что является самым главным условием вступления на путь соблазна? Думается, что на этот вопрос вполне возможно ответить с помощью понятия интерсубъективности. Если опереться на идеи Э. Гуссерля, то Другой будет вырисовываться более четко и определенно, избавляя нас хотя бы от сомнений в его существовании, что очень важно, так как сомнения стали едва ли не всеохватывающими в условиях, можно сказать, тотальной виртуализации бытия. На самом деле мое Ego оказывается уже подготовленным к принятию появления других структур, находящихся вне меня. «Так исчезает иллюзия, будто бы все, что я в качестве трансцендентального ego познаю как сущее для меня самого и истолковываю как конституированное во мне самом, должно принадлежать сфере моей собственной сущности» [8]. И то, что Другой не дан мне непосредственно, только увеличивает шансы на освобождение, потому что в этом случае возможность слияния и смешения сведена к минимуму. Другой не спасет нас с помощью какого-то необъяснимого колдовства и мистики. Весь смысл необходимости столкновения с Другим Ж. Бодрийар передал в одной своей фразе, которой заканчивается «Прозрачность зла»: «Другой – это то, что позволяет мне не повторяться до бесконечности» [9].

Таким образом, несмотря на тотальность охватывающей нас симуляции, все еще остается нечто, способное дать нам хотя бы возможность выхода за границу виртуализированной реальности. И это нечто самым определенным образом связано с феноменом Другого. Другой соблазняет нас, совращает с линейно-бесконечного пути копирования самого себя, он выбрасывает нас за пределы царства симулякров. Начальной же точкой подобного освобождения должно выступить понятие интерсубъективности, подробно рассматриваемое феноменологией.

Примечания

1. *Бодрийар Ж.* Символический обмен и смерть. М.: «Добросвет»: Изд-во КДУ, 2011. С. 236.
2. *Бодрийар Ж.* Прозрачность зла. М.: «Добросвет»: Изд-во КДУ, 2009. С. 170, 171.
3. *Бодрийар Ж.* Символический обмен и смерть. С. 292.
4. *Бодрийар Ж.* Прозрачность зла. С. 67.
5. Там же. С. 32.
6. *Бодрийар Ж.* Соблазн. М.: «Ad Marginem», 2000. С. 299.
7. Там же. С. 128.
8. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2004. С. 280.
9. *Бодрийар Ж.* Прозрачность зла. С. 257.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94.47

К. К. Вишняков-Вишневецкий

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В НАРВСКОЙ ЧАСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (КОНЕЦ 1850-х – НАЧАЛО 1880-х гг.)

В статье рассматривается деятельность иностранных промышленников в одном из районов Санкт-Петербурга, а именно в Нарвской части города.

The activity of foreign industrialists in one of the districts of ST/Petersburg (mainly in Narvskaya part of the city) is being analyzed in the article.

Ключевые слова: промышленник, иностранец, производство.

Keywords: an industrialist, a foreigner, production (manufacturing).

В Нарвской части Санкт-Петербурга из 62 предприятий были ранее основаны или принадлежали иностранцам 23, что составляло 37,1% их общей численности в этом районе города. Среди них выделялись ткацкое производство (7 фабрик), мыловаренное и кожевенное (по 3), а также механическое, бронзовых изделий, медно-котельное, алебастровое, гальванопластическое, сахарное, водочное, шляпное, обойное, спичечное. Наибольшее количество предприятий размещалось на набережной Обводного канала (6), Петергофском пр. (3), Измайловском пр., наб. Черной речки (Екатерингофки) и Резвом острове (по два предприятия), а также 12-й роте Измайловского полка, Дерптском пер., Дровяной, Динабургской, Лифляндской улицам (по одному предприятию).

Обратимся к наиболее значимым примерам деятельности иностранных промышленников в Нарвской части Петербурга.

Предприятие по производству чугунных и бронзовых изделий на Измайловском пр., 7 (позже по 4-й роте Измайловского полка, 20) содержал в 1850–1870-х гг. прусский подданный и купец 2-й гильдии (с 1866 г.) Фердинанд Белинг (1812–?).

На Гутуевском острове заводом с мыловаренным и костеобжигательным производством владел на Динабургской ул., 3 подданный королевства Саксония Карл Готлиб Грумбт (9/XII–1800 – 11/V–1864). В 1860–1870-х гг. его промышленное дело продолжал сын, купец 2-й гильдии (с 1865 г.) Вильгельм Грумбт (1836–?).

На Большом Резвом острове мыловаренный завод имел в собственности с 1856 г. подданный герцогства Мекленбург-Шверин Георг Фик (1814–?). Там же на острове размещался кожевенный завод Николая Карла Гибнера (1831–?). С 1858 г. в звании купца 2-й гильдии он занимался коммерческой деятельностью в Петербурге. В доме жительства на Большой Морской ул., 11 ему, а также жене Юлии Эмилии и дочери Луизе Марии Берте, принадлежала лавка по продаже изделий из кожи. С 1862 г. Н. Гибнер состоял присяжным, а с 1864 г. – заседателем Петербургской Ремесленной управы. В 1872 г. совместно с братом, купцом 2-й гильдии Рудольфом Карлом Эрнстом, он открыл на Гороховой ул., 37 специализированный магазин кожевенных изделий, а также кожевенный завод на набережной Обводного канала, 128. Позднее его брат учредил собственный кожевенный завод в доме жительства на Петергофском шоссе, 1, а также магазин на Гороховой ул., 33. До 1882 г. на указанном острове располагался костеобжигательный завод «Л. Шлафгорст и К°».

На углу набережной Обводного канала и Петергофской дороги (проспекта), в ряде зданий под № 142 (принадлежали немецким промышленникам Циммерманам), размещались несколько предприятий иностранцев. С 1814 г. здесь функционировала шляпная фабрика купцов Циммерманов. С 1855 г. предприятием владел купец 2-й гильдии Карл Фридрих Циммерман (1832–?). Ему и его жене Сюзанне принадлежал также шляпный магазин в здании Петропавловской церкви на Невском пр., 24, в виде торгового дома «Ф. Циммерман». В 1862–1866 гг. К. Ф. Циммерман состоял членом Петербургского коммерческого суда. Еще одно предприятие – с шелковым, шерстяным и бумажным производством – содержал здесь с 1850 г. подданный королевства Вюртемберг Иоганн Гефели (1820–?). На участке Циммерманов располагался также сахарный завод.

© Вишняков-Вишневецкий К. К., 2013

На участке Фердинанда Фердинандовича Циммермана располагалась обойная фабрика уроженца Гамбурга Иоганна Филиппа (Филиппа Александровича) Шеффера (10/VIII–1800 – 12/XIII–1872). С 1826 г. он вел коммерческую деятельность в Петербурге в звании купца 2-й гильдии. Еще в 1845 г. указывалось, что на фабрике Шеффера были «...соединены все условия превосходной фабрикации; жаль только, что она не достигла дешевизны, сего главнаго условия обширнаго производства» [1]. «По отзывам экспертов, лучше и дешевле других были обои Шеффера» на выставке российских мануфактурных изделий в 1849 г. [2] Три образца бордюров фабрики И. Ф. Шеффера приведены в энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга» [3]. В 1860–1870-е гг. из 12 обойных фабрик столицы две – фирмы «Камюзе», принадлежавшей лифляндскому дворянину Э. фон Вульф-Роннебургу, и Шеффера – признавались и были ведущими [4].

В 1862 г. обойная фабрика Шеффера насчитывала 26 рабочих. В 1860–1864 гг. Филипп Александрович состоял присяжным попечителем столичного Коммерческого суда (вместе с Фридрихом Циммерманом). И. Ф. Шеффер был женат на Анне Вильгельмине Пель (1812–1890). В 1860–1870-е гг. Шефферу принадлежала также обойная мастерская с магазином на Большой Морской ул., 23. Проживал на купленной собственной даче на Лифляндской улице (не сохранилась). В 1860–1864 гг. Шеффер состоял присяжным попечителем Петербургского коммерческого суда. После смерти Шеффера, похороненного на Волковом лютеранском кладбище, его обойное производство перешло к И. Иогансону.

В 1864 г. Экспедицией заготовления государственных бумаг была упразднена собственная бумажная фабрика на Лифляндской улице. Предприятие было основано выходцем из Ганау, придворным банкиром, бароном Александром (Александром Александровичем) Ралем не позднее 1821 г. и куплено Экспедицией в 1834 г. с целью начала производства «беленой массы» для выделки бумаг, простой печатной бумаги, оберточной, политурной и других сортов [5].

В числе крупнейших промышленников Нарвской части значились немецкие промышленники Аухи. В 1846 г. на Гутуевском острове (позже на наб. Черной речки, 89) Амалия Карловна Аух основала предприятие с ткацким и красильным производством. В 1850 г. семейное дело перешло к ее наследнику, прусскому подданному и купцу 1-й гильдии Теодору Людвигу Ауху (28/II–1808 – 30/IX–1866; был похоронен на Волковом лютеранском кладбище). В начале 1860-х гг. на фабрике было занято 115 рабочих и 8 подростков; ежегодно вырабатывалось продукции на 148 640 рублей. В 1864 г. с целью прибрести дополнительные площади для расширения производства А. К. Аух участвовала в торгах по продаже участка на Лифляндской улице, но неудачно. С 1869 г. предпринимательскую деятельность продолжил его сын, купец 1-й гильдии Теодор Фердинанд Аух (14/VI–1842 – 27/I–1890). Он унаследовал промышленное дело на набережной Черной речки, 89, затем на его основе открыл фабрику шерстяных изделий (наб. р. Екатерингофки, 19/2). Производилось сукно, трико, байки, фланели, шарфы, одеяла, платки.

В фирме немецких промышленников и торговцев Герике, содержавших с 1840-х гг. алебастровый завод на наб. Екатерингофки, 7, начинал свою деловую карьеру А. И. Лейкин, отец известного петербургского писателя и издателя Н. А. Лейкина [6]. По воспоминаниям последнего, «отец и дядя, служа у иностранных купцов, где обращение со служащими было неизмеримо лучше, чем у русских купцов, и проча и меня на службу в подобную же контору, – они видели, какой недостаток представляло им по службе незнание иностранных языков, а потому и хотели, чтобы я научился немецкому и французскому языкам. Отец очень часто говорил, что товарищ его бухгалтер (по фирме К. Герике. – *Авт.*), знающий по-немецки и по-французски, получает вдвое больше его, и работы у него менее» [7]. После окончания Реформаторского училища в Петербурге Н. А. Лейкин встретил весьма благожелательное к себе отношение со стороны немцев-оптовиков: «Надо отдать его в большую иностранную купеческую контору для практики – человеком будет. Хорошо бы послать за границу в контору, в Гамбург, – советовали они. – В торговле у папаши не наука» [8].

Упомянутые Лейкиным немецкие купцы Герике, содержавшие промышленное предприятие в Нарвской части, были известны в Петербурге с 1829 г. В этом году предпринимательскую деятельность открыл в российской столице купец 2-й гильдии (с 1834 г. – 1-й гильдии) Карл Фридрих Герике (3/X–1793 – 19/XI–1872; был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище), происходивший из прусского города Шнейдемюль. Во второй четверти XIX в. он занимался продажей строительных и москательных товаров в собственных лавках в Гостином дворе. В 1851 г., за достигнутые успехи на коммерческом поприще, вместе с женой Елизаветой Каролиной (рожд. Флуг; 11/IV–1792 – 23/VIII–1892) и детьми был возведен в потомственное почетное гражданство. К середине XIX в. Герике состоял в родстве с петербургскими биржевиками Фелейзен (дочь Елизавета Августа была замужем за Константином Карловичем Фелейзеном) и Молво [9]. В 1862 г. алебастровый завод Герике при 30 рабочих произвел продукции на 44 тыс. руб. В этом

же году жена Герике, его сыновья Карл (7/XI–1828 – 5/III–1895), Фридрих (1837–?) и Гавриил (?–?), а также австрийский подданный Иван Львович фон-Планше преобразовали дело в торговый дом «К. Ф. Герике». С 1866 г. предпринимательскую деятельность продолжал наследник, купец 1-й гильдии Карл Карлович Герике, женатый на Елене Елизавете (дочь московского купца Людовика Планше). Ему принадлежал алебастровый завод на наб. Обводного канала, 154 и магазин в доме жительства (Бол. Конюшенная ул., 10 – при здании Петропавловской церкви). Кроме того, он состоял бразильским вице-консулом с 1869 г., почетным членом Дома призрения и ремесленного образования бедных детей в Петербурге с 1876 г. За широкую благотворительную деятельность в 1879 г. он был удостоен ордена Св. Станислава 3-й степени. Проживал с женой Еленой Елизаветой, сыновьями Карлом (1867–?) и Габриэлем (Гавриил) (1871–?), дочерью Еленой и Маргаритой.

В 1872 г. в 3-м квартале Нарвской части Л. Е. Кениг начал строительство Чернореченской бумагопрядильной мануфактуры.

Считаем целесообразным более подробно рассмотреть предпринимательскую деятельность Л. Е. Кенига в Петербурге по ряду причин.

Во-первых, это был один из известных предпринимателей-иностранцев не только в столице, но и в России. Во-вторых, Кениг занимался несколькими видами производств (сахарное, писчебумажное и хлопкопрядильное), и занимался успешно (начиная от получения большой серебряной медали в 1861 г. и кончая пожалованиями званий, вплоть до действительного тайного советника). В-третьих, факты из биографии Л. Е. Кенига дают возможность показать, в каких непроизводственных сферах участвовали петербургские предприниматели (избрание Кенига членом Вольного экономического общества, попечительство по «благотворительным капиталам» столичной биржи, приобретение недвижимости и собственное гражданское строительство, благотворительная деятельность не только в России, но и за рубежом и др.). В-четвертых, приведенные ниже сведения из посмертной описи имущества Л. Е. Кенига показывают, в какие банки и фирмы предпочитали вкладывать свой капитал иностранные предприниматели.

Наконец, как писал современник, «биография Л. Е. Кенига представляет интерес не только как приложение к описанию завода, без которого много теряет, но и как описание жизни поразительно цельной и интересной личности, имеет самостоятельный... интерес» [10].

Леопольд Георг (Леопольд Егорович) Кениг родился в Санкт-Петербурге 13 ноября 1821 г. Крестили его в евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны. Надо сказать, что свыше 90% петербургских немцев в XVIII–XIX вв. были протестантами, около 5% – католиками и только 1% – православными [11].

Отец Леопольда, Иоганн Георг (8/V–1785 – 23/II–1856), сын мельника, прибыл в Россию в 1812 г. Оказавшись в Санкт-Петербурге, И. Г. Кениг устроился работать в булочную, находившуюся на Офицерской улице, около Театральной площади. Через пять лет женился на Гертруде Элизабет Вебер. В том же году купил булочную на Васильевском острове. Проживал в здании Театральной дирекции на наб. Екатерининского канала. Владел этим домом купец 1-й гильдии Георг Голлидей (Голлидай). В 1837 г. на участке № 7 по 4-й линии Васильевского острова был возведен каменный дом «для жены пекарного мастера» Кенига [12]. У супругов И. Г. и Г. Е. Кенигов было семь дочерей и четыре сына: Юлия, Шарлотта, Елизавета (последние две вышли замуж за прусских подданных), Вильгельмина, Эмилия, Гентриетта (вышла замуж за предпринимателя Эдуарда Папмеля), Флорентина, Леопольд, Давид, Эммануил и Георгий (являлся саксонским подданным).

В 1837 г. Л. Е. Кениг поступил на сахарный завод Карла Августа Папмеля (на его дочери, Иоганне Каролине, Кениг женился в 1846 г.). В 1842 г. стал первым помощником хозяина предприятия. В том же году Леопольд Егорович поступил главным мастером на сахарный завод купца 1-й гильдии, коммерции советника, члена Мануфактурного совета при Департаменте мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов П. И. Пономарева (его завод располагался в Коломенской части). Через 6 лет Л. Е. Кениг основал собственный сахарорафинадный завод, который вскоре продал, и взял в аренду другое предприятие – сахарный завод «Пономарев и Крамер» [13].

В 1855 г., после непродолжительного изучения сахароваренного дела в Гамбурге, Л. Е. Кениг купил участок с находившимся на нем многоэтажным каменным зданием сахарного завода, граничивший с Екатерингофским садом, у британского подданного, иностранного гостя Джейльса Лодера (1800–1871).

Дж. Лодер имел статус «иностранного гостя» до 1 января 1863 г. Так как указанный статус имел и ряд других иностранных предпринимателей, считаем целесообразным пояснить, что статьей 11-й высочайшего манифеста от 11 ноября 1824 г. иностранному гостю дозволялось там, где он «записался», иметь «для жительства» в городе и за его пределами, «заводить, приобретать и содержать фабрики, заводы и мануфактуры, на которых и действовать вольнонаемными людьми», осуществлять «торг переводов денежных на

иностранныя биржи или домы», «закупать или выписывать для своих заведений нужные припасы и орудия, продавать оптом по городам, также при фабрике или мануфактуре свои изделия, высылать оныя за границу» на свой или иной счета. Иностранный гость имел право купленный товар отправлять в порты или пограничные пункты, выписывать из-за границы «позволенные товары» и продавать их оптом, но обязан был «платить все повинности по тому городу, где записан, и брать свидетельство купца 1-й гильдии», не имел права вексельных дел с купцами 3-й гильдии. Не имел права иностранный гость торговать в розницу, не мог иметь «фабрик, заводов, мельниц, и никаких торговых или механических заведений», отдавать их в аренду «без особого дозволения», которое могло быть только *высочайшим* [14]. «Сверх капитальнаго оклада» гость должен был нести «городовыя повинности и тягости вещественныя». Не мог избираться «в городския службы». Имел право покупать на территории Российской империи товары, но только у российских купцов или помещиков (статья 1-я второй главы Таможенного устава также запрещала иностранцу «торговать, продавать и менять товары» другому иностранцу – только российскому купцу).

Приобретя екатерингофский сахарный завод, Л. Е. Кениг сразу приступил к его модернизации и расширению. Завод, насчитывавший около двух сотен рабочих, производил тростниковый и свекловичный рафинад и патоку. В 1857 г. Кениг отказался от аренды сахарного завода в Коломенской части.

В 1858 г. Л. Е. Кениг записался купцом 1-й гильдии в финском городе Фридрихсгамне.

В следующем году Леопольд Егорович был избран членом Императорского Вольного экономического общества. Причислен был ко 2-му отделению Общества [15]. Согласно уставу 1859 г. это отделение (ремесленные и фабричные производства) должно было «заботится о распространении полезных сведений о ремеслах, заводах и фабриках, в ближайшей связи с сельским хозяйством», а также информации по механике и строительству [16]. При получении диплома Общества его члены вносили в кассу Общества или 100 рублей единовременно, или 50 рублей единовременно и по 10 рублей ежегодно в течение пяти лет.

По итогам Санкт-Петербургской мануфактурной выставки 1861 г. Л. Е. Кениг был награжден большой серебряной медалью. В 1862 г. из пяти столичных сахарных заводов Кенигу принадлежали два – на Лифляндской улице и на Выборгской стороне (наб. Большой Невки, 5). Остальными тремя владели купец С. А. Шухов, купец 1-й гильдии Фридрих Вильгельм Кешнер (оба завода находились на 4-й и 5-й линиях Васильевского острова) и Гауф.

На 1862 г. общая мощность паровых машин на сахарном заводе на Лифляндской улице составляла 25 сил. В следующем году мощность машин увеличилась в два раза. На заводе имелись 4 паровые машины – больше, чем на всех вышеперечисленных сахарных заводах, вместе взятых (Кешнера, Шухова и Гауфа). На заводе постоянно работали пять мастеров, все они были иностранцами. Рабочих насчитывалось 185 человек (1862 г.), в 1863 г. – 200 человек, в 1867 г. – 148 человек. В 1863 г. на каждую столичную фабрику приходилось в среднем 164 рабочих – сахарный завод Кенига в Екатерингофе до 1867 г. занимал второе место (на первом месте были прядильные предприятия – 520 человек); выработка завода в стоимостном измерении составляла 2,8 млн рублей в 1862 г., в следующем году – 3,3 млн рублей, что составляло более 80% выработки заводов Кешнера, Шухова и Гауфа, вместе взятых [17]. Развитие и рост свеклосахарного производства в южных губерниях страны привели к значительному сокращению числа рафинадных заводов в Петербурге. В столицу стал завозиться более дешевый готовый сахар. К 1860 г. в Петербургской губернии осталось только 9 рафинадных заводов [18].

В сентябре 1873 г. городская Управа приняла постановление о перепрофилировании сахарного завода на Лифляндской улице в писчебумажную фабрику. Заведовать этим предприятием стал доверенное лицо Л. Е. Кенига фридрихсгамский купеческий сын Александр Карлович Папмель (1836–1903).

После введения с 1 января 1863 г. нового гильдейского устройства фридрихсгамский купец Л. Е. Кениг получил «свидетельский билет» [19]. 28 октября (9 ноября) 1869 г. Л. Е. Кениг с женой и четырьмя несовершеннолетними сыновьями был принят «в русское по Великому Княжеству Финляндскому подданство».

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. Кениг приобретает по обеим сторонам Лифляндской улицы еще несколько участков [20].

Л. Е. Кениг являлся попечителем «по благотворительным капиталам» столичной биржи. Поясним. В 1862 г. в Биржевой комитет поступило пожертвование в 10 тыс. рублей от купца 1-й гильдии А. И. Тименкова. Этот капитал назывался «благотворительным капиталом Фролова и Тименкова» и должен был оставаться неприкосновенным – с его процентов по решению Комитета выдавались пособия «недостаточным лицам биржевого сословия». 3000 рублей поступило по завещанию купца Соловьева. Другие «благотворительные капиталы» Биржи составлялись из процентов с капитала, из взносов за сбо-

ры за маклерские знаки, из штрафов с лиц, не соблюдавших установленное время для биржевых собраний; часть средств шла от сбора за посещение биржи. Сама биржа из своих доходов образовывала особые капиталы (например, по поводу 50-летия министра финансов Княжевича (1861). 25 тыс. рублей внес А. Л. Штиглиц. Суммы шли на благотворительные цели. Деньги также собирались среди биржевого купечества по подписке (например, постройка ремесленного училища цесаревича Николая).

Л. Е. Кениг часто отдыхал на курортах, достаточно много путешествовал. В 1868 г. в Бонне он приобрел виллу. Исследователи считают, что ее архитектором был петербуржец, сын уроженца Штральзунда, выходец из семьи купцов, профессор и академик архитектуры Императорской Академии художеств, член Союза берлинских архитекторов Людвиг Людвигович Бонштедт [21]. Среди возведенных им в Петербурге промышленных сооружений – производственные пивоваренного завода Калинкинского пивоваренного и медоваренного товарищества, мыльная фабрика при Невском стеариновом заводе. Бонштедту также принадлежит перестройка сахарного завода М. Карра. Продал эту виллу Кениг в самом конце 1890-х г. предпринимателю Р. Хаммершмидту. С 1949 по 1994 гг. «Вилла Хаммершмидт» являлась официальной резиденцией президентов ФРГ. В Германии Л. Е. Кениг участвовал в деятельности евангелического церковного общества, в строительстве Кройцкирхи в Бонне.

Приобретя у купца 1-й гильдии, князя В. Н. Тенишева последний «чужой» участок по нечетной стороне Лифляндской улицы, Л. Е. Кениг приступил к строительству Чернореченской бумагопрядильной мануфактуры (хотя сама идея Кенига открыть собственное прядильно-ниточное производство относится к середине 1850-х гг.). Официально датой основания предприятия считается 1873 г.

Все строительные работы велись под руководством и по проектам архитектора Н. В. Трусова. Его помощником был выпускник брауншвейгского строительного училища А. И. Рейнбольдт. В дальнейшем в строительстве бумагопрядильни (расширении производственных корпусов и строительстве вспомогательных) принимали участие архитекторы В. В. Виндельбандт, К. К. Шмидт, А. Р. Гавеман.

Одновременно со строительством бумагопрядильни архитектор Н. В. Трусов возвел на четной стороне Лифляндской улицы трехэтажный жилой дом для высшего административного персонала предприятия. Дом сохранился в расширенном и надстроенном виде. С 2002 г. в нем располагается Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования.

Свидетельство «на право проводить работы» на Чернореченской бумагопрядильне было выдано Л. Е. Кенигу петербургским градоначальником А. Е. Зуровым 14 декабря 1874 г. [22]

Вместе с Л. Е. Кенигом в делах фабрики в 1870-х – начале 1880-х гг. участвовал его сын Леопольд. В 1883 г. он стал компаньоном отца (с 1897 г. – владельцем участка, на котором располагались все фабричные строения).

Выбор Л. Е. Кенигом сына в качестве компаньона, а затем и передача ему во владение участков на Лифляндской улице, связана не только исключительно родственной связью и естественным желанием отца, чтобы сын продолжил его дело. Проблема семейственности в деловых отношениях гораздо глубже и имеет ряд аспектов. Этой проблеме посвящена глава «Семейная фирма в институциональном пространстве деловых отношений в России» в монографии М. Н. Барышникова [23].

Автор пишет, что на протяжении XIX и в начале XX в. в условиях масштабных изменений в экономической жизни России трансакционные издержки (которые возникали в связи с созданием, совершенствованием и развитием внутрифирменной структуры, а также предпринимаемыми мерами по повышению эффективности деятельности компании на том или ином этапе ее функционирования) претерпевали значительные изменения, и они обусловливали различия в соотношении формальных и неформальных усилий в деле обретения и защиты прав собственности». Еще в первой половине XIX в. родственные связи, преданность семье, принадлежность к этнической общности создавали условия, которые делали выгодным соблюдение соглашений. Важнейшей в проблеме распределения ресурсов внутри семьи и вокруг нее явилась «способность членов семьи обеспечить в условиях неопределенности институциональной среды единство и преемственность дела, чтобы минимизировать возможные издержки», а «совпадение семейно-родственных и коммерческих интересов обеспечивало стабильность и предсказуемость поведения компаньонов, согласованность их позиций в процессе принятия и реализации решений» [24]. М. Н. Барышников приводит ряд примеров, свидетельствующих о наличии в российских компаниях (правда, уже конца XIX в.) немаловажной особенности – совмещения в одном лице собственника и управленца высшего звена – и делает вывод, что возможная напряженность во взаимоотношениях собственника с управляющими снималась семейным характером ведения дела.

Относительно бумагопрядильного производства в Санкт-Петербурге, которое вели, в частности, иностранные предприниматели, значимым является вывод М. Н. Барышникова о том, что

«наличие в составе собственников мужского потомства способствовало, при имеющихся необходимых знаниях и опыте, укреплению семейной фирмы, но не определяло успех и продолжительность деловых начинаний. Участие в торговом, промышленном... предприятии сыновей... обеспечивало прежде всего стабильность дела и сохранение капиталов в семье» [25].

В журнале генеральной проверки торговли и промыслов по Нарвской части 3-го участка за 1881 г. указано: управляющим в «главной конторе» предприятия является фридрихсгамский купец А. Поганен, бухгалтером – Г. Шутце, конторщиками – Ф. Шульце и подданный города Любека И. Шемахер [26]. Управляющим всеми строениями на участках Кенига на Лифляндской улице на протяжении десятилетий был постоянный сотрудник Кенигов, почетный гражданин Л. Х. Бейнродт.

Бумагопрядильня Л. Е. Кенига была оснащена оборудованием английского производства. Купить его Кениг мог или напрямую, или через фирму Людвига Иоанна (Людвига Герасимовича) Кнопа, сына мелкого бременского торговца, выпускника коммерческого училища, бывшего коммивояжера английской фирмы «Де Джерси». Второй вариант не исключен, ибо, по оценке начала XX в., на протяжении десятилетий большинство бумагопрядильных фабрик находилось «в сфере неотразимого влияния» (то есть монополизма) фирмы Людвига Кнопа, и предприятия на российской территории «не могли приобретать никаких машин, кроме одобренных Кнопом, во избежание немилости «хлопчато-бумажнаго короля» [27]. Помимо поставки оборудования фирма Л. Кнопа приглашала из Англии и специалистов для монтажа. Важно отметить, что строительство мануфактуры на Лифляндской улице шло одновременно с возведением почти на границе города, на территории Царскосельского уезда, в Волынкиной деревне, предприятия Товарищества Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры (устав утвержден в 1872 г.), соучредителем которой был Л. Кноп, а его сын впоследствии станет директором правления Товарищества. К тому же Л. Кноп в 1850-е гг. был самым крупным поставщиком хлопка во всей России. Он устанавливал цены не только на хлопок, но и на пряжу (мог в любое время выбросить на рынок огромную массу товара и «побить каждого конкурента») [28].

На январь 1879 г. на предприятии имелись 2 паровые машины общей мощностью 450 л. с. и пять паровых котлов. В 1878 г. в действии было 60 тыс. прядильных веретен, в 1880 г. – 72 500 (в 1900 г. – 90 тысяч). В 1879 г. пряжи – основной продукции предприятия – было выпущено на 71,5 тыс. пудов на сумму 1,07 млн рублей (в самом конце XIX в. – почти 289 тыс. пудов пряжи на сумму до 4 млн рублей) от № 1 до № 120. Показатель выпускавшихся на фабрике Л. Е. Кенига номеров пряжи показывает, что в этом отношении предприятие было одним из передовых [29]. В конце 1860-х гг. преобладали выпускавшиеся номера до 20-го (средние не поднимались выше № 48). Как указывалось в «Обзоре цен и товаров...» за 1893 г., российское бумагопрядильное производство и спустя четверть века ограничивалось в целом номером 70. Средний годовой номер приблизительно был равен 28 – двадцатые номера шли на выделку миткаля, отделывающегося в белевой, крашеный и набивной товар.

Во второй половине 1870-х гг. сбыт продукции фабрики распространялся на Санкт-Петербург и Москву. Позднее, кроме Петербурга, склады бумагопрядильни Л. Е. Кенига имелись в Киеве, Риге, Варшаве, Ревеле, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках.

Высокая оценка продукции мануфактуры Л. Е. Кенига пришла уже при Александре III. Это были медали в память о Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве (1882), Международной колониальной и экспортно-торговой выставке в Амстердаме (1883), Всемирной выставке в Антверпене (1885). В 1886 г. предприятие было удостоено права изображения государственного герба на изделиях и вывесках. Как известно, это была одна из форм поощрения заводовладельцев за высокое качество изделий и организацию производства, введенную «Положением о выставках изделий мануфактур, фабрик и заводов в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве» (1848).

На конец 1874 г. бумагопрядильня Кенига насчитывала 60 человек рабочих. На начало 1879 г. на предприятии работали 9 мастеров-иностранцев, от 16 лет и старше – 192 мужчины и 136 женщин, детей до 16 лет – 40 мальчиков и 13 девочек и 16 мужчин в качестве чернорабочих. Итого – 406 человек. В 1878 г. на фабрике Л. Е. Кенига среди рабочих лиц до 16 лет и детей до 12 лет насчитывалось 60%, в 1882 г. – 21%. Средний размер российского бумагопрядильного предприятия на 1884 г. составлял 165 рабочих. То есть предприятие Кенига на Лифляндской улице более чем в 2 раза превосходило этот показатель еще несколькими годами ранее.

Объяснение высокого процента мужчин на бумагопрядильных предприятиях (до конца 1910-х гг.) дал историк отечественной и зарубежной науки и техники В. Данилевский. Так, на мюль-машинах крутка, намотка, отмотка и навивание чередовались, а на ватерных машинах они осуществлялись непрерывно. Мюль-машина тре-

бовала более высокой квалификации, поэтому на них «был необходим» труд мужчин. На ватерах же можно было обойтись женским и даже детским трудом [30].

В августе 1866 г., в связи с эпидемией холеры и волнениями рабочих, Александр II повелел предпринимателям обустроить больничные помещения при фабриках и заводах из расчета одна койка на 100 рабочих, а также бесплатно их лечить. К 1882 г. для больных на бумагопрядильне Кенига имелась «лазаретная кровать» и постоянно дежурил фельдшер.

Первая в истории Чернореченской бумагопрядильни забастовка проходила с 29 ноября по 6 декабря 1878 г. О ней подробно написал член «рабочей группы» народнической организации «Земля и Воля» Г. В. Плеханов [31].

19 февраля 1880 г. министр финансов С. А. Грейг известил Л. Е. Кенига, что ему высочайше пожаловано звание коммерции советника. Представлен Леопольд Егорович к званию был «за обширное производство на принадлежащих ему двух сахарных заводах и бумагопрядильной фабрике и за торговлю сахаром, хлопком и пряжею». Годовой оборот предпринимательской деятельности Кенига составлял около 10 млн рублей [32].

Вместе с главой товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» и торгового дома «Людвиг Нобель» Э. Л. Нобелем и членом правления акционерного общества «Зигель К.» (механический завод) саксонским подданным Готфридом Куртом Зигелем Л. Е. Кениг принял участие в устройстве Александрийского женского приюта. На собранные среди евангелических прихожан средства на обширном участке Васильевского острова (Большой пр., 51) было построено здание приюта.

В период 1861–1886 гг. адрес проживания Л. Е. Кенига указывался так: «в собственном доме № 402, по Лифляндской ул.», «сахарный завод, в том же доме» [33], «собственный дом № 4 в Екатерингофе» [34].

Скончался действительный статский советник Л. Е. Кениг в собственном доме на Сампсониевской набережной, 5–7 17 декабря 1903 г. Был погребен 20 декабря на Волковом лютеранском кладбище. «Банковая и торговая газета» сообщила, что скончался «один из солиднейших представителей петербургского купечества, известный не только во всей России, но и за границей “сахарный король”... Леопольд Егорович Кениг. Без всяких средств, без связей выступил он в начале сороковых годов на практическое поприще и теперь оставил состояние, которое даже трудно поддается оценке. <...> Л. Е. Кениг, помимо своего богатства, был известен своим прямым, честным характером и широкой благотворительностью...» [35].

Согласно посмертной описи имущества Л. Е. Кенига, им было оставлено следующее. «Движимости», «составляющей предмет торговли и промысла», – 1 381 тыс. рублей. Капитала в наличных деньгах и процентных бумагах – 16 048 тыс. рублей. Недвижимого имущества в городах и посадах – 1625 тыс. рублей. Недвижимого имущества в уездах (включая земли) – 5 783 тыс. рублей, «долгового имущества» – 1002 тыс. рублей. Всего – 25 853 484 рубля 19 копеек. Капитал Л. Е. Кенига хранился на расчетных книжках и закладных листах банков, в процентных бумагах. Сколько, в каких банках и чьих процентных бумагах – вопрос, без сомнения, представляющий интерес, но относящийся скорее к истории предпринимательства и банковской сферы в России второй половины XIX в. Например, расчетные книжки Санкт-Петербургского Учетно-ссудного банка, Общества взаимного кредита, Санкт-Петербургской конторы Московского Купеческого банка, Санкт-Петербургского Частного коммерческого банка, Волжско-Камского коммерческого банка, Русского для внешней торговли банка, Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка, Санкт-Петербургской конторы Государственного банка. В процентных бумагах – от 10 до 290 паев: Товарищества Новой бумагопрядильни, Сумского машиностроительного общества, Санкт-Петербургского Учетно-ссудного банка, «Русского Ллойда», пивоваренного общества «Бавария», Харьковского и Киевского рафинадных заводов, Санкт-Петербургского Международного коммерческого банка, Санкт-Петербургского газового общества, Московско-Киево-Воронежской, Рязанско-Уральской, Московско-Виндаво-Рыбинской и Ростовско-Владимирской железных дорог, Санкт-Петербургского Частного коммерческого банка, Общества столичного освещения, Металлического завода, Товарищества нефтяного производства братьев Нобель, Сергинско-Уфалейских заводов и др. Облигации займов городов Санкт-Петербурга, Тифлиса, Москвы, Поти, облигации Одесского Городского кредитного общества, Невской пригородной железной дороги, Тифлисского городского кредитного общества, Рязанско-Уральской железной дороги, а также Общества пароходства по Волге, Дитятковской бумажной фабрики, железнодорожного займа 1880 г., Коломенского машиностроительного завода, водопроводных обществ Витебска и Казани и др. [36]

Проследив основные вехи предпринимательской деятельности Л. Е. Кенига и его сыновей в Петербурге, можно квалифицировать эту деятельность как свидетельство важности оптимального выбора Кенигами организационно-правовой формы их предприятий, ибо «та или иная форма предприятия являлась своего рода институцио-

нальным «образом» предприятия, соответствующим российскому законодательству и фиксирующим его хозяйственные возможности, права и обязанности, внутренний порядок и способы внешних связей» [37].

Купец 2-й гильдии (с 1868 г.) англичанин Вильям Юль (1823–?) имел в собственности в 1870–1880-х гг. чугунолитейный завод на набережной Обводного канала, 102.

В 1860-е гг. развернулась промышленная деятельность в Петербурге выходца из Граубинденского кантона Швейцарии, купца 2-й гильдии (с 1869 г.) Маврикия (Морица) Конради (12/V–1831 – 12/X–1887; был похоронен на Волковском лютеранском кладбище). Ему принадлежала шоколадная фабрика в собственном доме на Садовой ул., 109. В начале 1880-х гг. он открыл новую фабрику на Петергофском пр., 20, а также магазины на Садовой ул., 20 и 36. После смерти М. Конради (в Берлине) дело перешло к вдове Софии Ивановне, сыновьям Виктору Эдуарду (1860–1918), Иоганну и Морицу (1869–1919), а также дочерям Эмилии, Луизе, Маргарите (в замужестве Леппин) и Софии (Годоман). Главой фирмы являлся В. Э. Конради, участвовавший в семейном деле с 1880 г. Состоял купцом 1-й гильдии, стал потомственным почетным гражданином и коммерции советником. Проживал при предприятии на Петергофском пр., 20, с женой Фридой Рихардовной, дочерьми Маргаритой, Эдитой-Иоганной, Софией Аделей Кларой. Ему принадлежали под фирмой «М. Конради» 9 кондитерских магазинов в разных частях города.

В. М. Конради занимался широкой благотворительной деятельностью. Состоял действительным членом Рыбинского ремесленно-промышленного попечительства, Всероссийского братского общества, почетным членом правления похоронной кассы кондитеров, приказчиков и приказчиц кондитерского дела в Петербурге, почетным членом Общества взаимопомощи трудом отставных и запасных чинов, действительным пожизненным членом Общества попечения об увечных воинах, калеках и брошенных детях, пожизненным членом Общества приморских санаторий для хронически больных детей, действительным членом Попечительного общества о трудовых приютах для лиц обоего пола и для увечных воинов и их семейств [38].

В полном смысле передовым явилось в своей области производство, открытое еще одним французом – Франсуа (Степановичем) Азибером. В 1862 г. он учредил на Старо-Петергофском пр., 42 предприятие по производству овощных консервов. В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. фабрика начала изготовлять и поставлять для войск мясные консервы. При новом владельце – купце 2-й гильдии Франце Азибере (1832–?) – предприятие становится официальным поставщиком консервов для русской армии (в 1903 г., со смертью Ф. Азибера, дело наследовал его сын Арман Азибер (проживал при фабрике) в форме торгового дома «Фабрика пищевых консервов для войск»).

С Нарвской частью связано начало промышленной деятельности гамбургского гражданина, затем швейцарского гражданина (в начале XX в. – германского подданного), барона Фердинанда Фердинандовича Краузкопфа. Летом 1859 г. он приехал в Петербург, чтобы основать здесь фабрику резиновых изделий. До этого Ф. Краузкопф был агентом одной из немецких фирм, закупавшей в Америке галоши и развозившей их в другие страны, в том числе и в Россию. Американская новинка повсюду встречала оживленный спрос, торговля этими изделиями оказалась делом исключительно доходным. Решив перейти от торговли к производству галош, Краузкопф быстро нашел в Петербурге компаньонов среди купцов, и они учредили «фабрику галош и других резиновых и гуттаперчевых изделий в Санкт-Петербурге». Участок арендовали на Обводном канале, 138, а к зиме уже выстроили первое здание. Технологический процесс был перенесен из Америки. Летом 1860 г. заработала в России первая резиновая фабрика, оформившаяся в 1861 г. в Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры (ТРАРМ) [39]. Дело сразу пошло: в октябре выпускалось уже до 1000 пар галош в день. Прибыли были настолько высоки, что товарищество решило не публиковать годового баланса, чтобы не привлечь внимания других предпринимателей к столь выгодному делу (с 1888 г. на изделиях появился фабричный знак в виде треугольника с начальными буквами фирмы внутри него, а еще через 20 лет название «Треугольник» было официально прибавлено к прежнему; в 1908 г. произошло слияние ТРАРМ и английского акционерного общества «Макинтош»). Комплекс АО «Треугольник» являл собой пример композиции, сочетающей периметральный и глубинный характер производственной застройки в городе. Сам Ф. Краузкопф являлся крупнейшим пайщиком этой компании [4] (в 1880–1890-х гг. он состоял директором товарищества, в начале XX в. – директором-распорядителем, затем председателем совета).

Заслуживают также внимания предприятия, учрежденные в 1870-е гг. немецкими промышленниками на набережной Обводного канала. В 1872 г. заседатель Петербургской Ремесленной управы, купец 2-й гильдии Николай Карл Гибнер (1831–?), совместно с братом, купцом 2-й гильдии Рудольфом Карлом Эрнстом, открыл кожевенный завод на наб. Обводного канала, 128, а также специализированный магазин кожевенных

изделий на Гороховой ул., 37. В 1880-х гг. Р. К. Э. Гибнер учредил собственный кожевенный завод в доме жительства на Петергофском шоссе, 1, а также магазин на Гороховой ул., 33.

Одновременно с Гибнерами собственное предприятие – по изготовлению искусственной шерсти на набережной Обводного канала, 64 – открыл уроженец Франкфурта-на-Майне, подданный Германии и петербургский купец 2-й гильдии (с 1865 г.) Август Реус (1834–?). Во второй половине XIX в. ему принадлежала также контора по представительству интересов иностранных фирм в доме жительства на Гороховой ул., 1. В 1872–1881 гг. А. Реус состоял купцом 1-й гильдии, являясь агентом Морского страхового от огня общества. Здесь же – на набережной Обводного канала, 34 – содержал с 1875 г. лесопильный завод швейцарский гражданин, купец 2-й гильдии Генрих Студер (1829–?).

Примечания

1. *Бутовский А.* О писчей бумаге и обоях: обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб.: Тип. Департ. внешней торговли, 1845. С. 460.

2. Обозрение выставки Российских мануфактурных изделий в Санкт-Петербурге в 1849 году. СПб.: Тип. Департ. внешней торговли, 1850. С. 198.

3. См.: *Керзум А. П.* Обои и обойное производство // Три века Санкт-Петербурга: энциклопедия: в 3 т. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. Т. II. Кн. 4. С. 644.

4. См.: Санкт-Петербург за 1862 г. СПб.: Изд-е С.-Петерб. стат. комитета [1863]. С. 12.

5. См.: *Ходанович В И.* Лифляндская улица: из истории деловой, культурной жизни и быта Санкт-Петербурга в XVIII–XX веках. СПб.: СПбИГО: ООО «Книжный дом», 2010. С. 206–207.

6. *Лейкин Н. А.* Мои воспоминания // Петербургское купечество в XIX в. СПб., 2003. С. 127.

7. Там же. С. 161.

8. Там же. С. 184–185.

9. См.: РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1142. Л. 1–3.

10. *Орлов Н. М.* С.-Петербургский сахаро-рафинадный завод Л. Е. Кениг-Наследники. СПб.: Тип. В. Кене и К°, 1913. С. VII.

11. См.: *Дальман Д.* Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // Немцы в России. Петербургские немцы: сб. ст. / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 157.

12. См.: *Никитенко Г. Ю., Соболь В. Д.* Дома и люди Васильевского острова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 272.

13. См.: *Цылов Н. И.* Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год. СПб., [1849]. С. 386.

14. Высочайший манифест от 14-го ноября 1824 года, с приложением Высочайше конфирмованного Дополнительного постановления об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний // Журнал мануфактур и торговли. 1825. № 1. С. 30–32.

15. См.: Журнал мануфактур и торговли. 1863. Кн. 7 и 8. С. 59.

16. См.: *Ходнев А. И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1865. С. 636.

17. См.: *Ходанович В. И.* Лифляндская улица: из истории деловой, культурной жизни и быта Санкт-Петербурга в XVIII–XX веках. С. 112.

18. См.: Свеклосахарная промышленность // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. 1. СПб., 1862. С. 135.

19. См.: Справочная книга о лицах с.-петербургского купечества и др. званий, получивших в течение времени с 1-го ноября 1882 по 1-е февраля 1883 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1883. С. 36.

20. В 1874 г. – первое имение в Харьковской губернии; к концу жизни Леопольду Егоровичу принадлежали уже земли площадью более 40 тыс. га, на них располагались сахарные, винокуренные и кирпичные заводы, паровые мельницы для производства круп, фермы, конный завод.

21. См., например: *Шретер В. А.* Людвиг Людвигович Бонштедт // Зодчий. 1886. № 1–2. С. 2; *Микишатьев М., Гайдебрехт Г.* Бонштедт // Немцы в России: Энциклопедия: в 3 т. Т. 1. М.: «ЭРН», 2004. С. 225–226.

22. См.: *Ходанович В. И.* Из истории петербургской промышленности в XIX–XX вв.: Чернореченская бумагопрядильня – ОАО «Советская звезда» / В. И. Ходанович, А. С. Каневский. СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2011. С. 63.

23. *Барышников М. Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб.: ООО «Книжный дом»: СПбИГО, 2006. С. 35–63.

24. Там же. С. 35, 37, 43.

25. Там же. С. 47.

26. См.: *Ходанович В. И.* Из истории петербургской промышленности в XIX–XX вв. С. 59.

27. *Иоксимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М.: Изд-е кн. магазина «Вестник мануфактурной промышленности», 1915. Т. 1. Раздел 7.

28. *Гавлин М. Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Кнопов: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 27, 29.

29. См.: *Ходанович В. И.* Леопольд Егорович Кениг – виднейший петербургский предприниматель XIX века // Университетский научный журнал. СПб., 2012. № 2. С. 160.

30. См.: *Данилевский В.* Очерки истории техники XVIII–XIX вв. М.; Л., 1934. С. 37–38.

31. См.: *Плеханов Г. В.* С бумагопрядильной фабрики Кенига // Сочинения / под ред. Д. Рязанова. Изд. 2-е. М.; Пг.: Госуд. изд-во, 1923. Т. 1. С. 37–44.

32. См.: *Ходанович В. И.* Лифляндская улица. С. 92–93.

33. См.: Адресная и справочная книга для купцов. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1861. С. 12–13.

34. См.: Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества и других званий, получивших с 1-го ноября 1885 г. по 1-е февраля 1886 г. свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промыслов в С.-Петербурге в 1886 г. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1886. С. 33.

35. Банковая и торговая газета. 1903. 20 дек. С. 877.

36. См.: *Ходанович В. И.* Из истории петербургской промышленности в XIX–XX вв. С. 41. Согласно

духовному завещанию Л. Е. Кенига, составленному 13 сентября 1896 г., своими наследниками «на праве собственности» он назначил своих пятерых сыновей: Эрнста Карла Вильгельма (15/II–1849 – 1927), Леопольда Георга (13/V–1852 – 9/I–1912), Александра Фердинанда (8/II–1858 – 16/VII–1940), Фридриха Георга (6/XI–1860 – 13/XII–1908) и Юлия Адольфа (8/IX–1869 – 1927).

В период до 1881 г. Эрнст и Александр учились в частной школе и в Королевской гимназии в Бонне. В 1874 г. Александр поступил в гимназию Арнольдиниум – одно из старейших учебных заведений Германии, закончил ее в 1880 г. Леопольд, как и братья, закончил частную школу, затем продолжил обучение в одном из институтов города Мангейма.

37. *Барышников М. Н., Вишняков-Вишневецкий К. К.* Иностранные предприниматели в Петербурге во второй половине XIX – начале XX века. С. 261.

38. См.: РГИА. Ф. 1102. Оп. 2. Д. 723. Л. 1–11.

39. См.: Торгово-промышленный мир России. Год войны: иллюстрированный ежегодник / под ред. Е. В. Михальского. Пг., 1916. Ч. 4. С. 28.

40. См.: ЦГИА СПБ. Ф. 1179. Оп. 34. Д. 53. Л. 365.

УДК 352/354:94(470)

Д. А. Калинина

ОРГАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

На основе анализа российского законодательства конца XIX – начала XX в. и оценки исследований ученых в статье сделана попытка воссоздания общей картины сложившейся в России системы взаимодействия органов центрального и местного управления и самоуправления.

Based on the analysis of the Russian legislation late XIX – early XX century. and evaluate research scientists in the article is an attempt to recreate the picture in the current Russian system of interaction between the central and local government bodies.

Ключевые слова: система органов центрального управления, органы местного самоуправления, губернатор, подчинение, соподчинение, Россия конца XIX – начала XX в.

Keywords: central government, local government, the governor, obedience, subordination, Russia of the late XIX – early XX century.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи контроль за деятельностью органов местного управления и в первую очередь за институтом губернаторства осуществляли разные структуры системы государственной власти: император, Сенат, Комитет министров, позднее Совет министров, Министерство внутренних дел и даже реформированный в 1905 г. Государственный совет, который рассматривал все решения главы губернии о целесообразности работы городского и земского самоуправления, а также некоторые дела по контролю за губернаторами [1]. Разнообразие государственных институтов, воздействующих на местные учреждения через надзорные и распорядительные функции, отнюдь не было гарантом эффективности работы губернатора и подотчетных ему ведомств. Отсутствие центрального органа с контролирующими полномочиями, не связанного с местной властью общими интересами, личными или ведомственными контактами, покровительством, способствовало злоупотреблению служебными полномочиями и снижению реального влияния высших и центральных учреждений на местные.

Воздействие центральной власти было разноплановым, касалось всех сфер жизни местного общества и было направлено в основном на губернатора, являвшегося посредником в процессе реализации властных решений на практике, их исполнения и корректировки в реальных условиях общественной жизни той или иной части Российской империи. В свою очередь глава губернии оказывал воздействие на подотчетные ему органы местного управления. Губернатор обязан был претворить в жизнь решения вышестоящих структур, которые носили общероссийский характер или касались развития конкретной губернии. За любым циркулярным распоряжением Министерства внутренних дел следовало обязательное распоряжение губернатора, перенаправляющее исполнение данного решения ниже по служебной лестнице в сочетании с более детальными разъяснениями о том, как следует исполнять нововведение. Так, в Вятской губернии на основании циркуляра из Министерства внутренних дел о постоянном наблюдении за тем, чтобы с лиц, торгующих сельскохозяйственной продукцией, не взималась плата за место на ярмарочных и базарных площадях, последовало распоряжение губернатора на имя городских управ. В своем циркуляре начальник губернии указывал, что такие сборы законом не установлены и следует заботиться о привлечении на ярмарки и базары торговцев для предотвращения роста цен на предметы первой необходимости [2]. В ответ на циркуляр губернатора следовали рапорты уездных исправников о выполнении порученного либо о трудностях, возникших в ходе исполнения, с просьбой о дальнейшем разъяснении вопроса. Например, яранский уездный исправник в своем рапорте указал, что упомянутая плата с местного населения не собиралась. Нолинский исправник в свою очередь попросил дать пояс-

* Статья напечатана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-11-43004

© Калинина Д. А., 2013

нение о том, касается ли данное решение скупщиков, на что получил ответ о запрете сбора даже с непрямых производителей сельскохозяйственных товаров [3].

Глава губернии имел право издавать собственные распоряжения, направленные на развитие вверенной ему территории. Они имели юридическую силу местного закона, были обязательны для исполнения и могли быть отменены только решением министра внутренних дел, что бывало весьма редко, так как МВД было не заинтересовано в подрыве авторитета губернатора. Такое губернаторское распоряжение было вынесено в отношении политических ссыльных, для которых были установлены границы свободного перемещения. Губернатор 21 апреля 1900 г. приказал уездным исправникам и полицмейстерам «определить точно район, за пределы которого поднадзорные не могут отлучаться без особого на то разрешения» [4].

Еще одной мерой воздействия начальника губернии на местные ведомства и должностных лиц являлось право надзора за всеми отраслями деятельности местной власти. Как главное контролирующее лицо губернатор требовал отчетов о проделанной работе. Отчеты об исполнении распоряжений оформлялись рапортами. Например, в течение мая – начала июля 1900 г. начальники полиций на местах отчитались, что определили границы свободного перемещения ссыльных в среднем на расстоянии 1–3 верст от города [5]. Помимо этого глава губернии мог посылать запросы на предоставление необходимых сведений, как правило, такие запросы делались в связи с необходимостью формирования общегубернского отчета, который составлялся из уездных данных. Губернатор являлся высшим должностным лицом на местном уровне, который контролировал сбор налогов, состояние законности, исполнение распоряжений и т. д.

Переписка главы губернии с подчиненными ему ведомствами по поводу предоставления отчетов и сведений являлась формальным контролем и не могла дать полной и действительной картины жизни региона и эффективности работы системы местного управления. Непосредственный контроль губернатор претворял в жизнь через проводимые ревизии. Так же как и сенаторские, ревизии носили эпизодический, выборочный, внеплановый характер и давали возможность выявить проблемные места в работе подотчетных учреждений. Примером может служить ревизия вятским губернатором в 1889 г. губернского Управления государственных имуществ, Вятского городского сиротского суда [6]. В ходе таких проверок отчеты о выявленных нарушениях направлялись в адрес проверявшейся инстанции с требованием исправить. Например, в ходе ревизии Котельничского уездного полицейского управления в 1911 г. губернатором И. М. Страховским было сделано замечание о том, что некоторые расходы из денег для стражников, выдаваемых на оплату жилья, не соответствовали назначению. Котельничский уездный исправник на квартирные деньги приобрел пожарную машину, телеги и бочки для перевозки воды [7], такие траты не по назначению могли проводиться только с согласия губернатора, что сделано не было. Уездный исправник обязался впредь исполнять все предписания главы губернии.

Воздействие губернатора на органы местного управления было неполным, так как большинство учреждений находилось в соподчинении с другими центральными ведомствами. Один из институтов местного управления мог находиться в подчинении у двух-пяти органов власти, занимающих разное положение в иерархии государственной системы Российской империи. По мнению С. В. Любичанковского, причиной этого была, «с одной стороны, специализация управленческой функции, а с другой – необходимость единообразия в ее осуществлении двумя или более органами власти» [8]. В результате соподчинения органов местного управления губернатор не мог их полностью контролировать в связи с сохранением ведомственного сепаратизма [9]. Региональные учреждения в ответ на претензии губернатора зачастую обращались в Министерство, которому были подчинены, а Министерство через министра внутренних дел требовало прекратить губернаторский произвол. Глава МВД, желая сохранить отношения с другими министерствами, выносил начальнику губернии выговоры и предупреждения. В рассматриваемый период такой выговор был вынесен в отношении губернатора А. Ф. Анисьина, устроившего ревизию Казенной палаты [10].

Контролирующая и распорядительная деятельность главы губернии не была односторонней, подведомственные ему элементы системы местного управления также имели возможность воздействовать на его политику. Это влияние было не столь масштабным, как воздействие губернатора, но все-таки присутствовало, на основании чего мы можем сделать вывод о взаимодействии между всеми властными институтами на местном уровне, что является важным признаком системности управления на всех уровнях власти.

Местные учреждения и жители того или иного региона имели право подавать на имя губернатора запросы, ходатайства, жалобы, предложения. Глава губернии по каждому из них должен был дать резолюцию о поддержке предложения, удовлетворении ходатайства и т. д. В случае отрицательного решения следовало обоснование подобного исхода дела. Запросы в ад-

рес начальника губернии поступали от должностных лиц, их целью было разъяснение закона или распоряжения, способа реализации. Например, в 1910 г. Городская управа просила уточнить распоряжение об уничтожении мер и весов, на которых нет клейма. Был задан вопрос, каким именно способом надо их уничтожать, можно ли после уничтожения продавать их как лом. В ситуации, когда губернатор не мог дать точного ответа, он делал запрос в отраслевое ведомство, в данном случае в Екатеринбургскую проверочную палату торговых мер и весов, откуда пришло разъяснение, перенаправленное в Городскую управу [11]. Ходатайства и прошения был направлены на улучшение работы ведомства, открытие публичных, образовательных, медицинских учреждений. Так, в 1910 г. Орловское уездное земство обратилось с ходатайством о выделении из казны Вятской губернии пособия Орловскому реальному училищу в размере 6000 руб., необходимого для обустройства учебных кабинетов, библиотеки, класса рисования, гимнастического класса [12]. Еще одним способом влияния на политику главы губернии были жалобы, тематика которых варьировалась от претензий на медленность делопроизводства до выражения сомнения в справедливости обвинения или вынесенного административного решения. Примером может служить жалоба нолинского мещанина З. Назарова по поводу оскорбления его городским головой при исполнении им служебных обязанностей [13]. На каждую жалобу следовал ответ, если решение дела не удовлетворяло обращающуюся сторону или претензия оставалась без ответа, то она могла быть передана в вышестоящую инстанцию, которой был Правительствующий сенат или Министерство внутренних дел. Например, в 1899 г. Вятская уездная земская управа обратилась в Сенат с просьбой пересмотреть решение об отмене выборов на должность председателя Управы отставного прапорщика Шуравина [14]. В подобных случаях центральное учреждение, куда поступила жалоба, обращалось к губернатору за разъяснением вопроса, и на основании представленных данных выносилось решение, редко когда идущее вразрез с уже принятым постановлением главы губернии. В рассмотренном случае Сенат оставил жалобу без изменений.

Воздействие, оказываемое на губернатора, было, безусловно, меньше, чем аналогичные действия со стороны начальника губернии, однако оно частично корректировало политику губернатора. Жалобы, ходатайства и прошения были свидетельствами конкретных и значимых проблем в общественной жизни региона, которые из частных могли перерасти в системные. Если во главе губернии стоял человек ответственный, хороший управленец, то подобную реакцию общества он использовал как руководство к действию, своими распоряжениями внося изменения, содействующие развитию части империи.

Аналогично практике взаимодействия элементов системы управления на местном уровне присутствовало взаимное влияние друг на друга высших, центральных и местных органов власти, между которыми в конце XIX – начале XX в. существовала совокупность связей и отношений. Рассмотренное выше воздействие центральных ведомств на губернатора как главного представителя местной власти сопровождалось обратными действиями, которые давали сведения о развитии отдельных регионов Российской империи и на их основании позволяли выявить недостатки в системе управления государством и по мере возможностей скорректировать правительственную политику.

Губернатор напрямую взаимодействовал с институтами высшей и центральной власти путем личных встреч с императором и министром внутренних дел. Во время таких бесед глава губернии получал возможность дать устный отчет о своей работе и просить о поддержке тех или иных проектов, кадровых перестановках, как личных, так и касающихся губернских должностных лиц. Аудиенции у монарха были исключительным явлением, которое зависело в первую очередь от связей главы губернии, внутриполитической ситуации и значимости региона в общей политике Российской империи. Больше возможности для непосредственного изложения своих просьб было у генерал-губернаторов, так как они назначались при прямом участии императора и, как правило, были хорошо знакомы с царской семьей. Встречи с министром внутренних дел были более вероятными, хотя и не носили планового характера. Частота личных бесед начальников губерний с главой МВД зависела как от влиятельности губернатора, значимости возглавляемого им региона, так и от того, кто занимал пост министра внутренних дел. Довольно известным фактом является то, что граф Д. А. Толстой, будучи во главе МВД, неохотно встречался с начальниками губерний и областей и, если такая аудиенция все-таки происходила, требовал краткости и точности в изложении существа вопроса [15]. Личные встречи были наиболее эффективным способом донесения до центральных властей региональных проблем и самым быстрым способом разрешения сложностей и удовлетворения просьб и ходатайств.

Остальные действия местного управления, направленные на установление и развитие отношений с центральными ведомствами, носили опосредованный характер и отличались большим формализмом. Одним из таких способов были записки на имя императора или министра внутренних дел, цель которых состояла в изложении

конкретной проблемы и в просьбе ее разрешить путем изменения в действующем законодательстве, дополнительного финансирования либо разрешения спора. В одной из таких записок от 1895 г. вятский губернатор, описывая уровень развития различных направлений жизни региона, высказал соображения о насущных нуждах губернии, к числу которых были отнесены «развитие всея сельском населении грамотности и включение губернии в сеть железнодорожных путей» [16]. Записки не относились к числу стандартного делопроизводственного документооборота и отличались экстраординарностью и использовались в особо важных случаях. На записку накладывалась резолюция, которая могла быть положительной, отрицательной, или разрешение проблемы переадресовывалось отраслевому ведомству.

Определенное влияние на правительственную политику оказывали посылаемые из губернии сведения и отчеты, крупнейшим из которых был ежегодный отчет о состоянии дел. Информация, предоставляемая органами местного управления во главе с губернатором, использовалась для выяснения того, насколько эффективен тот или иной закон, как он деформируется в реальных условиях. Региональные проблемы, упоминаемые в отчетах, давали общую картину по империи и выявляли те направления социально-экономической и общественно-политической сфер, которые требовали реформирования. Резолюции, вынесенные в процессе чтения годовых отчетов, могли воплощаться в нормативно-правовые акты.

Взаимодействие начальника губернии и центральных ведомств, первоочередным из которых для губернаторов было Министерство внутренних дел, проводилось также через переписку по поводу разрешения ряда дел, выходящих за рамки компетенции руководителя местной власти. Если учесть высокую степень централизации государственной власти, то переписка по поводу согласования управленческих решений с Министерством была обширной и многоплановой. До проведения реформы земского и городского самоуправления в ведении губернатора находилось множество хозяйственных, социально-культурных вопросов, большинство из которых требовало разрешения в вышестоящих инстанциях. Вятский губернатор М. К. Клингенберг, сетуя на равнодушие правительственных чиновников и частые отказы на просьбы местной администрации, в одном из своих писем упоминал, что «губернатор... не имеет возможности отштукатурить какой-нибудь казармы» [17].

С проведением великих реформ большинство хозяйственных и общественных вопросов было переложено на городские думы и земские управы, и в конце XIX – начале XX в. переписка между начальниками губерний и центральными министерствами и ведомствами сузилась до проблем общего надзора и осуществления правопорядка. Однако на этом частота обращений губернаторов за разрешением в Министерство внутренних дел не уменьшилась. Сложная общественно-политическая обстановка способствовала усилению государственного контроля за общественным порядком, благонадежностью населения, распространением противогосударственных политических идей и мнений. В части российских губерний, к числу которых относилась и Вятка, размещались под гласный надзор полиции политические ссыльные, которые также входили в сферу компетенции губернатора. Но и в этих вопросах зачастую глава губернии вынужден был обращаться за разрешением к Департаменту полиции или министру внутренних дел. В частности, вопрос о расширении штата полицейских чинов или об увеличении финансирования на нужды местной полиции решался с участием вышестоящих инстанций. Так, в 1897, 1898, 1899 гг. в отношении вятского губернатора в Департамент полиции была включена постоянно звучащая просьба о предоставлении кредита на наем дополнительного числа полицейских [18]. Все способы воздействия губернских властей на правительственные структуры носили формальный характер, но реакция на них в разной степени эффективности присутствовала и означала наличие в государстве уже отработанной системы диалога между органами центрального и местного управления.

Взаимодействие присутствовало и на уровне губернской административной власти и городского и сельского самоуправления. В рассматриваемый период глава губернии осуществлял общий надзор за работой земств и городских дум. Губернатор имел широкие контролирующие полномочия, которые к началу XX в. заметно расширились. Воздействие начальника губернии на органы местного самоуправления выражалось в первую очередь в праве проведения ревизий городских и сельских управ на предмет законности и целесообразности принимаемых решений. В случае выявления какого-либо нарушения губернатор имел право отменить постановление органов местного самоуправления. Например, в 1899 г. вятский губернатор отменил решение Вятского уездного земского собрания о выборах на должность председателя Уездной земской управы [19]. Однако в подобных случаях, считая, что постановление губернатора несправедливо, местное самоуправление имело право обжаловать спорное решение в Правительствующем сенате, что и было сделано в упомянутом случае. Во-вторых, на утверждение главы губернии выносились все постановления органов самоуправления [20],

а также изменения в кадровом составе городских и земских управ [21]. Контроль со стороны губернатора за деятельностью местного самоуправления вытекал из его ответственности перед Министерством внутренних дел и императором за состояние всех дел во вверенном регионе. Местная административная власть должна была также доводить до сведения городских и земских управ решения высших и центральных ведомств и следить за их выполнением. На этом основании большинство исследователей системы местного самоуправления высказывалось о частичном включении земств и городских дум в механизм государственного управления [22].

Губернатор контролировал работу земств через созданное в 1890 г. Губернское по земским делам присутствие. Если глава губернии был не согласен с постановлением института самоуправления, то он мог передать обсуждение этого вопроса в Присутствие, в котором имел решающее влияние. Губернатор помимо этого был обязан открывать и закрывать губернские земские собрания, что дополнительно подчеркивало подотчетность местного самоуправления органам управления в губернии, а также опосредованно центральным ведомствам и в частности Министерству внутренних дел.

В свою очередь, городские и земские управы оказывали влияние на губернскую администрацию путем подачи жалоб и ходатайств. Так, в случае несогласия с решением, вынесенным губернатором или Губернским по земским делам присутствием, представители самоуправления имели право подать жалобу в Правительственный сенат или в МВД [23]. Таким образом контролировалась и деятельность начальника губернии и Присутствия, вынесенные постановления которых должны были быть обоснованными и целесообразными. Подобные жалобы не были редкостью. Например, в 1912 г. в Сенат поступила жалоба от доверенного от крестьян 29 селений Котельничского уезда на постановление Присутствия по вопросу об установлении новых оценочных норм земельных имуществ в Вятской губернии [24]. Крестьяне требовали пересмотреть резолюцию, так как она была принята без согласования с земством и без учета особенностей Котельничского уезда. Сенат, рассматривая такие проблемные вопросы, делал обязательный запрос о причинах, побудивших к принятию данного постановления, затем дело рассматривалось и давалось заключение. В частности, по обращению крестьян Котельничского уезда была вынесена резолюция о том, что решение о новых нормах оценки земель Вятского губернского по земским делам присутствия было уже ранее отменено, и поэтому жалоба оставлена без особого распоряжения [25].

Наиболее часто используемым способом взаимодействия между системой местного управления и органами самоуправления являлись ходатайства городских и земских управ по подведомственным вопросам. В большинстве обращений содержалась просьба о сокращении обязательных сборов и увеличении финансирования. Такие ходатайства вполне объяснимы, на органы местного самоуправления были переложены основные хозяйственные проблемы, урегулирование которых требовало значительных средств. В Вятской губернии, как и во многих других регионах Российской империи, земство неоднократно обращалось с просьбой о решении финансовых затруднений. Примером подобных контактов служит ходатайство Малмыжского уездного земства к Губернскому управлению землеустройства и землепользования от 1914 г. о предоставлении земству пособия «на устройство временных курсов по ткачеству» [26], которое было удовлетворено. Помимо вопросов денежного характера местное самоуправление обращалось к губернской администрации с инициативами по развитию социально-экономической и общественно-культурной жизни. В 1892 г. Вятская губернская земская управа предложила создать Сельскохозяйственный комитет в составе губернской управы и ввести должность губернского агронома, который получал бы жалованье от земства [27]. Инициативы органов самоуправления, если они не выходили за рамки дозволенных для обсуждения, охотно поощрялись и, как правило, получали реальное воплощение, так как государственная власть нуждалась в определении направления реформаторской деятельности по улучшению жизни российской провинции, а земства и городские думы были неисчерпаемым источником идей и предложений. Однако все попытки усовершенствовать те сферы общественной жизни, которые выходили за рамки разрешенных законом для местного самоуправления, пресекались распоряжениями губернаторов, в обязанности которых входил надзор за законностью деятельности таких учреждений.

Интенсивность контактов органов управления и самоуправления в губерниях, обширность сфер взаимодействия вытекали из упоминаемого большинством исследователей отсутствия у земских и городских управ власти для осуществления возложенных на них полномочий [28]. Не имея никаких властных рычагов, данные учреждения обращались за содействием к полиции, иным ведомствам системы местного управления и, наконец, к начальнику губернии. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в регионах Российской империи сложились тесные связи подчинения, взаимного влияния и взаимодействия между институтами управления и самоуправления.

Примечания

1. *Блинов И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 249.
2. ГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 273. Л. 1.
3. Там же. Л. 2–6.
4. ГАКО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 161. Д. 87. Л. 2–26.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 170. 324 л.
7. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 645. Л. 2.
8. *Любичанковский С. В.* Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. С. 85.
9. См.: *Robbins R.* The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca (N. Y.), 1987; *Шумилов М. М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; *Трушков С. А.* Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. Киров: ВСЭИ, 2003. 171 с.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 265. Л. 7.
11. ГАКО. Ф. 583. Оп. 104. Д. 92. Л. 7–10.
12. ГАКО. Ф. 587. Оп. 15. Д. 29. Л. 1.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 93. Д. 115. 4 л.
14. ГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 350. Л. 1–3.
15. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л.: Прибой, 1929. С. 27.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 66. Д. 10. Л. 1.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 1144. Л. 5об.
18. ГАКО. Ф. 102. Оп. 17. Д. 602. Л. 93об, 101, 103, 113–113об.
19. ГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 350. Л. 1.
20. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Ст. 111 // Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 225; Городовое положение. Ст. 110 // Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 292.
21. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Ст. 118 // Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 226.
22. См.: *Богатырева О. Н.* Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004; *Минаков А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губернии Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел: «Орлик», 2011; *Семакин С. И.* Функции и роль земств в системе государственного управления России // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: материалы науч. конф., посвящ. 150-летию Вятского земства. Киров, 2002. С. 11–14; и др.
23. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Ст. 89 // Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 222.
24. ГАКО. Ф. 587. Оп. 20. Д. 641. 11 л.
25. Там же. Л. 11.
26. ГАКО. Ф. 587. Оп. 20. Д. 583. Л. 1.
27. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25 лет (1867–1892 гг.) Т. 1. Вятка, 1894. С. 47.
28. См.: *Гессен В. М.* Вопросы местного управления. СПб.: Изд-е юрид. кн. склада «Право», типо-лит. А. Е. Ландау, 1904; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875; *Грибовский В. М.* Государственное устройство и управление Российской Империи (из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Тип. «Техник», 1912; и др.

УДК 272(470.41)

А. А. Машковцев

КАТОЛИКИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрена динамика численности католической общины Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Автор показал распределение католиков по территории края, а также их социальный состав.

In the article the dynamics of quantity of Catholic community of the Kazan province is considered in the second half XIX – beginning XX ages. The author showed distribution of Catholics on territories of the region, and also their social composition.

Ключевые слова: католицизм, Казанская губерния, демографическая статистика, конфессиональная политика.

Keywords: Catholicism, Kazan province, demographic statistics, confessional policy.

В середине XIX в. во многих губернских центрах Европейской части России стали возникать общины Римско-католической церкви. Один из крупнейших католических приходов (за пределами территории Царства Польского) появился в Казани. В 60-х гг. XIX в. к нему относились католики не только Казанской, но также Вятской, Пензенской, Пермской, Уфимской губерний. Несмотря на появление на рубеже XX–XXI вв. отдельных публикаций, посвящённых истории казанского костёла (работы Е. В. Липакова, В. В. Пичугиной и др.), история римско-католической общины региона по сей день довольно слабо изучена. В частности, практически не проанализированы национальный и половой состав казанской общины, а также сословное происхождение и социальный статус её членов. В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть основные социально-демографические характеристики казанских католиков.

Сразу оговоримся, что фонды Национального архива Республики Татарстан, к сожалению, не дают таких же детальных цифровых данных по религиозному составу населения, как документы многих других региональных архивов, в частности Государственного архива Кировской области. К примеру, фонд Казанского губернского статистического комитета содержит отчёты по вероисповедному составу лишь по отдельным годам, что значительно затрудняет анализ динамики численности казанской католической общины. Кроме того, зачастую отсутствуют статистические данные по некоторым уездам, что

© Машковцев А. А., 2013

также осложняет обобщение информации. Недостаток архивных сведений отчасти компенсируется опубликованными источниками, в частности ежегодными «Обзорами Казанской губернии» и, особенно, материалами Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Перепись содержит чрезвычайно важную информацию, практически не отражённую в других источниках (образовательный уровень адептов тех или иных конфессий, их социальное происхождение, хозяйственные занятия и пр.) (табл. 1).

В первый год царствования Александра II в Казани проживали около 550 католиков [3]. К сожалению, данные по уездам губернии отсутствуют, поскольку в первые годы существования в Казани римско-католического прихода сведения о прихожанах собирались не регулярно, к тому же они не всегда отличались большой точностью. В любом случае, в середине 50-х гг. XIX в. численность католиков в уездах вряд ли превышала 100 чел., поскольку, по данным В. В. Пичугиной, даже в 1863 г. за пределами Казани их насчитывалось всего 166 чел. [4]

Как и в Вятской губернии, резкое увеличение численности католиков в Казани связано, в первую очередь, с массовыми высылками участников польского восстания 1863–1864 гг. По подсчётам чебоксарского исследователя В. А. Павлова, в Казанскую губернию было выслано 533 участника Январского восстания (без учёта членов их семей) [5]. Наибольшее число ссыльных повстанцев прибыло в край в 1864 г., то есть в период подавления русской армией последних очагов сопротивления в Польше, Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине.

К 1870 г. численность лиц римско-католического исповедания в Казанской губернии достигла 1468 чел. [6] На рубеже 60–70-х гг. XIX в. политика имперских властей в отношении ссыльных представителей польского национально-освободительного движения несколько смягчилась и началась их постепенная амнистия. В результате часть ссыльных покинула край, однако, в отличие от Вятки, это не оказало негативного влияния на численность казанской католической общины. В Вятской губернии за период с 1869 по 1885 г. количество католиков уменьшилось с 529 до 422 чел., то есть на 20,2% [7]. В Казанской губернии за практически идентичный период (с 1870 по 1885 г.) численность католиков выросла с 1468 до 2388 чел. [8], то есть на 38,5%.

Заметное увеличение казанской католической общины объясняется тем, что параллельно с отъездом части амнистированных шёл обратный процесс – приток поляков из западных губерний, прибывавших в Казань добровольно. Дело в том, что после Январского восстания в Польше, а также в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине (которые поляки именовали Восточными Кресами) стала реализовываться политика, направленная на их ускоренную интеграцию в общеимперское пространство. Этот курс включал в себя довольно жёсткую кадровую политику, при которой поляки постепенно вытеснялись с государственной службы и заменялись русскими, чья лояльность не вызывала у властей сомнений. Помимо системы управления, поляки выдавливались и из других сфер, в частности из образования. Таким образом, многие поляки, потерявшие работу у себя на родине, отправлялись на восток, в надежде найти применение своим знаниям в российской провинции. Как правило, это им удавалось сделать, поскольку в течение всего рассматриваемого нами хронологического периода в глубинных районах империи существовала острая потребность в квалифицированных кадрах.

Казань пореформенного периода относилась к числу городов, наиболее привлекательных для выходцев из западных губерний. Во-первых, здесь существовал значительный рынок труда. Казань была не просто крупным губернским городом, но и центром Казанского военного округа, включавшего в себя 10 губерний и две области. Также здесь располагались административные структуры судебного, учебного, почтово-телеграфного и водных путей сообщения округов [9]. В Казани находился императорский университет, привлекавший не только польских студентов, но и профессуру. Согласно данным известного исследователя народнического движения Г. Н. Вульфсона, лишь в 80–90-х гг. XIX в. Казанский университет окончили 95 поляков [10]. Из польской профессуры, работавшей в те годы в университете, назовём лишь таких выдающихся учёных, как лингвист И. А. Бодуэн де Куртене, правовед Г. Шершеневич, офтальмолог Э. Адамюк и др. Всего, за первые 100 лет функционирования Казанского университета, в его стенах занимались научной и педагогической деятельностью около 60 преподавателей-поляков [11].

Во-вторых, Казань рассматриваемого хронологического периода представляла собой круп-

Таблица 1

Динамика численности казанских католиков во второй половине XIX – начале XX в. [1]

	1855 г.	1870 г.	1885 г.	1890 г.	1897 г.	1904 г.
Численность католиков (чел.)	550 [2]	1468	2388	2866	2014	847

ный город, с развитой инфраструктурой и высоким уровнем благоустройства. Многие поляки, побывавшие здесь, ставили Казань в один ряд со столичными городами (Петербургом и Москвой). Прекрасный архитектурный облик, развитая культурная среда, хорошая транспортная система – всё это делало Казань привлекательной для жизни выходцев из западных регионов империи.

Наконец, большинство поляков отличал высокий уровень религиозности. Наличие костёла, построенного в 1858 г., было ещё одним веским аргументом, предопределившим для многих из них выбор места жительства.

Итак, приток переселенцев из западных губерний позволил не только полностью компенсировать убыль лиц католического вероисповедания, связанную с возвращением на родину части амнистированных участников Январского восстания, но и обеспечил дальнейший рост общины. К 1890 г. в Казанской губернии насчитывалось уже 2866 католиков [12]. Правда, на рубеже XIX–XX вв. приток выходцев из Польши и Западного края замедлился, что наряду со служебными перемещениями многих поляков-чиновников привело к некоторому сокращению численности католиков в Казанской губернии.

Впрочем, это сокращение оказалось краткосрочным. В годы Первой мировой войны количество католиков в крае вновь резко увеличилось. Во-первых, после потери русской армией в 1915 г. Польши, Литвы, а также части Белоруссии и Правобережной Украины в тыловые районы страны хлынул поток беженцев. Многие из них нашли приют в Казанской губернии. Так, по данным на конец 1915 г. в Тетюшском уезде насчитывалось 142 беженца-католика, в Цивильском – 53 чел., в Мамадышском – 66 чел., в Свияжском – 111 чел., в Козмодемьянском – 184 чел., Царёвококшайском – 223 чел. [13] Количество беженцев продолжало расти и в последующем (1916–1917 гг.). Во-вторых, в крае было размещено большое количество запасных полков. В одной лишь Казани в 1915 г. военных насчитывалось 29,5 тыс. чел. [14] Среди них также имелось немало лиц римско-католического исповедания. Наконец, в годы войны в Казанскую губернию отправили большое количество военнопленных и интернированных. Если среди пленных германцев преобладали, в основном, лютеране, то среди подданных Австро-Венгрии – католики. По мнению казанского исследователя Р. А. Циунчука, к началу революционных событий 1917 г. общее число лиц римско-католического вероисповедания на территории Казанской губернии превысило 20 тыс. чел. [15]

Как и в Вятской губернии, большинство казанских католиков были поляками по национальности. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Казанской губернии насчитывалось 2014 католиков, из них 1615 чел. (80,2%) – поляки [16]. Всего же в крае было 1700 поляков, соответственно 95% из них являлись католиками, остальные – в основном православными. Также необходимо оговориться, что перепись относила к числу поляков лишь тех лиц, для которых польский язык являлся родным. Между тем не все поляки (особенно те, кто родились и выросли вдали от Польши) владели родным языком. Не зная польского, многие из этих людей, тем не менее, обладали ярко выраженным польским этническим самосознанием. С учётом этих людей процент поляков в католической общине Казани был ещё выше.

Помимо поляков прихожанами казанского костёла являлись литовцы – 122 чел. (6%), немцы – 55 чел. (2,7%), представители романских народов, в первую очередь французы – 54 чел. (2,7%), латыши – 20 чел. (1%); 100 казанских католиков (4,9%) назвали родным языком русский [17]. Естественно, что абсолютное большинство этих людей не являлись русскими по крови, а были обрусевшими представителями различных этносов, в первую очередь тех же поляков.

Половой состав католической общины Казанской губернии на рубеже XIX–XX вв. заметно отличался от аналогичного показателя по вятским католикам (табл. 2).

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что если в Вятской губернии к началу 90-х гг. XIX в. в католической общине был достигнут половой баланс, то в Казанской губернии в этот же период сохранилось явное численное преобладание мужчин. При этом в 1890 и 1904 гг. процент женщин-католичек был примерно одинаковым (38 и 39% соответственно). Заметное сокращение их доли в середине выбранного хронологического отрезка, по-видимому, объясняется

Таблица 2

Половой состав католической общины Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. [18]

Годы	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Соотношение мужского и женского населения (в %)
1890	1781	1085	62/38
1897	1558	456	77/23
1904	518	329	61/39

различиями в методике подсчёта населения. В ежегодных губернаторских отчётах указывалось лишь постоянное католическое население, в то время как Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зарегистрировала всех лиц католического вероисповедания, находившихся в тот момент на территории Казанской губернии. Среди них было немало людей, пребывавших в крае временно. К ним, в первую очередь, следует отнести солдат и офицеров Казанского военного округа. Естественно, что подсчёт переписчиками и этой, весьма значительной категории, состоящей практически полностью из мужчин, вёл к заметному снижению удельного веса женщин-католичек в составе казанской общины.

Относительно небольшой удельный вес женщин-католичек являлся одной из главных причин ассимиляции поляков, поселившихся на территории Казанской губернии. Не имея возможности найти супругу в польской среде, молодые поляки вступали в брак с женщинами православного исповедания. Это приводило к тому, что дети, рождённые от таких браков, чаще всего принимали вероисповедание матери (напомним, что до 1905 г. это было закреплено законодательно). Более того, брак с русской зачастую приводил к отрыву от католической общины самих мужчин-поляков, а иногда заканчивался принятием ими православия. На это обращали внимание многие из участников польского национально-освободительного движения, сосланные в отдалённые районы России. Примером могут служить воспоминания В. Станишевского, правда, не лишённые националистических предрассудков: «Женатый на москевке, втянутый в соответствующие имущественные и семейные отношения, привязывал себя к месту изгнания, забывал о возвращении на родную землю, практически отрекался и от своей прежней семьи, и от родного языка. До свадьбы невеста-москвевка обычно играла в польскую дудку: училась щебетать по-польски, ходила в наш костёл, мечтала о Варшаве и т. п. После свадьбы всё шло иначе. В доме такого отступника ты уже не услышишь польской речи. Муж должен был сопровождать жену в церковь, а в свой костёл ходил украдкой. А дети? Сыновья польской крови обращались в москалей, ненавидящих племя отца своего» [19].

Абсолютное большинство женщин-католичек Казанской губернии являлись горожанками. Так, в 1897 г. из 456 католичек края 403 (88,4%) проживали в городах [20]. В Казани насчитывалось 365 католичек, что составляло 90,6% от общей массы горожанок римско-католического вероисповедания и 80% от всех женщин-католичек Казанской губернии. Несмотря на это, женщин-католичек, проживающих в Казани, было почти в 4 раза меньше, чем мужчин-католиков (1395 чел.).

В некоторых городах Казанской губернии в конце XIX в. женщин католического вероисповедания вообще не было. К примеру, по переписи 1897 г. они отсутствовали в заштатном городе Арске и в уездном Цивильске [21]. В 1904 г. к этим населённым пунктам добавились уездные города Спасск и Тетюши, а также Троицкий посад Козмодемьянского уезда [22].

Огромная разница в численности между мужчинами и женщинами католического вероисповедания в Казани либо их полное отсутствие в названных городах также подталкивали мужчин-католиков к вступлению в брак с православными женщинами.

Теперь проанализируем возрастной состав католической общины Казанской губернии. Как и в случае с вятскими католиками, данный показатель практически не прослеживается на основе данных Казанского статистического комитета и отчётов местного губернатора. Поэтому для рассмотрения возрастного состава казанской католической общины также обратимся к материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. (табл. 3).

Первое, что обращает на себя внимание при анализе возрастной структуры казанской католической общины, – доминирующая доля мужчин в возрасте от 20 до 29 лет. Они составляли 68,9% от общего числа мужчин римско-католического вероисповедания, находившихся на территории Казанской губернии, и 53,4% всех католиков края. В Вятской губернии данная возрастная группа мужчин также являлась лидирующей по численности, но её доля в общем количестве вятских мужчин-католиков была значительно скромнее – всего 23,6%.

Второе место (7,9%) среди казанских мужчин-католиков занимали представители возрастной группы 30–39 лет. Удельный вес остальных возрастных категорий был крайне низким. Так, дети мужского пола в возрасте до 10 лет составляли лишь 3,8%, а дети и юноши от 10 до 19 лет – 4,4%.

Таблица 3

Возрастной состав католической общины Казанской губернии (на 1897 г.) [23]

Возраст (лет)	Мужчины		Женщины	
	Чел.	%	Чел.	%
0–9	59	3,8	51	11,1
10–19	68	4,4	72	15,8
20–29	1075	68,9	92	20,1
30–39	123	7,9	88	19,3
40–49	94	6,1	58	12,7
50–59	79	5,2	47	10,3
60–69	41	2,6	28	6,2
70–79	15	0,9	15	3,3
80 и более	4	0,2	5	1,2

Казанские католички значительно более равномерно были распределены по возрастным группам. В общей массе женщин римско-католического вероисповедания, живших в Казанской губернии, лидировали женщины в возрасте от 20 до 29 лет (20,1%), на втором месте находились женщины в возрасте от 30 до 39 лет (19, 3%), на третьем – девочки и девушки 10–19 лет (15,8%).

Таким образом, основную массу казанских католиков составляли мужчины трудоспособного возраста (20–49 лет). В возрастной группе от 20 до 29 лет значительный процент составляли солдаты, призванные на военную службу из западных губерний страны. Среди остальных мужчин указанных возрастов преобладали чиновники, служившие в различных местных органах управления.

Доля детей и подростков в общей численности казанских католиков была очень низкой. Детей обоего пола в возрасте до 9 лет насчитывалось всего 110 чел. (5,5% от всех католиков края), а детей и подростков от 10 до 19 лет – 140 чел. (6,9%). Для сравнения: дети-старообрядцы в возрасте до 9 лет составляли 23,9% от общего числа староверов Казанской губернии, а дети и подростки от 10 до 19 лет – 19,3%. Сравнительно невысокий процент детей и подростков католического вероисповедания свидетельствует о низком уровне рождаемости среди католиков края, что отрицательно влияло на темпы роста общины.

Теперь рассмотрим социальный состав католической общины Казанской губернии. Сразу отметим, что перепись 1897 г. не увязывает данный показатель с вероисповеданием респондентов. Таблица XXIV переписи даёт сведения лишь о распределении населения по сословиям в соответствии с их родным языком. Тем не менее с учётом того, что более 80% казанских католиков были поляками, дадим хотя бы приблизительную картину их социального статуса (табл. 4).

Социальный состав казанских поляков заметно отличался от аналогичного показателя по Вятской губернии. В последней значительно выше была доля лиц, относящихся к привилегированным сословиям. В 1897 г. дворяне (потомственные и личные), а также чиновники недворянского происхождения составляли 63,3% от общего числа вятских поляков, тогда как в Казанской губернии этот показатель составлял 36,2%. Представители других привилегированных сословий вообще имели ничтожный процент среди казанских поляков. Так, почётных граждан было 0,5%, лиц духовного звания – 0,1%. В силу этноконфессиональных особенностей региона (преобладание православного и мусульманского населения) римско-католического духовенства по определению не могло быть много. Тем не менее в начале 80-х гг. XIX в. этот показатель был выше, чем в конце века, за счёт присутствия в губернии большого числа ссыльных ксёндзов. Так, согласно данным казанского римско-католического костёла за 1881 г., в одном лишь Ядринском уезде насчитывалось 6 католических священников, высланных, в основном, за участие в Январском восстании 1863 г. [25]

Таблица 4

Сословное происхождение поляков Казанской губернии (на 1897 г.) [24]

Сословие и состояние	Поляки	
	Чел.	%
Потомственные дворяне	533	31,3
Личные дворяне и чиновники	83	4,9
Лица духовного звания	2	0,1
Почётные граждане	9	0,5
Купцы	1	0,05
Мещане	198	11,6
Крестьяне	832	48,9
Иностранные подданные	5	0,3
Лица иных сословий	37	2,2

В Казанской губернии очень большой процент среди поляков составляли представители бывших податных сословий. Так, крестьян насчитывалось 48,9%, а мещан – 11,6%. Однако большинство этих людей временно находились на территории края, в основном проходя здесь военную службу. Это подтверждается хотя бы тем фактом, что из 666 поляков крестьянского происхождения 628 чел. (94,3%) составляли мужчины. Среди казанских поляков других сословий не наблюдается столь выраженного полового дисбаланса. К примеру, у потомственных дворян доля мужчин составляла 57,2%, у личных дворян и чиновников недворянского происхождения – 59%.

Из 1700 казанских поляков 1331 (78,3%) относились к категории «самостоятельные», остальные 369 чел. (21,7%) являлись членами их семей [26]. «Самостоятельными» считались трудоспособные граждане, занятые в различных видах профессиональной деятельности. В Казанской губернии большинство «самостоятельных» поляков были мужчинами – 1216 чел. (91,4%), тогда как женщин насчитывалось всего 115 чел. (8,6%).

Из 1216 трудоспособных поляков мужского пола 827 чел. (68%) относились к категории военнослужащих. Поляки, служившие в частях Казанского военного округа, по численности уступали лишь русским (3700 чел.). Таким образом, военнослужащих русской национальности было всего в 4,5 раза больше, чем их польских сослуживцев, тогда как в целом на территории губернии русских было в 489 раз больше, чем поляков.

Большинство поляков, проходивших военную службу на территории края, являлись простыми

солдатами, призванными в армию в западных губерниях страны. В то же время здесь насчитывалось немало польских офицеров и генералов. Профессор Института истории Польской академии наук (г. Варшава) Мариуш Кулик отмечает, что в 1907 г. из 37 генералов Казанского военного округа 7 (19%) являлись католиками по вероисповеданию [27]. Всего же, по данным этого историка, за период с 1901 по 1914 г. на территории округа служили 16 генералов польского происхождения. Большинство из них были католиками, однако встречались и протестанты (Константин Довбор-Мусьницкий, Феликс Иозефович, Евгений де Геннинг-Михелис) [28]. Некоторые из этих людей в последующем займут руководящие посты в армии и правительстве после восстановления независимости Польши. К примеру, де Геннинг-Михелис станет заместителем военного министра.

Поляками являлись и многие старшие офицеры. В начале XX в. в Казанском военном округе служило 18 полковников и 24 подполковника польского происхождения. И это несмотря на то, что после подавления Январского восстания 1863 г. в русской армии были введены ограничения на службу лиц римско-католического вероисповедания. По данным П. А. Зайончковского, доля офицеров-католиков или офицеров, женатых на католичках, в конкретной воинской части не должна была превышать 20% [29].

Помимо воинской службы поляки были заметно представлены в ряде других сфер деятельности. 97 поляков (без учёта членов их семей) относились к категории лиц, получающих доход с капитала и недвижимого имущества. 53 чел. работали в административных, судебных и полицейских органах. В абсолютных показателях и, тем более, в процентах это было меньше, чем в Вятской губернии (73 чел.), однако и в Казанской губернии поляки-чиновники по численности находились на втором месте, уступая (правда, существенно) лишь русским.

Как и в Вятской губернии, казанские поляки были заметно представлены в таких социально значимых областях, как медицина (49 чел.), учебная и воспитательная деятельность (33 чел.), наука, литература и искусство (15 чел.) [30]. Всё это существенно повышало авторитет польской католической общины в глазах как местного населения, так и губернских властей.

Казанская католическая община отличалась очень высоким (для того времени) уровнем грамотности. Это особенно ярко видно при сравнении данного показателя у крупнейших общин края (табл. 5).

По уровню грамотности казанские католики занимали лидирующие позиции, уступая лишь немцам. Однако обращает на себя внимание серьёзная диспропорция в уровне грамотности мужчин и женщин католического вероисповедания. Если в Вятской губернии грамотными были 74,9% мужчин-католиков и 71,7% католичек, то в Казанской губернии данный показатель был 67,0 и 84,4% соответственно.

Относительно невысокий показатель грамотности у казанских мужчин-католиков объясняется тем, что к их числу причислены не только поляки, постоянно проживавшие на территории губернии, но и солдаты польского происхождения, находившиеся в крае лишь на период прохождения военной службы. Мы уже отмечали, что значительная их часть была крестьянского происхождения, поэтому уровень их грамотности был значительно ниже, чем у представителей привилегированных сословий. Это подтверждают данные таблицы XV «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам» Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Так, из 54 казанских юношей-поляков допризывного возраста (10–19 лет) образование выше начального имели 40 чел. (74,1%). Из 95 казанских мужчин-поляков в возрасте от 30 до 39 лет 69 чел. (72,6%) имели образование выше начального. Совсем иные показатели дают мужчины-поляки призывного возраста (возрастная категория 20–29 лет). Из 923 мужчин польского происхождения лишь 111 чел. (12%) имели образование выше начального.

Таким образом, у мужчин-католиков, постоянно живших на территории Казанской губер-

Таблица 5

Уровень грамотности представителей различных конфессий Казанской губернии в конце XIX в. (в %) [31]

Вероисповедание	Мужчины	Женщины
Православные	26,1	7,7%
Мусульмане	21,6	18,7
Иудеи	75,0	64,6
Католики	*67,0*	*84,4*
Лютеране	89,9	84,1

Таблица 6

Численность городского и сельского населения в составе казанской католической общины в конце XIX – начале XX в. [34]

Годы	Численность городского населения (чел.)	Численность сельского населения (чел.)	Соотношение численности городского и сельского населения (в %)
1890	2846	20	99/1
1897	1876	138	93/7
1904	707	140	83/17

нии, уровень грамотности, скорее всего, был примерно таким же, что и у местных католичек (80–85%). При этом свыше 70% местных католиков имели образование выше начального. Многие казанские католики получали полное среднее или даже высшее образование. На рубеже XIX–XX вв. дети католического вероисповедания учились во всех трёх мужских гимназиях Казани, в 1-м и 2-м реальных училищах, а также в Мариинской и Ксенинской женских гимназиях [32]. Согласно отчёту директора 3-й мужской гимназии попечителю Казанского учебного округа за 1894 г., лишь в данном учебном заведении обучалось 8 католиков [33]. Высшее образование местные католики получали, главным образом, в Казанском университете.

Как и в Вятской губернии, большинство казанских католиков являлись горожанами (см. табл. 6).

Приведённая таблица показывает, что несмотря на заметное сокращение (на 16%) удельного веса горожан в составе казанской католической общины, произошедшее на рубеже XIX–XX вв., местные католики по-прежнему оставались одной из наиболее урбанизированных религиозных общин края. По данному показателю они намного опережали крупнейшие конфессии Казанской губернии. Так, среди православных и единоверцев в 1897 г. горожане составляли всего 9,4%, среди старообрядцев – 20,9%, мусульман – 5,5%. Казанские протестанты (в первую очередь, лютеране) лишь немного уступали католикам – 87,8%. Лидирующие же позиции по уровню урбанизации в конце XIX в. заняли казанские иудеи – 96,2%.

В течение всего рассматриваемого хронологического периода абсолютное большинство казанских католиков-горожан проживало в самой Казани, где функционировал единственный в крае костёл. В 1870 г., по оценке викария Иоанна Бобкевича, прихожанами римско-католического храма были 650 жителей Казани (не считая военных) [35]. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Казани насчитывалось 1760 католиков [36]. Наконец, по сведениям Казанского губернского статистического комитета, в 1915 г. католическое население Казани составило 1759 чел., однако здесь вновь не учитывались военнослужащие местного гарнизона, являвшиеся католиками по вероисповеданию [37].

Как было сказано, в 1897 г. из 1876 горожан католиков 1760 (93,8%) проживали в самой Казани, соответственно в уездных городах насчитывалось всего 116 католиков. На втором месте после Казани (но с гигантским отрывом от неё) по числу горожан римско-католического вероисповедания находился Мамадыш, где проживали 20 католиков, третье место разделили между собой Козмодемьянск и Чистополь – по 18 чел. 17 католиков насчитывалось в Царёвококшайске, по 10 – в Ядрине и Тетюшах [38]. В остальных уездных городах количество католиков было ничтожным, а в заштатном Арске их не было вообще.

Наконец, рассмотрим размещение католического населения по уездам Казанской губернии (табл. 7).

Как видим, основная масса католиков губернии проживала в Казанском уезде, в первую очередь в самой Казани. В остальных уездах католиков было немного и их количество подвергалось заметным колебаниям. Число католиков было относительно стабильным лишь в Царевококшайском уезде, являвшемся одним из мест размещения ссыльных участников польского национально-освободительного движения.

Таким образом, католическая община на территории Казанской губернии имела ряд особенностей. Во-первых, её этническое ядро составляли поляки, часть которых была выслана за участие в Январском восстании 1863 г., а другие прибыли в регион добровольно (чиновники, военные,

Таблица 7

Распределение католиков по уездам Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [39]

Уезды	Численность католиков (чел.)		
	1881 г.	1897 г.	1904 г.
Казанский	–	1785	664
Козмодемьянский	18	21	8
Лаишевский	16	42	25
Мамадышский	17	34	17
Свияжский	8	7	7
Спасский	8	16	9
Тетюшский	2	18	1
Царевококшайский	28	25	22
Цивильский	22	9	49
Чебоксарский	12	13	10
Чистопольский	14	32	13
Ядринский	26	12	22

студенты и преподаватели Казанского университета и пр.). Во-вторых, значительная часть казанских католиков относилась к привилегированным сословиям. Так, в конце XIX в. около 35% местных поляков являлись личными и потомственными дворянами. В-третьих, казанские католики отличались от остальной массы населения края высоким образовательным уровнем. Около 70% из них имели образование выше начального, а некоторые закончили различные университеты страны, в первую очередь Казанский. Дворянское происхождение и хорошее образование позволяли полякам занимать высокий статус в местной социальной иерархии. Поляки составляли заметный процент среди интеллектуальной элиты региона, а также в офицерском корпусе Казанского военного округа. Все эти факторы позволяли казанским католикам эффективно отстаивать свои интересы и оказывать заметное влияние на губернское руководство даже несмотря на свою малочисленность и традиционно настороженное отношение к Римско-католической церкви, значительно усилившееся после подавления Январского восстания 1863 г.

Примечания

1. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 2291. Л. 9–9об.; НАРТ. Ф. 709. Оп. 13. Д. 1. Л. 33; Обзор Казанской губернии за 1890 г. Казань, 1891; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903. Т. XIV. Казанская губерния. С. VII; Обзор Казанской губернии за 1904 г. Казань, 1905. С. 9.

2. Данные за 1855 г. приводятся лишь по Казани. По уездам Казанской губернии точные цифры за этот год отсутствуют. В любом случае эта цифра была незначительной и вряд ли превышала 100 чел., поскольку даже в 1863 г. (то есть уже после начала высылки участников Январского восстания) в уездах (без Казани) проживали около 170 католиков.

3. *Циунчук Р. А.* Польская диаспора Казани: основные этапы формирования и социокультурного развития (XVIII – начало XX вв.) // Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Казань, 2011. С. 184.

4. *Пичугина В. В.* Деятельность католического прихода в Казани в XIX в. // Историческая наука в Казанском университете: материалы науч. конф. Казань, 2000. С. 181.

5. *Павлов В. А.* Участники польского восстания 1863 г. в Казанской губернии: состав и образ жизни // Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Казань, 2011. С. 212.

6. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2291. Л. 9–9об.

7. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Л. 9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Л. 139.

8. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2291. Л. 9–9об.; НАРТ. Ф. 709. Оп. 13. Д. 1. Л. 33.

9. *Циунчук Р. А.* Указ. соч. С. 178.

10. *Вульфсон Г. Н., Чугунова Н. С.* Студенты-поляки в Казанском университете (80–90-е гг. XIX в.) // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 105.

11. *Михайлова С. М.* Польские студенты и преподаватели Казанского университета в культурно-просветительской и общественной жизни Поволжья // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.). Варшава, 1995. С. 95.

12. Обзор Казанской губернии за 1890 г. Казань, 1891.

13. НАРТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 642. Л. 3, 4, 10, 37, 50, 61.

14. Там же. Л. 33.

15. *Циунчук Р. А.* Указ. соч. С. 191.

16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. 105.

17. Там же.

18. Обзор Казанской губернии за 1890 г.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. VII; Обзор Казанской губернии за 1904 г. С. 9.

19. Цит. по: *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 91.

20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. VII.

21. Там же. С. 98.

22. Ведомость № 3 // Обзор Казанской губернии за 1904 г.

23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. 274–275.

24. Там же. С. 258–259.

25. НАРТ. Ф. 709. Оп. 22. Д. 1. Л. 22–23.

26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. 184.

27. *Кулик М.* Офицеры польского происхождения в Казанском военном округе на рубеже XIX и XX веков // Polonia в Казани и Волго-Уралье в XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Казань, 2011. С. 229.

28. Там же.

29. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 199–202.

30. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. 184.

31. Там же. С. 104–107.

32. НАРТ. Ф. 709. Оп. 38. Д. 1. Л. 2.

33. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 20995. Л. 7.

34. Обзор Казанской губернии за 1890 г.; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. VII; Обзор Казанской губернии за 1904 г. С. 9.

35. НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2291. Л. 9.

36. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. 3.

37. НАРТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 649. Л. 33.

38. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. 3.

39. НАРТ. Ф. 709. Оп. 22. Д. 1. Л. 2–47; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. С. VII; Обзор Казанской губернии за 1904 г. С. 9.

УДК 94(470.342)

А. М. Рафиков

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

На основе применения регионального и локального подходов к историческим исследованиям в статье предпринимается попытка комплексного анализа торгово-предпринимательской, общественной и благотворительной деятельности татарского купечества Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Представители национальных деловых кругов выделяются в отдельное микросообщество, основные направления эволюции деловой и духовной жизни которого рассматриваются в неразрывной связи с общими тенденциями социально-экономического развития Российской империи и Вятско-Камского региона пореформенного времени.

On the basis of application of regional and local approaches to historical researches in article attempt of the complex analysis trading – enterprise, public and charities of the tatar merchant class of Vuatskoj province of second half XIX – the beginnings XX is undertaken in. Representatives of national business circles are allocated in separate microcommunity the basic directions of evolution of business and which spiritual life considered in indissoluble communication with the general tendencies of social and economic development of Russian empire and Vuatsko-Kamskogo region post-reform time.

Ключевые слова: регион, локальное историческое исследование, купечество, общественная деятельность, благотворительность, торгово-предпринимательская деятельность.

Keywords: region, local historical research, merchantry, public activities, philanthropy, trade-enterprising activity.

Современный этап характеризуется существенным обновлением теоретических концепций и методологической базы исторического знания, что выражается в появлении множества различных направлений исследований, таких, как гендерная история, историческая феноменология, история ментальностей и др. Опыт последних десятилетий свидетельствует о том, что понимание исторического процесса развивается в рамках двух основных направлений. С одной стороны, возрастает интерес к глобальной макроперспективе, что находит выражение в попытках создания транснациональной (межнациональной) истории, с другой – ученые все больше убеждаются в невозможности системно-целостного видения эволюции мира и человечества на протяжении всего времени их существования [1]. Необходимо отметить, что данные подходы не являются взаимоисключающими, а, напротив, дополняют друг друга, формируя новую парадигму исторического знания. «Глобальное и локальное в своей универсальности и социокультурной комплиментарности образуют сегодня принципиально новую шкалу актуальности... И, в этом смысле, знаковым процессом сегодняшнего поворота во всемирной истории можно считать глокальную реорганизацию социального пространства», – отмечает Ф. Ю. Согомонов [2]. Таким образом, современное понимание всеобщей истории подразумевает наличие множества частных вариантов и индивидуальных траекторий развития, акцентируя внимание на феномене глобальной локализации (глокальности) [3], что актуализирует применение регионального и локального подходов к историческим исследованиям.

Сами по себе данные подходы не новы, однако в свете возникновения «новой исторической науки» их внутреннее содержание претерпевает существенные изменения, что неизменно сопровождается появлением ряда теоретических трудностей. В случае с региональным подходом главной проблемой является отсутствие единой интерпретации концепта «регион». Традиционное определение этого термина, связанное в первую очередь с территориальной привязкой [4], мало соответствует сегодняшнему уровню развития научного знания. Современное историческое понимание региона, помимо географических особенностей, включает в себя учет экономической, политической, этнической и главным образом социокультурной уникальности различных местностей, связанной с деятельностью и взаимоотношениями людей [5]. Все чаще историки и географы используют такие многозначные определения, как «образ территории», «культурный дизайн», «социальный ландшафт» [6], что позволяет говорить о специфике пространства в самых различных аспектах.

Обладая несомненными преимуществами, это полисемантичное понимание в то же время значительно затрудняет локализацию границ региона, которые могут быть административными, то есть установленными властью, или смысловыми (историческими. – *А. М.*), связанными с самоидентификацией населения [7]. В связи с этим возникают большие трудности при определении масштабов регионального исторического исследования. Используются как широкие подходы, в рамках которых в отдельные регионы выделяются большие территории, выходящие за пределы государственных границ (Европа, Балканы и др.) [8], так и более узкие, где понятие региона зачастую совпадает с административно-территориальным образованием [9].

Разрешить эту дилемму отчасти помогает онтологический подход к построению регионального исторического исследования, предполагаю-

© Рафиков А. М., 2013

щий отражение определенной реальности в категориях различных дисциплин. В частности, большой интерес представляют данные исторической географии.

Первоначально в состав Вятско-Камского региона входили земли, расположенные в северной части бассейна реки Вятки с древнейшими городами Хлыновом, Орловом, Слободским, Котельничем и др. После присоединения к Московскому государству границы Вятского края постепенно расширялись. В разные исторические периоды он относился к территориям Сибирской и Казанской губерний. В общих чертах контуры региона сформировались при Екатерине II, когда в составе Нижегородского генерал-губернаторства было образовано Вятское наместничество, включавшее как исконно исторические местные земли (Вятский, Слободской, Орловский, Котельничский и др. уезды), так и присоединенные (Сарапульский, Елабужский, Глазовский, Малмыжский и др. уезды). В 1796 г. Павел I подписал указ о присвоении Вятскому наместничеству статуса губернии, территория которой практически не менялась до 1918 г. [10] Во второй половине XIX – начале XX в. она объединяла 11 уездов и граничила на севере с Вологодской, на юге – с Казанской, на западе и юго-западе – с Костромской и Нижегородской, на востоке – с Пермской губернией [11]. Таким образом, Вятская губерния складывалась как естественно-историческим, так и реформаторским путем, однако, просуществовав более 100 лет в неизменных границах, в исследуемый период она представляла собой единый по основным параметрам хозяйственно-культурный мир, и в силу этого ее административные рубежи во многом соответствовали смысловому определению Вятско-Камского региона.

Особенности географического положения этой обширной территории, находившейся на пограничье Центральной России, Поволжья, Урала и Русского Севера, обусловливали специфику социально-экономического развития губернии в пореформенное время и самым непосредственным образом сказывались на деятельности местной купеческой корпорации.

Вятский край второй половины XIX – начала XX в. представлял собой аграрно-промышленный регион, где крупное фабрично-заводское производство (Ижевский оружейный завод, Воткинский железоделательный завод, Бондюжский и Кокшанский химические заводы П. К. Ушкова и К° и др.) сочеталось с аграрно-отсталой, полупатриархальной жизнью деревни. И если крупные промышленные города и городские поселки были ориентированны на дальнейшее развитие индустриальной сферы и сферы услуг, то провинциальные являлись центрами деятельности местного купечества [12].

Главным богатством Вятско-Камского региона была земля с ее пашенными и лесными угодьями. В 1900 г. земельный фонд губернии включал в себя 13 324,5 тыс. дес., из них 5 525,2 тыс. пахотной земли и 6548,6 тыс. леса. Почти треть этой земли принадлежала государству [13], в связи с чем здесь традиционно преобладало государственное крестьянство [14]. Отсутствие классического крепостного права предоставляло широкий простор для развития частной инициативы и предпринимательства.

Важным благоприятствовавшим торговле фактором являлось наличие на территории Вятского края крупных судоходных рек Камы и Вятки с их притоками – Чепцой, Белой, Валой, Ижом и др. Водные пути связывали регион с крупнейшими торговыми городами – Казанью, Нижним Новгородом, Петербургом, Москвой, Архангельском, открывали выход в Сибирь. Через губернию проходили также четыре тракта всероссийского значения: Сибирский, Казанский, Пермский, Вятско-Уфимский [15].

В то же время развитие торговли в значительной степени сдерживалось отсутствием на протяжении длительного времени железных дорог, использованием для грузоперевозок примитивного сухопутного транспорта, неудовлетворительным состоянием грунтовых путей сообщения, которые в период осенне-весенней распутицы становились совершенно непроходимыми, отдаленностью губернии от развитых экономических центров страны. Важным препятствием для генезиса капиталистических отношений являлись неблагоприятные климатические условия – суровая затяжная зима, низкая плодородность почв, незначительное количество залежей полезных ископаемых.

Эти особенности определяли экономический облик региона, который характеризовался сравнительно невысокими неравномерными темпами развития рыночных отношений и преобладанием «среднего» второгильдейского купечества, в профессиональной деятельности которого доминировали традиционные формы накопления капиталов – розничная магазинная и лавочная торговля. Пополнение состава гильдейских предпринимателей проходило главным образом за счет торгового мещанства, так как товарно-денежные отношения были слабо представлены в сельской местности, что препятствовало социальной дифференциации в деревне. Одновременно более медленное, в сравнении с общероссийским, становление капитализма обусловливало большую сословную устойчивость местной купеческой корпорации [16].

На положении вятского купечества сказывалась и специфика исторически сложившейся социальной структуры региона. Малое количество

плодородных земель, сконцентрированных в основном на юго-востоке губернии, а также преобладание государственного землевладения и крестьян являлись причинами слабости и немногочисленности местного дворянства. В связи с этим традиционно высока была роль представителей гильдейского сословия в общественной жизни Вятского края. Купечество имело весомое представительство в органах земского и городского самоуправления губернии, занималось широкой благотворительностью, проявляло политическую активность [17].

Наряду с перечисленными особенностями, отличавшими местную гильдейскую корпорацию, региональный подход позволяет выделить в ее деятельности и типичные черты, характерные для жизни российского торгового сословия в исследуемый период.

Развитие вятского купечества проходило в русле общей социально-экономической эволюции Российской империи пореформенного времени. Самое непосредственное влияние на него оказывали финансовая политика правительства, торговое законодательство, капиталистическая модернизация страны. Эти тенденции особенно ярко проявились в создании различных коммерческих объединений, участии предпринимателей в организации банковской системы и передового по техническому оснащению промышленного производства [18]. Менялся и духовный облик гильдейцев, что прослеживалось в появлении меценатской деятельности, росте уровня образования и культуры, гражданского самосознания представителей деловых кругов. По словам М. С. Судовикова, к началу XX в. в губернии, как и в целом в России, сложился «новый тип купца, далекий от понятия “темного царства”, в основе своей цивилизованный как с точки зрения профессиональной деятельности, так и системы ценностей...» [19].

Таким образом, применение регионального подхода, предполагающего экстраполяцию местного материала на общероссийскую канву, дает возможность реконструировать исторические границы Вятской губернии, проанализировать ее природно-климатические условия, уровень социально-экономического развития, проследить динамику общегосударственных процессов, связанных с деловой активностью и общественной жизнью купечества.

В то же время очевидно, что говорить о едином историческом развитии в рамках всего региона можно только при условии его этнического единообразия. Вятская губерния являлась полиэтничным административно-территориальным образованием. Здесь проживали русские, удмурты, башкиры и татары, которых, по данным первой Всеобщей переписи 1897 г., насчитывалось 125 тыс. чел. [20] Совместное проживание на протяжении долгого времени с представителями других национальностей не могло не отразиться на мировоззрении татарского населения, вместе с тем в силу известной консервативности мусульманского общества, татары Вятско-Камского региона сохраняли богатые и самобытные духовные традиции, хозяйственно-бытовые навыки и религиозные убеждения, выделяясь в особый социокультурный мир. Будучи носителями характерных черт своей национальности, купцы-татары являлись органической частью этого мира, исследование которого предполагает использование локального подхода.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день не существует четкого разграничения предметных полей между локальной и региональной историей, нередко эти понятия употребляются как синонимы [21]. Однако в рамках формирования «новой локальной истории» географический фактор, обязательный для регионального подхода, играет уже менее существенную роль. Объектом локальной истории выступает скорее микросообщество как совокупность людей, осуществлявших определенную историческую деятельность, а целью исследования является создание коллективной биографии той или иной социальной общности [22]. При этом все процессы и явления локального уровня должны рассматриваться в неразрывной связи с региональным и общенациональным контекстом, что предполагает проведение компаративного анализа социальной и деловой жизни купцов-татар с представителями других национальностей, входившими в состав вятской гильдейской корпорации.

Местом формирования и деятельности национальных деловых кругов стали юго-восточные уезды Вятской губернии (Елабужский, Малмыжский, Уржумский и Сарапульский), граничившие с Казанским краем и являвшиеся территорией компактного проживания татар. В исследуемый период в гильдейском купечестве данных уездов состояло 43 представителя татарской национальности, принадлежавших к 25 различным фамилиям [23]. Являясь частью полиэтничной купеческой корпорации губернии, предприниматели-татары в равной степени испытывали на себе влияние основных процессов социально-экономической жизни Вятско-Камского региона и Российской империи пореформенного времени.

Самое непосредственное влияние на развитие их профессиональных занятий оказывали процессы капиталистической модернизации страны, что нашло наиболее полное отражение в сочетании торговли и промышленного производства. К числу крупнейших заводчиков принадлежали купцы-татары Утямышевы, Массагутовы, Б. Ишмуратов, Ф. Курмашев, А. Маматов. Для многих

из них фабрично-заводское производство являлось основным видом коммерческой деятельности и значительно преобладало над лавочной торговлей. Так, например, годовые обороты мыловаренного завода елабужской 2-й гильдии купчихи Г. Массагутовой составляли 53 000 руб., тогда как розничная стационарная продажа чая, сахара и мануфактурного товара приносила ей не более 1000 руб. чистой прибыли [24].

Активное сращивание торгового капитала с промышленным, появление новых передовых форм предпринимательской деятельности ускоряло процесс формирования коммерческих предприятий ассоциированного типа. Наибольшее распространение среди предпринимателей-татар Вятско-Камского региона получили торговые дома. Их владельцами являлись малмыжский 2-й гильдии (позже уфимский 1-й гильдии) купец А.-Л. Хакимов, глазовские предприниматели Арслановы, слободские Гисматуллины [25]. Все это свидетельствовало о том, что основные направления эволюции профессиональных занятий купцов-татар Вятско-Камского региона соответствовали общим тенденциям развития российского и вятского купечества во второй половине XIX – начале XX в.

Полиэтничную гильдейскую корпорацию губернии объединяли и некоторые другие черты. К их числу относилось преобладание в составе национальных деловых кругов второгильдейского купечества, обусловленное особенностями географического положения региона [26], и доминирование в числе профессиональных занятий купцов-татар стационарной розничной продажи товаров. Большинство предпринимателей-татар вкладывали средства в мелкую и среднюю лавочную торговлю. При этом одному купцу принадлежало, как правило, несколько коммерческих заведений, расположенных и в уездных центрах, и в сельской местности. Так, в собственности малмыжских торговцев Сайфуллюковых единовременно находилось семь лавок, уржумских Тебековых – пять, елабужских Гайсиных – четыре и т. д. [27]

Отдельные сходства прослеживались и в купеческом быту. Как известно, для патриархального воспитания в русских купеческих семьях было характерно длительное совместное проживание родителей и уже взрослых, нередко даже имевших собственную семью сыновей. Данное явление объяснялось желанием главы семьи передать торговое дело в надежные, опытные руки, сохранить его и в дальнейшем развить в новых экономических условиях. Поэтому сыновей старались как можно дольше держать при себе, обучая всем тонкостям ведения торговли. Подобные традиции семейного воспитания были присущи и татарскому купечеству Вятской губернии. Например, в доме 2-й гильдии купца М.-В. Альмухаметова до 32 лет находился его сын Сайфулла, помогавший отцу заведовать лавкой на Казанской улице города Елабуги [28]. В семье малмыжского предпринимателя М.-Г. Нафикова вместе с женой и двумя детьми проживал средний сын купца Мухамет-Закир, которому в 1910 г. исполнилось уже 39 лет [29]. Перечень подобных примеров может быть продолжен.

Аналогичным образом в среде национальных деловых кругов приветствовалась многодетность, позволявшая обеспечивать преемственность капиталов. По нашим подсчетам, средний размер татарской купеческой семьи Вятско-Камского региона составлял 5 человек [30], что практически полностью соответствовало демографическим показателям семейной жизни русского купечества [31].

Вместе с тем некоторые параметры развития профессиональной деятельности купцов-татар Вятской губернии характеризовались рядом отличительных особенностей. Неблагоприятные природно-климатические условия, слаборазвитая сеть транспортного сообщения и сильная конкуренция на внутреннем рынке являлись основными причинами того, что предприниматели-татары, уступавшие по численности представителям других национальностей, были вынуждены занять сравнительно узкую экономическую нишу. Основную сферу их торговой специализации составляли чай, сахар, бакалея и мануфактура, тогда как продажа более прибыльных товаров (мед, мясо, виноводочные изделия, хлеб и др.) находилась в руках преимущественного русского купечества.

Ограниченные возможности формирования крупного капитала в значительной степени сдерживали развитие передовых форм торгово-предпринимательской деятельности. Купцы-татары не принимали участия в формировании банковской системы Вятско-Камского региона, довольно редко среди них встречались владельцы магазинов и торговцы-оптовики. Из 43 представителей национальных деловых кругов собственные магазины имели всего три человека – А.-Ш. Заитов, М. Сабиров, Х. Вахитов [32] и лишь двое (А.-Ш. Заитов и К. Тебекова) занимались оптовой торговлей хлебом, воском, лесом и другими товарами [33].

Определенное влияние на характер профессиональных занятий купцов-татар оказывали их религиозные убеждения. С одной стороны, нормы шариата, культивировавшие сильную приверженность традициям, уважение старших, аскетизм (запрет на употребление вина и др.), обеспечивали стабильность торгово-предпринимательской деятельности [34], с другой – ислам являлся мощной консервирующей силой. В татарском

обществе не было никакой другой идеологии, противостоявшей ему, религия являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. В полном подчинении мусульманству находилась система народного образования, воспитания, культура [35]. Все это в значительной степени препятствовало буржуазной модернизации и установлению равноправных партнерских отношений с представителями других национальностей.

Наиболее полно традиционные черты мировоззрения и менталитета купцов-татар проявлялись в благотворительной деятельности, которая возводилась в исламе в ранг обязательных богоугодных дел. Основные наиболее крупные пожертвования шли на строительство мечетей, открытие медресе и мектебов, поддержание мусульманского духовенства. В разные годы культовые сооружения были воздвигнуты на средства купцов Г. Хамидуллина, Г. Рафикова, И. Утямышева и др. [36] Предприниматели А.-Л. Хакимов, А.-Ш. Заитов, М.-В. Альмухаметов прославились щедрой благотворительностью на нужды национального образования.

Особого внимания заслуживает филантропия сарапульского купца М. Ахмедзянова, на средства которого в деревне Иж Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии было открыто крупнейшее в Российской империи медресе «Буби». В 1895 г. предприниматель выделил педагогам братьям Буби 10 тыс. руб. на переустройство старого учебного заведения в новометодное. В последующем он продолжал оказывать медресе финансовую помощь вплоть до его закрытия в 1911 г. Кроме этого М. Ахмедзянов материально поддерживал и его преподавателей. На средства купца был выстроен полукаменный дом для братьев Буби [37].

Таким образом, благотворительная деятельность татарского купечества объективно была направлена на поддержание, консолидацию, сохранение духовной и культурной автономии татарского этноса, находившегося в Вятской губернии в статусе национального меньшинства.

В то же время вторая половина XIX – начало XX в. стали для татар временем существенных социально-политических перемен, во многом определивших дальнейшую судьбу всего тюркского мира России. Широкое общественное движение, развернувшееся в рамках джадидизма [38], способствовало духовному раскрепощению мусульман, стимулировало более близкое знакомство с русской культурой. Не последнюю роль в этом процессе сыграли и буржуазно-либеральные реформы 60–70-х гг. XIX в., изменившие правовое положение всех сословий, в том числе и купечества. Предприниматели-татары Вятско-Камского региона не остались в стороне от этих важных тенденций эволюции государственной жизни, подтверждением чего являлась активизация их общественной деятельности.

Как и русское купечество губернии, представители национальных деловых кругов принимали участие в работе органов городского и земского самоуправления. В разные годы в состав земских собраний и городских дум избирались братья А.-Ш. и Ш. Заитовы, М.-Р. Исмагилов, М.-В. Альмухаметов, А.-Г. Гайсин, М.-В. Сюндюков, Г. Арасаев, М.-Г. Утямышев и др. Исполняя обязанности гласных, купцы-татары зарекомендовали себя активными, добросовестными и ответственными общественными деятелями. Они неоднократно избирались членами различных комиссий, присутствий и попечительств, в рамках которых тесно сотрудничали с представителями других национальностей. Так, А.-Г. Гайсин вместе с гласными Д. И. Юшковым, И. П. Назаровым, А. К. Стахеевым, П. Ф. Гирбасовым, П. Ф. Каинским входил в состав комиссии «для наиболее правильного назначения и раздела сенокосных лугов г. Елабуги» [39], М.-Р. Исмагилов совместно Ф. Ф. Ижболдиным, Н. Р. Чигвинцевым, А. Н. Вечтомовым и К. А. Хомичем разрабатывал проект организации хлеботорговли в Елабужском уезде [40], Г. Арасаев занимался вопросами, связанными с ремонтом дорог в г. Малмыже [41]. Перечень подобных примеров может быть продолжен.

Наряду с этим, сохраняя чувство этнической принадлежности, купцы-татары выступали проводниками и защитниками интересов мусульманского населения Вятско-Камского региона. Ярким примером данного направления их общественной деятельности является работа в органах местного самоуправления гласных М.-Г. Утямышева, А.-Ш. Заитова, А.-Г. Гайсина. Усилиями купцов была расширена сеть лечебных учреждений в татарских деревнях Малмыжского уезда, организовано бюджетное финансирование национальных учебных заведений губернии, инициировано проведение водопровода в татарской в слободе города Елабуги и т. д. [42]

Итак, татарское купечество играло заметную роль в формировании хозяйственно-бытовой инфраструктуры юго-восточных уездов Вятской губернии. Яркий и во многом показательный пример тесного взаимодействия предпринимателей-татар с другими общественными деятелями позволяет обозначить модель социального поведения деловой элиты второй половины XIX – начала XX в., свидетельствует о формировании элементов гражданского общества, повышении общего уровня образования и культуры в среде национальных деловых кругов Вятско-Камского региона.

Важным достоинством локального подхода является возможность изучения «истории сни-

зу», что предполагает рассмотрение социальной общности через призму деятельности отдельных личностей, таким образом открывается возможность введения в исторический процесс простых людей [43]. Рассмотрим это положение на конкретном примере.

Среди татарского купечества Вятской губернии встречались и достаточно состоятельные предприниматели, одним из них являлся малмыжский временный 1-й гильдии купец Г. Хамидуллин. Заниматься коммерческой деятельностью Г. Хамидуллин начал в первой половине 90-х гг. XIX в. Как и большинство других предпринимателей, формирование первоначального капитала он осуществлял путем ведения мелкой лавочной торговли. По данным на 1893 г., в его собственности находились балаган с колониальным товаром в городе Малмыже и небольшая лавочка по продаже бакалейного и мануфактурного товара в деревне Старый Ирюк [44].

Учитывая тот факт, что конкуренция в сфере торговли продуктами питания и тканями была высокой, на рубеже XIX–XX вв. Г. Хамидуллин решил пойти на предпринимательский риск и стал вкладывать средства в продажу куриных яиц. Незаурядные деловые и административные способности позволили ему добиться впечатляющих коммерческих успехов. Начав с мелкой розничной торговли с годовым оборотом, не превышавшим 5 тыс. руб. [45], уже в скором времени он превратился в крупнейшего продавца яичного товара во всей Вятской губернии. Сеть заготовительных контор предпринимателя охватила многие уезды Вятско-Камского региона. Приказчики, нанятые им, скупали яйца у населения и отправляли на пароходах в Вятку, потом по железной дороге товар шел в Москву, Петербург, за Урал.

Освоив российский рынок, Г. Хамидуллин сумел выйти на зарубежных партнеров. Предприниматель стал отправлять товар в Англию, Францию, Германию. Необходимо подчеркнуть, что он являлся единственным представителем национальных деловых кругов Вятской губернии, имевшим выход на заграничные рынки. Ежегодно купец посылал за рубеж до 60 млн штук яиц, а обороты его продаж достигали миллиона рублей. Не случайно современники называли его «яичным королем» [46].

Г. Хамидуллина отличали не только выдающиеся коммерческие успехи, но и активная жизненная позиция. Он был известен современникам как крупный общественный деятель и благотворитель. Купец являлся одним из немногих представителей татарской национальности, принимавших участие в работе Малмыжского уездного земского собрания. Земским гласным Г. Хамидуллин избирался четыре раза – в трехлетие с 1903 по 1905 г. и в три трехлетия подряд с 1909 по 1917 г. [47] Данный факт свидетельствовал об уважении и авторитете предпринимателя среди не только татарского, но и русского населения Малмыжского уезда.

Деятельность Г. Хамидуллина в органах местного самоуправления отличалась широким и разнообразным характером. Он неоднократно являлся членом оценочной и ревизионной комиссий, представителем от земского собрания в раскладочном по промысловому налогу присутствии. Кроме того, как человек опытный в хозяйственных и административных делах, Г. Хамидуллин привлекался к работе во многих временных учреждениях, деятельность которых была направлена на благоустройство социально-бытовой инфраструктуры Малмыжского уезда. К их числу относились комиссии по школьному строительству, по выбору земельного участка под сельскохозяйственное училище, по приобретению племенных жеребцов и др. [48] В общей сложности за долгие годы земской службы купец входил в состав 17 различных представительств и присутствий.

Являясь глубоко и искренне верующим мусульманином, Г. Хамидуллин не раз выделял значительные средства на богоугодные и просветительские цели. В 1896 г. предприниматель, совместно с крупным торговым мещанином города Оренбурга М.-К. Музафаровым, подарил Малмыжскому земству полукаменный дом с условием, что земское собрание устроит там татарскую школу [49]. Большой общественный резонанс имело крупное пожертвование, сделанное им в 1911 г. на строительство в городе Малмыже каменной мечети [50].

В то же время, характеризуя филантропию предпринимателя, следует подчеркнуть, что он не замыкался в узких национальных рамках и являлся одним из немногих купцов-татар, принимавших участие в работе русских благотворительных обществ Вятской губернии. В октябре 1914 г. на очередном заседании Малмыжского уездного земского собрания Г. Хамидуллин был единогласно избран членом «уездного отдела Общества помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных в мобилизации 1914–1915 гг.». Вместе с ним в состав организации вошли гласные И. С. Кунгурцев, Т. И. Майорских, Н. Н. Стуков [51]. Активной общественной, торгово-предпринимательской и благотворительной деятельностью купец занимался до конца своей жизни (умер в 1916 г.).

Исследование биографии Г. Хамидуллина свидетельствует о том, что формирование социального и делового облика татарского купечества Вятской губернии во многом определялось положением состоятельных предпринимателей, которые являлись носителями передовых форм ком-

мерческой деятельности, отличались активной жизненной позицией, высоким уровнем образования и личной культуры.

В целом купцы-татары играли заметную роль в формировании хозяйственно-бытовой инфраструктуры юго-восточных уездов Вятской губернии. Сильное влияние на характер их профессиональных занятий и общественной жизни оказывали особенности экономического развития Российской империи и Вятско-Камского региона пореформенного времени, немногочисленность гильдейских капиталов, необходимость совместной жизнедеятельности с представителями других национальностей, религиозные убеждения и традиции повседневного быта татар. Несмотря на неоднозначные условия деятельности, представители национальных деловых кругов смогли найти свою социально-экономическую нишу в регионе.

Таким образом, сочетание регионального и локального подходов обязательно предполагает мультидисциплинарный характер исследования, позволяет ввести в научный оборот разнообразные опубликованные и неопубликованные исторические источники местного происхождения. Широкие возможности многоаспектного изучения самого различного спектра проблем, открывающиеся в рамках данных направлений, позволяют максимально полно реконструировать местные процессы, показать их неразрывную связь с общегосударственной историей.

Примечания

1. *Репина Л. П.* Новые исследовательские стратегии в Российской и мировой историографии. М., 2008. С. 17, 26.

2. *Согомонов Ф. Ю.* Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) // Глобализация и постсоветское общество. М., 2001. С. 64.

3. *Орлов И. Б.* «Человек исторический» в системе гуманитарного знания: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза. М., 2010. С. 119.

4. Регион (от лат. region – область) – обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединенных по каким-либо общим признакам (Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2006. С. 695).

5. *Булыгина Т. А.* Региональная история: поиски новых исследовательских подходов // Запад – Россия – Кавказ: межвуз. науч.-теор. альманах. М., 2003. Вып. 2. С. 419.

6. См.: *Шульгина О. В.* Административно-территориальное деление России в XX веке: историко-географический аспект // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 24; Региональная история в глобальном измерении: материалы круглого стола // Российская история. 2009. № 3. С. 11.

7. *Юмаюнов С. А.* Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 160, 161.

8. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 459.

9. *Орлов И. Б.* Регион в истории России: вопросы типологии и перспективы изучения // Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве: материалы интернет-конференции. URL: www.newlocalhistory.com

10. *Судовиков М. С.* Губерния Вятская: исторические очерки. Киров (Вятка), 2006. С. 6, 8, 10.

11. Вятская губерния являлась одним из крупнейших административно-территориальных образований Российской империи второй половины XIX – начала XX в. и объединяла в себе территорию современной Кировской области, части республик Удмуртия, Татарстан, Коми и Марий Эл.

12. *Лигенко Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. С. 20.

13. 200 лет Вятской губернии: стат. сб. Киров, 2006. С. 50.

14. Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Киров, 1995. Т. 4. С. 184.

15. Удмуртская Республика: энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 55.

16. *Судовиков М. С.* Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. Киров, 2009. С. 313.

17. См.: *Судовиков М. С.* Политическая деятельность купечества в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2009. № 7. С. 86–95.

18. В начале XX в. вятскому купечеству принадлежало 38% всего промышленного производства губернии, в регионе функционировало 26 купеческих торговых домов и акционерных обществ, в том числе крупнейшее в России товарищество «Иван Стахеев и Ко». Усилиями купцов Ф. Веретенникова, М. Кардакова, И. Лихачева, Я. Шамова и др. были созданы банковские учреждения в губернском центре и уездных городах (*Судовиков М. С.* Купеческое сословие Вятско-Камского региона ... С. 169, 177, 185).

19. *Судовиков М. С.* Купеческое сословие Вятско-Камского региона ... С. 312.

20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. М., 1904. Т. X. С. 93.

21. См.: *Маловичко С. И., Мохначева М. П.* Тенденции и перспективы интеграции региональных исследований // Регіональна історія України: збірник наукових статей. Харків, 2007. С. 29–46.

22. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. М., 2004. С. 239.

23. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 176. Оп. 1. Д. 4003. Л. 47об.; Там же. Оп. 1. Д. 4440. Л. 211об.; Там же. Оп. 1. Д. 4510. Л. 4об.–19; Там же. Оп. 1. Д. 4594. Л. 38; Там же. Оп. 1. Д. 4620. Л. 14–15об.; Там же. Оп. 1. Д. 4641. Л. 18.

24. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3547. Л. 642об.

25. ГАКО. Ф. 176. Оп. 3. Д. 1293. Л. 49, 78об.; Там же. Ф. 176. Оп. 3. Д. 1293. Л. 27.

26. Из 43 купцов-татар Вятской губернии в разное время капитал по 1-й гильдии объявляли лишь два человека – малмыжские предприниматели Исхак и Шанир Утямышевы.

27. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3286. Л. 13–13об.; Там же. Оп. 1. Д. 3329. Л. 91об., 126.; Отчет о деятельности Елабужской управы за 1907 год. Елабуга, 1909. С. 194.

28. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3547. Л. 622об.

29. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4622. Л. 3об.

30. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3851. Л. 74об.; Там же. Оп. 1. Д. 4003. Л. 47об., 106об., 130об., 131об., 154об.; Там же. Оп. 1. Д. 4337. Л. 167об.; Там же. Оп. 1. Д. 4511. Л. 2об., 5об.

31. См.: *Аксенов А. И.* Генеалогия и российское купечество // Отечественная история. 1998. № 6. С. 10–13.

32. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3468. Л. 366об.; Там же. Оп. 1. Д. 3556. Л. 340об.

33. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 684. Оп. 1. Д. 20. Л. 94об.; Вся Россия: русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: адрес-календарь Российской империи: в 2 т. СПб., 1899. Т. 1 С. 1628.

34. В этом отношении мусульманство можно сравнить со старообрядчеством. Неприхотливость ревнителей старой веры в мирской жизни, их взаимопомощь и взаимовыручка, крепкие семейные связи, полное доверие друг к другу создавали благоприятные условия для развития торгово-предпринимательской деятельности (*Бойко В. П.* Томское купечество конца XVIII–XIX веков: из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996. С. 230).

35. *Мухаметшин Р. М.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005. С. 89.

36. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 3. Д. 12355. Л. 5об.; ГАКО. Ф. 583. Оп. 491. Д. 102. Л. 3; Там же. Оп. 494. Д. 178. Л. 1–1об.

37. *Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р.* Памятники истории и культуры татарского народа (конец XIX – начало XX века). Казань, 1995. С. 182.

38. Джадидизм – буржуазно-либеральное движение, появившееся в 80-е гг. XIX в. среди татар Крыма, Поволжья, Азербайджана. Первоначально его сторонники выступили с программой реформирования национального образования на основе введения в него светского элемента. В последующем джадидизм превратился в более широкое общественное движение по модернизации ислама и приспособлению его к потребностям буржуазного развития страны (*Мухаметшин Р. М.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. С. 80–87).

39. ГАКО. Ф. 587. Оп. 12. Д. 12. Л. 135.

40. Журналы XXIX Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 20–29 сент. 1895 года. Казань, 1896. С. 597.

41. Отчет Малмыжской уездной земской управы за 1873 год и Журналы Малмыжского уездного земского собрания VIII Очередной сессии 1874 года. Вятка, 1875. С. 41.

42. ГАКО. Ф. 587. Оп. 13. Д. 13. Л. 34; Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXIX Очередной сессии 1895 года, 10–18 сент. Вятка, 1896. С. 23, 24; Журналы XXXXII Очередной сессии Елабужского уездного земского собрания, 26 сент. – 7 окт. 1908 года. Елабуга, 1909. С. 166.

43. *Высокова В. В., Сосновский М. А.* Универсальная история в современной историографии // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 184.

44. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3299. Л. 82об.83, 169об.–170.

45. Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации... Т. 1. С. 1784.

46. *Саломатов Н.* Яичный король // Сельская правда. Малмыж, 1988. 7 янв. С. 4.

47. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятные книжки и календари Вятской губернии на 1903–1905, 1909–1916 гг. Вятка, 1904–1906, 1910–1917. С. 121, 108, 89, 92, 106, 78, 149, 145, 163.

48. Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXXVII Очередной сессии 1903 года, 21 сент. – 3 окт. Малмыж, 1904. С. 51; Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXXXIII Очередной сессии 1909 года, 30 сент. – 11 окт. Малмыж, 1910. С. 222; Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXXXVI Очередной сессии 1912 года, 30 окт. – 10 нояб. Малмыж, 1913. С. 5, 10; Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 29–30 декабря, 2–3 марта, 11–12 мая, 1911–1912 гг. Малмыж, 1912. С. 3, 189.

49. Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXX Очередной сессии 1896 года (15–22 сент.). Вятка, 1897. С. 7.

50. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 2550. Л. 5об.

51. Журналы Малмыжского уездного земского собрания XXXXVIII Очередной сессии 1914 года, 28 сент. – 6 окт. Малмыж, 1915. С. 57.

Всеобщая история

УДК 94

А. А. Калинин

«КРАСНАЯ УГРОЗА» ГРЕЦИИ В ОЦЕНКАХ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ в 1946–1949 гг.*

В статье рассматривается эволюция восприятия американскими дипломатами угрозы Греции со стороны мирового коммунизма в начальный период холодной войны. Особое внимание уделено причинам выдвижения доктрины Трумэна.

The article deals with the evolution of perception of American diplomats the threat to Greece from world communism in the early Cold War period. Special attention is paid to the reasons the declaration of the Truman Doctrine.

Ключевые слова: внешняя политика США, советско-американские отношения, холодная война, доктрина Трумэна, «групповое мышление», советская угроза, гражданская война в Греции.

Keywords: U. S. foreign policy, American-Soviet relations, Cold War, Truman Doctrine, Groupthink, Soviet Threat, Greek Civil War.

Осмысление генезиса холодной войны требует обращения к проблеме восприятия американским истеблишментом «красной угрозы» в отношении стран, которые оставались после Второй мировой войны на западной стороне «железного занавеса». Одной из важнейших составляющих этого восприятия являются представления американских дипломатов об угрозе Греции со стороны мирового коммунизма. Особый интерес этой проблеме придает тот факт, что именно определенный образ «красной угрозы» в отношении Греции подтолкнул Вашингтон к выработке доктрины сдерживания коммунизма.

Проблема восприятия американцами коммунистической угрозы Греции затрагивается в работах одного из крупнейших специалистов по американской политике в этой стране в период гражданской войны Дж. Иатридеса [1]. Особо следует отметить его статью «Восприятие советского участия в гражданской войне в Греции», в которой рассмотрены оценки «красной угрозы» Вашингтоном, Лондоном и греческим правительством, возможное нарастание которой ставилось в зависимость от степени вовлеченности СССР в дела этой страны [2].

В течение 1946 г. ситуация в Греции стремительно ухудшалась. Проведенные 31 марта выборы, по результатам которых к власти пришла монархическая Народная партия, и плебисцит о возвращении короля 1 сентября еще больше обострили обстановку в стране. Коммунистическая партия Греции (КПГ) берет курс на вооруженную борьбу. Осенью в Греции начинается полномасштабная гражданская война. 26 октября было объявлено о создании Демократической армии Греции (ДАГ).

1946 г. стал переломным в американском восприятии советской угрозы. Теперь внешнеполитический курс Москвы все более воспринимался как враждебный, и утверждению этой точки зрения способствовала в том числе и ситуация вокруг Греции. Анализ донесений американских дипломатов в Вашингтон позволяет проследить, как Советский Союз и страны Восточной Европы (теперь именовавшиеся в американских документах «сателлитами») обретали черты врага.

В течение 1945 – первой половины 1946 г. в американском посольстве в Греции полагали, что в ухудшении внутренней ситуации в стране, а также в возникновении напряженной обстановки на северных границах страны во многом виновато само консервативное греческое правительство. Как отмечает Дж. Иатридес, после событий в Афинах в декабре 1944 г. госдепартамент периодически запрашивал у американского посольства в Греции его оценки прямого или косвенного вовлечения Советского Союза в дела страны. Ответ из Афин всегда следовал один – Москва не вмешивается [3].

Симптомы изменения отношения к советской политике намечаются уже в начале 1946 г. В феврале появляется «длинная телеграмма» Дж. Кеннана, опиравшаяся на тезис о Советском Союзе как агрессивном по самой своей природе государстве. Как отмечает Дж. Иатридес, изображение Кеннаном местных коммунистических партий в качестве пешек Москвы способствовало утверждению упрощенного восприятия американцами международного коммунистического движения и, в частности, исказило понимание причин гражданской войны в Греции [4].

Первым серьезным «звонком» стал подготовленный 11 марта 1946 г. ближневосточным отде-

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и на плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ» ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблюд.

© Калинин А. А., 2013

лом госдепартамента меморандум «Советский Союз и Греция», содержавший выводы об экспансионизме Москвы. В документе греческая политика Кремля рассматривалась через призму планов распространения советского влияния на Ближний Восток и Средиземноморье. Также выдвигалось мнение, что СССР соблюдал договоренности об отнесении Греции к британской сфере интересов только до конца мировой войны, теперь же Москва пытается использовать Национально-освободительный фронт (ЭАМ) для достижения своих новых экспансионистских целей [5].

Однако появление этого меморандума не привело к переоценке высокопоставленными дипломатами советского участия в греческих делах. Американское посольство по-прежнему придерживалось мнения о невмешательстве СССР [6]. В очередном сообщении в Вашингтон 10 августа ответственность за ухудшение внутренней ситуации посол США в Греции Л. Маквей во многом возлагал на правительство Народной партии, которое не стеснялось поддерживать откровенных экстремистов правого толка. Компания по организации «крестового похода» против коммунизма, считал посол, провоцирует гражданскую войну в стране, аналогичную испанской. Такую политику Маквей считал «безумием» [7].

Однако уже через две недели, 27 августа 1946 г., Маквей впервые сообщил в Вашингтон, что, по данным американской разведки, КПГ действительно тайно финансируется и управляется из Москвы. Осенью обвинения Советского Союза в тайном вмешательстве в греческие дела становятся постоянными мотивом депеш американского посла в Афинах [8]. Новая позиция Маквея об ответственности Москвы за ситуацию вокруг Греции отразилась в его телеграмме в госдепартамент США от 30 сентября 1946 г. В ней был представлен анализ ситуации на границе Греции с ее северными соседями. Посол не считал доказательства соучастия Софии, Тираны и Белграда в пограничных инцидентах в полной мере убедительными, но обращал внимание на факт концентрации их вооруженных сил на границе с Грецией и поддержку ими националистического движения в греческой Македонии. В целом, Маквей приходил к выводу, что совокупность шагов, предпринимаемых Москвой, в том числе компания по критике правительства Греции, ее позиция в ООН, активизация подрывной деятельности КПГ, секретный контроль над которой осуществляет Кремль, свидетельствуют об ответственности СССР за дестабилизацию ситуации вокруг Греции. Конечной целью советской политики дипломат считал получение выхода в Эгейское море через своих сателлитов [9].

Иатридес предполагает, что на изменение позиции Маквея могло повлиять его длительное пребывание в США в 1946 г. В январе посол отправился в Соединенные Штаты, сопровождая на лечение больную жену, и оставался за океаном вплоть до конца июня. В Вашингтоне Маквей принимал участие в обсуждениях в госдепартаменте широкого спектра вопросов, связанных с поведением Советского Союза на международной арене. Состоялся и его разговор с президентом Г. Трумэном. Соответственно, под влиянием опасений американской администрации относительно истинных советских целей могло измениться и восприятие послом роли Москвы в греческом кризисе [10].

Советское давление на греческое правительство, контроль над ЭАМ, моральная и материальная поддержка Москвой партизанского движения в Греции – все это начиная с осени 1946 г. оценивалось американцами как составляющие единой стратегии по установлению Советским Союзом контроля над Грецией через КПГ. Исполняющий обязанности госсекретаря У. Клейтон 12 сентября 1946 г. направил из Вашингтона главе госдепартамента Дж. Бирнсу в Париж послание с приложенным меморандумом Объединенного комитета начальников штабов. В документе высказывались серьезные опасения относительно экспансии СССР на Ближнем Востоке, который, как считали американцы, стремится получить контроль над Грецией, Турцией и Ираном. «Москва помогает своим сателлитам Болгарии, Югославии и Албании создать сильные вооруженные силы, – писал Клейтон, – и использует эти силы как средство давления на Грецию. Советские агенты, несомненно, ответственны за контрабанду оружия с целью укрепления групп, пытающихся силой установить в Греции правительство, которое было бы подвластно Советскому Союзу». В своем послании Клейтон подчеркивал, что США, давая понять СССР о недопустимости ущемления турецкой независимости и территориальной целостности, не должны создавать впечатление, что «нас не интересует независимость и территориальная целостность Греции и Ирана» [11].

Помощник военного атташе американского посольства Миллер по результатам своей поездки в северные области Греции в сентябре пришел к выводу, что Югославия и Албания не препятствуют пересечению своих границ левыми партизанскими группами, которые действуют главным образом в Фессалии и Македонии. Коммунисты, считал американский дипломат, преследуют цель погрузить страну в состояние анархии. Миллер также обращал внимание, что в Греции действуют не только левые экстремистские группы, широкий размах приобрела деятельность и правых групп, однако их действия нескоординированы [12].

Между тем в Вашингтоне в это время все более начинало преобладать мнение о Советском Союзе как главном противнике Соединенных Штатов. На отношения с бывшим союзником там смотрели через призму идеологии. В секретном меморандуме специального советника президента Трумэна К. Клиффорда «Отношения США с Советским Союзом» от 24 сентября 1946 г. последовательно проводилась мысль, что Москва считает войну с США и другими ведущими капиталистическими государствами неизбежной и стремится увеличить сферу советского влияния. Поэтому Соединенные Штаты должны перейти к политике противостояния Советскому Союзу, делая упор на развитие собственной военной мощи. Только наличие достаточного противовеса советской мощи может заставить Кремль изменить свою политику. Для предотвращения дальнейшей советской экспансии Вашингтон должен оказать нациям, которые оказывались под угрозой мирового коммунизма, всю необходимую экономическую помощь и политическую поддержку. Президент, получив доклад, читал его всю ночь [13].

Осенью 1946 г. США идут на пересмотр своей политики в отношении Греции. Госдепартамент не исключал возможности развития там масштабного кризиса, который может стать решающим фактором при определении странами Ближнего и Среднего Востока своей политической ориентации. Инструкция заместителя госсекретаря Д. Ачесона от 15 октября, адресованная послу Маквею, предписывала ясно давать понять греческому руководству, что США поддерживают независимость и территориальную целостность Греции и намерены активно поощрять ее развитие по демократическому пути, а также миролюбивую и разумную политику греческого правительства [14].

В октябре – ноябре масштабы партизанского движения продолжали увеличиваться. Положение в Греции все больше тревожило американцев. Сообщения Маквея рисовали мрачную картину усугубляющегося кризиса. На севере страны, сообщал посол, формировались партизанские отряды, которые получали всестороннюю помощь Югославии и Албании и могли пересекать границу этих государств. В декабре Маквей телеграфировал в Вашингтон, что Советский Союз стремится к установлению контроля над Грецией [15].

Опасения относительно укрепления советских позиций в Греции толкали американцев к увеличению помощи стране. В октябре 1946 г. в Грецию прибыла группа американских высших офицеров разведки для изучения положения в северной части страны [16]. К ноябрю американские кредиты Греции составили 60 млн долларов [17]. В конце октября Маквей передал королю Георгиосу письмо президента Трумэна, в котором говорилось о готовности США предоставить Греции существенную помощь [18].

21 октября Управление ближневосточных и африканских дел госдепартамента представило специальный меморандум, посвященный ситуации в Греции. В документе суммировались факты, свидетельствующие об усилении советского давления (жалобы против Греции в Совете безопасности, рост инцидентов на границах с ее северными соседями, сообщения о концентрации албанских, югославских и болгарских войск на границах с Грецией, непрерывная антигреческая компания в советской прессе, советские протесты против «вмешательства» Великобритании и США во внутренние дела страны, заявления крайне левых греческих политиков о необходимости свергнуть существующее греческое правительство), что происходит в условиях внутренней слабости Греции. Стратегическое значение Греции для американской безопасности заключалось в том, что она осталась единственным балканским государством, находившимся вне сферы советского контроля. Только Греция и Турция, отмечали аналитики госдепартамента, являются препятствиями установлению советского доминирования в Восточном Средиземноморье, экономической и стратегической области огромной важности. Дипломаты прямо увязывали безопасность Турции с сохранением Греции вне сферы советского контроля, считая, что если Москва установит контроль над Грецией, то судьба Турции будет предрешена. В документе говорилось: «Мы не можем позволить себе сидеть сложа руки перед лицом маневров и махинаций, которые свидетельствуют о намерениях Советского Союза увеличить свое могущество, подчинив Грецию своей воле, а затем использовать Грецию как важную стартовую позицию для дальнейшего расширения советской власти». Отмечалось, что враждебность СССР по отношению к Греции проистекает не из искреннего беспокойства относительно недемократичности афинского правительства, а вследствие намерений лишить ее возможности оставаться дружественной западным союзникам и приверженной западным идеалам демократии. В госдепартаменте не было сомнений, что Москва оказывает помощь силам, стремящимся свергнуть греческое правительство, в частности оказывает военную помощь Югославии и Албании. В этих условиях Соединенные Штаты должны были увеличить экономическую помощь Афинам, а также открыто дать понять, что они считают территориальную целостность и политическую независимость Греции важными для американской безопасности. Меморандум, подписанный Л. Гендерсоном, получил одобрение госсекретаря Дж. Бирнса [19].

Госдепартамент все больше склонялся к тому, что пограничные инциденты провоцируются сателлитами Советского Союза с определенными целями. Дипломаты не исключали, что одна из них заключается в отторжении греческой Македонии от Греции и включении ее в Югославскую федерацию, передаче Западной Фракии Болгарии с тем, чтобы Москва и София получили выход в Эгейское море, обойдя Черноморские проливы. При этом в Вашингтоне преобладали пессимистические оценки: считалось, что ситуация в Греции и Восточном Средиземноморье будет только ухудшиться [20].

Дж. Бирнс в своих мемуарах, опубликованных в 1947 г., писал, что Советский Союз не придерживается четко разделительной линии, которая отделяет политику обеспечения безопасности от экспансии. Если бы Москва соблюдала эту линию, то она не допустила бы такой политики в отношении Греции и Турции. Конечной целью Кремля Бирнс считал доминирование над всей Европой и, соответственно, Греция была лишь первой советской целью. Бывший госсекретарь не видел существенной разницы между экспансионистскими устремлениями СССР и Российской империей и приводил слова К. Маркса о том, что в царской политике «аннексия следует за аннексией». У США в этой ситуации один выход – организовать «твердое сопротивление» [21].

К декабрю 1946 г. мнение о непосредственном вовлечении СССР и его сателлитов в греческий кризис разделялось всей администрацией Трумэна и де-факто стало частью официальной позиции правительства США. Ответственность за ситуацию на северных границах Греции теперь всецело возлагалась на «советские марионетки» Югославию, Албанию и Болгарию. Иатридес связывает изменение оценок американским истеблишментом советского участия в греческих делах с открытым Ирвингом Дженисом феноменом «группового мышления» [22], который описывает ситуацию, когда единомыслие в группе, принимающей политические и военные решения, приобретает большую ценность, чем следование логике и рациональному принятию решений. При этом отбрасываются все рациональные альтернативные варианты действия. Существенная для деятельности группы информация подвергается тенденциозному толкованию. Информация, которая не согласовывается с принятой линией, членами группы игнорируется или значительно искажается. В результате складывается впечатление о единогласном принятии решений. Групповое мышление может приводить к серьезным ошибкам при принятии политических решений. В качестве ярких примеров Дженис приводил решение президента США Г. Трумэна на основании многочисленных рекомендаций о вмешательстве в Корейскую войну, решение президента Дж. Кеннеди об интервенции в Плайя-Хирон, решение Л. Джонсона о начале военных действий во Вьетнаме, принятое в результате коллективного обсуждения с экспертами [23]. В случае с Грецией все факты, свидетельствовавшие о неоднозначности греческого кризиса, который являлся следствием целого комплекса внутренних и внешних факторов, были оставлены без внимания, в американском истеблишменте утвердилось биполярное, черно-белое восприятие конфликта. При этом культивировался неоправданный пессимизм, когда американские дипломаты приходили к выводу, что без американской помощи Греция через несколько недель может оказаться под властью коммунистов.

В начале 1947 г. ситуация в Греции продолжала ухудшаться. В январе в Грецию прибыла первая американская экономическая миссия во главе с П. Портером. Американцы опасались отзыва британских войск из Греции вследствие финансовых трудностей [24], что сделало бы ее еще более уязвимой. В феврале в Вашингтон поступали одна за другой тревожные телеграммы. 11 февраля Маквей докладывал о тяжелейшей ситуации в стране. Угроза исходила как извне, так и изнутри. Дипломат считал, что даже если будет обеспечена безопасность северных границ Греции, финансовый крах и катастрофическая инфляция могут спровоцировать революцию. Если же Греция станет коммунистической, то весь Ближний Восток и часть Северной Африки также окажутся в сфере советского влияния. Посол призывал Вашингтон оказать Греции экономическую помощь [25]. Аналогичную позицию занимали американские разведывательные службы. Разведка докладывала, что греческая армия деморализована и плохо снабжена и может не выдержать давление партизан. Греческое правительство продолжает терять остатки популярности, а экономическая ситуация не улучшается. Без иностранной экономической помощи страна будет «потеряна» как демократия западного типа [26].

Предварительные выводы миссии Портера, которые 17 февраля были направлены заместителю госсекретаря по экономическим вопросам У. Клейтону, оказались очень неутешительны. Портер пришел к выводу, что греческое государство находится на пороге банкротства. Проведенный американскими специалистами анализ показал, что расходы бюджета текущего бюджетного года, заканчивающегося 31 марта 1947 г., составят примерно 272 млн долл. при доходах лишь 185 млн долл. Таким образом, дефицит бюджета составил 87 млн долл. И это при том, что финансирование греческих вооруженных сил осуществлялось в счет британской субсидии, ко-

торая оценивалась в 85 млн долл., а 40% доходов греческого бюджета было получено за счет продажи товаров, поставляемых ЮНРРА. Проект бюджета на 1947–1948 бюджетный год фактически не был готов, предварительные же оценки доходов и расходов свидетельствовали об угрожающем росте дефицита греческой казны. Правительство Греции оценивало расходы в размере примерно 421 млн долл., а доходы – 256 млн долл. Дефицит, таким образом, составлял 165 млн долл. Эти подсчеты предполагали продолжение британской субсидии на содержание греческой армии. Американские экономисты считали, что при таких расходах дефицит бюджета не может быть покрыт даже за счет резкого увеличения налогов, который спровоцирует еще большее уменьшение и так невысокого уровня жизни населения. Весь национальный доход Греции американцы оценивали приблизительно в 800 млн долл. и, таким образом, расходы бюджета должны были составить примерно половину национального дохода страны [27].

Представитель США в Комиссии по расследованию М. Этридж 17 февраля писал госсекретарю: «Советы чувствуют, что Греция, как созревшая слива, упадет им в руки в ближайшие недели». Описывая самыми мрачными красками ситуацию в стране, Этридж обращал внимание на угрожающее снижение боевого духа греческой армии, массовые случаи дезертирства, в том числе и факты перехода солдат на сторону партизан. При этом область, которую не контролировало правительство, продолжала увеличиваться. Все это дополнялось стремительным падением популярности афинского правительства, его вопиющей неэффективностью в решении проблем страны. Более того, падение Греции, считал Этридж, может спровоцировать коммунизацию не только Ближнего Востока, но и Италии и Франции [28]. Много позже в своем интервью Этридж вспоминал, что он вместе с Портером и Маквеем в феврале считали, что без американского вмешательства Греция может продержаться только 5 недель [29].

Портер 19 февраля писал госсекретарю, что стабилизация экономической и политической ситуации в Греции без американского вмешательства невозможна и есть угроза краха в ближайшее время [30]. На следующий день, 20 февраля, Маквей также призывал не терять время и в срочном порядке оказать Греции необходимую помощь. Посол считал, что с учетом только экономических и финансовых факторов крах Греции может произойти в ближайшие месяцы, однако растущий бандитизм в стране, слабость правительства и давление со стороны коммунистического блока могут еще более приблизить трагическую развязку [31].

Таким образом, Маквей, Портер и Этридж единым фронтом выступили за срочную выработку новой греческой политики, убеждая вашингтонских политиков, что в случае отсутствия усилий с американской стороны крах Греции может наступить в ближайшие месяцы.

Тревожные сообщения Маквея, Портера и Этриджа были суммированы в меморандуме заместителя госсекретаря Д. Ачесона от 21 февраля 1947 г. «Греция – единственная балканская страна, – заключил Ачесон, – которая по-прежнему ориентируется на западные демократии. Если Греции не оказать срочную и непосредственную поддержку, то, вероятно, греческое правительство будет свергнуто и к власти придет крайне левый тоталитарный режим». Дипломат писал, что капитуляция Греции из-за отсутствия адекватной поддержки со стороны США и Великобритании может привести к потере Западом Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки [32]. Госсекретарь Дж. Маршалл одобрил меморандум Ачесона и дал указание прорабатывать меры, необходимые для оказания помощи Греции [33].

22 февраля Портер сообщил в Вашингтон о дальнейшем стремительном ухудшении экономической ситуации. Высокая инфляция сопровождалась достижением новых рекордных значений бюджетного дефицита и исчерпанием запасов продовольствия [34].

24 февраля английский посол в Вашингтоне вручил заместителю госсекретаря Д. Ачесону две ноты, в которых говорилось, что Великобритания не имеет возможности нести бремя помощи Греции и Турции. По оценкам англичан, потребность Афин в иностранной валюте до конца 1947 г. оценивалась приблизительно в 250 млн долл. Ачесон полностью поддержал позицию Лондона в этом вопросе, ссылаясь на сообщения Маквея, Этриджа и Портера [35]. В тот же день госсекретарь Дж. Маршалл поставил греческий вопрос во время встречи с президентом, военным и военно-морским министрами [36]. Американские дипломаты были «шокированы серьезностью ситуации» [37]. Гендерсон впоследствии вспоминал, что в момент принятия решения о помощи Греции и Турции сотрудники госдепартамента были уверены, что обнародование британского решения о прекращении помощи после 31 марта будет иметь тяжелые последствия и серьезно затруднит сплочение греков перед лицом давления со стороны Советского Союза и его сателлитов [38].

В Вашингтоне началась работа по подготовке выступления президента в Конгрессе. США должны были помочь сохранению территориальной целостности и экономическому развитию Греции [39]. Председатель сенатского комитета по внешним отношениям А. Ванденберг считал, что «падение Греции, затем последующий коллапс Тур-

ции могут ускорить цепную реакцию, которая станет угрозой миру и безопасности на всей планете» [40].

Во время обсуждения различными американскими ведомствами вопроса о Греции и Турции госдепартамент последовательно поддерживал идею оказания Соединенными Штатами помощи этим двум странам, считая, что в противном случае они станут советскими сателлитами. Руководители госдепартамента пришли к выводу, что отказ Америки возложить на себя ответственность за финансовую и экономическую помощь этим странам может подтолкнуть Лондон к заключению с Москвой нового выгодного для Кремля соглашения о разделе сфер влияния, которое не только ослабит позиции Великобритании в Средиземном море, но и нанесет серьезный удар по американским интересам, означая усиление советских позиций в Средиземном море и, по сути, изоляцию США [41].

В этом ключе ситуация в Греции и Турции докладывалась президенту Г. Трумэну. В меморандуме президенту от 26 февраля госсекретарь Дж. Маршалл назвал ситуацию в Греции отчаянной [42]. Трумэн одобрил меры, предложенные госдепартаментом по оказанию помощи двум государствам. Во время обсуждения вопроса членами администрации Ачесон предположил, что Москва, оказывая давление на Грецию, стремится изолировать Турцию и после этого получить Дарданеллы и другие турецкие территории. Греция, разоренная войной страна со слабой экономикой, неэффективным и некомпетентным правительством, рассматривалась американцами как своего рода «слабое звено» в цепи государств, ориентирующихся на Запад [43].

Заместитель госсекретаря Д. Ачесон во время встречи в Белом доме с лидерами Конгресса 27 февраля выдвинул теорию «инфицирования»: «Подобно тому, как яблоки в бочке испортятся при наличии хотя бы одного гнилого, Греция заразит Иран и весь Восток. Инфекция будет также занесена в Африку через Малую Азию и Египет и в Европу через Италию и Францию...» [44] Речь Ачесона произвела большое впечатление на всех присутствовавших.

12 марта 1947 г. президент Г. Трумэн выступил перед объединенной сессией Конгресса с посланием, в котором попросил выделить в 1947/1948 финансовом году 400 млн долларов для оказания помощи Греции и Турции в связи с коммунистической угрозой. Газета «Нью-Йорк таймс» 12 марта писала, что с выступлением Трумэна в конгрессе наступает новая эпоха в американской внешней политике. Цель займов, которые предоставляются США Греции и Турции, – дать возможность «выдержать растущее давление, оказываемое Россией и ее марионеточными государствами, стремящимися поглотить эти страны русской коммунистической волной». Советский Союз, заявляла газета, нарушил обязательства, данные в военное время, и принял политику «динамической экспансии», которая уже превратила половину Европы в советскую зону влияния, и в настоящее время стремится распространить господство на остальную Европу, Средний Восток и Азию [45].

20 июня 1947 г. было подписано американо-греческое соглашение. В страну были направлены американские военные советники. В ноябре 1947 г. был создан объединенный греко-американский генеральный штаб. США взяли на себя содержание греческих вооруженных сил. До конца октября 1947 г. в Грецию было доставлено 74 тыс. тонн военных материалов [46]. В Греции работала также американская Объединенная группа советников и планирования. Между мартом 1947 и июнем 1949 гг. ассигнования Греции составили примерно 400 млн долларов для военных целей и более 300 млн в качестве экономической помощи.

Выдвижение доктрины Трумэна служило серьезным сигналом Москве, и американцы надеялись, что это может изменить советскую греческую политику. Однако признаков каких-либо перемен советской тактики дипломаты не обнаруживали. 11 июля 1947 г. посол Маквей писал госсекретарю, что доктрина Трумэна ни в коей мере не изменила политику славянских коммунистических государств в отношении Греции [47].

В то же время госдепартамент не видел непосредственной опасности большой войны и не считал, что Москва стремится ее развязать. Аналитики американского дипломатического ведомства придерживались мнения, что Советский Союз использует коммунистические партии для организации подрывных действий в зарубежных государствах, с тем чтобы погрузить стратегически выгодно расположенные государства в хаотическое состояние с перспективой установления подвластных Кремлю режимов [48].

В Вашингтоне по-прежнему не исключали возможность потери Греции и с августа 1947 г. прорабатывали план собственных действий в случае установления власти коммунистов в Афинах [49]. В представленном Отделом планирования политики госдепартамента 18 сентября документе «Политика Соединенных Штатов в случае установления коммунистической власти в Греции» отмечалось, что, несмотря на недавнюю реорганизацию, греческое правительство остается слабым, его престиж невысок, греческую элиту пронизывает страх перед коммунистами, эгоизм и коррупция, а власть по сути не распространяется на некоторые районы Греции. Еще более усугубляет ситуацию прискорбное состояние гречес-

кой экономики, тем более что данное обстоятельство активно используется коммунистической пропагандой.

Установление коммунистического господства в Греции может спровоцировать, считали аналитики отдела, рост пораженческих настроений у антикоммунистических сил в Европе и на Ближнем Востоке. В Вашингтоне склонялись к мнению, что победа коммунистов в Греции приведет к скорому торжеству их единомышленников в Италии, что, в свою очередь, будет оказывать влияние на Францию и Северную Африку. Если не принять адекватных мер противодействия, то крах Греции в скором времени мог привести к падению Турции и Ирана. Также потеря Греции будет интерпретирована как явный признак слабости Америки, нанесет ущерб престижу Вашингтона и спровоцирует триумф антиамериканских и антизападных движений в Средиземноморье. Таким образом, без адекватных действий со стороны США все это нанесло бы серьезный удар по американским стратегическим позициям в Восточном Средиземноморье и сделало бы его уязвимым для советского проникновения.

В документе отмечалось, что установление контроля Кремля над Грецией означало бы изменение основ взаимоотношений СССР и западных держав, которые сложились после окончания Второй мировой войны и заключались в том, что ни одна из соперничающих сторон не пыталась расширить собственную зону военного и политического контроля за пределы территорий, достигнутых ее вооруженными силами в годы войны. В связи с этим особое значение приобретала возможная реакция США на установление коммунистического господства в Греции. Если Вашингтон не отреагирует на события в Греции, то Москва может попытаться установить контроль над всей Евразией. Единственным эффективным американским ответом вследствие ограниченности политических инструментов, считал Отдел планирования политики, может стать наращивание военного присутствия в Средиземном море. Речь не шла о направлении американских войск непосредственно в Грецию, которое только сыграло бы в пользу коммунистов, позволив им обвинить империалистов в кровавом вмешательстве в греческие дела. К тому же участие американских войск в подавлении партизанского движения в Греции могло привести к боевым столкновениям с войсками московских сателлитов и даже с Советской Армией. Соединенные Штаты же явно не были готовы к войне с Советским Союзом из-за Греции.

Кроме того, США намеревались использовать ООН как инструмент мобилизации мирового общественного мнения для обеспечения дополнительного давления на СССР, отстаивая позицию, что захват Греции извне является вызовом Объединенным нациям. Вашингтон весьма пессимистически оценивал эффективность экономической политики греческого коммунистического правительства и считал, что в связи с этим в стране будет расти недовольство новым режимом. Соединенные Штаты могли использовать эту ситуацию и содействовать организации антикоммунистического подполья и партизанского движения в стране. Американцы не собирались признавать новую коммунистическую власть в Афинах и планировали сохранять отношения с «законным» правительством, которое по возможности должно было оставаться на греческой территории [50].

Общая стратегия Соединенных Штатов в Средиземноморье и Ближнем Востоке была 12 ноября 1947 г. одобрена Советом национальной безопасности (СНБ) и вскоре утверждена президентом Г. Трумэном. США должны были «помогать поддерживать территориальную целостность и политическую независимость Италии, Греции, Турции и Ирана» [51].

В декабре 1947 г. посольство США в Греции констатировало некоторое улучшение обстановки. Дипломаты считали, что ситуация достигла «весьма хрупкого равновесия». В то же время отмечалось, что «война нервов» коммунистического блока против Греции продолжается, как продолжается и поддержка северными соседями партизанского движения в стране, и нет оснований ожидать разгрома мятежа по крайней мере до конца 1948 г. [52]

В декабре 1947 г. на территории Свободной Греции было создано Временное демократическое правительство во главе с командующим ДАГ, членом Политбюро ЦК КПГ Маркосом Вафьядисом («генералом Маркосом»). Этот шаг греческих коммунистов ожидался в Вашингтоне. Особую озабоченность американцев вызывало возможное признание «хунты» Маркоса со стороны северных соседей Греции. Американский посол в Москве У. Смит в телеграмме госсекретарю высказал предположение, что Временное демократическое правительство не могло быть провозглашено без одобрения Кремля, но не считал неизбежным признание правительства Маркоса со стороны стран народной демократии [53].

Управление ближневосточных и африканских дел госдепартамента во главе с Л. Гендерсоном придерживалось мнения, что в Грецию в случае необходимости следует послать американские войска. Специалисты отдела считали, что этот шаг станет политическим жестом, ясным сигналом Москве о готовности Вашингтона отстаивать свои интересы. Если же СССР в этом случае пойдет на вмешательство в конфликт, то будет ясно, что мировой коммунизм предпочитает развязывание новой войны отказу от агрессивной политики и

США должны будут принять необходимые ответные меры в международном масштабе [54].

В начале 1948 г. Совет национальной безопасности несколько раз обсуждал греческий вопрос. Американская разведка докладывала СНБ, что хотя Советский Союз открыто не вмешивается в греческую гражданскую войну, но предоставляет «моральную и материальную помощь» коммунистическим повстанцам через своих сателлитов. В случае отсутствия американского противодействия Москве в Греции для США могут наступить тяжелые психологические и политические последствия. ЦРУ считало целесообразным американское присутствие в стране в объеме, достаточном, чтобы предотвратить доступ СССР к Средиземноморью, не допустить прихода к власти в Италии коммунистов и установления советского доминирования в Иране и Иракском Курдистане [55].

6 января 1948 г. Совет одобрил директиву СНБ-5 «Позиция США в отношении Греции». Документ, который в первую очередь отражал позицию директора Управления ближневосточных и африканских дел госдепартамента Л. Гендерсона, давал крайне жесткие оценки советской политики в Греции. Коммунистическое движение в Греции рассматривалось как часть советской стратегии установления «мирового господства». Восточное Средиземноморье и Ближний Восток провозглашались регионами, жизненно важными для безопасности Соединенных Штатов, для защиты которых Вашингтон должен задействовать всю имеющуюся политическую, экономическую, а в случае необходимости, и военную мощь. Установление советского контроля над любой из четырех стран (Италией, Грецией, Турцией и Ираном) расценивалась как прямая угроза безопасности США. Выдвигалось предположение, что Временное демократическое правительство может признать СССР или кто-либо из его сателлитов с целью оказания ему военной помощи. В этом случае возможна открытая помощь правительству Свободной Греции с целью установления контроля последнего над значительной частью территории страны. В директиве предлагалось направить американские войска в Грецию [56].

Через несколько дней в меморандуме госсекретарю Гендерсон обращал внимание на активизацию партизан в Греции, которые теперь использовали и артиллерию. Он сравнивал ее с пробиркой, за которой наблюдают другие народы с целью выяснить способность западных держав сопротивляться экспансии коммунизма. И если США допустят завоевание Греции, то другие народы сделают собственные выводы и возобладает неуверенность и разочарование. Невозможно спасти Европу, подчеркивалось в меморандуме, если ее народы будут убеждены в неготовности Вашингтона прибегнуть к силе для их защиты [57].

Позиция отдела планирования политики госдепартамента в целостном виде была изложена в сообщении от 10 января «Политика Соединенных Штатов в отношении Греции». Отдел во главе с Дж. Кеннаном выступил против точки зрения Л. Гендерсона о необходимости направления в Грецию американских войск, считая это предложение преждевременным [58]. Скепсис Кеннана относительно возможности отправки войск опирался на рассуждения, что «войти» американцы могут легко, а «выйти» будет гораздо сложнее. К тому же он считал, что отправка американских военных в Грецию создаст новый прецедент и могут быть поставлены вопросы о направлении войск в другие страны Средиземноморья и Ближнего Востока [59].

Однако вскоре рекомендация направить американские войска в Грецию была подвергнута сомнению. Госсекретарь Дж. Маршалл, который не присутствовал на заседании СНБ, выступил за изменение директивы. Военные ведомства также скептически отнеслись к идее отправки американских войск. В итоге решением СНБ директива была возвращена для пересмотра [60]. 12 февраля был принят новый вариант документа СНБ-5/2. На заседании Совета последовательными противниками направления американских войск в Грецию выступили Дж. Маршалл и министр военно-морского флота Дж. Форрестолл. Этой же позиции придерживался Отдел планирования политики госдепартамента во главе с Дж. Кеннаном [61]. В соответствии с новой директивой США для противодействия коммунистам в Греции следовало использовать все средства, кроме американских войск. Американская помощь Греции должна была продолжаться и после 30 июня 1948 г. [62] Документ был одобрен президентом Г. Трумэном.

Это положение было подтверждено директивой СНБ-5/3 от 25 мая 1948 г., в которой констатировалось улучшение перспектив преодоления греческого кризиса и говорилось о нецелесообразности направления американских войск в Грецию. К тому же в Вашингтоне отмечали, что помощь партизанам Маркоса оказывалась в меньших масштабах, чем можно было ожидать, и этот факт заставлял вновь задуматься об истинных целях советской политики [63].

По мнению американских аналитиков, советская политика складывалась, с одной стороны, из интересов мирового коммунизма, но с другой – стороны, военной безопасности СССР. При этом приоритетом, безусловно, было второе. Соответственно, если Москва будет понимать, что последствием утверждения в Афинах коммунистического правительства станет появление аме-

риканских авиабаз в Ливии и на острове Крит, то это заставит ее ограничить амбиции греческих коммунистов [64].

Вопрос о направлении американских войск вновь обсуждался Советом национальной безопасности в конце 1948 – начале 1949 г. Отдел внешнеполитического планирования констатировал в ноябре, что, несмотря на наращивание американской помощи и проведение ряда успешных военных операций против партизан, решающего успеха добиться не удалось из-за того, что несколько тысяч партизан имели возможность перейти границу с Албанией, а потом возвратиться для продолжения борьбы с правительственными силами. В итоге было подтверждено прежнее решение, что США должны воздержаться от отправки американских войск как в качестве символической силы, так и для участия в войсковых операциях [65].

В директиве СНБ № 42/1 «Цели США в отношении Греции и Турции для противодействия советской угрозе безопасности США», одобренной президентом Г. Трумэном 23 марта 1949 г., по-прежнему констатировалось, что «СССР стремится к доминированию в Греции, используя греческие партизанские силы и пропаганду». Партизаны в Греции поддерживаются Советским Союзом и тремя его сателлитами. Ситуация усугублялась вследствие большой протяженности и горного характера границ Греции с советскими сателлитами, что осложняло подавление партизанского движения, а также из-за существенной помощи повстанцам со стороны стран народной демократии. Немаловажную роль играли истощение и уныние в Греции, которая пережила войну с Италией, немецкую оккупацию и гражданскую войну, обстановка в которой усугублялась скудностью природных ресурсов, военными разрушениями и уязвимостью границ. Все это ставило под сомнение способность Греции сохранить себя без посторонней помощи как свободное и демократическое государство.

Совет констатировал, что военная и экономическая помощь США помешала установлению коммунистического господства в Греции. Вашингтон не был готов направить туда собственные войска, но считал необходимым присутствие британских сил, даже в небольших количествах, ибо они выступали в роли сдерживающего фактора от вторжения регулярных войск стран социалистического лагеря. В случае прекращения американской помощи предсказывалось резкое ухудшение экономической ситуации в Греции [66].

Весной 1949 г. Кремль предпринял попытку урегулировать греческий конфликт дипломатическими средствами. 4 мая во время беседы в Нью-Йорке с помощником госсекретаря США Д. Раском и руководителем британской делегации на Генеральной Ассамблее ООН Г. Макнилом заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко сообщил о готовности начать обсуждение греческого вопроса в конфиденциальном порядке и озвучил предложения по урегулированию конфликта [67]. Предложения Громыко были восприняты американцами скорее как признак слабости. Американский поверенный в Советском Союзе Ф. Колер пришел к выводу, что цель СССР – подчинить Грецию – остается неизменной, однако Москва меняет тактику и теперь стремится открытый вооруженный гражданский конфликт преобразовать в классическую внутреннюю политическую борьбу, сохранив при этом руководящие кадры КПГ через проведение широкой амнистии [68].

Американский посол в Греции Г. Грейди в июне предполагал, что военная победа над партизанами приведет к переменам советской политики и заставит Москву отказаться от планов установления контроля над этим государством. Прецедентом для такого шага Кремля мог стать отказ СССР от притязаний на Иранский Азербайджан в 1946 г. [69] В августе 1949 г. греческие коммунисты потерпели окончательное поражение. Гражданская война закончилась. Соединенные Штаты могли теперь записать себе в актив успех в «сдерживании коммунизма» в Греции.

Проблема адекватности американского восприятия «красной угрозы» Греции давно привлекает внимание историков. Рассекречивание части документов отечественных архивов позволило сделать вывод о том, что опасения американцев были явно преувеличены. Это подтверждает анализ советских планов послевоенного урегулирования, которые готовились в Народном комиссариате иностранных дел в 1943–1945 гг. [70] Как справедливо отмечает в новейшей статье Дж. Робертс, главным приоритетом Сталина была сфера советского влияния в Восточной Европе, в отношении же периферийных областей – Греции, Ирана и Турции – он придерживался сдержанности [71].

Таким образом, изучение американского восприятия коммунистической угрозы Греции позволяет сделать шаг вперед в процессе осмысления формирования враждебного восприятия Соединенными Штатами советской политики в начальный период холодной войны. К осени 1946 г. в Вашингтоне сложился консенсус в отношении оценок коммунистического давления на Грецию и Турцию, которое рассматривалось как доказательство экспансионистских замыслов Москвы, угрожающих интересам США в средиземноморском регионе. Американские дипломаты были очень встревожены советской политикой, в частности в Восточной Европе, где Москва с помощью грубой силы устанавливала марионеточные

режимы. В Вашингтоне теперь были убеждены, что Советский Союз встал на путь агрессивного экспансионизма, который, в конечном счете, угрожал жизненным интересам безопасности США. Изменение настроений американского руководства вело к серьезным переменам в восприятии причин и возможных последствий греческой гражданской войны, которая теперь однозначно вписывалась в логику биполярной конфронтации с Москвой. Как отмечает Дж. Иатридес, после 1946 г. весь внешнеполитический аппарат Соединенных Штатов был твердо убежден, что гражданская война в Греции является одним из важнейших сражений разворачивающейся советско-американской конфронтации. Трактовки греческого конфликта как внутреннего или регионального были вытеснены из сознания американского дипломатического корпуса [72]. Кризис в Греции стал удобным поводом для выдвижения доктрины сдерживания коммунизма, которая вызревала в американском истеблишменте больше года.

«Групповое мышление» американской администрации в феврале 1947 г. привело к выдвижению доктрины Трумэна, которая стала концептуальной основой политики сдерживания советского экспансионизма. Чтобы убедить американский Конгресс и общественность в необходимости оказания помощи, Греция теперь изображалась как опора в защите западных государств от международного коммунизма, гражданская война в этой стране была объявлена главным полем битвы холодной войны [73]. Таким образом, в период греческого кризиса происходило обоснование и апробация американской политики противодействия экспансионизму Москвы.

Именно ситуация вокруг Греции привела американских дипломатов к идеям, которые несколько позже были названы «доктриной домино». Представление о том, что вслед за Грецией коммунистическим монстром будут поглощены и другие средиземноморские и ближневосточные государства, способствовало активизации американских усилий по укреплению собственных позиций в Восточном Средиземноморье и превращению государств «северного яруса» в один из ключевых передовых рубежей сдерживания коммунизма.

Примечания

1. *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War / J. O. Iatrides, N. X. Rizopoulos // World Policy Journal. Vol. 17, № 1 (Spring, 2000). P. 87–103; *Iatrides J. O.* Greece at the Crossroads, 1944–1950 // Greece at the Crossroads: the Civil War and its Legacy / ed. by J. O. Iatrides, L. Wrigley. University Park, PA, 1995. P. 1–30; *Iatrides J. O.* George F. Kennan and the Birth of Containment. The Greek Test Case // World Policy Journal. Vol. 22, № 3 (Fall 2005). P. 126–145; и др.

2. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War, 1945–1949 // Studies in the History of the Greek Civil War, 1945–1949 / ed. by L. Baerentzen, J. O. Iatrides, O. L. Smith. Copenhagen, 1987.

3. Ibid. P. 227–228.

4. *Iatrides J. O.* George F. Kennan and the Birth of Containment. P. 129.

5. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 229–230.

6. Ibid. P. 230–231.

7. Ibid. P. 231.

8. *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War. P. 98–99; *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 232.

9. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1946. Vol. 7. P. 226–227; см. также: *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 232.

10. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 233.

11. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 209–213; см. также: *Kondis B.* Aspects of Greek-American Relations on the Eve of the Truman Doctrine // Balkan Studies. Vol. 19, 1978. № 2. Thessaloniki, 1978. P. 330.

12. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 230–232.

13. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. by Th. Etzold and J. L. Gaddis. N. Y., 1978. P. 64–71; см. также: *Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton (N. J.), 1980. P. 369–371.

14. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 235–236.

15. *Acheson D.* Present at the Creation. My Years in State Department. N. Y., 1969. P. 199.

16. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 56. Оп. 9. П. 105. Д. 121. Л. 64.

17. Там же. Л. 59.

18. *Kondis B.* Op. cit. P. 333; *Dimitrakis P.* Greece and the English: British Diplomacy and the Kings of Greece. L.; N. Y., 2009. P. 62.

19. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 240–245; см. также: Kondis B. Op. cit. P. 331–332.

20. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 276–277; см. также: Kondis B. Op. cit. P. 337.

21. *Byrnes J. F.* Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947. P. 294–295.

22. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 227.

23. Имеется обширная американская литература, посвященная феномену группового мышления: *Janis I. L.* Groupthink. Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascoes. Boston, 1982; обзор исследований феномена группового мышления за 40 лет см.: *Rose J. D.* Diverse perspectives on the groupthink theory – a literary review // Emerging Leadership Journeys. 2011. Vol. 4. P. 37–57.

24. См., например: *Byrnes J.* All In One Lifetime. N. Y., 1958. P. 385. Дж. Бирнс отмечает, что покидая в январе госдепартамент, он считал вывод британских войск неизбежным.

25. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 16–17.

26. The Greek crisis. URL: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000969819/DOC_0000969819.pdf

27. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 17–18.

28. Ibid. P. 23–24.

29. Oral History Interview with Mark F. Ethridge. Visited the Balkans to study the postwar situation for the

U. S. Dept. of State, 1945; U. S. delegate to the U. N. Commission of Investigation to study the Greek border disputes, 1947; a U. S. representative on the U. N. Conciliation Commission for Palestine, 1949; and chairman of the U.S. Advisory Commission on Information, 1948–1950. P. 37. URL: http://www.trumanlibrary.org/oralhist/ethridge.htm

30. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 26.

31. Ibid. P. 28–29.

32. Ibid. P. 29–30; *Jeffery J. S.* Ambiguous Commitments and Uncertain Policies: The Truman Doctrine in Greece, 1947–1952. Lanham (Md.), 2000. P. 46; и др.

33. *Kuniholm B.* Op. cit. P. 408.

34. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 40.

35. Ibid. P. 44–45; копии этих документов были переданы англичанами Л. Гендерсону еще 21 февраля. См.: Oral History Interview with Loy W. Henderson. Career in the US Department of State, 1922–60. Among many assignments served as Director, Near Eastern and African Affairs, 1946–48; Ambassador to India, 1948–51; and Ambassador to Iran, 1951–55. Washington, D.C. June 14, 1973; July 5, 1973; by Richard D. McKinzie. Режим доступа: http://www.trumanlibrary.org/oralhist/hendrson.htm. P. 76–77.

36. *Merrill D.* The Truman Doctrine: Containing Communism and Modernity // Presidential Studies Quarterly. Vol. 36. № 1. Presidential Doctrines (Mar., 2006). P. 32.

37. Ibid. P. 31–32.

38. Oral History Interview with Loy W. Henderson. Career in the US Department of State, 1922–60. Among many assignments served as Director, Near Eastern and African Affairs, 1946–48; Ambassador to India, 1948–51; and Ambassador to Iran, 1951–55. Washington, D. C. June 14, 1973; July 5, 1973; by Richard D. McKinzie. URL: http://www.trumanlibrary.org/oralhist/hendrson.htm. P. 81–82.

39. См., например: *Acheson D.* Op. cit. P. 217–222; Jeffery J. S. Op. cit. P. 50; *Айриян Р. С.* Конгресс США и американская внешняя политика (1945–1952 гг.). Ростов н/Д, 2010. С. 84–87; *Kuniholm B.* Op. cit. P. 407–413; и др.

40. The Private Papers of Senator Vandenberg / ed. by A. H. Vandenberg, Jr. Westport (Conn.), 1974. P. 347.

41. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 48–55.

42. Ibid. P. 58.

43. Ibid. P. 96–97.

44. *Acheson D.* Op. cit. P. 219; см. также: Iatrides J. O. The International Dimension of the Greek Civil War. P. 99; *Kuniholm B.* Op. cit. P. 411; *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977. P. 281.

45. АВП РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 216. Д. 201. Л. 165.

46. Там же. Д. 202. Л. 309.

47. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 225–226.

48. Ibid. P. 364.

49. *Miscamble W. D.* George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, N. J., 1992. P. 87.

50. The State Department Policy Planning Staff Papers / introd. by A. Kasten Nelson. Vol. I: 1947. N. Y., 1983. P. 91–101.

51. FRUS. 1947. Vol. 5. P. 575–576, 623–624.

52. Ibid. P. 440–442.

53. Ibid. P. 470–471.

54. Ibid. P. 458–459.

55. *Sale S. L.* The Shaping of Containment: Harry S. Truman, the National Security Council, and the Cold War. Saint James, N. Y., 1998. P. 38.

56. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 2–7; The State Department Policy Planning Staff Papers / introd. by A. Kasten Nelson. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 6–14.

57. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 9–12; The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 15–19.

58. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. II. P. 1–4; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 21–24; *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 89–90.

59. *Iatrides J. O.* George E. Kennan and the Birth of Containment. P. 133.

60. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 27–28; *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 90–91.

61. Sale S. L. Op. cit. P. 39–40; см. также: *Miscamble W. D.* Op. cit. P. 91.

62. FRUS. 1948. Vol. 4. P. 46–51.

63. Ibid. P. 93–95.

64. Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 122.

65. The State Department Policy Planning Staff Papers / introd. by A. Kasten Nelson. Vol. II: 1948. N. Y., 1983. P. 518–522; FRUS. 1948. Vol. 4. P. 205–208.

66. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 269–279; Sale S. L. Op. cit. P. 100.

67. FRUS. 1949. Vol. 6. P. 303–309.

68. Ibid. P. 338–339.

69. Ibid. P. 353–354.

70. См., например: *Pechatnov V. O.* The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with the United States and Great Britain // Cold War International History Project. Working Paper. № 13. Wash.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1995.

71. *Roberts G.* Moscow's Cold War on the Periphery: Soviet Policy in Greece, Iran, and Turkey, 1943–1948 // Российский электронный журнал «Мир истории». 2012. № 1. URL: http://www.historia.ru/2012/01/roberts-01-2012.htm

72. *Iatrides J. O.* Perceptions of Soviet Involvement in the Greek Civil War 1945–1949. P. 236–237.

73. См.: *Iatrides J. O.* The International Dimension of the Greek Civil War. P. 99.

УДК 94; 95

Д. А. Суровень

СВЕДЕНИЯ ДРЕВНЕЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКОВ О РАССЕЛЕНИИ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКОГО НАРОДА *ИДЗУМО* НА ОСТРОВЕ ХОНСЮ

В статье собраны и проанализированы сведения древнеяпонских источников о расселении на острове Хонсю прибывшего из юго-восточной Кореи тунгусо-маньчжурского народа *и́дзумо* (предположительно происходившего из *восточных е*), что нашло отражение в сказаниях о появлении в области Идзумо первопредка этого народа – Сусаноо и его потомках.

In this article, data of ancient Japanese sources about of Tungusian-Manchurian *izumo* people (presumably occurred from *East e*) on Honshu island which has arrived from southeast Korea are collected and analyzed; this resettlement has found reflection in legends on occurrence in the Izumo area of the first ancestor of this people – Susanoo and his descendants.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжуры, восточные *е*, народ *идзумо*, область Идзумо, Сусаноо, *куни-бики*, синойкизм, Ō-куни-нуси, область Коси.

Keywords: Tungusian-Manchurians, East *e*, people *izumo*, Izumo area, Susanoo, *kuni-biki*, sinoikizm, Ō-kuni-nushi, Koshi area.

Островное положение Японии не было в древности непреодолимым препятствием для контактов населения архипелага с районами материковой части Восточной Азии [1]. В течение многих тысячелетий территория Японских островов постепенно заселялась выходцами с материка. Однако резкий перелом в этнической и культурной истории Японии наступил в середине I тыс. до н. э. (VI–V вв. до н. э.) [2], что было связано с миграцией (проходившей несколькими волнами [3]) народов из Восточной Азии, так как высокий процент прироста населения тогда был возможен, в основном, из-за миграции. Кроме того, именно в это время коренным образом меняется этнический состав населения Японии, происходит существенное изменение генетической структуры населения [4].

Видимо, появление *аустроазиатов* и *аустронезийцев* (кит. *и*) из Южного Китая в Южной Корее в середине I тыс. до н. э. подтолкнуло часть *тунгусо-маньчжуров* (можно предположить, **часть восточных *е*** [5]) покинуть Чинхан (земли будущего государства Силла на юго-востоке Корейского полуострова) [6] и отправиться прямиком через Японское море на северо-западное и северное побережье острова Хонсю (области Идзумо и Коси) [7].

Вследствие этого, как полагают исследователи, около середины I тыс. до н. э., в период позднего *дзёмона*, с запада, через Манчжурию и Корейский полуостров, в Японию проникли восточные *монголоиды* [8]. Учёные считают, что это были северные и северо-западные народности [9], видимо, *тунгусо-маньчжурского* происхождения [10]. Народности севера принесли с собой шаманизм сибирского типа и некоторые другие верования северо-восточной Сибири. Они имели *вертикальную* космогонию – веру в божества *ками*, спускающиеся с неба на вершины гор, деревья, столбы [11]. С этой группой связывают полулунные (серповидные) ножи, распространенные и в Южной Манчжурии, гребенчатую керамику [12]. Косвенное проникновение культурного наследия, восходящего к культуре сибирской бронзы, также связано с миграцией этих народов в Японию [13]. Они говорили на одном из *алтайских* языков, близком к *тунгусо-маньчжурским* [14], и были родственны обитателям Корейского полуострова. В западной Японии они быстро смешались с носителями южных культур, но сумели распространить свой *алтайский* язык – *алтайская* основа японского языка сложилась в это время [15]. Сначала они возделывали просо, а позднее в Южной Корее и Западной Японии (*Идзумо*) освоили рисосеяние. Они жили патрилинейными экзогамными кланами (*хала*, др.-яп. *хара*) [16].

Возникает вопрос: нашли ли события переселения *тунгусо-маньчжурских* народов на Японские острова отражение в исторических источниках? Источниками сведений о древнем Идзумо являются: во-первых, «Идзумо-фудоки» («Описание обычаев и земель Идзумо», 733 года) [17]; во-вторых, «Благопожелание императору от управителя Идзумо» [18] («Идзумо-но куни-но мияцуко-но ёгото» – текст, провозглашавшийся ежегодно в рамках придворного ритуала; сохранился в записи X в.). В-третьих, это мифы и предания об Идзумо, запечатленные в «Кодзики» и «Нихон сёки» (сводах мифов, исторических легенд и преданий, самых первых письменных памятниках японской словесности). Большинство историков в настоящее время считают, что цикл легенд Идзумо в «Кодзики» и «Нихон сёки» тоже является важнейшим источником сведений о древнем Идзумо [19].

Исследователи полагают, что косвенным подтверждением переселения *тунгусо-маньчжуров* в Японию может служить древнеяпонский цикл мифов о божественном первопредке народа *и́дзумо* – *Сусаноо* (др.-яп. *Сусаново*) [в цикле о событиях, произошедших после “изгнания” его из страны *Такамагахара*] и о его потомках [20].

© Суровень Д. А., 2013

В связи со слабой исследованностью данного вопроса в российской и западной исторической науке существует необходимость проанализировать сведения древнеяпонских источников о деятельности предков народа *идзумо* и попытаться вычленить из легенд историческую основу событий того времени.

Так или иначе, эти мифы о Сусаноо и его сородичах рассматриваются исследователями как отражение крупного переселения из Кореи в Идзумо, которое можно идентифицировать с переселением *тунгусо-маньчжурских* племён; а *Сусаноо* – с вождём этой этнической группы [21]. По крайней мере, Сусаноо считался прародителем одного из влиятельных родов народа *идзумо* (*тунгусо-маньчжурского* происхождения), подчинившего западные районы Хонсю [22]. В связи с этим учёные предположили, что предки древнеяпонской знати принадлежали к *тунгусской* этнической группе, которая переселилась на Японские острова из Южной Кореи [23].

О чём же говорят легенды? Уйдя из Южной Кореи (местности Сосимори в Чинхане, располагавшейся на территории будущего государства Силла) [24], вождь Сусаноо высадился (кит. *цзян / сян*, яп. *кудасу* – «сошёл») на обращённом к Корейскому полуострову побережье северо-западной Японии – и, видимо, по долине реки Идзумо-но *ōгава*, прибыл в верховья реки *Хи* (современная река *Хии* на полуострове Симанэ [25]) в области *Идзумо-но куни* (др.-яп. Идумо-но *куни*), в окрестностях горы *Ториками* (гора на юго-юго-восточной границе области Идзумо, в землях уезда Нита) [26]. Учитывая значения иероглифа "*цзян / сян*" (яп. *кудасу*), который, кроме значений «опускаться, снижаться, спускаться [на землю]», «удостаивать посещением», имеет значения «подчинять, покорять; брать (город)» [27] – фразу источников о «нисхождении» Сусаноо в верховья реки *Хи* в местности *Ториками* в Идзумо можно истолковать и как то, что *Сусаноо* «покорил местность *Ториками* в верховьях реки *Хи* в Идзумо». Как сообщается далее, вместе с ним в Японию переселились его дети (сын *Исо-такэру* и две дочери), а также его родичи (например, Ама-но Фукинэ) [28].

О характере проникновения северных пришельцев (*тунгусо-маньчжуров*) в западную Японию можно говорить только предположительно. Вероятно, считал Н. И. Конрад, им всё-таки пришлось вести борьбу с местным населением за утверждение своего существования в данном районе [29]. Миф рассказывает о борьбе Сусаноо с *Я-мата-но орости* (букв. «Восьми-разветвленным змеем») [30] из области *Коси* (местности, населенной тогда *айнами*) [31]. В «Нихон-сёки» сообщается: «В то время в той местности [*Ториками*] был захватывающий (кит. *тунь*, яп. *ному* – букв. "глотающий") [32] людей *Ō-рости* ("Великий Змей")» [33]. Некоторые исследователи (Миура Ёнин, Р. А. Бринкли) полагают, что под позднейшими мифологическими напластованиями предания скрывается фигура вождя из Коси, нападавшего на местность *Ториками* в Идзумо. А *Я-мата-но орости* – это имя или прозвище данного человека [34]. Подтверждением этого может послужить вариант написания имени *Я-мата-но орости* в «Кодзики». Обычно, следуя тексту «Нихон-сёки», запись в «Кодзики» считается фонетическим написанием теонима «Восьми-разветвленный великий змей» [35]. Но в записи «Кодзики» бросается в глаза последний иероглиф *ти* (кит. *чжи̇*, кор. *чи / чжи*, *джи*) – «мудрец» [36], который в Корее использовался при записи титулов южнокорейских вождей: «Наиболее крупные из них (старейшин) называются синджи [37]...» [38] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Хань]. Если попытаться перевести имя *Я-мата-но ōрости* по значению иероглифов, получается очень интересный результат: «Восьми-великий (многовеликий) мудрец *Ро* из дальних краев» [39], что может подтвердить гипотезу Р. А. Бринкли и Миура Ёнина. Термин «дальние края» (кит. *юань*) может указывать на родину *Я-мата-но ōрости* – землю *Коси* (северо-восточный Хонсю). Хотя ряд исследователей подчёркивает, что в «Идзумо-фудоки» упоминается село *Коси* в уезде *Камудо* области Идзумо [40] (ныне – селение и местность Коси в уезде Хинокава, префектура Симанэ) [41]. Его название произошло от переселенцев из *Коси*, прибывших в Идзумо во «времена богини *Идзанами*» [42] (т. е., по сакральной хронологии, очень давно, ещё до миграции *Сусаноо*; так как *Сусаноо* называл *Идзанами* своей матерью): «Село Коси... Во времена богини Идзанами рыли пруд, используя реку Хибути. Тогда пришли сюда люди из провинции Коси, построили плотину и остались здесь жить, поэтому-то [село] и называют Коси» [43] [Идзумо-фудоки, уезд Камудо, село Коси]. «Почтовый двор Саюфу; находится там же, где и уездное управление. [Сюда] приехал и жил человек из провинции Коси по имени Саёфу. Поэтому [почтовый двор] и называют Саифу... причина прибытия сюда [этого человека] такова же, что изложена в описании села Коси» [44] [Идзумо-фудоки, уезд Камудо, почтовый двор Саюфу].

Кроме того, в «Идзумо-фудоки» рассказывается, что усмирением Коси занимался потомок *Сусаноо* – «великий *ками* (бог-предок) *Ōнамоти*», причем излагается два варианта этого события: (1) «Великий бог *Ōнамоти*, создавший поднебесную, усмирив восемь земель в Коси, возвратился домой...» [45] [Идзумо-фудоки, уезд

Оу]; (2) «Когда Великий бог [Ōнамоти. – *С. Д.*], создавший Поднебесную, победив змея Коси... прибыл сюда...» [46] [Идзумо-фудоки, уезд Оу, село Хаяси]. Так как в источнике речь идет об одном и том же деянии [47], то получается, что во главе «восьми земель Коси» стояло существо, называемое «Змей Коси» (*Коси-но орото*). Это напрямую перекликается с его прозвищем «*Коси-но* Я-мата-но *орото*» в «Нихон-сёки» и «Кодзики», являясь сокращением последнего. Видимо, как предполагают исследователи, данный термин был прозвищем (или титулом?) вождей в местности Коси [48] на протяжении длительного промежутка времени. Примечателен здесь и ещё один момент: словосочетание «восемь земель Коси» в «Идзумо-фудоки» записано как «*Коси-но якути*» [49]. Переводчики истолковывают «*я-кути*» как вариант записи «*я-куни*» (досл. «восемь земель») [50]. Но иероглиф «*кути*» (кит. *коу* – 30-й ключевой знак), кроме значения «рот, уста», имеет также значения «устье (реки), гавань», «горный проход, перевал, ущелье» [51]. Поэтому фразу можно перевести еще как «восемь (или: множество [52]) гаваней/перевалов, ущелий в *Коси*». Эпитет «*я-кути*» (досл. «восемь ртов»), видимо, смешавшись с прозвищем вождя этой местности «Змей *Коси*», породил мифологический образ «восьмиголового змея *Коси*», жившего в верховьях реки *Хи* и ставшего её божеством, которому нужно было приносить в жертву молодых девушек. По мнению Н. И. Конрада, упоминаемые в мифах страшные звери – не что иное, как *тотем* местного народа, с которым приходилось бороться переселенцам [53].

Таким образом, по мнению некоторых исследователей, *Я-мата-но орото* может быть отражением вождя, жившего к северу от верховьев главной реки Идзумо – реки *Хии* / *Хи* (местности, где действовал *Сусаноо*), совершавшего набеги на земли местного вождя по имени *Аси-надзути*, который был не в состоянии сопротивляться нападениям [54].

В легендах *Аси-надзути*, его жена *Тэ-надзути* и их дочь *Кусинада-химэ* (*Инада-химэ*) упоминаются как первые люди – в «Кодзики» и «Нихон-сёки» в отношении них употребляется иероглиф «*хйто*» («человек»), а не «*ками*» («божество») [55]. *Аси-надзути* считался сыном божества гор *Ō-яма-цуми-но ками* (др.-яп. *Опо-яма-туми-но ками* – божество «Великих гор владетель») [56]. Может быть, он был жрецом древнего культа гор, вычленяемого исследователями в древних верованиях японцев [57]. Сам *Аси-надзути* в легенде называет себя «*куни-цу ками*» [58]. Цугита Дзюн полагает, что титулом «*куни-цу ками*» называли племенных вождей, принадлежавших к населению данной местности, её уроженцев [59]. Поэтому термин можно истолковать не традиционно как «земной бог», а как «*ками* ('правитель области', 'глава', 'властитель') [60] территориальной общины (*куни*)».

Вероятно, с некоторыми местными родами предки народа *идзумо* вступили в союз, скрепив его, по обычаям того времени, брачными узами. По легенде, *Сусаноо*, убив *Я-мата-но орото* и добыв священный меч, берёт в жены *Инада-химэ* («знатную девушку из *Инада*») – дочь местного правителя *Аси-надзути* [61]. «В одной книге сказано: Сусаново-но *микото* захотел жениться на Куси-инада-пимэ и посватался к ней...» [62] Родители подвергли жениха испытанию, и только потом он смог вступить в брак с Инада-химэ [Нихон-сёки, св. 1-й, Сусаноо, <8.3>].

Первоначально вождь Сусаноо поселился на горе Мимуро в низовье реки Суга в Идзумо. «Гора Мимуро... Сусаноо повелел сделать здесь пещеру (*мимуро*), в которой он соизволил остановиться; поэтому [гору] и называют Мимуро» [63] [Идзумо-фудоки, уезд Ōхара, гора Мимуро]. Затем здесь был построен «дворец» (жилище знатного человека). «Кодзики», «Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки» [64] сообщают, что в качестве места для строительства брачных покоев Сусаноо выбрал местность *Суга* [65] (в современном уезде Ōхара, префектура Симанэ; где, на северо-восток от горы Мимуро, располагались гора и река Суга) [66]. «И вот тогда тот ...Сусаноо-но *микото* стал искать в стране Идзумо место, где бы мог построить [брачные] покои. Достигнув местности Суга, сказал: "В эту местность пришёл я, и на сердце у меня легко" [*ага микокоро сугасугаси* [67]. – *С. Д.*], – так сказав, там покои построил и [там] пребывал. Вот ту местность и называют Суга» [68]. Сходная история изложена в «Кудзи-хонки» (св. 4-й [1]), а также в «Нихон-сёки» (св. 1-й): «И потом он стал подыскивать место, где бы он мог бы сочетаться со своей женой, и прибыл в место Суга в Идумо [совр.-яп. Идзумо. – *С. Д.*]. И вознёс он заклятие *котоагэ*, сказав так: "Моё сердце стало чистым [яп. *суга*]". (Поэтому это место зовётся Суга). И он воздвиг там дворец» [69]. Со словом *суга* («лёгкий, ясный») источники связывают появление топонима Суга [70]. Недалеко отсюда на запад (в землях Ōхара) находилось селение Сасэ. «Село Сасэ. Старики рассказывают: ...Сусаноо плясал, украсив голову листьями дерева *сасэ*, и тогда листья дерева *сасэ* упали на землю; поэтому [село] и называют Сасэ» [71] [Идзумо-фудоки, уезд Ōхара, село Сасэ].

Мотоори Норинага добавляет, что, может быть, местность *Суга* изначально называлась *Инада* (досл. «рисовое поле») [72]. На это указывает то обстоятельство, что местный правитель *Аси-надзути* (отец *Инада*-химэ), по легенде, содержащейся в «Кодзики» (св. 1-й), был на-

значен самим Сусаноо «управляющим (яп. *обито*) дворцом *Инада*» [73] в *Суга* в звании «*Инада*-но *мия-нуси* Суга-но Яцу-*мими*-но *ками*» [74] (досл. «*ками* Яцу-*мими* [букв. 'всеслышащий бог-страж'] в *Суга* [и] "хозяин дворца" в *Инада*») [75] (*мими* – титул японцев, упоминаемый в «Вэй-чжи» [76]). «Тут призвал [он] ...Аси-надзути-но *ками*: "Ты будь начальником моих покоев", – так [ему] сказал. А ещё дал [ему] имя: *Инада*-но *мия-нуси Суга*-но Яцу-*мими*-но *ками* – Всеслышащий бог-страж [из] *Суга*, Правитель покоев в *Инада* – так изволил [его] назвать» [77]. По легенде, излагаемой в одной из версий «Нихон-сёки» и в «Кудзи-хонки», *Аси-надзути* (др.-яп. *Аси-надути*) и его жена *Тэ-надзути* (др.-яп. *Тэ-надути*) были назначены на должность «*Инада*-но *мия-нуси*-но *ками*» (досл. «*ками* – "хозяева дворца" в Инада») [78]. «И тогда было речено повеление: "Пусть главами управы дворца моего сына будут *Аси-надути* и *Тэ-надути*". И пожаловано им было божественное имя – наречены они были *Инада*-но мия-нуси-но *ками*, боги – хозяева дворца *Инада*» [79] [Нихон-сёки, св. 1-й, Сусаноо, <8.0>; Кудзи-хонки, св. 4-й (1)]. А по другим анонимным источникам, цитируемым в «Нихон-сёки», отец (версия 8.1) и (или) мать (версия 8.2) *Инада*-химэ носили звание «*Инада*-но *мия-нуси* Суса-но Яцу-*мими*» (досл. «Яцу [в звании] *мими* из Суса [и] "хозяин дворца" в *Инада*») [80]. Таким образом, получалось, что построенные в местности *Суга* брачные покои, где проживала жена Сусаноо-но *микото* – *Инада*-химэ, получили название "дворец *Инада*-но *мия*". То есть дворец *Инада*-но *мия* находился в местности *Суга*.

Здесь, в Суга, во дворце Инада-но *мия*, Сусаноо, «начав брачное дело» (яп. *кумидони окоситэ*) [81] с Инада-химэ, породил дитя. «В одной книге сказано: Сусаново-но *микото* ...увидел ...Инада-пимэ, дочь Суса-но Яту-*мими*, хозяина священной обители Инада, и вот, увлёк он её в Тайное священное место [яп. *ми-до* – досл. "(за) священные двери" [82]. – *С. Д.*], и родилось у них дитя...» [83] [Нихон-сёки, св. 1-й, Сусаноо, <8.1>]. «Идзумо-фудоки» содержит сведения о беременности и родах жены Сусаноо – *Куси-инада-химэ* (*Инада*-химэ). «Старики рассказывают: "Когда богиня *Куси-инада-...-химэ*, забеременев, собралась рожать, она искала место, где могла бы родить. Тогда, прибыв сюда [село Куматани на северо-восточной границе уезда Ииси. – *С. Д.*], она изрекла: 'Какая уединённая долина' (*итаку кумакумасики тани нари*), – так она соизволила сказать; поэтому и называется Куматани"» [84] [Идзумо-фудоки, уезд Ииси, село Кумано]. Здесь описывается древний обычай, при котором роды считались "нечистым" явлением, и женщина, готовившаяся рожать, удалялась в какое-либо уединённое место (в данном случае в глухую долину). Обычно для этого случая возводился шалаш, называемый *убуя* (о сооружении *убуя* говорится также в «Кодзики» и «Нихон-сёки») [85]. Здесь, в Куматани, был рождён сын Сусаноо – *Суга*-но Ю-яма-*нуси* Мина-саро-пико Я-сима-си-ну [86] («Хозяин горы Ю в *Суга* [по имени] Мина-саро-пико [по прозвищу] "Повелитель Восьми островов"» [87]) [Нихон-сёки, св. 1-й, Сусаноо, <8.1, 8.2>; Кудзи-хонки, св. 4-й (1), Ясима-синуми]. Место ро́дов (долина Куматани) – располагалось западнее земель *Суга* и на восток от земель *Суса*.

Б. Х. Чембэрлэйн подчёркивает, что в цикле Идзумо *Сусаноо* представлен уже как правитель *некоей* местности в Идзумо [88]. Данные источников могут указывать, что в синкретическом персонаже *Сусаноо* может скрываться образ предка одного из родов Идзумо, происходящий из местности *Суса*. На это указывает само имя *Сусаноо* – «муж из *Суса*» (по «Кодзики»), или «Прославленный [муж] из *Суса*» (по «Нихон-сёки») [89]. На то, что «*Суса*» – топоним, а не что-либо другое, указывает, во-первых, имя отца (и/или матери) жены *Сусаноо* – *Суса-но* Яцу-*мими* – «*мими Яцу* из *Суса*» [90], где «*Суса*» понимается переводчиками как название местности [91]. А, во-вторых, «Идзумо-фудоки» прямо сообщает, что село *Суса* (северная часть уезда Ииси на западе Идзумо) [92], было избрано *Сусаноо* как резиденция: «*Каму-Суса-но-во-но микото* изрёк: "Это маленькое владение [яп. *куни*. – *С. Д.*], но это – *куни-докоро*" (К. А. Попов перевел как "моя родная страна" [93]; В. Г. Астон – как "местная резиденция" [94]. – *С. Д.*). Поэтому я не даю своего имени камням и деревьям [а даю его этой стране]" – и здесь бог успокоил свою душу... Поэтому село и называют *Суса*» [95] [Идзумо-фудоки, уезд Ииси, село Суса].

Б. Х. Чембэрлэйн полагал, что *Суса* и *Суга* – одно и то же место [96]. Однако топонимика, представленная в «Идзумо-фудоки», показывает, что это – разные территории (*Суса* – река и село в уезде Ииси в западном Идзумо; *Суга* – гора и река в уезде Ōхара в центральном Идзумо). В обеих местностях были храмы, где почитали Сусаноо (в Суга также поклонялись жене Сусаноо – Инада-химэ и их сыну – *Суга*-но Ю-яма-нуси) [97]. Следовательно, местом проживания вождя по имени *Сусаноо* оказывается селение *Суса* (на что указывает и само имя персонажа). А в *Суга* (прежде *Инада*) была резиденция жены вождя – *Инада*-химэ («знатной женщины из *Инада*») и их сына – *Суга*-но Ю-яма-нуси по прозвищу Я-сима-си-ну [«правитель Восьми островов»] (так как в Суга располагался дворец *Инада*-но *мия*), где они жили).

По преданию, вождь Сусаноо выделил в Суса «*священные поля бога*». «А кроме того, он выделил [поля] “Большое рисовое поле *Суса*” (яп. *Ō-суса-да*) и “Малое рисовое поле *Суса*” (яп. *О-суса-да*)...» [98] [Идзумо-фудоки, уезд Ииси, село Суса]. Данные поля принадлежали храму *Суса* (т. е. храмовому хозяйству) [99]. В «Нихон-сёки» также упоминаются три рисовых поля, принадлежавших Сусаноо: *Ама-но куи-та* (досл. «поле небесных деревянных вех-колышков»), *Ама-но кава-ёри-та* (досл. «поле, прилегающее к реке»), *Ама-но кути-то-та* (досл. «отборное поле у устья реки[?]») [100].

Видимо, речь здесь идёт о создании коллективного фонда *соседской общины*, доходы которого шли на коллективные нужды общины и на содержание должностных лиц общины, которые на данном этапе развития общества освобождались общиной от производительного труда – для того, чтобы они могли беспрепятственно выполнять функции управления *соседской общиной* и *коллективным фондом* общины [101].

Возможно, что с данными храмовыми хозяйствами *коллективного фонда* общины *Суса* связано сообщение «Идзумо-фудоки» о создании пяти групп работников *коллективного фонда* соседской общины: «Село Асакуми... Великий бог Кумано [т. е. Сусаноо [102]. – *С. Д.*], повелев, определил место проживания пяти групп поваров *какибэ*, которые прислуживали ему во время приема пищи по утрам (*асамикэ*) и вечерам, поэтому и назвали Асакуми» [103] [Идзумо-фудоки, уезд Симанэ, село Асакуми]. Якобы по повелению Великого бога Кумано (т. е. Сусаноо [104]), были образованы пять групп поваров (*ниэ-но о*) [105], «которые прислуживали ему во время приема пищи по утрам и вечерам» [106] [Идзумо-фудоки, уезд Симанэ, село Асакуми]. Кроме того, они поставляли продовольствие ко двору правителя Идзумо, готовили пищу и прислуживали у стола этих правителей. Исследователи раскрывают термин «*о*» как «*куми*» («группа») [107], считая этот термин ранним обозначением «корпорации» (*бэ*) неполноправных свободных категорий *какибэ* (то есть находившихся в непосредственном подчинении роду правителей) [108]. К. А. Попов считает, что здесь подразумевается и группа водоносов (*асакуми*-[*но о*]) [109]. Неполноправными свободными, если судить по материалам более позднего времени (периода Ямато), как и везде и всегда в других древних обществах, становились чужаки-*изгои*, т. е. люди, лишённые прав общинников («изгнанные» из общины, а также потерявшие по какой-либо причине связь со своим общинным коллективом) [110].

♂ Ō-яма-цуми

♂ Аси-надзуги

Инада-химэ ♀ = ♂ **Сусаноо** ♂ = ♀ *Каму-ōити-химэ*

♂ **Ō-тоси**

Я-сима-си-ну ♂ = ♀ *Ко-но-хана-но-тиру-химэ*

♂ Фуха-но Модзикунусуну

♂ Фукабути-но Мидзуярэкана

♂ **Омидзуну** (Яцука-мидзу-**омицуно**)

♂ Амэ-но Фуюкину

♂ Ō-**куни-нуси** из Саси-*куни*

Сакральная генеалогия верховных жрецов Великого святилища Идзумо [112]

Б. Х. Чембэрлэйн указывает, что, в цикле Идзумо, потомки *Сусаноо* выступают не как боги, а как правители земель в Идзумо [111].

Если внимательно проанализировать сакральную генеалогию рода Сусаноо (рода верховных жрецов Великого святилища Идзумо, люди которого считают себя прямыми потомками Сусаноо [113]), то можно обнаружить интересные подробности. Сусаноо не только вступил в брак с дочерью местного вождя Аси-надзути (Инада-химэ), но также взял в жёны сестру Аси-надзути – Каму-ōити-химэ. В свою очередь, сын Сусаноо от Инада-химэ – Я-сима-си-ну (в «Кодзики» и Кудзи-хонки»: Я-сима-си-нуми – «Правитель Восьми островов») также взял в жёны сестру Аси-надзути – Ко-но-хана-но-тиру-химэ. Такие брачные связи с женщинами из местного рода жрецов и верховных жриц укрепляли права Сусаноо и его сына – Суга-но Ю-яма-нуси Я-сима-си-ну на власть над территориями в Идзумо. Подобная закономерность в брачных связях будет отмечена и в более позднее время [114].

Потомком Я-сима-си-ну в третьем поколении (правнуком) стал вождь [115] Омидзуну (Яцука-мидзу-омицуно), в пятом поколении – знаменитый Ō-куни-нуси [116] («Хозяин большой страны»), а потомком в шестом поколении был Ō-анамути-но *микото* [117] (др.-яп. Вопо-ана-мути [118]) [Кодзики, св. 1-й, Сусаноо, гл. 15-я; Нихон-сёки, св. 1-й, Сусаноо, <8.1, 8.2>; Кудзи-хонки, св. 4-й (1), Я-сима-си-нуми].

Таким образом, первоначально после переселения *тунгусо-маньчжуров* в области Идзумо сложилась система самостоятельных небольших по размеру соседских общин (яп. *мура*) [119]. Так, на момент прибытия пришельцев в области Идзумо существовало как минимум три-четыре общины. (1) Община вождя Аси-надзути в местности *Ториками* в верховьях реки Хи (уезд Нита на юге области Идзумо). (2) Община *Коси* в низовьях реки Хи (совр. *Идзумо-но ōгава*) около озера Камудо (уезд Камудо на северо-западе области Идзумо). (3) Вероятно, существовала община в *Инада* (позднее *Суга*; северо-восток уезда Ōхара в центральном Идзумо), в которой (в силу брачных связей с Инада-химэ) обосновался сын Сусаноо – *Суга*-но Ю-яма-нуси по прозвищу Я-сима-си-ну. Сам Сусаноо (досл. «муж из Суса») располагал свою резиденцию в (4) общине *Суса* (в долине реки Суса – территории на границах уездов Идзумо и Ииси в западной части области Идзумо). Общины-поселения (яп. *мура*) Аси-надзути, Инада-Суга и Суса, скорее всего, находились в союзе (в силу брачных связей). По размерам это были небольшие *соседские общины*.

Как показывает материал местных источников области Идзумо, расширением территории, занятой народом *идзумо*, обосновавшись в местности *Суса*, сначала занимался сам *Сусаноо* [120]: «Село Ясуки... Сусаноо-[но *микото* [121]. – *С. Д.*] объезжал Поднебесную до самого края земли [*амэ-но какитати мэгуримасиси* – досл. “до края неба” [122]. – *С. Д.*]. И когда прибыл сюда, он изрёк: “Сердце моё упокоилось теперь” (*ясукэку нарину*), поэтому и назвали [село] Ясуки» [123] [Идзумо-фудоки, уезд Оу, село Ясуки]. Акимото Китирō истолковывает это предложение так: «Бог Сусаноо объезжал всю страну с целью её умиротворения» [124]; хотя К. А. Попов подчёркивает, что в тексте *фудоки* нет слова «умиротворение» [125]. Село Ясуки располагалось на восточной окраине области Идзумо в низовьях реки Хата [126] (на южном берегу озера Ириуми-Накауми). Таким образом, под контролем народа *идзумо* оказались крайние восточные районы будущей провинции Идзумо. Под властью людей *идзумо* оказалось и селение Асакуми (в южной части уезда Симанэ в северо-восточной части области Идзумо) [127], так как Сусаноо, видимо, из покорённого местного населения, сформировал подвластные корпорации: «...определил место проживания пяти групп поваров *какибэ*, которые прислуживали ему во время приема пищи по утрам (*асамикэ*) и вечерам, поэтому и назвали [село. – *С. Д.*] Асакуми» [128] [Идзумо-фудоки, уезд Симанэ, село Асакуми].

Отдельные сёла (*соседские общины-поселения*) возглавили сыновья Сусаноо. Сын Сусаноо – *Ивасака-хико* [129] присоединил местность *Этомо* (на побережье Японского моря в уезде Аика в северной части области Идзумо), основав там селение Этомо [130]. «Когда сын... *Сусаноо* – ...*Ивасака-хико* – объезжал страну [яп. *Ивасака-хико-но микото куни мэгуриидэмасиси токи* [131] – *С. Д.*], то, прибыв сюда, он изрёк: “Эта страна [яп. *куни.* – *С. Д.*] молода и прекрасна...; здесь я построю свой дворец”...» [132] [Идзумо-фудоки, уезд Аика, село Этомо]. Акимото Китирō толкует это предложение в том смысле, что Ивасака-хико объезжал страну Идзумо с целью её покорения, заселения и разработки земель [133].

Другой сын *Сусаноо* – *Цуки-хоко-тооёру-хйко* – осел чуть западнее от Этомо – в местности *Тада* (центральная часть уезда Аика) [134]. «Село Тада... Когда сын... Сусаноо – ...Цукихоко-тооёру-хико объезжал страну, то, прибыв сюда, он изрек: “Мое сердце стало светлым и справедливым (*тадасику*); здесь я спокойно буду пребывать”, – так он, сказав, остался здесь. Поэтому-то и назвали [село] Тада» [135] [Идзумо-фудоки, уезд Аика, село Тада].

Третий сын Сусаноо – *Аохата-но Сакуса-хико* – «пребывал» в селе Ōкуса [136] (район к югу от протоки между озёрами Ириуми и Накауми

на севере уезда Оу в низовьях реки Оу на северо-востоке области Идзумо) [137] [Идзумо-фудоки, уезд Оу, село Ōкуса]. Кроме того, о деятельности *Аохата-но Сакуса-хико* сообщается: «Гора Такаса... Высота – 100 *цуэ*, окружность – 5 *сато*... Старики рассказывают: сын... Сусаноо [по имени] Аохата-но Сакуса-хико изволил посеять коноплю *аса* на этой горе, поэтому [гору] и называют Такаса-*яма*. На вершине этой горы есть храм, посвященный духу этого бога» [138] (в северо-западной части уезда Ōхара, на запад от местности *Суга*) [139] [Идзумо-фудоки, уезд Ōхара, гора Такаса]. Следующий сын Сусаноо – *Цуруги-хико* – занял территорию у подножия горы Ямагути в уезде Симанэ, где возникло поселение Ямагути [140] (к северу от протоки между озёрами Ириуми и Накауми на юге уезда Симанэ на северо-востоке области Идзумо). «Село Ямагути... Сын... Сусаноо [по имени] Цуруги-хико сказал: "Место, где я нахожусь, – это подошва горы" (*ямагути*), – так он изрек; поэтому и называется Ямагути» [141] [Идзумо-фудоки, уезд Симанэ, село Ямагути]. Другой сын вождя Сусаноо – *Куниосивакэ* – обосновался на восток от Яматути – в местности Катаэ (в северо-восточной части уезда Симанэ). «Село Катаэ... Сын бога Сусаноо [по имени] Куниосивакэ сказал: "Местность, где я пребываю, красивая" (*куникатэ эси*), – так он изрёк; поэтому и называется Катаэ» [142] [Идзумо-фудоки, уезд Симанэ, село Катаэ].

Внук Сусаноо – Ōкунитама (в «Кодзики» сказано, что он был внуком Сусаноо и сыном Ōтоси от Ино-химэ – «знатной девушки из Ино» (Ино [др.-яп. Ину] – река, местность и село на юго-западе уезда Аика [143] в северном Идзумо [144]) обосновался в долине реки Иинаси, где было основано село Иинаси [145] (на юго-восток от Ōкуса и на запад от Ясуки в северо-восточной части области Идзумо). «Село Иинаси... Когда... Ōкунитама... прибыл сюда, то соизволил принять здесь пищу (*мии-о синаситамаики*), поэтому [село] и назвали Иинаси» [146] [Идзумо-фудоки, уезд Оу, село Иинаси].

Таким образом, получается, что (помимо местностей *Суса* в западном Идзумо, *Суга* [вместе с *Сасэ* и *Куматани*] в центральном Идзумо и *Ториками* в южном Идзумо) при вожде Сусаноо, а также при его детях и внуках народом *идзумо* были освоены территории северо-восточной части области Идзумо (земли уездов Оу, Аика и Симанэ), т. е. окрестности озёр Ириуми и Накауми. Северо-запад, юго-запад, крайний северо-восток и юго-восток области Идзумо, видимо, народом *идзумо* ещё не контролировались. Поэтому, судя по легенде, записанной в «Идзумо-фудоки», территория, контролируемая народом *идзумо*, была всё-таки небольшой. Вождь *Яцука-мидзу-омицуно* «...изрёк: "Страна облаков [Идзумо], где, клубясь, поднимаются восьмиярусные облака, – юная страна, узкая, как полоска полотна. Она была создана маленькой..."» [147] [Идзумо-фудоки, уезд Оу].

Японский исследователь Иноуэ Мицусада, поддержанный историками Уэда Масамунэ, Иноуэ Макото и др., высказал гипотезу, что *Яцука-мидзу-омицуно* был вождём [148] восточной части Идзумо – *территориальной* общины Оу [149] (видимо, опираясь на то, что легенда о *куни-бики*, где упомянут *Яцука-мидзу-омицуно*, дана в «Идзумо-фудоки» в разделе об уезде Оу) [150]. В «Кодзики» о происхождении *Яцука-мидзу-омицуно* (*Омидзуну*, *Омидзуно*, *Омицуну*, *Омицуно*) [151] сказано, что он – потомок Сусаноо в четвёртом поколении [152] (см. выше генеалогическую схему). Отцом *Яцука-мидзу-омицуно* был Мидзу-ярэкана из Фукабути. «Дитя, которое родил этот бог, сочетавшись с Амэ-но Цудоэтинэ... [был] Омидзуну... Правитель Омидзуну...» [153]. Возможно, что *Яцука-мидзу-омицуно* – локальный правитель (общины Оу), который в мифологических сводах, как полагают некоторые историки, мог быть объявлен отпрыском Сусаноо – в данном случае, вероятно, это идеологический приём придворных составителей сводов, ставивших задачей объединение разноместных и разнородных пантеонов [154] предков-*ками*.

Как отмечают исследователи, с развитием поливного земледелия (а ирригационно-гидротехническое инженерное строительство зародилось в Японии в период *яёй*) [155], несмотря на достаточно скромные по сравнению с Китаем, Шумером и Египтом размеры этой ирригационной системы (на основе небольших рек и ручьев с водохранилищами и дамбами) [156], для строительства и развития ирригации требовался совместный труд в гораздо больших масштабах. Люди стали концентрироваться в поселениях [157]. Ученые установили, что для этой эпохи *яёй* характерно образование более мелких, чем города, поселений [158]. Кроме того, как и везде в мире, контроль над всей ирригационной системой речного бассейна был необходим для успешного развития земледелия и поэтому имел очень большое значение, создавая основу для конфликтов между общинами [159].

В связи с этим, возможно, в II–I вв. до н. э., началось объединение таких небольших соседских общин (*мура*) в более крупные *территориальные общины*, называемые в китайских летописях «*го*» [160], а в древнеяпонских – *куни* [161]. Исследователи, в данном случае, переводят термин *куни* (кит. *го*) как «община» [162]. В науке данный процесс получил название «*синойкизм*» (досл. «сселение вместе», «поселение вместе»). О подобных процессах в первобытной Японии

рассказывает легенда о *куни-бики* (досл. «подтягивании [внешних] земель/общин») [163], записанная в «Идзумо-фудоки» (в «Кодзики» и «Нихон-сёки» эта легенда отсутствует). Племенной вождь [164] *Яцука-мидзу-омицуно* «...изрёк: “Страна облаков [Идзумо] ...была создана маленькой, поэтому мне хотелось бы присоединить к ней [другие земли. – *С. Д.*]...”» [165] [Идзумо-фудоки, уезд Оу]. Далее перечисляются все земли, которые были присоединены в процессе *куни-бики* – расширения территории Идзумо [166]. Примечательно то, что процесс присоединения земель *Яцука-мидзу-омицуно* начинает с «притягивания» (1) почему-то корейской (как об этом говорится в мифе) земли (яп. *куни*) [167] (земли *Сираги*-Силла [168]), расположенной на «корейском» мысе Мисаки [169]. Эти территории стали в рамках новой общины называться «мыс *Кидзуки*» (мыс на северо-западе уезда Идзумо и области Идзумо) [170] с эпитетом «многоземельный» (яп. *яхони кидзуки-но мисаки*) [171], что указывало на цели завоевания – присоединение плодородных земель, принадлежавших общине-поселению (яп. *мура*) Кидзуки [172], каким-то образом связанной с Силла. Указание на то, что эти территории якобы «принадлежали» корейскому государству Силла (возникшему в I в. до н. э. в виде общины-государства Сораболь-Керим [173]), позволяет датировать завершение процесса *синойкизма* в Идзумо рубежом н. э. [174]. Ученые объясняют данный эпизод тем, что в сказании отражён тот период, когда этногруппа *идзумо* в процессе расширения территорий так же совершала набеги на близлежащий Корейский полуостров [175]. В «Самгук-саги» набеги японцев на Силла упомянуты под 50 г. до н. э., 14, 73, 121, 122 гг. н. э. [176] Кроме того, сообщение о Силла истолковывается исследователями как отражение хозяйственной деятельности племён северо-западного побережья Хонсю, связанных, прежде всего, с морем, продуктами рыболовства и мореходством в пределах зоны Японского моря, достигающей берегов Кореи («земли Сираги») [177].

Следующими объектами *куни-бики* названа (2) гора Сахимэ (граница провинций Идзумо и Ивами на западной окраине области Идзумо), где на западной стороне горы располагалась *община*-поселение (яп. *мура*) Сахимэ [178]; и (3) морское побережье Соно (около озера Камудо, в северной части уезда Камудо на северо-западном побережье Идзумо), принадлежавшее общине-поселению Соно-*мура* [179] (к западу от общины Коси, около озера Камудо на северо-западе области Идзумо).

Таким образом, к территориям народа *идзумо* были присоединены земли уездов Идзумо и Камудо на северо-западе области Идзумо.

Далее в источнике указаны «страны» (*территориальные* общины-*куни*), находившиеся в районе под названием *Китадō* (досл. «Северные ворота» – северном морском побережье области Идзумо) [180]. Это: (4) Саки (Саки-но *куни*) [181], чьи территории от излучины реки Таку [182] после присоединения к общине Идзумо стали называться *Сада* [183] (на границе уездов Аика и Симанэ) [184]. Данные земли прилегали с востока и юго-востока к общине Этомо, оказавшейся под властью *идзумо* ещё при сыне Сусаноо – *Ивасака-хико* (см. ранее). Акимото Китирō толкует топоним *Саки* как изменённое произношение названия района бухты *Саги*-ура (в городе Тайся) – к востоку от мыса Кидзуки, так как в тексте «Идзумо-фудоки» встречается название «побережье *Саги*-хама». К. А. Попов не согласен с этим, ибо, по его мнению, *Саки-но куни* дословно значит ‘передняя страна (земля)’; ‘страна, лежащая впереди’. А *Саги-хама* – ‘побережье белых цапель *саги*’. Он переводит *Китадō-но Саки-но куни* как ‘земли, лежащие севернее (перед) Идзумо’ [185]. Учитывая использованный в источнике термин *куни* («страна») – это должна была быть протяжённая территория. Можно предположить, что под «страной Саки-но *куни*» понималась территория северного морского побережья (к северу от озера Ириуми) от бухты Саги (Саки) на западе до реки Сада на востоке (т. е. земли северо-восточной части уезда Идзумо и уездов Татэнуи и Аика).

В местности Китадō располагалась и другая *территориальная* община – (5) Нунами (Нунами-но *куни*) [186], тоже присоединенная к территориальной общине Идзумо. Эти территории на морском побережье от бухты Тасими стали называться Курами [187] (западная часть уезда Симанэ). К востоку от земель Китадō в уезде Симанэ располагалась община Катаэ, а на юг от Нунами – Курами лежали общины Ямагути и Асакуми – все три общины уже были под властью народа *идзумо*. Т. е. не занятыми людьми *идзумо* оставались земли самой восточной части уезда Симанэ и полуострова Ёмигасима на северо-востоке области Идзумо.

Поэтому вслед за общинами Китадо в «Идзумо-фудоки» называется присоединённым (6) мыс Цуцу [188] (восточная оконечность уезда Симанэ на северо-востоке области Идзумо). Источник утверждает, что этот мыс принадлежал *коси* (народу северо-западной Японии, с которым ранее пришлось бороться пришельцам-*идзумо* в процессе своего проникновения в западный Хонсю). Новые территории получили название мыс Михо [189], где, по всей видимости, была создана община-поселение Михо-но *мура* [190]. Возможно, к территории общины Идзумо были присоединены (7) остров Ёми (около полуострова

Ёми-га хама) [191] и, может быть, (8) земли около пика Хинокам*идакэ* (в провинции Хахаки). Таким образом, в состав земель *идзумо* вошли северо-восточные окраины области Идзумо.

Комментариев и истолкований к сюжету *куни-бики* существует немало, в частности, нет согласия и по поводу того, обо всей области Идзумо идёт речь или это – локальное предание, которое рассказывает о создании «земли» (т. е. *территориальной* общины) Оу [192]. По мнению учёных, очевидно, в этой легенде отражен тот период, когда народ *идзумо* укреплялся и расширялся за счет захвата и присоединения территории других общин [193]. *Яцука-мидзу-омицуно* рассматривают как племенного вождя [194], но считают, что эти деяния совершались на протяжении долгого времени, а к моменту записи легенды о *куни-бики* уже приписывались одному лицу [195].

Однако следует отметить, что присоединенные к Идзумо земли, перечисленные в сказании о *куни-бики*, занимают узкую прибрежную полосу вдоль северного побережья данной области, к северу от озера Ириуми. Тогда как внутренние территории Идзумо, входившие ранее в состав общин-*мура* Ториками, Инада-Суга (с примыкавшими к ней с запада общинами Сасэ и Куматани), Суса, Коси (в землях уезда Камудо), а также – Ясуки и Асакуми (общины, основанные *Сусаноо*), Этомо (община, основанная *Ивасака-хйко*), Тада (община, основанная *Цуки-хоко-тооёру-хйко*), Ōкуса (община, основанная *Аохата-но Сакуса-хико*), Ямагути (община, основанная *Цуруги-хико*), Катаэ (община, основанная *Куниосивакэ*), Иинаси (община, основанная *Ōкунитама*) среди земель *куни-бики* не указаны, так как они ранее были подчинены власти этногруппы *идзумо*.

Совершение *куни-бики* завершилось тем, что *Яцука-мидзу-омицуно* (получивший прозвище *кунибики-масиси* – досл. «совершивший *куни-бики*» [196]) установил свой *жезл* вождя в храмовой роще Оу (северо-восток уезда Оу и области Идзумо) [197]. Это место, видимо стало резиденцией вождей новой территориальной общины (яп. *куни*), возникшей в результате *синойкизма* (объединения небольших *соседских общин* в более крупную территориальную *соседскую общину*) и получившей название Идзумо-но *куни* (впоследствии здесь располагались уездное и провинциальное управления [198]) [Идзумо-фудоки, уезд Оу]. По сказаниям Идзумо, название новой территориальной общины придумал *Яцука-мидзу-омицуно* [199]: «История происхождения названия Идзумо [такова]. ...*Яцука-мидзу-омицуно* изрек: “Облака, клубясь, поднимаются” (*якумо тацу*), – так он сказал. Поэтому-то и говорят: “*Якумо тацу Идзумо*”, [что значит]: “Идзумо, где, клубясь, поднимаются восьмиярусные облака”» [200] [Идзумо-фудоки, Общее описание].

Он же дал название вновь присоединённой местности Симанэ. «История наименования [уезда] Симанэ такова. ...Яцука-мидзу-омицуно, совершивший *кунибики,* изрекши, соизволил дать название этому уезду; поэтому [и теперь] его называют Симанэ» [201] [Идзумо-фудоки, уезд Симанэ]. Содержание самого изречения Яцука-мидзу-омицуно в *фудоки* не приводится. Поскольку территория уезда Симанэ относилась к землям, присоединенным во время *куни-бики,* то, по этой причине, вождю Яцука-мидзу-омицуно и приписали роль человека, давшего наименование этой территории [202].

С сыном Яцука-мидзу-омицуно [203] – Акафусума-*ину*-осуми-хико по прозвищу Савакэ – связывается появление топонима Ину (совр.-яп. Ино; в юго-западной части уезда Аика на севере области Идзумо) [204]. «Село Ину [205] ...Когда супруга... Акафусума-*ину*-осуми-хико Савакэ, который пребывает в селе Ину уезда Идзумо, – [по имени. – *С. Д.*] ...Амэ-но Микадзи-химэ объезжала страну, то, прибыв сюда, она воскликнула: “О ты, мой Ину!”, – так она сказала. Поэтому-то [село] и назвали Ину» [206] [Идзумо-фудоки, уезд Аика, село Ину]. «Село Ину... Храм сына бога Омидзуну, совершившего *куни-бики,* [по имени] Акафусума-*ину*-осуми-хико Савакэ находится в этом самом селе. Поэтому [село и] называют Ину» [207] [Идзумо-фудоки, уезд Идзумо, село Ину].

Во главе таких *территориальных общин* стояли «большие вожди», избираемые на собрании общины [208]. Исследователи считают, что титулом вождей народа *идзумо* в древности был термин «*ō-куни-нуси*» (др.-яп. *опо-куни-нуси* – досл. «хозяин большой общины» [209]) [210]. Поэтому следующий этап в истории Идзумо, одного из самых ранних районов заселения *тунгусо-маньчжурским* племён, в исторических преданиях связан с деятельностью потомка *Сусаноо* – вождя *Ō-куни-нуси* (др.-яп. *Опо-куни-нуси*). Указанием на то, что *Ō-куни-нуси* действовал уже после *Яцука-мидзу-омицуно*, могут послужить сведения одного из разделов в «Кодзики», где говорится о том, что община-поселение (яп. *мура*) в Михо уже была подвластной *Ō-куни-нуси* территорией (а она названа присоединённой к Идзумо-но куни вождём *Яцука-мидзу-омицуно* в ходе его *куни-бики*) [211] [Кодзики, св. 1-й, гл. 27]. В легендах *Ō-куни-нуси* – потомок Сусаноо в шестом поколении [212] (от сына Инада-химэ и Сусаноо по имени Суга-но ю-яма-*нуси* Мицу-на-саро-*хйко* – т. е. линии вождей из *Суга*). Исходя из археологических датировок времени переселения *тунгусо-маньчжуров* (предков *идзумо*), а

также предположительном времени начала процесса *синойкизма*, время деятельности вождя *идзумо*, послужившего прототипом для *Ō-куни-нуси*, можно определить, вероятно, концом I тыс. до н. э.

Ō-куни-нуси (под именем Ō-намоти) был выходцем из общины Саси-*куни* (досл. «Маленькой общины» [213] – селения Сасэ в Идзумо, к западу от Суга и к востоку от Куматани [214]), так как он был сыном женщины Саси-куни Вака-химэ [215]. Ō-куни-нуси устанавливает брачные связи с Коси [216], возможно – с Ямато [217], а также – с Северным Кюсю (жена из Мунаката, в Тикудзэн).

По преданию, этот вождь вмешивается в борьбу на островах Оки [218], борется за гегемонию в своём регионе с восемьюдесятью «собратьями» [219] (видимо, вождями других общин). Он даже пользуется благосклонностью Яками-химэ (знатной девушки из Инаба). Но после двух поражений бежит в область Ки [220] к Оха-я-бико [221], оттуда – к Сусаноо в Нэ-но катасу-*куни* (Корею?) [222]. Ō-намоти не был принят своим предком. Однако, в конце концов, он берет в жены (умыкает) его дочь Сусэри-бимэ и возвращается из «Нижней дальней земли» [223]. После этого Ō-намоти громит своих врагов и становится теперь «Хозяином большой общины» (*Ō-куни-нуси*).

Примечательно, что «устраивать *куни*» Ō-намоти помогал пришелец из-за моря (как полагают некоторые учёные, из *Хан*, т. е. из Южной Кореи), поселившийся в Тадзима [224] – Сукуна-бико-на [225] (поселившийся в Тадзима, а затем отбывший в страну Токоё-но *куни* за морем [226] [как предполагают некоторые исследователи – это какая-то местность в Китае] [227]). Упоминание о Сукуна-бико-на, по всей видимости, указывает, по мнению исследователей, на то, что сохранялись какие-то связи с Кореей или продолжалось переселение оттуда [228].

В «Кодзики» и «Идзумо-фудоки» Ō-куни-нуси (в легендах выступает под именем Ō-намоти) выступает уже как настоящий правитель, борющийся с врагами, распространяющий влияние своей общины далеко вокруг [229]. Он берёт в свои руки дело «*куни-цукури*» (досл. «делания земли [общины, страны]») [230]. Для борьбы с враждебными племенами [231] строит укрепление (др.-яп. *кй*) [232] на горе Кинаби (в центральной части области Идзумо) [233] [Идзумо-фудоки, уезд Охара, гора Кинаби]. Видимо, в борьбе за власть покоряет и изгоняет множество врагов «*ясогами*» (досл. «восемьдесят *ками*») [234]: «Когда же он, изгоняя, преследовал их, то здесь и нагнал их [в селении Кисуки. – *С. Д.*]» [235] [Идзумо-фудоки, уезд Охара, село Кисуки]. «Кодзики» сообщает: «Поэтому... [он] тех восемьдесят богов [*ясогами*. – *С. Д.*] гнал-загонял, [он их] на каждый гребень холма загнал-уложил, в каждую стремнину реки загнал-сбросил, и впервые *создал страну*» (*куни-цукури*). В «Нихон-сёки» Ō-намоти также называется «*куни-дзукури* Ō-намоти». Последняя фраза «впервые создал страну» (*хадзимэтэ куни-о цукури-тамаики*) в основном истолковывается мифологами в смысле «творить» (как бог-демиург), проводя параллели с творением земли парой Идзанаги и Идзанами (в «Кодзики» *цўкуру* записано в этом случае другим иероглифом) [236]. Но Цугита Дзюн предлагал понимать *цўкуру* как «управлять», а не «создавать» [237]. Надо полагать, что речь здесь идет о создании (основании) *территориальной* общины (*куни*), на что могут указывать значения этого иероглифа [238].

Кроме того, видимо, в конце концов, *тунгусо-маньчжурам* народа *идзумо* удалось покорить область Коси. Ō-намоти «усмиряет восемь земель в Коси» [239] [Идзумо-фудоки, уезд Оу], получивших название от этнонима (*коси*) одного из племен *эбису* (*айнов*), занимавшего эту местность до прихода японцев [240]. Следует напомнить, что один из часто встречающихся *гаплотипов* японцев связан с миграциями из Кореи в регион Хокурику – древнюю область Коси (восточная часть северного побережья острова Хонсю) [241]. В связи с этим японский исследователь Миками Ёсйтака указывает, что в более позднее время [в начале IV в. н. э. – *С. Д.*] на побережье японского моря в области Коси-но *куни* (позднее – провинции Этидзэн, Эттю, Этиго) проживал народ *тунгусского* происхождения под названием *коси* (оставивший керамику типа *яёй*) [242]. Древняя область Коси-но *куни* управлялась властителем, носившим титул «Коси-но *ками*» [243] – главой этнической группы *коси* (почитаемого в святилище Косиō-*дзиндзя* – досл. «святилища правителя Коси» в городе Акита) [244].

Таким образом, *тунгусо-маньчжурскому* народу *идзумо* (возможно, происходившему от мигрировавшей на Японские острова части людей восточных *е* из Чинхана) удалось расселиться на территориях северного побережья острова Хонсю – от области Идзумо на западе до области Коси на востоке. Отражением данного переселения, как полагают исследователи, стал цикл мифов Идзумо о Сусаноо и его потомках.

Дальнейшие события в истории народа *идзумо*, возможно, нашли отражение в легенде о *куни-юдзури* («уступке земли»).

Примечания

1. *Деопик Д. В., Крюков М. В.* Древнеяпонские государства // История древнего Востока. М., 1988. С. 396.

2. *Арутюнов С. А.* Этнографический очерк // Современная Япония. М., 1968. С. 47.

3. *Мещеряков А. Н.* Внешний фактор в культуре Японии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 28; История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986. С. 118.

4. *Лаптев С. В.* Антропологические свидетельства связей древних японцев с народами материка в период *яёй* // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 171; *Лаптев С. В.* Очерки по археологии и истории Японии. М., 2007. С. 31; *Hammer Michael F.*, *Horai Satoshi*. Y chromosomal DNA variation and the peopling of Japan // American Journal of Human Genetics. 1955. P. 951–962; *Ding Qi-Liang*, *Wang Chuan-Chao*, *Farina Sara E.*, *Li Hui*. Mapping Human Genetic Diversity on the Japanese Archipelago // Advances in Anthropology. 2011. Vol. 1. № 2. P. 19–25; *Nonaka I.*, *Minaguchi K.*, *Takezaki N.* Y-chromosomal binary haplogroups in the Japanese population and their relationship to 16 Y-STR polymorphisms // Annals of human genetics. 2007. Jul., № 71. P. 480–495; *Hammer Michael F.*, *Karafet Tatiana M.*, *Park Hwayong*, *Omoto Keiichi*, *Harihara Shinji*, *Stoneking Mark*, *Horai Satoshi*. Dual origins of the Japanese: common ground for hunter-gatherer and farmer Y chromosomes // Journal of Human Genetics. Vol. 51. № 1. P. 47–58; *Omoto Keiichi*, *Saitou Naruya*. Genetic Origins of the Japanese: A Partial Support for the Dual Structure Hypothesis // American Journal of Physical Anthropology. 1997. Vol. 102. № 4. P. 437–446; *Jin Han-Jun*, *Kwak Kyoung-Don*, *Hammer Michael F.*, *Nakahori Yutaka*, *Shinka Toshikatsu*, *Lee Ju-Won*, *Jin Feng*, *Jia Xuming*, *Tyler-Smith Chris*, *Kim Wook*. Y-chromosomal DNA haplogroups and their implications for the dual origins of the Koreans // Human Genetic. Korea, Cheonan: Dankook University, Department of Biological Sciences. 2003. № 114. P. 27–35.

5. См. ч. 1 исследования: *Суровень Д. А.* Участие тунгусо-маньчжурских народов в заселении Японских островов // Вестник Уральского отделения РАН. 2012. № 4 (42). С. 80–90.

6. См.: *Matsumae Takeshi*. The Myth of the Descent of the Heavenly Grandson // Asian folklore studies. 1983. Vol. 42. P. 163.

7. См.: *Суровень Д. А.* Участие тунгусо-маньчжурских народов ... С. 80–90.

8. *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958. С. 105.

9. *Воробьев М. В.* Япония в III–VII веках. М., 1980. С. 58.

10. *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // История древнего мира. М., 1989. Кн. 3. С. 22; *Миура Ёнин.* 三浦 洋人. Хадака нихон-си はだか日本史. Токио, 1958. С. 83; *Конрад Н. И.* Очерк японской истории с древнейших времен до "революции Мэйдзи" // Япония. М., 1934. С. 230; Нихон дзэнси 日本全史. Токио, 1958. Т. I. С. 10; *Latourette K. S.* The history of Japan. N. Y., 1947. P. 11–12; *Sadler A. L.* A short history of Japan. Sydney; L., 1946. P. x; *Bersihand R.* Histoire du Japon des origines a nos jours. Paris, 1959. P. 9–10.

11. *Ермакова Л. М.* Речи богов и песни людей: ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М., 1995. С. 22; *Ермакова Л. М.* Три типа ритуальных текстов древней Японии // Религии древнего Востока. М., 1995. С. 262.

12. *Воробьев М. В.* Япония ... С. 58; *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М., 1979. С. 11, 12; *Вовин А. В.* К вопросу об этногенезе японцев // Народы Азии и Африки. 1988. № 4. С. 90; *Ермакова Л. М.* Речи богов ... С. 22; *Ермакова Л. М.* Три типа ... С. 262.

13. *Воробьев М. В.* Япония ... С. 58.

14. *Арутюнов С. А.* К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этнография. 1960. № 1. С. 66; *Ермакова Л. М.* Речи богов ... С. 22; *Ермакова Л. М.* Три типа ... С. 262.

15. *Воробьев М. В.* Япония ... С. 58. По проблемам алтайских связей японского языка см.: *Сыромятников Н. А.* Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка // Народы Азии и Африки. 1967. № 2. С. 117–130; *Вовин А. В.* О древнекорейско-древнеяпонских языковых связях // Там же. 1986. № 5. С. 98–102; *Вовин А. В.* К вопросу об этногенезе японцев. С. 98; *Вовин А. В.* Происхождение японского языка и японского народа // Япония 1989: ежегодник. М., 1991. С. 225–233; *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. С. 106–107.

16. Или: *хала-кала*, яп. *харакара*. *Ермакова Л. М.* Три типа ... С. 262. См.: *Воробьев М. В.* Япония ... С. 58; *Ермакова Л. М.* Речи богов ... С. 22.

17. Цит. по: Идзумо-но куни-но фудоки 出雲國風土記 // Фудоки 風土記 (из серии "Бунгаку-тайкэй" 文学大系). Токио, 1958. С. 9–25; перевод на рус. яз.: Идзумо-фудоки. М., 1966; на англ. яз.: Izumo-fudoki. Tokyo, 1971.

18. Добрословие [богов] от наместника земли Идзумо // Норито. Сэммё. М., 1991. С. 127–130.

19. *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо // Синто – путь японских богов: в 2 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 122–123.

20. *Конрад Н. И.* Древняя история Японии // Избранные труды: История. М., 1974. С. 22.

21. Там же.

22. *Светлов Г. Е.* Путь богов. М., 1985. С. 35.

23. *Matsumae Takeshi*. The Myth of the Descent ... P. 163.

24. Подробнее см.: *Суровень Д. А.* Участие тунгусо-маньчжурских народов... С. 89–90.

25. Kojiki: Records of Ancient Matters. Tokyo, 1982. P. 73, note 2; Идзумо-фудоки. С. 211.

26.「言曰。此地吾 不欲居。遂以 埴土 遠作? 舟乗之東渡。到 出ˇ出雲國 簸川上 所在 鳥上之峯。」– Нихон-сёки 日本書紀 (из серии «Кокуси-тайкэй» 国史大系. Токио, 1957. Ч. I. Т. I. С. 44–45; см.: *Горегляд В. Н.* Мифы древней Японии // Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб., 1994. Т. I. С. 17; Нихон-но кэнгоку 日本の建国. Токио, 1957. С. 47; *Marder Arthur J.* From Jimmu tennō to Perry sea power in early Japanese history // The American historical review. 1945. Oct. Vol. 51. № 1. P. 3; *Сондерс Э. Д.* Японская мифология // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 417; см.: Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн дзэнсю» 日本古典全集). Токио, 1968. Т. I. С. 217, прим. 1, 4; С. 218, прим. 5.

27. Большой китайско-русский словарь. М., 1983. Т. II. С. 889 (далее: БКРС).

28. См.: Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 144.

29. *Конрад Н. И.* Японская литература. М., 1974. С. 106.

30. 八岐大蛇 яп. *Я-мата-но ōроти*. Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 40; 八俣遠呂智 яп. *Я-мата-но о-ро-ти*. Кодзики, 1968. Т. I. С. 219.

31. Kojiki. P. 74, note 10; см.: *Миура Ё.* Хадака ... С. 52–53; *Мацумото Сэйтё* 松本 清張. Сэйтё-цуси 清張通史. Токио, 1978. Т. III. С. 62.

32. Иероглиф 呑 кит. *тунь* обычно читают по-японски как *ному* – «глотать», но он имеет еще значение «аннексировать, завладевать (*чем-л.*)» // БКРС. Т. II. С. 517.

33. 「時 彼處 呑有人大虵。」// Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 45.

34. *Миура Ё.* Хадака ... С. 53; *Brinkley R. A.* A history of the Japanese people. N. Y.; L., 1914. P. 31.

35. См., напр.: Кодзики, 1994. Т. I. С. 280.

36. 智 кит. *чжи* – мудрец // БКРС. Т. II. С. 565; 智 кор. *чжи* / *чи*, яп. *ти* – ум. – *Фельдман-Конрад Н. И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977. С. 297 (далее: ЯРУСИ); 智 кит. *чжи* – *сущ.* 1) мудрость; ум, разум; 2) мудрый, мудрец... – БКРС. Т. II. С. 565.

37. 臣智 кор. *синчжи* / *синджи* // *Пак М. Н.* Описание корейских племён начала нашей эры (по «Сань-го чжи») // Российское корееведение. Вып. 2. М., 2001. С. 31; см. также: С. 38, прим. 109.

38. Цит. по: *Пак М. Н.* Описание ... С. 31; см. также: С. 28, 30.

39. 八俣遠呂智 // Кодзики, 1968. Т. I. С. 219; в иероглифе 俣 графема 吴 использована вместо 呉. См.: БКРС. Т. III. С. 674; 俣 кит. *юй* – большой, великий. – БКРС. Т. III. С. 657; 呂 яп. *ро* – мелодия. ЯРУСИ. С. 133; 遠 кит. *юань* – далекий, дальний; дальние края; дали; древние; далекие предки. БКРС. Т. IV. С.154.

40. Идзумо-фудоки. С. 67.

41. Кодзики, 1968. Т. I. С. 218, прим. 6; Кодзики, 1994. Т. I. С. 234; Идзумо-фудоки. С. 69.

42. Идзумо-фудоки. С. 69, 127, прим. 4.

43. Там же. С. 69.

44. Там же. С. 69–70.

45. Там же. С. 21.

46. Там же. С. 24.

47. См.: Там же. С. 147, 108, прим. 14.

48. *Миура Ё.* Хадака ... С. 53; *Brinkley R. A.* A history ... P. 31.

49. 八口 яп. *я-кути* – досл. «восемь ртов». Идзумо-фудоки. С. 108, прим. 14.

50. 八國 яп. *я-куни.* – Там же; иероглиф 口 («*куни-гамаэ*», 31-й ключевой знак) может использоваться вместо иероглифа 國 *куни* (кит. *го*). См.: БКРС. Т. II. С. 667.

51. БКРС. Т. II. С. 405.

52. См.: Идзумо-фудоки. С. 108.

53. *Конрад Н. И.* Японская литература. С. 108.

54. *Brinkley R. A.* A history ... P. 31; см.: History of the empire of Japan. Chicago, Tokyo, 1893. P. 21; *Миура Ё.* Хадака... С. 53; см.: Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 日本古典文学全集). Токио, 2001. С. 69, прим. 7.

55. Кодзики, 1968. Т. I. С. 219; Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 40, 45; Мифологический словарь. С. 64.

56. Кодзики, 2001. С. 68, 69, 68, прим. 5.

57. *Иофан Н. А.* Культура древней Японии. М., 1974. С. 48–49.

58. 國神 яп. *куни-цу ками.* Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 40; Кодзики, 1968. Т. I. С. 219.

59. Кодзики, 1994. Т. I. С. 168, прим. 149.

60. 守・з яп. *ками* – «правитель области», 上 яп. *ками* – «власти»; см.: *Brinkley R. A.* Op. cit. P. 31.

61. См.: Кодзики, 1994. Т. I. С. 60; Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 141, 142, 143; см.: *Светлов Г. Е.* Путь богов. С. 34; Мифологический словарь. С. 64.

62. Нихон-сёки. 1997. Т. I. С. 143.

63. Идзумо-фудоки. С. 89.

64. Цит. по: Сэндай кудзи-хонки, св. 1-й – 10-й 先代舊事本紀. URL: http://www.h4. dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki.htm.

65. См.: Кодзики, 1994. Т. I. С. 60; Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 141.

66. Кодзики, 1968. Т. I. С. 221; прим. 2; Кодзики, 1994. Т. I. С. 258; см.: History of the Empire... P. 21; Идзумо-фудоки. С. 197.

67. Слова Сусаноо «*ага микокоро сугасугаси*» переводят как «на сердце у меня легко»; где *сугасугаси* (записано фонетически) означает «легкий», «ясный». Кодзики, 1994. Т. I. С. 172, прим. 164.

68. Кодзики, 1994. Т. I. С. 60.

69. Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 141.

70. См.: Кодзики, 1994. Т. I. С. 172, прим. 164.

71. Идзумо-фудоки. С. 86. См.: Идзумо-фудоки. С. 149.

72. Kojiki. P. 76, note 2.

73. 宮之首 яп. *мия-но обито*; где 首 *обито* (фонетически букв. «большой человек») – «глава». Кодзики, 1968. Т. I. С. 223; см.: С. 221, прим. 5; Kojiki. P. 78, note 7.

74. 稲田宮主須賀八耳神 – Кодзики, 1968. Т. I. С. 223; см.: Мифологический словарь. С. 64.

75. См.: Кодзики, 1994. Т. I. С. 60.

76. 彌彌 кит. *мими*, яп. *мими* – название главного чиновника в общине Южного Кюсю – Тоума-*го*. См.: *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 244.

77. Кодзики, 1994. Т. I. С. 60.

78. 「稲田宮主神」// Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 42; см.: Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 142.

79. Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 141–142.

80. 「稲田宮主簀狭之八箇耳」– Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 42; см.: Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 142.

81. Кодзики, 1994. Т. I. С. 173, прим. 167.

82. 御戸 яп. *ми-до*, *ми-то* – досл. «священные двери» // Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 42.

83. Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 142.

84. Идзумо-фудоки. С. 75.

85. Этот обычай сохранился и ныне в отдаленных районах Японии // Идзумо-фудоки. С. 128, прим. 1.

86. См.: Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 42; см.: Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 142.

87. См.: Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 418, прим. 133.

88. *Chamberlain B. H.* A translation of the "Ko-ji-ki", or "Records of ancient Matters" // The Kojiki: Records of Ancient Matters. Tokyo, 1982. P. LXIII.

89. 素戔嗚尊 яп. *Сусаноо-но микото* // Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 40, 42; 須佐之男命 яп. *Сусаноо-но микото.* – Кодзики, 1968. Т. I. С. 219, 222; где иеро-

глиф 男 др.-яп. *во*, кит. *нань* – муж, мужчина; 鳴 яп. *нару*, кит. *мин* – звучать, греметь, грохотать; прославиться (*чем-л.*) (БКРС. Т. III. С. 512); т. е. «тот, кто прославленный»; см.: Мифологический словарь. С. 518; Кодзики, 1994. Т. I. С. 262; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A. D. 697. L., 1956. P. I. P. 19, note 2.

90. 簀狭之八箇耳 яп. *Суса-но Яцу-мими* // Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 42; см.: Кодзики, 1968. Т. I. С. 222, прим. 6; Kojiki. P. 78, note 8.

91. Nihongi. Part I. P. 19, note 2.

92. Кодзики. 1994. Т. I. С. 262.

93. Идзумо-фудоки. С. 76.

94. *Local capital* // Nihongi. Part I. P. 19, note 2.

95. Идзумо-фудоки. С. 76; цит. по: Nihongi. Part I. P. 19, note 2.

96. Kojiki. P. 76, note 2.

97. Идзумо-фудоки. С. 197, 198.

98. Там же. С. 76; Цит. по: Nihongi. Part I. P. 19, note 2.

99. Идзумо-фудоки. С. 190, 130.

100.「其素戔嗚尊之田 亦 有ㇾ三處、號曰ㇾ天櫛田、天川依田、天口鋭田。」// Нихон-сёки, 1957. Ч. I. С. 36; ср.: Nihongi. Part I. P. 48, note 4, 5, 6; см.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 154; *Сиодзава Кимио* 塩沢 君夫. Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō 古代専制国家の構造. Токио, 1958. С. 80.

101. Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С. 31; *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 202; *Андреев И. Л.* Системно-генетический анализ и проблема смены формаций: на материале перехода от первобытной формации к классовому обществу // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 65; *Колганов М. В.* Собственность: докапиталистические формации. М., 1962. С. 141; История первобытного общества. М., 1988. Т. III. С. 206; *Шилюк Н. Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск, 1982. С. 12.

102. «...Кумано *камуро*»; здесь Кумано – собственное имя бога (полагают, что это одно из имен бога Сусаноо), которому посвящен главный храм Кумано-*тайся*, а слово *камуро* значит «бог-предок» (*камуками* «бог» + усилительный суффикс *ро*). В «Идзумо-куни-но мияцуко-но *камуёгото*» (это один из разделов *норито* в «Энги-сики») встречается имя Кабуроги-кумано-*ōками*. Идзумо-фудоки. С. 113, прим. 30.

103. Идзумо-фудоки. С. 33.

104. См.: Идзумо-фудоки. С. 173.

105. 五贄緒 яп. *ицуцу-но ниэ-но о* – досл. «пять групп [работников], подносящих дары» // Идзумо-но куни-но фудоки. С. 12, строка 601; где 贄 яп. *ниэ* – «дары богу» (главным образом, продукты питания), *о* – сокращение от *томо-но о* – «группа» (по версии Акимото Китирō) // Идзумо-фудоки. С. 22, 116, прим. 3; где 緒 яп. *о*, кит. *сюй* – *сущ.* ...4) дело, миссия... *гл.* 1) приводить в порядок, упорядочивать, налаживать; 2)* продолжать (*напр. традицию*) // БКРС. Т. II. С. 595.

106. Идзумо-фудоки. С. 33.「朝酌郷... 熊野大神命 詔ㇾ朝御■勘養 夕御■勘養 五贄緒 之処定給。」// Идзумо-но куни-но фудоки. С. 12, строки 415, 601.

107. Идзумо-фудоки. С. 22, 116, прим. 3.

108. Там же. С. 33, 116, прим. 3.

109. *Аса* – «утро», *куму* – «черпать, наливать». Там же.

110. *Конрад Н. И.* Очерк японской истории. С. 234; *Воробьев М. В.* Япония ... С. 130, 132; *Мещеряков А. Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988. С. 10; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй кокка-но кōдзō. С. 84; *Воробьев М. В.* Древняя Япония. С. 91; Япония III–VI веков // История Востока. М., 1995. Т. II. С. 91; *Иофан Н. А.* Культура древней Японии. С. 87; *Сырицын И. М.* Становление феодальных отношений в Японии // История стран Азии и Африки в средние века. М., 1987. Ч. I. С. 47; *Vargö Lars.* Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. Stockholm, 1982. P. 53.

111. *Chamberlain B.H.* A translation of the "Ko-ji-ki" ... P. LXIII.

112. Составлено по: Кодзики, 1994. Т. I. С. 60.

113. *Иофан Н. А.* Указ. соч. С. 32, прим. 17.

114. См.: *Суровень Д. А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э. – III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1995. Вып. 2. С. 150–175; *Суровень Д. А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С. 175–198; *Суровень Д. А.* Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Вып. 2. 1999. № 13. С. 89–113.

115. Идзумо-фудоки. С. 106.

116. См.: Кодзики, 1994. Т. I. С. 60-61; Кодзики. 2001. С. 72–75; Нихон-сёки. 1997. Т. I. С. 142.

117. Нихон-сёки. 1997. Т. I. С. 143.

118.「大己貴、此 云ㇾ於褒婀娜武智(ヲホアナムチ)。」– Нихон-сёки, 1957. Т. I. С. 44.

119. 村 яп. *мура* – досл. «село, деревня».

120. См.: Идзумо-фудоки. С. 110, прим. 18.

121. См.: Там же.

122. См.: Там же.

123. Там же. С. 22.

124. Там же. С. 110, прим. 18.

125. Там же.

126. Там же. С. 219.

127. Там же. С. 156.

128. Там же. С. 33.

129. Там же. С. 20.

130. *Этомо* тянется от Эдзуми (Этомо, город Касима) до Коура. Там же. С. 216.

131. См.: Там же. С. 120, прим. 1.

132. Там же. С. 46.

133. Там же. С. 120, прим. 1.

134. Там же. С. 199.

135. Там же. С. 46.

136. Там же. С. 24.

137. Там же. С. 189.

138. Там же. С. 89.

139. Там же. С. 200.

140. *Ямагути* – село в уезде Симанэ. Там же. С. 217.

141. Идзумо-фудоки. С. 33.

142. Там же.

143. См.: Идзумо-фудоки. С. 162.

144. Идзумо-фудоки. С. 147. См.: Кодзики. 1994. Т. I. С. 75.

145. *Иинаси* – село; находилось в бассейне реки Иинаси. Идзумо-фудоки. С. 161.

146. Идзумо-фудоки. С. 23–24.

147. Идзумо-фудоки. С. 19; см. *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 130–131.

148. Идзумо-фудоки. С. 106.

149. См.: *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 127.

150. Идзумо-фудоки. С. 19.

151. Варианты произношения имени: *Омидзуну*, *Омидзуно*, *Омицуну*, *Омицуно*. Разница в произношении объясняется тем, что в зависимости от местного говора, видимо, имя произносилось либо глухо *мицу*, либо звонко *мидзу*, а изменение конечных *о* > *у* происходило, очевидно, вследствие того, что в диалекте древнего Идзумо эти звуки чётко не разграничивались. Идзумо-фудоки. С. 147; см.: Кодзики. 1994. Т. I. С. 247.

152. Некоторые исследователи указывают, что он был потомком в пятом поколении. *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 131.

152. Кодзики, 1994. Т. I. С. 61, 247.

154. *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 131.

155. *Воробьев М. В.* Япония ... С. 236.

156. *Vargö L.* Social and economic conditions ... P. 9.

157. *Иэнага Сабуро.* История японской культуры. М., 1972. С. 30.

158. *Деревянко Е. И.* Древние жилища Приамурья. Новосибирск, 1991. С. 68.

159. *Vargö L.* Social and economic conditions... P. 9.

160. 國 кит. *го* – государство; царство, княжество; удел; город-государство // БКРС. Т. II. С. 684.

161. *Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М.* История Японии. М., 1988. С. 15; см.: Нихон-но акэбоно. С. 45.

162. *Го* в Китае, *полис* в Греции, *civitas* в Италии одно и то же. *Конрад Н. И.* О рабовладельческой формации // Запад и Восток. М., 1972. С. 34; Западные исследователи переводят «*го / куни*» термином "*community*" («община»). См.: Sources of Japanese History. N. Y., 1974, Vol. I; Sources of Japanese Tradition. N. Y.; L., 1965, Vol. I; Japan in the Chinese Dynastic histories. South Pasadena, 1951; Japan: its land, people and culture. Tokyo, 1958, P. 1 и т. д.

163. 國引 яп. *куни-бики*; см.: Идзумо-фудоки. С. 20–21, 106–107; *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 130.

164. Идзумо-фудоки. С. 106.

165. Идзумо-фудоки. С. 19; см. *Ермакова Л. М.* Указ. соч. С. 130-131.

166. Идзумо-фудоки. С. 105; *Сондерс Э. Д.* Японская мифология. С. 418.

167. См.: Идзумо-фудоки. С. 107, прим. 8.

168.「志羅紀」яп. *Сираги* – Силла // Идзумо-но куни-но фудоки. С. 10, строка 2.

169. 三埼 яп. *мисаки* – букв. «священный мыс» (御埼). Другое название *Идзумо-но мисаки*; по смыслу названия – 'мыс Идзумо'. *Мисаки* – название побережья в уезде Идзумо; современное Хиномисаки, на самой западной оконечности полуострова Симанэ, севернее города Тайся // Идзумо-фудоки. С. 160–161, 180.

170. *Кидзуки* (*Кисуки*) – мыс в уезде Идзумо; совр. Хиномисаки на северо-западном побережье префектуры Симанэ (побережье Мисаки); выходит в Японское море // Идзумо-фудоки. С. 170.

171.「八穂爾支豆支乃御埼」яп. *яхони кидзуки-но мисаки*; здесь 八穂爾 *яхони* 'много земли' (八百土); *мисаки* (御埼) 'мыс' // Идзумо-фудоки. С. 107, прим. 9.

172. *Кидзуки* (*Кисуки*) – с е л о в уезде Идзумо; его земли тянулись вдоль левого берега реки Ōкава, что, в общем, соответствует равнинному участку территории города Тайся. Идзумо-фудоки. С. 170.

173. См.: *Ким Бусик.* Самкук-саги. М., 1959. Т. I. С. 71–72, 81.

174. Идзумо-фудоки. С. 106, прим. 2.

175. Там же.

176. *Ким Бусик.* Самкук-саги. Т. I. С. 72, 76, 81, 87.

177. *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 131.

178. Село Сахимэ находилось на западной стороне горы *Сахимэ-но яма* – букв. 'гора юной девы'; совр. Самбэдзан, 1126 *м* // Идзумо-фудоки. С. 194.

179. *Со / Соно* – побережье в уезде Идзумо от Инаса до устья реки Камудо (Кандо). Идзумо-фудоки. С. 197.

180. 北門 яп. *кита-до*. Из текста не ясно, является ли слово *китадо* собственным или нарицательным именем. Акимото Китирō пишет, что *китадо* – это просто бухта в Японском море в провинции Идзумо с выходом на север, т. е. считает это слово нарицательным // Идзумо-фудоки. С. 107, прим. 10; Возможно, что это был просто постоянный эпитет к названию бухты *Нунами*, являвшейся самой северной бухтой провинции Идзумо // Идзумо-фудоки. С. 171–172.

181.「北門佐伎之國」яп. *китадō-но саки-но куни* // Идзумо-фудоки. С. 107, прим. 10; Идзумо-но куни-но фудоки. С. 10, строка 7.

182. *Таку* – 1) река в уезде Симанэ; современная река Кобу, протекающая через землю бывшего села Кобу (город Касима), впадает в реку Сада. 2) Две реки в уезде Татэнуи; одна – река Фуна протекает по долине Таку; другая течет через Таку и сохраняет старое название. Идзумо-фудоки. С. 201.

183. Там же. С. 20.

184. *Сада* – 1) Земля Сада (*Сада-но куни*), древнее название местности вокруг совр. Сада-хонго (город Касима, уезд Яцука); побережье здесь образует бухту Ко. 2) Озеро в уезде Аика, вблизи устья реки Сада. 3) Река в уезде Аика; один из рукавов течет на север и впадает в Японское море, а другой – на юг, впадает в озеро Синдзи (др.-яп. Ириуми); река образует западную границу территории города Мацуэ. Идзумо-фудоки. С. 192.

185. Идзумо-фудоки. С. 107, прим. 10.

186. *Нунами* – возможно, современное побережье Нонами в уезде Яцука, т. е. самая северная точка на п-ове Симанэ. В описании уезда Симанэ встречается название побережья Нонами. В древнем диалекте Идзумо неоднократно отмечается чередование *у/о*. Идзумо-фудоки. С. 188.

187. *Курами-но куни* – 'страна (община) мрака'. Что подразумевалось под этим названием, неизвестно. Гото Дзōсирō. полагает, что имелась в виду основ-

ная часть провинции Идзумо // Идзумо-фудоки. С. 174.

188. *Цуцу* – мыс на побережье Японского моря. Там же. С. 215.

189. Там же. С. 21; *Михо* – 1) мыс; на восточном конце п-ва Симанэ. На нём расположен город Михоносэки. 2) побережье, выходящее в залив Михо в районе города Михоносэки. Там же. С. 181.

190. *Михо* – село; было расположено где-то восточнее города Михоносэки, в районе Фукуура. Границы его земель неизвестны, так как в «Идзумо-фудоки» оно не описано. Вероятно, к моменту составления *фудоки* это село как административная единица не существовало. Там же. С. 181.

191. *Ёми* – небольшой островок, который лежал в заливе Накауми между островом Мукадэ (совр. Дайкондзима) и длинным полуостровом Ёмигахама (Юмигахама). В последующие века этот остров слился с побережьем Ёмигахама. *Ёми*[-но куни] – одно из названий страны мёртвых. Таким образом, *ёми-но сима* можно перевести как 'остров мёртвых'. Идзумо-фудоки. С. 158.

192. См.: *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 131.

193. Идзумо-фудоки. С. 106; *Юрегляд В. Н.* Мифы древней Японии. С. 12–13.

194. Идзумо-фудоки. С.106.

195. Там же. С. 106.

196. Там же. С. 105, прим. 2.

197. Там же. С. 21.

198. Там же. С. 19–21.

199. *Яцука-мидзу-омицуно* приписывается «изобретение» названия Идзумо; хотя в «Кодзики» и «Нихон-сёки» *Сусаноо* поёт пятистишие-*танка* о «восьми[слойных] облаках *Идзумо*» – это пятистишие по традиции считается древнейшим (Мифологический словарь. С. 518–519). Песня достаточно д р е в н я я – полагают, что она имела хождение ещё в период Асӯка, и наличие в ней троекратного повтора в самом деле свидетельствуют о её давности. Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 418, прим. 130; *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 130.

Якумо тацу
Идзумо яхэгаки
Цумагомэ-ни
Яхэгаки цукуру
Соно яхэгаки-во

Много облаков поднимается
По всем сторонам многосторонней ограды.
Чтобы получить себе пару внутри неё,
Они образуют многостороннюю ограду.
Да. Эту многостороннюю ограду.
(*Перевод В. Астона*)

В Идзумо, где в восемь гряд облака встают,
Покои в восемь оград,
Чтобы укрыть жену,
Покои в восемь оград воздвиг [я],
Да, те покои в восемь оград!
(*Перевод Е. М. Пинус*)

Цит. по: Идзумо-фудоки. С. 101, прим. 5; см.: Nihongi. Part I. P. 53–54; 54, note 1; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I. С. 60. Слово *Идзумо* (др.-яп. *Идумо*) записано двумя иероглифами *идзуру кумо* («поднимающиеся облака»). В этом стихотворении В. Астон переводит *идзумо* как 'все стороны', 'повсеместно', считая его сокращением от *идзурэмо* 'всё', 'все стороны', хотя, указывает В. Астон, истинная этимология *идзумо* такова: *идзу* 'священный', *мо* 'обиталище', т. е. 'с в я щ е н н о е о б и т а л и щ е', или 'о б и т а л и щ е б о г о в' (см.: Nihongi. Part I. P. 53–54; 54, note 1). В «Большой японской энциклопедии» говорится, что существуют две версии происхождения названия Идзумо. Первая – это сокращение от *идзукумо* – 'повсеместно', 'везде', 'где бы то ни было', причем *идзукумо* состоит из *идзуку* (совр. *идзуко*, *доко*, *дотира*) – 'где', и суффикса *мо*. Вторая версия – *идзумо* состоит из *идзу* 'выходить' и *мо* 'водоросль'. К. А. Попов полагает, что слово *идзумо* состоит из *идзу* 'исходить', 'подниматься' (синоним *тацу*) и *мо* – сокращения от *кумо* 'облако'; следовательно, *идзумо-но куни* значит 'страна, где поднимаются облака', 'страна облаков', поэтому постоянным эпитетом к названию Идзумо и является *якумотацу* 'множество облаков поднимается' (здесь, как и во многих других случаях, *я* в слове *якумо* значит не 'восемь', а служит показателем множественности). Идзумо-фудоки. С. 101–102, прим. 5. Ср. с вариантом «Нихон-сёки»:

Там, где восемь облаков встают,
В Идумо, – [дом] с изгородью в восемь слоев, –
Чтобы жену поселить, –
[Дом] с изгородью в восемь слоев строю!
Этот [дом] с изгородью в восемь слоев!
(*Перевод Л. М. Ермаковой*)

Нихон-сёки, 1997. Т. I. С. 141. Эта же песня приведена в «Кудзи-хонки» (св. 4-й [1]).

200. Идзумо-фудоки. С. 17; *Ермакова Л. М.* Верования и культура Идзумо. С. 130.

201. Идзумо-фудоки. С. 32–33.

202. См.: Там же. С. 115, прим. 2.

203. Там же. С. 140.

204. См.: Там же. С. 162–163.

205. *Ину* – село в уезде Аика; земли этого села занимали самую западную часть уезда Аика, т. е. район современного села Ино в бассейне реки Ино (др.-яп. Ину); на северной границе земель села Ино и города Хирата в уезде Аика находится гора Ину. Идзумо-фудоки. С. 163, 162.

206. Идзумо-фудоки. С. 46–47.

207. Там же. С. 58.

208. *Иэнага С.* История японской культуры. С. 30; см.: Нихон-но кэнгоку. С. 9.

209. 大國主 *Ō-куни-нуси* – досл. «Хозяин большой общины (*куни*)».

210. *Ермакова Л. М.* Предисловие ко второму свитку «Кодзики» // Кодзики, 1994. Т. II. С. 24, 25.

211. Кодзики, 1994. Т. I. С. 81.

212. По сведениям «Кодзики» и «Нихон-сёки», Ō-куни-нуси являлся потомком Сусаноо в 6-м поколении, а по сообщению одной из версий «Нихонги» – сын Сусаноо // Мифологический словарь. С. 414; *Сондерс Э. Д.* Японская мифология. С. 429, прим. 32.

213. См.: Kojiki. P. 80, note 15, 16.

214. См. карту Идзумо в кн.: Идзумо-фудоки. М., 1966. *Саси* – очевидно, топоним. В настоящее время в уезде Охара префектуры Симанэ имеются топонимы Камидзаси («Верхнее Саси») и Симодзаси («Нижнее Саси»). Кодзики, 1994. Т. I. С. 255.

215. *Саси* (*Сасу*)-*куни-вака-химэ* – досл. «молодая знатная девушка из маленькой общины» (общины Саси – села Сасэ в Идзумо // Мифологический словарь. М., 1991. С. 484); см.: Kojiki. P. 80, note 15; её отца звали *Сасу* (*Саси*)-*куни-ō-ками* – «Великий глава (бог) маленькой общины (общины Сасу)». Ibid. P. 80, note 16; Кодзики, 1994. Т. I. С. 61, 255.

216. Со знатной девушкой (姫 или 媛 яп. *химэ*) из местности Нуна-кава (в Коси, в Этиго) // Kojiki. P. 92, note 3.

217. Девушка из местности Тори из района Ясима в Ямато. Ibid. P. 100, note 8, 9.

218. Аллегорическая борьба *племени зайца* (вождя Белого Зайца из Инаба) и *племени Вани* (крокодила) на острове Оки [Kojiki, I, XXI].

219. History of Empire. P. 21.

220. 木國 *Ки-куни*. Kojiki. P. 85, note 14.

221. *Оха-я-бико* – досл. «знатный мужчина великого дома». В «Нихон-сёки» отождествлен с Исо-такэру, сыном Сусаноо, известен как внедритель (культурный герой) (в частности, на Цукуси [Кюсю] и, в общем, на всех «Восьми Великих островах» Японии) семян (зерен) растений и деревьев. Kojiki. P. 85, note 13.

222. *Нэ-но катасу куни* («страна прочных корней») – согласно одной версии, названа Сусаноо страной его *матери* (хотя он был рожден Идзанаги без участия Идзанами). Там Сусаноо поселяется со своей дочерью Сусэри-бимэ. Явившись к Сусаноо в *Нэ-но катасу куни* Ō-куни-нуси, пройдя испытания женится на Сусэри-бимэ, после этого начинает устраивать мир; отсюда возможна интерпретация ее как страны Идзумо. Существует предположение, что *Нэ-но катасу куни* – полузабытая прародина японцев (Мифологический словарь. С. 406). Поэтому здесь возможно отождествление её с Кореей. См.: Норито. Сэммё. С. 221.

223. Дочь Сусаноо – Сусэри-бимэ родила ребенка от Ō-куни-нуси [Kojiki, I, XXIII]; сам он жил в Михо в Идзумо [Kojiki, I, XXVII]; в восточной части Ямато, на горе Мимоpo он построил храм местному божеству [Kojiki, I, XXVIII; Кодзики, св.1-й, Ō-куни-нуси; Кодзики, св. 1-й, гл. 21–23].

224. History of the empire of Japan. P. 38.

225. *Сукуна-бико-на* – досл. «Маленький знатный человек» (彦 яп. *хйко*; др.-яп. *пико* – знатный человек) – пришел в Идзумо через море, чтобы «делать и собирать землю» (общину?) [Kojiki. I. XXVII] – устраивать общину Идзумо. Он принес с собой лекарства, амулеты, которые подарил Ō-куни-нуси (History of the Empire of Japan. P. 21); Ō-куни-нуси с помощью *Сукуна-бико-на* занимается устройством своей земли (*куни-цукури*) (см.: Мифологический словарь. С. 414); после этого Ō-*куни-нуси* и его сыновья управляли своими владениями в спокойствии // History of the Empire of Japan. P. 21.

226. См.: Мифологический словарь. С. 515, 414; *Кудзира Киёси* 鯨 清. Нихон-кокy-тандзē-но надзо 日本国誕生の謎. Токио, 1978. С. 129; Нихон-но кэнгоку. С. 47; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си 図説日本庶民生活史. Токио, 1962. Т. I. С. 95; History of the empire of Japan. P. 21.

227. *Токоё-но куни* (常世國) – какую-то другую страну, которую определяют по-разному: как Корею, Южный Китай, о-ва Рюкю или вообще как мифическую страну. Kojiki. P. 106, note 4; см.: History of the Empire of Japan. P. 21

228. History of the empire of Japan. P. 38.

229. *Конрад Н. И.* Древняя история Японии. С. 22.

230. 國作 •м яп. *куни-цукури*; впоследствии стал титулом для «Правителя Земли/страны» (*куни-но мияцуко*) и в конечном счете «клановым званием» (*кабанэ*) [правда, в несколько ином начертании второго иероглифа, но с близкими значениями]. Kojiki. P. 90, note 26.

231. 八十神 яп. *ясогами* – досл. «восемь десятков *ками*» (божеств), где *ясо* 八十 – «восемьдесят» употреблено в значении «множество» // Идзумо-фудоки. С. 133; 神 *ками* – можно истолковать как 上 *ками* – «власти, начальство», 氏上 яп. *удзи-но ками* – глава рода, общины.

232. 城 др.-яп. *ки* (произносится *кы*) – «за́мок», «укрепление», «крепость» из * *куи* «замок, крепость»; ср.: с глоссой языка Пэкче **ки* **куи*; сближается с глоссой языка Когурё **куо*? **коль* «замок», «крепость». *Вовин А. В.* О древнекорейско-древнеяпонских языковых связях. С. 99, 101.

233. Идзумо-фудоки. С. 88.

234. См. выше; Идзумо-фудоки. С. 134; см.: History of the empire of Japan. P. 21.

235. Идзумо-фудоки. С. 87.

236. Кодзики. 1994. Т. I. С. 181–182, прим. 212.

237. Там же; см.: Кодзики. 1968. Т. I. С. 250.

238. 作 кит. *цзо* – 1) делать, заниматься (чем-л.); 2) создавать; 3) развивать, прочно ставить (*напр.*, государство); вести к высшему (лучшему). БКРС. Т. II. С. 745.

239. *Коси-но якути*; 八口 *якути* = *я-куни* 八國, *я* 八 'восемь'; употреблено в значениях 'восемь' или 'множество' // Идзумо-фудоки. С. 108. Можно перевести и как 'восемь общин'; «Коси» в позднее время было названием уезда (*кōри*) в провинции Этиго (Северный Хонсю); но Коси в древности не имело такого определенного значения, а обозначало территории будущих северо-западных провинций – Этидзэн, Кага, Ото, Эттю и Этиго. В традиции «Нихонги», Коси – земля *айнов*. Kojiki. P. 74, note 10.

240. Идзумо-фудоки. С. 108.

241. *Лаптев С. В.* Очерки по археологии и истории Японии. С. 31.

242. *Миками Ёсйтака* 三上 喜孝. «Кодай-но хэнъē-коку то ситэнъō-хō» – ни цуйтэ-но тасуку рон 「古代の辺要国と四天王法」についての補論 // Ямагути-дайгаку рэкйси, тири, дзинруйгаку ронсō // 山口大学歴史•地理•人類学論集. 2005. № 6. С. 87.

243. Записывается по-разному: 越王、腰王、古志王、巨王、小四王、皇子王、高志王、古四王、胡四王 яп. *Коси-но кими* – досл. «правитель [области] Коси» // *Миками Ёсйтака*. Указ. соч. С. 87, 88.

244. 古四王神社 яп. Косиō-*дзиндзя*. Там же.

ПРАВО

УДК 34

А. М. Розуван, Е. Н. Редикульцева

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы теории и практики применения законодательства о социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по вопросам обеспечения жилыми помещениями. Авторами анализируются пробелы жилищного законодательства об обеспечении жильем данной категории граждан, предлагаются возможные варианты совершенствования законодательства.

In article actual problems of the theory and practice of application of the legislation on social protection of orphan children and children without parental support, concerning providing with premises are considered. Authors analyze gaps of the housing legislation on provision of housing for this category of citizens, possible options of improvement of the legislation are offered.

Ключевые слова: жилищные права, дети-сироты, социальная защита.

Keywords: housing rights, orphan children, social protection.

Известно множество причин, порождающих трудности социальной адаптации бывших детдомовцев в обществе. На настоящее время проведено значительное число социологических исследований, исследований в области психологии, юриспруденции с целью определения наиболее эффективных способов и методов социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Во всех исследованиях безусловным способом обеспечения достойного уровня жизни указанной категории граждан отмечается наличие собственного жилья [1]. Однако в настоящее время далеко не все дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, обеспечены жильем.

Одной из главных причин этого является недостаточность нормативно-правового регулирования и слабый механизм реализации законодательства в данной сфере.

Нормативно-правовая основа, регулирующая вопросы обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, включает в себя Конституцию РФ, предусматривающую право каждого ребенка на социальную защиту со стороны государства, Конвенцию о правах ребенка, одобренную Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 и вступившую в силу для СССР 15.09.1990, Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ, Семейный кодекс РФ в части сохранения права собственности несовершеннолетнего на жилое помещение, Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 29.02.2012 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее – ФЗ от 29.02.2012 № 15-ФЗ), Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1203 «Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся под опекой (попечительством), не имеющих закрепленного жилого помещения», измененное Постановлением Правительства от 24.12.2012 №1390 «Об изменениях в Правила предоставления субсидий бюджетам субъектов РФ на обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и другие акты [2].

Кроме того, регулирование вопросов обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляется региональными актами. В качестве примеров можно привести Закон Республики Тыва от 26.11.2004 № 918 ВХ-1 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (принят ЗП ВХ РТ 10.11.2004) [3], Закон Краснодарского края от 31.05.2005 № 880-КЗ «Об обеспечении дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

© Розуван А. М., Редикульцева Е. Н., 2013

родителей, в Краснодарском крае» (принят ЗС КК 25.05.2005) [4], Закон Смоленской области от 29.09.2005 № 89-з «Об обеспечении дополнительных гарантий по социальной поддержке и установлении дополнительных видов социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Смоленской области» (принят Смоленской областной Думой 19.09.2005) [5], Закон Московской области от 29.12.2007 № 248/2007-ОЗ «О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» (принят постановлением Мособлдумы от 26.12.2007 № 12/28-П) [6], Закон Кировской области от 04.12.2012 № 222-ЗО «О социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей, попавших в сложную жизненную ситуацию» (принят Законодательным Собранием Кировской области 29 ноября 2012 г.) [7].

Несмотря на кажущуюся правовую урегулированность социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, многие из вышеперечисленных актов носят общий характер, поэтому основными проблемами правового регулирования обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются следующие положения.

1. Необеспечение сохранности жилья, закрепленного за детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей

А) Ежегодно количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, увеличивалось лишь потому, что не все могли сохранить закрепленное за ними жилье до окончания образовательных и иных учреждений, вследствие отчуждения жилья, например, за неуплату коммунальных платежей.

Несмотря на предусмотренные ранее действовавшим законодательством обязанности органов опеки и попечительства осуществлять контроль за сохранностью имущества и управлением имуществом детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, законодательство не содержало правовых норм, определяющих единый подход органов опеки и попечительства по принятию мер для обеспечения сохранности жилых помещений, закрепленных за детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей.

Новые положения, предусмотренные Федеральным законом от 29.02.2012 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» определяют, что «проживание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ранее занимаемых жилых помещениях, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых они являются, признается невозможным, если это противоречит интересам указанных лиц в связи с наличием одного из следующих обстоятельств:

1) проживание на любом законном основании в таких жилых помещениях лиц:

лишенных родительских прав в отношении этих детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (при наличии вступившего в законную силу решения суда об отказе в принудительном обмене жилого помещения в соответствии с ч. 3 ст. 72 Жилищного кодекса Российской Федерации);

страдающих тяжелой формой хронических заболеваний в соответствии с указанным в пункте 4 части 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации перечнем, при которой совместное проживание с ними в одном жилом помещении невозможно;

2) жилые помещения непригодны для постоянного проживания или не отвечают установленным для жилых помещений санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства Российской Федерации;

3) общая площадь жилого помещения, приходящаяся на одно лицо, проживающее в данном жилом помещении, менее учетной нормы площади жилого помещения, в том числе, если такое уменьшение произойдет в результате вселения в данное жилое помещение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

4) иное установленное законодательством субъекта Российской Федерации обстоятельство.

Порядок установления факта невозможности проживания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в ранее занимаемых жилых помещениях, нанимателями или членами семей нанимателей по договорам социального найма либо собственниками которых они являются, устанавливается законодательством субъекта Российской Федерации».

В связи с этим необходимо на региональном уровне, во-первых, более обстоятельно, на основе предусмотренных направлений ФЗ от 29.02.2012 № 15-ФЗ, предусмотреть основания, при которых возвращение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в закрепленные за ними помещения невозможно; во-вторых, разработать и принять специальный нормативный правовой

акт, определяющий механизм обеспечения сохранности жилых помещений, находящихся в собственности или пользовании детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; в-третьих, усилить контроль за работой соответствующих органов по сохранению закрепленного жилья за детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, за проведением капитального ремонта перед вселением, погашению задолженности по оплате коммунальных услуг и пр. [8]

Б) Безусловно, подписание Федерального закона от 29.02.2012 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» можно считать огромным шагом вперед в решении жилищного вопроса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. До принятия Федерального закона от 29.02.2012 № 15-ФЗ существовало достаточно способов, лазеек в законодательстве, которые позволяли завладеть жильем детдомовцев. Теперь же жилье будет предоставляться на 5 лет по безвозмездному договору найма, который можно продлить при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о трудной жизненной ситуации нанимателя. И только после истечения срока такого договора жилье будет передаваться на условиях социального найма. Такая норма не позволит ни продать, ни обменять, ни приватизировать жилье минимум 5 лет, что обеспечит сохранность жилья и нивелирует мошеннические намерения недобропорядочных граждан, которые обманным путем совершали с детдомовцами сделки по приватизации и последующему отчуждению жилья. Однако в отношении отдельных категорий детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, представляется недостаточным однократное продление договора при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о трудной жизненной ситуации нанимателя. Поэтому было бы желательным предусмотреть возможность неоднократного продления договора безвозмездного найма в особых случаях.

2. Отказ в постановке на учет

А) До принятия ФЗ от 29.02.2012 № 15-ФЗ наиболее болезненным оставался вопрос о 23-летнем возрасте детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, после которого забота государства в отношении этих граждан прекращалась [9]. А именно, исходя из положений ранее действующего законодательства дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, утрачивали право предоставления жилья во внеочередном порядке, обратившись в компетентные органы для постановки на учет за пределами 23-летнего возраста. Следовательно, действие Закона № 159-ФЗ на них уже не распространялось. Кроме того, в случае установления того факта, что, достигнув совершеннолетия и до достижения 23 лет, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, не выражали в установленной законом форме свое волеизъявление по постановке на учет в качестве лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, хотя препятствий к этому не было, то возможности на получение жилья, казалось бы, ничтожны. Однако органам прокуратуры неоднократно удавалось восстановить нарушенное право детей, оказавшихся в аналогичной ситуации. Так, прокурор г. Краснодара, действуя в интересах нескольких граждан, обратился в суд с иском к администрации муниципального образования о восстановлении этим гражданам пропущенного срока для постановки на учет в качестве нуждающихся в предоставлении жилых помещений по льготной категории лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, возложении обязанности поставить граждан на учет нуждающихся в предоставлении жилых помещений. При этом прокурор свои требования обосновал тем, что до достижения 23-летнего возраста по вопросу постановки на жилищный учет указанные лица не обращались в связи с тем, что им не было разъяснено их право на обеспечение жилым помещением, а также порядок реализации этого права. В результате требования прокурора были удовлетворены [10].

В настоящее время ограничительный возраст отменен. В ст. 9 ФЗ от 29.02.2012 № 15-ФЗ предусмотрено, что право на обеспечение жилыми помещениями сохраняется за лицами, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, до фактического обеспечения их жилыми помещениями.

3. Слабая разъяснительная работа по вопросам реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Необходимо осуществлять подготовку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, к взрослой жизни; научить, как не лишиться всего, что гарантируется законодательством; приучить заботиться о себе; принимать решения самостоятельно, поскольку у большинства из них вырабатывается иждивенческая позиция. Эта обязанность ложится на учреждения, где воспитываются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Соответствующее правовое воспитание перед выпуском из образовательного учреждения позволит им получить необходимые знания о своих правах, их гарантиях, о способах защиты прав, предусмотренных законодательством.

Соответственно в законодательстве необходимо предусмотреть обязанность образовательных или иных учреждений, в том числе приемных семей, где воспитывались дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, по организации работы по обеспечению жильем под контролем органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Данные предложения позволят решить все спорные и проблемные вопросы в каждом конкретном случае до достижения ребенком возраста 18 лет.

4. Длительное неисполнение обязанности по предоставлению жилья, в том числе и по решению суда

А) Данная проблема, как правило, связана с нежеланием чиновников решать жилищные вопросы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основанным на отсутствии средств в бюджетах, которое не позволяет им выполнять возложенные на них обязанности. Такая ситуация складывается в целом по России.

Так, в интервью начальник Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации А. В. Параламчук отметил, что бездействие органов власти – основная причина всех бед. Сегодня нередки случаи, когда чиновники не утруждаются внести сведения о ребенке в реестр детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Например, во Владимирской области по этой причине девушка шесть лет прожила на проходной противотуберкулезного диспансера, заразившись туберкулезом. Импульсом, подтолкнувшим администрацию приобрести жилье, стал иск прокурора в защиту прав сироты. При этом А. В. Параламчук обратил внимание на положительный опыт Москвы, Санкт-Петербурга, Орловской, Ярославской, Магаданской, Ульяновской областей в решении жилищных вопросов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Именно в этих регионах нет не обеспеченных жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [11].

Решение данной проблемы усугубляется объективно формирующейся очередью среди детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Сейчас в России около 700 тысяч детей-сирот. Из них не обеспечены жильем 84 тысячи.

Такое положение идет вразрез с законодательством, не предусматривающим очередности по предоставлению жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Также Верховный Суд РФ неоднократно давал разъяснения, что исходя из требований закона предоставление жилья вне очереди не предполагает включение гражданина в какую-либо очередь, список. Граждане, имеющие право на внеочередное предоставление жилья, должны быть обеспечены жилыми помещениями незамедлительно после возникновения такого права: после окончания пребывания в образовательных и иных учреждениях, в том числе учреждениях социального обслуживания, в приемных семьях, детских домах семейного типа, прекращения опеки (попечительства), окончания службы в Вооруженных Силах РФ или возвращения из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы [12].

В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обращаются за защитой своих прав в суд, по решению которого они обеспечиваются жильем. При этом происходит по существу нарушение прав тех, кто в суд не обращается, хотя имеет точно такие же права и, возможно, ожидает получения жилья несколько лет.

Одним из возможных решений рассматриваемой проблемы является разработка на региональном уровне механизма аренды жилья и финансовые средства для оплаты аренды временного жилья детям-сиротам [13].

Прежде всего, необходимо обратиться к реализации возможностей Жилищного кодекса РФ по созданию жилищного фонда коммерческого использования. При этом следует учесть, что Жилищный кодекс РФ определяет лишь существование фонда коммерческого найма. Более детально данный вопрос урегулирован в постановлении Правительства от 26.01.2006 г. № 25, утвердившем Правила пользования жилыми помещениями, в которых содержится раздел о пользовании жилым помещением по договору найма жилого помещения жилищных фондов коммерческого использования.

Строительство домов фондов коммерческого использования может осуществляться как за счет местных средств, так и за счет инвесторов. Однако применение указанных положений в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должно сопровождаться предоставлением соответствующих гарантий и компенсаций по оплате найма такого жилья.

Привлечение возможностей фондов коммерческого использования позволит ускорить процедуру обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку не будет необходимости ждать, когда будет выстроен дом для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, включенный в специализированный фонд [14].

Б) Неисполнение обязанности по предоставлению жилья также может быть связано с несогласованностью действий органов власти. Как показало изучение судебной практики, субъективное право детей-сирот и детей, оставшихся без

попечения родителей, как правило, не оспаривается, причиной и предметом судебного рассмотрения становится порядок реализации указанного права [15]. Достаточно показателен следующий пример. Студентка IV курса государственного университета, находящаяся на полном государственном обеспечении, обратилась в суд с иском к администрации города о предоставлении жилого помещения в виде отдельной благоустроенной однокомнатной квартиры. Суд в удовлетворении иска отказал, ссылаясь на то, что право на предоставление жилого помещения ответчиком не нарушено, так как не наступил срок исполнения обязательства, определяемый окончанием ее пребывания в учреждении высшего профессионального образования. Однако суд вышестоящей инстанции с таким решением не согласился, посчитав, что право на обеспечение жилым помещением уже возникло в силу не принятого во внимание нижестоящим судом факта об окончании истицей колледжа до поступления в вуз [16].

Таким образом, решение рассматриваемых вопросов и изменений законодательства было необходимо давно. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Теперь основной задачей является отрегулировать механизм реализации законов, чтобы дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, действительно были защищены государством и смогли понять, что собственное жилье – большое благо, и его необходимо ценить [17].

Примечания

1. *Гулина Л. Д.* Детский дом как институт социализации осиротевших детей: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2011. URL: http://www.ugatu.ac.ru/science/dissov/d1/. Загл. с экрана; *Кузнецова Т. Ю.* Социальная адаптация выпускников детских домов: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. URL: http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-adaptatsiya-vypusknikov-detskikh-domov. Загл. с экрана; *Мамаева А. К.* Реализация жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011. URL: [http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-zhilishchnykh-prav-detei-sirot-i-detei-ostavshikhsya-bez-popecheniya-roditelei-. Загл. с экрана; *Урумова Т. О.* Опека и попечительство над несовершеннолетними детьми: актуальные проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. URL: http://www.dissercat.com/content/opeka-i-popechitelstvo-nad-nesovershennoletnimi-detmi-aktualnye-problemy-pravovogo-regulirov. Загл. с экрана; *Федорова О. А.* Охрана жилищных прав детей, оставшихся без попечения родителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003. URL: http://www.dissercat.com/content/okhrana-zhilishchnykh-prav-detei-ostavshikhsya-bez-popecheniya-roditelei. Загл. с экрана; *Васильева А. С.* Обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и лиц, оставшихся без попечения родителей: вопросы регионального правоприменения [Электронный ресурс] // Социальное и пенсионное право. 2011. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

2. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.; Конвенция о правах ребенка, одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15.09.1990 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993; Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 25.12.2012, с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2013) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (ч. 1). ст. 14; Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 12.11.2012) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16; О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] : [Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] : [Федеральный закон от 29.02.2012 № 15-ФЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана; Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся под опекой (попечительством), не имеющих закрепленного жилого помещения [Электронный ресурс] : [Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1203, измененное Постановлением Правительства от 24.12.2012 № 1390 «Об изменениях в Правила предоставления субсидий бюджетам субъектов РФ на обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

3. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс] : [Закон Республики Тыва от 26.11.2004 № 918 ВХ-1 (принят ЗП ВХ РТ 10.11.2004)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

4. Об обеспечении дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Краснодарском крае [Электронный ресурс] : [Закон Краснодарского края от 31.05.2005 № 880-КЗ (принят ЗС КК 25.05.2005)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

5. Об обеспечении дополнительных гарантий по социальной поддержке и установлении дополнительных видов социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Смоленской области [Электронный ресурс] : [Закон Смоленской области от 29.09.2005 № 89-з (принят Смоленской областной Думой 19.09.2005)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

6. О предоставлении полного государственного обеспечения и дополнительных гарантий по социальной поддержке детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей [Электронный ресурс] : [Закон

Московской области от 29.12.2007 № 248/2007-ОЗ (принят постановлением Мособлдумы от 26.12.2007 № 12/28-П)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

7. О социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей, попавших в сложную жизненную ситуацию [Электронный ресурс] : [Закон Кировской области от 04.12.2012 № 222-ЗО (принят Законодательным Собранием Кировской области 29 ноября 2012 года]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

8. О реализации прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на внеочередное получение жилого помещения в Оренбургской области [Электронный ресурс] : [Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области. Оренбург, 2012]. URL: http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/News/SocialNews/2012-03-22-14-26-51.html. Загл. с экрана.

9. *Гармаш А., Аносов М.* Жилищные проблемы бывших детдомовцев [Электронный ресурс] // Эж-юрист. 2012. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

10. *Байкин И. М.* Защита прав детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]// Законность. 2011. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Законодательство». Загл. с экрана.

11. Интервью: Дом для будущего (интервью с начальником Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]// Прокурор. 2012. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

12. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2007 года [Электронный ресурс] : [постановление Президиумом ВС РФ от 01.06.2011]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана; *Гурченков С.* Очередь для внеочередников [Электронный ресурс] // Эж-юрист. 2009. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

13. О реализации прав детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на внеочередное получение жилого помещения в Оренбургской области [Электронный ресурс] : [Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Оренбургской области. Оренбург, 2012]. URL: http://www.orenburg-gov.ru/magnoliaPublic/regportal/News/SocialNews/2012-03-22-14-26-51.html. Загл. с экрана.

14. *Куцына С.* Фонды жилищные, проблемы насущные [Электронный ресурс] // Эж-юрист. 2012. № 40. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

15. *Васильева А. С.* Указ. соч.

16. Обзор судебной практики ВС РФ за I квартал 2011 года [Электронный ресурс] : [постановление Президиумом ВС РФ от 01.06.2011]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Законодательство». Загл. с экрана.

17. *Гармаш А., Аносов М.* Указ. соч.

УДК 342.843.4

Л. А. Коврижных

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются существующие проблемы обеспечения конституционного права избирать и быть избранным в условиях использования средств видеонаблюдения в избирательном процессе. Анализируются нормативные предписания действующего избирательного законодательства, регулирующего отношения в сфере использования средств видеонаблюдения в избирательном процессе, на предмет его соответствия существующим общественным отношениям в сфере использования средств видеонаблюдения в избирательном процессе. Выявляются пробелы правового регулирования отношений, а также несогласованность отдельных правовых норм действующего избирательного законодательства в этой сфере.

The article dwells on the problems of provisions of constitutional law to elect and to be elected in the conditions of video monitoring application in the election process. We analyze the norms of the legislation in force regulating the relations in the sphere of video monitoring application in the election process concerning its compliance with the existing social relations in the sphere of video monitoring application in the election process. We reveal the gaps in the legal regulation of relations as well as incoordination of certain legal norms of election legislation in force in this sphere.

Ключевые слова: избирательное законодательство, средства видеонаблюдения, порядок видеонаблюдения, избирательная комиссия, наблюдатели.

Keywords: election legislation, video monitoring equipment, video monitoring order, election commission, onlookers

В ст. 3 Конституции Российской Федерации закреплено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Необходимым условием реализации этих конституционных положений являются политическая и правовая культура избирателей, действительно свободные подлинные выборы, уверенность избирателей в достоверности итогов голосования, невозможности их фальсификации.

Фальсификация информации о подготовке, проведении и итогах проводимых в стране выборов и референдума угрожает основам демократии в Российской Федерации, посягает на возможность реализации конституционных положе-

© Коврижных Л. А., 2013

ний, предусматривающих порядок формирования и функционирования органов государственной власти и местного самоуправления и разрешения важнейших вопросов государственного устройства и общественной жизни (ст. 3 и 32 Конституции Российской Федерации).

Согласно преамбуле Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 2 мая 2012 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», государством гарантируются свободное волеизъявление граждан на выборах и референдуме, защита демократических принципов и норм избирательного права и права на участие в референдуме (далее – Закон об основных гарантиях) [1]. Для реализации данного требования в государстве должны быть созданы надлежащие условия.

Одним из направлений обеспечения прозрачности проводимых в стране голосований является использование возможностей, предоставляемых современными информационными технологиями. В частности, установка средств видеонаблюдения в помещении для голосования позволяет обеспечить максимальную открытость проведения выборов и референдума.

Согласно п. 1.2 Порядка видеонаблюдения в помещении для голосования на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012 г., утвержденного соответствующим Постановлением ЦИК России от 27 декабря 2011 г. № 82/635-6 (ред. от 1 марта 2012 г.), при проведении выборов Президента РФ 4 марта 2012 г. во всех помещениях для голосования на территории Российской Федерации были установлены средства видеонаблюдения и трансляции изображения за исключением определенных случаев [2].

Постановлением ЦИК России от 26 сентября 2012 г. № 142/1076-6 утвержден новый Порядок применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации (далее – Порядок) [3].

Согласно п. 1.1.2 Порядка на каждом избирательном участке должны быть установлены две камеры видеонаблюдения. В целях обеспечения тайны голосования положениями п. 1.5.3 Порядка запрещается осуществлять видеонаблюдение в местах, предназначенных для заполнения бюллетеней, за заполненными бюллетенями до начала подсчета голосов избирателей и участников референдума. Запрещено осуществлять видеонаблюдение за результатами волеизъявления избирателя на экране монитора устройства для электронного голосования и распечатанного на контрольной ленте малогабаритного печатающего устройства. Наблюдение за работой со списком избирателей осуществляется с учетом обеспечения конфиденциальности персональных данных избирателей.

Запись видеоизображения и звука осуществляется непрерывно с момента открытия избирательного участка до завершения подсчета голосов и подписания соответствующих протоколов. Изображение из помещения для голосования, полученное региональным центром обработки данных Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, транслируется на специальном сайте в сети Интернет. Наименование сайта определяет Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, причем трансляция изображения обязательно сопровождается информацией о номере избирательного участка, наименования субъекта РФ с указанием даты и времени трансляции.

Записи трансляций доступны через портал государственных услуг в течение одного года со дня официального опубликования общих результатов выборов.

Безусловно, использование современных средств видеонаблюдения при проведении выборов и референдума предоставляет широкие возможности для обеспечения максимальной открытости и прозрачности процедуры голосований.

Предписаниями п. 1.1.7 Порядка определяются места, где запрещено устанавливать средства видеонаблюдения. Это избирательные участки, образованные в больницах и других медицинских учреждениях, имеющих стационарные отделения, места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, иные места временного пребывания избирателей, воинские части, суда, находящиеся в плавании, полярные станции, а также труднодоступные и отдаленные местности, где не имеется возможности передавать информацию в один из региональных центров обработки данных Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Однако именно избирательные участки, находящиеся в больницах, в воинских частях, в спецучреждениях, всегда являлись источниками жалоб о массовых вбросах и голосовании «единым строем» при проведении всех избирательных кампаний.

Как справедливо указывают Д. Парамонов и В. Кириченко в своей работе «Методы фальсификации выборов», «распространенным способом фальсификации результатов голосования является так называемое голосование по приказу» [4]. Этот метод характерен как раз для воинских частей и спецучреждений (КПЗ, дома для престарелых, больницы и т. п.). В основе способа лежит использование служебного положения. Голосование по приказу базируется на страхе перед наказанием и на обещаниях получения ка-

кой-либо выгоды. Именно страх перед увольнением, проверками, комиссиями заставляет воинский коллектив голосовать по приказу своего начальника. Обычно одновременно «запускаются» слухи о «пронумерованных бюллетенях», «скрытых видеокамерах в кабинках для голосования», цель которых – вселить в людей страх перед неотвратимым наказанием в случае «неправильного» голосования.

На наш взгляд, в целях предотвращения подобных нарушений, а также фальсификации проводимых в стране голосований представляется необходимым внести соответствующие поправки в избирательное законодательство, предусматривающие возможность установления камер видеонаблюдения в помещениях для голосования, организованных в больницах, в воинских частях, в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.

Хотелось бы также рассмотреть проблемный вопрос о лицах, наделённых законодателем правом осуществлять фото- и видеосъемку при подсчете голосов избирателей в помещении для голосования в день голосования и в дни досрочного проведения голосования.

В частности, это касается наблюдателей, которыми согласно п. 42 ст. 2 Закона об основных гарантиях являются граждане Российской Федерации, уполномоченные «осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума».

Предписаниями п. 9 ст. 30 «Гласность в деятельности комиссий» Закона об основных гарантиях закреплен исчерпывающий перечень прав наблюдателей. Так, согласно, положениям пп. «г» п. 9 ст. 30 Закона об основных гарантиях наблюдатели имеют право «наблюдать за подсчетом числа граждан, внесенных в списки избирателей, участников референдума, бюллетеней, выданных избирателям, участникам референдума, погашенных бюллетеней; наблюдать за подсчетом голосов избирателей, участников референдума на избирательном участке, участке референдума на расстоянии и в условиях, обеспечивающих им обозримость содержащихся в бюллетенях отметок избирателей, участников референдума; знакомиться с любым заполненным или незаполненным бюллетенем при подсчете голосов избирателей, участников референдума; наблюдать за составлением комиссией протокола об итогах голосования и иных документов». Как мы видим, в этот закрытый перечень правомочий наблюдателей законодатель не включил право осуществлять фото- и видеосъемку при подсчете голосов избирателей в помещении для голосования в день голосования и в дни досрочного голосования. Таким образом, согласно приведенной норме наблюдатели не вправе использовать средства видеонаблюдения в избирательном процессе.

Однако п. 2.3.5 Инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, составления протоколов избирательных комиссий, определения результатов выборов, получения, передачи и обработки информации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при проведении выборов Президента Российской Федерации, утвержденной постановлением ЦИК России 17 августа 2011 г. № 26/255-6 № 15/128-5, закрепляет право наблюдателей вести фото- и видеосъемку процесса голосования, процедуры подсчета голосов избирателей, не допуская при этом нарушения тайны голосования и не препятствуя работе избирательных комиссий [5].

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 4 Конституции РФ Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Следовательно, в этой ситуации необходимо применять нормы п. 9 ст. 30 Закона об основных гарантиях, согласно которым наблюдатели лишены права вести фото- и видеосъемку процесса голосования, процедуры подсчета голосов избирателей.

В то же время законодатель предписаниями п. 11 ст. 30 Закона об основных гарантиях закрепляет право представителей средств массовой информации, принимающих участие в информационном освещении подготовки и проведения выборов, производить фото- и видеосъемку в помещении для голосования в день голосования и в дни досрочного голосования.

По нашему мнению, в целях обеспечения гласности проводимых в стране голосований, представляется целесообразным закрепить право наблюдателей осуществлять фото- и видеосъемку процесса голосования и процедуры подсчета голосов избирателей в помещении для голосования в день голосования и в дни досрочного голосования на законодательном уровне. Следует расширить правомочия наблюдателей, для чего необходимо внести соответствующие поправки в нормы п. 9 ст. 30 Закона об основных гарантиях, устанавливающие права наблюдателей.

Затронем еще один аспект проблемы о лицах, наделенных законодателем правом осуществлять фото- и видеосъемку при подсчете голосов избирателей в помещении для голосования в день голосования и в дни досрочного проведения голосования.

В соответствии с положениями п. 3 ст. 20 Закона об основных гарантиях «избирательные комиссии обеспечивают реализацию и защиту избирательных прав граждан Российской Федерации». Следуя этой правовой норме, право представителей средств массовой информации осуществлять видеосъемку процесса голосования, в том числе с использованием камер видеонаблюдения, является правом, реализация которого должна обеспечиваться, в том числе и избирательными комиссиями.

В то же время законодатель не обязывает избирательные комиссии самим осуществлять фото- и видеосъемку процесса голосования, процедуры подсчета голосов избирателей. Таким образом, с одной стороны, правом на проведение видеосъемки в день голосования обладают представители средств массовой информации, которые могут присутствовать на избирательном участке в соответствии с требованиями Закона об основных гарантиях, с другой – указанный Федеральный закон не обязывает избирательные комиссии самим осуществлять фото- и видеосъемку процесса голосования, процедуры подсчета голосов избирателей.

Мы попытались проанализировать отдельные положения действующего избирательного законодательства, предусматривающие применение средств видеонаблюдения в избирательном процессе. Подводя итоги, следует отметить, что еще многие вопросы в сфере использования средств видеонаблюдения в избирательном процессе остаются нерешенными: имеются пробелы в правовом регулировании отношений, отдельные правовые нормы, определяющие порядок применения средств видеонаблюдения в помещении для голосования, не согласованы между собой, что существенно снижает эффективность действующего избирательного законодательства.

Примечания

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 16 октября 2012 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня.

2. Постановление ЦИК России от 27 декабря 2011 г. № 82/635-6 (ред. от 1 марта 2012 г.) «О Порядке видеонаблюдения в помещении для голосования на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012 года» // Вестник Центризбиркома РФ. 2011. № 23–24.

3. Постановление ЦИК России от 26 сентября 2012 г. № 142/1076-6 «О Порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции в помещениях для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации. UPL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136243

4. *Парамонов Д., Кириченко В.* Методы фальсификации выборов. М.: Южно-Рос. ин-т информ. технологий, 2003. С. 61–64.

5. Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 17 августа 2011 г. № 26/255-6 «Об Инструкции по организации единого порядка установления итогов голосования, составления протоколов избирательных комиссий, определения результатов выборов, получения, передачи и обработки информации с использованием Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» при проведении выборов Президента Российской Федерации». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55072033/

УДК 340.113(470)

Т. Е. Сучкова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕФИНИЦИИ «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО» В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе автором проводится сравнительный анализ действующего законодательства Российской Федерации с точки зрения использования дефиниции «должностное лицо». Раскрывая тему работы, автор рассматривает легальные понятия должностного лица, их влияние на правоприменительную практику, а также доктринальные толкования существующих в законодательстве определений должностного лица.

In article by the author the comparative analysis of the current legislation of the Russian Federation from the point of view of use of a definition «official» is carried out. Opening an article subject, the author considers legal concepts of the official, their influence on practice, and also the scientific interpretation of definitions of the official existing in the legislation.

Ключевые слова: законодательство, должностное лицо, представитель власти, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции.

Keywords: The legislation, the official, the representative of the power, organizational-administrative functions, administrative functions.

Вопрос понятия «должностное лицо» уже на протяжении длительного периода времени не теряет своей актуальности как с точки зрения теории права, так и с точки зрения правоприменителей.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно частое употребление понятия «должностное лицо», содержание его остается весьма неопределенным. Такая расплывчатость в понимании в свою очередь не только не позволяет максимально эффективно использовать соответствующие правовые нормы, но и вызывает определенные трудности в практической деятельности.

© Сучкова Т. Е., 2013

Между тем определение «должностное лицо» активно используется законодателем во многих отраслях российского права. К примеру, А. А. Аникитин и П. И. Кононов считают, что «термин “должностное лицо”, которым обозначается один из видов специальных субъектов правоотношений, является универсальным юридическим термином, используемым практически во всех основных отраслях права и законодательства» [1].

Однако на сегодняшний день нет единого, общепризнанного понятия термина «должностное лицо», применимого ко всем отраслям права и, соответственно, сферам человеческой деятельности, хотя этот вопрос поднимался в отечественной юридической науке уже давно. Так, еще в 1993 г. П. И. Кононовым поднимался вопрос о необходимости и целесообразности законодательного закрепления универсального понятия «должностное лицо»: «...самая главная на сегодняшний день проблема – это выработка единого для всех отраслей права понимания определения должностного лица и законодательное его закрепление» [2].

О необходимости законодательного закрепления единого межотраслевого понятия «должностное лицо» помимо П. И. Кононова высказываются и другие ученые-административисты [3].

При этом общеправовое понятие не может быть подменено понятием «должностного лица», сконструированного для целей какой-либо отдельной отрасли права. С точки зрения А. В. Воронкова, «определение должностного лица, сформулированное в УК РФ, неприемлемо для административного права. Оно не совпадает с принятыми в теории административного права, а также в практике административно-правового регулирования подходами к определению субъектного состава рассматриваемой категории лиц. Для административного права, права управления, представляется неоправданным искусственное разграничение понятий “управленческие функции” и “организационно-распорядительные функции”, примененное в уголовном законодательстве. Непродуктивными выглядят и попытки заимствования данного определения, сформулированного применительно к охранительному по своей основной направленности уголовному законодательству, для административного права, выполняющего преимущественно функции позитивного регулирования управленческих общественных отношений» [4].

Кроме того, по мнению А. В. Воронкова, не может быть использовано для применения в ходе административно-правового регулирования определение «должностного лица», данное для целей местного самоуправления, поскольку «...оно сосредоточивает внимание на сравнительно узкой группе субъектов управления, а характер и объем присущих им в качестве должностных лиц “организационно-распорядительных функций” в этом определении не раскрывается» [5].

В связи с этим абсолютно оправданной, на наш взгляд, является точка зрения, согласно которой «следующим шагом в нормотворчестве должно стать формирование единого общеправового понятия должностного лица. Его концепция видится в разработке определения, представляющего собой собирательную конструкцию по содержанию, которое станет основой, позволяющей раскрыть понятие должностного лица применительно к конкретной сфере деятельности (публичной или частной) и с учетом специфики соответствующей отрасли права» [6].

В современном административном законодательстве России определение должностного лица закреплено в примечании к ст. 2.4 КоАП РФ: «Под должностным лицом в настоящем Кодексе следует понимать лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. Совершившие административные правонарушения в связи с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций руководители и другие работники иных организаций, а также лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как должностные лица, если законом не установлено иное» [7].

Анализируя данное определение, можно сделать вывод, что законодатель к должностным лицам относит субъектов, которые, во-первых, наделены внешневластными распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от них, во-вторых, лиц, выполняющих организационно-распорядительные функции и, в-третьих, лиц, выполняющих административно-хозяйственные функции.

Данные три критерия, характеризующие, с точки зрения законодателя, должностное лицо, применимы не только к тем, кто осуществляет служебную деятельность в сфере государственной и муниципальной службы, когда под государственной понимается и государственная гражданскую, и военная, и правоохранительная служ-

ба [8]. Местом функциональной принадлежности должностных лиц могут быть и иные органы государственной власти или местного самоуправления, а также деятельность в государственных и муниципальных организациях.

При этом руководители и другие работники, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в иных организациях (например, в коммерческих и некоммерческих организациях), к должностным лицам не относятся.

По смыслу закона, не являются должностными лица, не наделенные полномочиями «представителя власти»: они признаются таковыми только тогда, когда встает вопрос о привлечении их к административной ответственности.

Это правило относится также и к индивидуальным предпринимателям, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица: при выполнении организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций они, как правило, приравниваются к должностным в целях привлечения их к административной ответственности. Исключением являются административные правонарушения, предусмотренные гл. 16 КоАП РФ «Административные правонарушения в области таможенного дела (нарушение таможенных правил)», при совершении которых в соответствии с примечанием к ст. 16.1 КоАП РФ лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут административную ответственность как юридические лица.

Несмотря на наличие указанных признаков, позволяющих определить «относимость» или «неотносимость» лица к категории должностных лиц, действующее административное законодательство не содержит положений, раскрывающих значение каждого из указанных признаков должностного лица.

Безусловно, заслуживает внимания стремление законодателя в ст. 2.4 КоАП РФ уточнить, что является осуществлением функций представителя власти: «распорядительные полномочия в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него». Однако дальнейшего разъяснения распорядительных полномочий административное законодательство не содержит.

Таким образом, на сегодняшний день неясно, что следует понимать под распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости, организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями.

Отсутствие легального толкования этих положений применительно к административному законодательству способствовало созданию различных доктринальных толкований.

Так, А. А. Аникитин и П. И. Кононов к функциям должностных лиц, реализующих от имени государства или муниципального образования властные полномочия, относят «властные полномочия, связанные с осуществлением контроля и надзора, применением мер принуждения, изданием административных актов в отношении не подчиненных им субъектов» [9].

С точки зрения Ю. М. Козлова, «к административно-распорядительным функциям относятся такие, как руководство коллективом, расстановка и подбор кадров, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и дисциплинарной ответственности к подчиненным, а к административно-хозяйственным – полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, находящимися на балансе и банковских счетах организаций и учреждений, и иные действия» [10].

По мнению других авторов, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции – это полномочия «совершать в пределах своей компетенции властные действия, имеющие юридически значимые последствия (например, издавать правовые акты, давать обязательные указания, нанимать и увольнять работников, управлять государственным имуществом, распоряжаться денежными средствами)» [11].

Итак, налицо отсутствие единообразного толкования признаков должностного лица применительно к определению, данному в ст. 2.4 КоАП РФ. В данной ситуации, на наш взгляд, использование понятия «должностное лицо» в правоприменительной практике становится затруднительным, особенно в целях привлечения к административной ответственности, а также не позволяет использовать данное понятие как общеправовое, допустимое к применению всеми отраслями права.

На это отсутствие четких разъяснений признаков понятия «должностного лица» указывали ученые-административисты еще десять лет назад, практически сразу после опубликования действующего Кодекса. Например, по мнению Ю. М. Козлова, «руководствоваться же тем, что под должностным лицом следует понимать любое лицо, занимающее определенную должность, неправомерно. “Размытость” его понимания неизбежно приведет к тому, что любой служащий понесет повышенную административную ответственность, которая установлена для ограниченного круга работников» [12].

Наряду с административным правом определение должностного лица формулирует уголовное законодательство. Согласно примечанию к ст. 285 УК РФ «должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осу-

ществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации» [13].

Данное определение должностного лица распространяется только на статьи гл. 30 УК РФ, посвященной должностным преступлениям, о чем законодатель говорит в самом тексте указанного примечания, и не может быть распространено на другие главы Кодекса. Перечень признаков должностного лица, в соответствии с приведенным выше понятием, носит исчерпывающий характер. Это, во-первых, функции представителя власти, во-вторых, организационно-распорядительные, в-третьих, административно-хозяйственные функции и, в-четвертых, что, на наш взгляд, является очень важным, все вышеперечисленные функции осуществляются в органах государственной или муниципальной власти, государственных и муниципальных учреждениях либо в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Одновременно в примечании к ст. 201 УК РФ дается определение лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации и не являющихся должностными лицами. К признакам этих субъектов преступления относятся организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации независимо от формы собственности, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

Примечательно, что введение в УК РФ одновременно двух норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений в управленческой сфере, поставило точку в длительном споре относительно признаков, присущих должностному лицу. На смену формальному подходу, утверждавшему, что само занятие должности вне зависимости от характера деятельности дает основания причислять любого служащего к должностным лицам [14], пришло стремление формулировать определение должностного лица через закрепление его функциональных характеристик [15].

При сравнении определений, данных в примечаниях к ст. 285 УК РФ и ст. 201 УК РФ, видна схожесть таких признаков, как наличие в деятельности организационно-распорядительных или административно-хозяйственных полномочий.

С другой стороны, налицо два основополагающих критерия, на основании которых законодатель отграничивает должностных лиц от недолжностных.

1. Должностные лица, в соответствии с уголовным законом, осуществляют деятельность в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях либо проходят службу в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

2. Помимо организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций должностные лица наделяются правом осуществлять функции представителя власти вне зависимости от способа (например, выборной является эта должность или по назначению) и сроков наделения властными полномочиями (постоянно, временно или по специальному полномочию реализуются внешневластные функции).

На основании этого критерия происходит отграничение должностного лица от служащих, выполняющих исключительно технические или обеспечительные функции.

Большое значение для правоприменения имеет тот факт, что в уголовно-правовой науке имеет место стремление разъяснить те признаки должностного лица, которые сформулированы в примечании к ст. 285 УК РФ.

Такое разъяснение содержания рассматриваемых признаков должностного лица содержится в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [16].

В соответствии с данным Постановлением к исполняющим *функции представителя власти* следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Помимо указанного постановления, разъяснение функций представителя власти, характеризующих должностное лицо, в целях его отграничения от лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, сформулировано в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» [17]. В данном

постановлении также говорится о распорядительных полномочиях в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, а также о праве принимать решения, обязательные для исполнения.

Однако ни в том, ни в другом случае нет разъяснений того, что следует понимать под *распорядительными полномочиями*. Не раскрывая содержания данного вида деятельности, Пленум ВС РФ пошел по пути перечисления тех лиц, которых, по его мнению, следует относить к представителям власти [18].

Разъяснение *организационно-распорядительных функций* также дается не путем формулирования понятия, а методом перечисления отдельных видов действий, связанных с организацией работы коллектива государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящихся в служебном подчинении отдельных работников (руководство коллективом, расстановка и подбор кадров, организация порядка прохождения службы, применение мер поощрения или награждения, наложение дисциплинарных взысканий и т. п.).

Точно так же путем перечисления, не формулируя понятие, дается разъяснение *административно-хозяйственных функций*. Это управление и распоряжение имуществом и(или) денежными средствами, принятие решений о начислении заработной платы, премий, осуществление контроля за движением материальных ценностей, определение порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием. А. В. Бриллиантов определяет этот вид функций как «права и обязанности лица, которыми оно наделено в организации для управления ее деятельностью или деятельностью ее структурного подразделения, заключающиеся в возможности принимать решения или давать указания, обязательные для исполнения лицами, находящимися в подчиненности, осуществлять контроль в сфере управления или распоряжения имуществом, денежными средствами или услугами организации» [19].

Такие разъяснения, на наш взгляд, оставляют слишком широкие возможности для толкования правоприменителем. Этим можно объяснить тот факт, что в науке уголовного права говорится об организационно-распорядительных функциях как о функциях, связанных с управлением людьми, а административно-хозяйственными называются функции по распоряжению и управлению имуществом [20].

Кроме того, нельзя не согласиться с Р. С. Джинджолией, который считает, что «для теории и практики правоприменительной деятельности принципиально важное значение имеет определение юридической природы разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения уголовно-правовых норм и степени обязательности таких разъяснений» [21]. С точки зрения В. Ткаченко, «практика толкования закона Пленумом Верховного Суда РФ вызывает сомнения» [22], поскольку в соответствии с п. 1, 2 ч. 4 ст. 14 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» этот орган судебной власти наделен полномочиями давать разъяснения по вопросам применения законодательства РФ и использовать право законодательной инициативы по вопросам его ведения [23].

Более того, в соответствии со ст. 126 Конституции РФ Верховный Суд РФ наделяется правом осуществлять надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и давать разъяснения по вопросам судебной практики [24]. Это же положение содержится в п. 5 ст. 19 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [25]. Иными словами, толкования уголовного закона Пленумом Верховного Суда РФ не имеют обязательной силы [26], поскольку призваны только «служить ориентиром для правильного, единообразного и справедливого применения уголовного закона» [27].

Поэтому, несмотря на существование точки зрения о возможности толкования с целью конкретизации оценочных категорий [28], содержащихся в уголовном законе, следует признать, что «будучи соответствующим образом истолкованы в руководящих положениях Пленума Верховного Суда РФ, оценочные категории... не превращаются в формально-определенные» [29].

Итак, учитывая вышесказанное, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно функций, характеризующих должностное лицо, носят исключительно рекомендательный, а не нормативный характер.

Наличие законодательно закрепленного определения понятия представителя власти, содержащееся в примечании к ст. 318 УК РФ, также не позволяет уяснить содержание данной дефиниции, поскольку, раскрывая понятие «представитель власти» как один из признаков должностного лица, законодатель использует при разъяснении термин «должностное лицо».

То есть определение должностного лица и определение понятия «представитель власти» замыкаются на тождественных понятиях, а с логической точки зрения такое конструирование определений является недопустимым, так как сущность понятий, которые поясняются посредством друг друга, в конечном счете так и остается неясной. С этой точки зрения трудно не согласиться с Н. В. Богуславской, считающей такое дефинирование в законодательстве нецелесообразным [30]. Такого же мнения относительно недостаточной полноты и точности понятия представителя власти в ст. 318 Уголовного кодекса РФ придерживаются и другие ученые [31].

Таким образом, в уголовном законодательстве так же, как и в анализируемом выше административном законодательстве, не содержится не вызывающих сомнений законодательно закрепленных признаков должностного лица. Это усложняет не только использование понятия «должностное лицо» при привлечении к уголовной ответственности в соответствии с гл. 30 УК РФ, но и делает затруднительным отграничение должностных лиц от лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях, не являющихся органами государственной власти или органами местного самоуправления.

Наряду с приведенными выше примерами понятие должностного лица содержится и в других нормативно-правовых актах.

В соответствии с ч. 2 ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется через выборные и другие органы местного самоуправления [32]. Во исполнение этого положения в Российской Федерации принят ряд законодательных актов, регулирующих сферу муниципальных правоотношений.

Принятый в 2007 г. Закон «О муниципальной службе в РФ» [33] понятия «должностное лицо» не содержит, концентрируясь в гл. 2 исключительно на характеристиках должностей муниципальной службы.

Однако Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 2 содержит следующие определения: «*Должностное лицо местного самоуправления* – выборное либо работающее по контракту (трудовому договору) лицо, выполняющее организационно-распорядительные функции в органах местного самоуправления и не относящееся к категории государственных служащих; *выборное должностное лицо местного самоуправления* – должностное лицо местного самоуправления, избираемое на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава или на сходе граждан, осуществляющем полномочия представительного органа муниципального образования, и наделенное собственными полномочиями по решению вопросов местного значения» [34].

Согласно данному определению к должностным лицам местного самоуправления законодатель относит лиц, которые, либо, не являясь государственными служащими, являются работниками органов местного самоуправления и обладают организационно-распорядительными полномочиями в органах местного самоуправления, либо избраны на должность в органы местного самоуправления и наделены организационно-распорядительными полномочиями в соответствии с уставом муниципального образования.

При этом и в том и в другом случае деятельность должностных лиц местного самоуправления ограничена исключительно осуществлением организационно-распорядительных полномочий, и данное определение может быть отнесено ко всем служащим органов муниципального самоуправления. При этом данное определение имеет весьма узкую направленность, поскольку предназначено для целей муниципального законодательства.

Признаком, характеризующим функциональное значение должностного лица исполнительного органа местного самоуправления, исходя из определения, данного в Законе, следует считать наличие у него *организационно-распорядительных полномочий*, тогда как выборное должностное лицо местного самоуправления наделяется *собственными полномочиями по решению вопросов местного значения*.

Отсутствие разъяснений понятия «организационно-распорядительные полномочия должностного лица местного самоуправления» в законодательстве не позволяет правоприменителю ясно и четко представлять весь объем функций, возложенных на такое лицо. Обращение в этом случае к разъяснениям понятия «организационно-распорядительные функции должностного лица», которые содержатся в постановлениях Пленума ВС РФ от 16 октября 2009 г. № 19 и от 10 февраля 2000 г. № 6 [35], не устранит существующую неясность по двум причинам.

Во-первых, в силу рекомендательного характера данных разъяснений, о чем нами было сказано выше, а во-вторых – понятия, изложенные в Законе, предусмотрены для целей муниципального законодательства, поэтому, при отсутствии единого общеправового понятия должностного лица, такие разъяснения должны быть даны применительно к отношениям, регулируемым муниципальным законодательством.

Кроме того, приведенные выше определения могут быть использованы применительно ко всем случаям, связанным с деятельностью должностных лиц местного самоуправления, но при необходимости привлечения муниципальных служащих к административной и уголовной ответственности правоприменителю следует исходить из определений должностного лица, закрепленных в УК РФ и КоАП РФ.

Таким образом, существование в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» дефиниций «должностное лицо местного самоуправления» и «выборное должностное лицо местного самоуправления» ни в коей мере не способствует прояснению содержания понятия «должностное лицо», так как при использовании определения не раскрывается со-

держание признаков, характеризующих дефиницию «должностное лицо».

На наш взгляд, решением данной проблемы могло бы стать создание межотраслевого единого понятия «должностное лицо» с законодательным разъяснением содержания признаков, характеризующих данную дефиницию.

Это уберегло бы в ходе правоприменения как от необоснованного расширения перечня лиц, привлекаемых ко всем видам юридической ответственности в качестве должностных, так и позволило бы при четкой конкретизации признаков, характеризующих должностное лицо, самим лицам, имеющим этот статус, ясно представлять те требования, которые они должны неукоснительно соблюдать.

Примечания

1. *Аникитин А. А., Кононов П. И.* Должностные лица в административных правоотношениях: понятие и виды // Полицейское право: науч.-практ. журн. 2007. № 1(9). С. 17–21.

2. *Кононов П. И.* Административная ответственность должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 53.

3. *Старилов Ю. Н.* Курс общего административного права: в 3 т. Т. II: Государственная служба. Управленческие действия. Правовые акты управления. Административная юстиция. М.: Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА • М), 2002. С. 104; *Бодрова Н. В.* Административная ответственность должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 24; *Кычков В. И.* К вопросу о понятии должностного лица таможенных органов // Ученые записки СПб. филиала РТА. 2001. № 3. С. 48–60.

4. *Воронков А. В.* Понятие должностного лица в административном праве // Правоведение. 1999. № 1. С. 64.

5. Там же. С. 59–60.

6. Административное право: учеб. / под ред. Л. Л. Попова. М., 2007. С. 309.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. ФЗ № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

8. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы в РФ» (принят ГД ФС РФ 25.04. 2003) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

9. *Аникитин А. А., Кононов П. И.* Указ. соч.

10. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под ред. Ю. М. Козлова. М.: Юристъ, 2002. URL: http:// http://mnogoraznogo.com/books_standard_act_comments/106/13849.html

11. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 5-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. Е. Н. Сидоренко. М.: ТК Велби: Изд-во Проспект, 2006. URL: http://mmediagroup.ru/kommentarii-k-koap-rf/25/

12. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях.

13. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 ФЗ № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

14. *Жижиленко А. А.* Должностные преступления. М., 1923. С. 5; *Кожевников М., Лаговиер Н.* Должностные преступления и борьба с ними. М., 1926. С. 41–42.

15. *Лысов М. Д.* Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань, 1972. С. 21; *Трайнин А. Н.* Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938. С. 11; *Кириченко В. Ф.* Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. М., 1956. С. 32.

16. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // БВС РФ. 2009. № 12. С. 27.

17. См.: БВС РФ. 2000. № 4. С. 5.

18. См.: п. 2. постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2000 г. № 6.

19. *Бриллиантов А. В.* К вопросу о понятии должностного лица // Российский следователь. 2001. № 6. С. 30.

20. См.: Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М.: Изд-во НОРМА, 1998.

21. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности / Р. С. Джинджолия; под ред. А. А. Магомедова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. С. 189–190.

22. *Ткаченко В.* Толкование закона по делам об убийствах // Законность. 2000. № 9. С. 44.

23. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 7. Ст. 898.

24. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 дек.

25. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» № 1-ФКЗ (принят ГД ФС РФ 23.10.1996) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

26. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности. С. 191.

27. Там же. С. 194.

28. См.: *Алексеев С. С.* Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 120.

29. Унификация оценочных признаков при квалификации преступлений против личности. С. 194.

30. *Богуславская Н. В.* Должностное лицо как субъект преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань: Акад. права и управления Мин-ва юстиции РФ, 2003. С. 105.

31. См., например: *Аснис А. Я.* Проблемы совершенствования действующего уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления // Российский судья. 2005. № 5. С. 44–46.

32. Конституция Российской Федерации.

33. Федеральный закон от 02 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 07.02.2007) // СЗ РФ. 2003. № 10. Ст. 1152.

34. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (принят ГД ФС РФ 24.09.2003) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

35. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // БВС РФ. 2000. № 4. С. 5.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-1

Н. О. Осипова

«РЕНЕССАНСНЫЙ ТЕКСТ» В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье рассматривается мотивно-образный ряд лирики эмиграции, построенный на знаковом комплексе культуры Ренессанса. Специальное внимание отводится поэтической трансформации кодов Данте, Шекспира, Сервантеса, входящих в интертекстуальный дискурс произведений Вяч. Иванова, Б. Поплавского, В. Сумбатова, С. Маковского и др.

The article devoted the characters and motives of emigrant poetry, based on signs of Renaissance culture (Shakespeare, Dante, Cervantes, Bosch). The subject of author's attention – the poetry of of V. Ivanov, V. Sumbatov, S. Makovsky, B. Poplavsky and other poets.

Ключевые слова: ренессансный код, мотив, ренессансный хронотоп, мифосемиотика, лирика русской эмиграции, интертекст.

Keywords: Renaissance code, the motive, the Renaissance chronotope, mythological semiotics, poetry of the Russian emigration, intertext.

Семиотическая трансформация мотивов и образов Ренессанса в культуре первой русской эмиграции определялась мифологической парадигмой эмигрантского сознания, основными векторами которой были *миф об изгнании, мессианская идея и мифология жертвенности*. Отсюда – своеобразная ритуализация жизни и деятельности интеллектуальной элиты эмиграции, а также придание названным мифологическим константам знакового статуса, который формировался в ходе семиотизации культурных моделей. Одной из таких культурных моделей (наряду с античностью и средневековьем) был Ренессанс. Подчеркнем, что включение Ренессанса и ренессансной культуры в орбиту российского художественного сознания приобрело знаковый смысл уже в романтической литературе и преимущественно через интерпретацию «итальянского» культурного текста, чему во многом способствовал интерес к Италии и ее культуре [1]. Параллельно разворачивалась российская «гамлетиана», также имеющая протяженную историю художественной рефлексии в русской культуре.

© Осипова Н. О., 2013

Революция 1917 г. и последовавшая за ней эмиграция перевели в новую плоскость сложившуюся в культуре Серебряного века мифологию Ренессанса, ставшего после Н. Бердяева (*Русская религиозная мысль и революция*, 1928; *Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь»*, 1935; *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века*, 1946; *Самопознание. Опыт философской автобиографии*, 1949 и др.) метафорой эпохи.

Творческая эмиграция еще задолго до выхода этих работ проявляла устойчивый интерес к культуре Ренессанса, образы которого наделялись мифологической символикой и связывались, с одной стороны, с возрождением (не случайно в этом смысле и название одного из крупных печатных органов эмиграции), с другой – шпенглеровской концепцией «заката Европы» и утопической евразийской идеей «третьего пути» (П. Сувчинский). В то же время идея возрождения формировалась одновременно в контексте и национальной идеи фашизма, и утопии «вторичного варварства» большевизма (как отзвук «скифской ноты»), и идеи национального возрождения, свойственного «эпохе творческого подъема поэзии и философии», «проявления новых душ, новой чувствительности» [2].

Ренессансные мотивы не случайно актуализировались в культуре русского зарубежья – они, по сути, были дальнейшим развитием глубокого интереса к эпохе Возрождения, сформированного Серебряным веком в связи с концепцией «симфонической личности», ницшеанского типа личности, символистской идеи теургии, новой религиозной философией Мережковского [3]. Если для XIX в. ренессансная культура открывала русскому писателю и читателю новый тип художественного сознания и целый пласт нового искусства, то Серебряный век ввел Ренессанс в орбиту своего сознания, своих поисков ответов на больные вопросы времени. Интенция Ренессанса одновременно к двум великим традициям – античности и средневековью – определила особый характер его переходности и кризисности. С одной стороны, Серебряный век культивировал ренессансную концепцию человекобога, с другой – видел в Ренессансе создание обольстительных образов Антихриста и проявление аморализма (А. Волынский «Леонардо да Винчи»). В концепции Дм. Мережковского, создавшего

неомиф о Леонардо, синтез Христа и Антихриста есть условие возрождения культуры, и Ренессанс, таким образом, становится звеном в религии «третьего завета» Мережковского. Повесть «Микеланджело» (1902) во многом предварила созданную в эмиграции книгу Данте (1937). Примечательно, что написанные до эмиграции рассказы писателя на итальянскую тему составили сборник «Итальянские новеллы», вышедшие отдельным изданием уже в эмиграции (1941). До эмиграции формируется и цикл Б. Зайцева «Италия», опубликованный позже, в 1923 г. (он же в эмиграции переводит «Ад» Данте), выходят первые два тома «Образов Италии» П. Муратова (третий том будет закончен и опубликован писателем уже в эмиграции в 1924 г. с посвящением Б. Зайцеву), создаются великолепные «экфрасисы» Вяч. Иванова «Итальянские сонеты» (1902), посвященные памятникам итальянского Возрождения (Боттичелли, Рафаэля, Леонардо да Винчи и др.) [4].

Интерес Серебряного века к ренессансной культуре во многом был обусловлен также формированием русской переводческой школы поэтов и прозаиков (И. Анненский, Ю. Верховский, Д. Мережковский, В. Брюсов, М. Кузмин, Вяч. Иванов, П. Муратов). Переводы итальянских поэтов, английской и французской ренессансной поэзии определили устойчивый «ренессансный текст» культуры Серебряного века, который оказался настолько мощным, что составил значительный пласт культурного пространства – как литературы эмиграции, так и литературы метрополии [5].

Несмотря на то что целью данной статьи является анализ мотивно-образной системы Возрождения в поэзии русского зарубежья, тем не менее, этот анализ возможен лишь с учетом контекста (научного, публицистического, литературно-критического), в условиях которого формировалась и функционировала эта система.

«Ренессансный текст» русской эмиграции получил разновекторное проявление, как и сам Ренессанс, который демонстрировал в философии, искусстве, повседневности разнообразие своих противоречий и сторон: величие человека и его ничтожество, утверждение радости жизни и попытка осмыслить смерть. Культивируемая евразийством (П. Сувчинский «Два Ренессанса») и культурфилософскими работами Н. Бердяева идея ренессанса как творческого потенциала, рождаемого кризисами и катастрофами, сопрягалась с устойчивым интересом к историко-культурному феномену Ренессанса со стороны ученых и искусствоведов (П. М. Бицилли, П. П. Муратов) и ренессансными мотивами и образами художественного творчества. Иногда эти векторы не пересекались, обнаруживая более раннюю общеевропейскую тенденцию к исследованиям позднего средневековья и Ренессанса (Ж. Гобино, Я. Буркхардт, Й. Хейзинга и др.), порою соприкасались (П. Муратов, Дм. Мережковский, Б. Зайцев).

Интерес к синтезу христианства и гуманизма, свойственному раннему Ренессансу (Иоахим Флорский, Франциск Ассизский, Данте), характерен для интеллектуально-художественной истории Дм. Мережковского и академической науки П. М. Бицилли. П. Бицилли, начавший заниматься историей эпохи Возрождения еще в России, в эмиграции стал одним из влиятельных историков русского зарубежья. Его исследование «Место Ренессанса в истории культуры» (1933) представляет полную и целостную картину эпохи как культурного феномена. Характеризуя Данте, Салютати, Кузанского, Леонардо, Микеланджело, ученый пытается создать «формулу гения» в мире «творчески самораскрывающихся форм».

Будучи одним из апологетов концепции медиевизации Возрождения, он видел его истоки в личности Франциска Ассизского («Святой Франциск Ассизский и проблема Ренессанса»), концентрирующей волю к творчеству, переживание мира в его преображении. По мнению Бицилли, собственно Ренессанс начинается с преодоления интеллектуализма и обретения новой иерархии ценностей. В конце этой иерархии – гений Микеланджело, выразившего исход Возрождения, который знаменовал не величие человека, а его ничтожество. Сравнивая Италию с Европой, историк усматривает в европейском проявлении Ренессанса недостаток «гармонической целостности» [6].

Кроме того, жившие в эмиграции в Италии философ и историк Евгений Шмурло, редактор журнала «Рим и Восток» и автор блестящих работ о Данте Владимир Забугин (читавший литературу Возрождения в Римском университете), авторы многочисленных публикаций об истории и культуре Возрождения Н. Аттакар, Е. Нанин во многом способствовали интересу диаспоры к Ренессансу.

Важным аспектом ренессансной идеи эмиграции стала эстраполяция ренессансных смыслов на эмигрантское сознание, в частности уже упомянутый принцип «исторической инверсии» (М. Бахтин), когда художник осмысляет современность через поиск аналогов в истории. Он реализуется как в рамках концептуальных идей, так и в границах художественно-образной системы литературы. Не случайно в семантических полях эмигрантской поэзии большая роль отводится зеркалу и зеркальным образам. Семантика отражений функционирует не только как факт автометаописания (стремление заглянуть внутрь

себя, увидеть себя в Другом), но и как факт взаимоотражения фактов, событий и целых культур. Так в современности отражаются античность, средневековье, Ренессанс, а в персонажах и ситуациях прошлых эпох художники ищут ответы на «больные» вопросы времени. В частности, Б. Зайцев в очерке «Италия и Гобино» (о книге французского писателя, социолога и дипломата XIX в. Ж. А. Гобино «Возрождение») подчеркивает романтический пафос книги и апологетику героической личности: «Его [Гобино. – *Н. О.*] герои: Савонарола – действенность религиозная, Цезарь Борджиа – воля и сила «для меня», Юлий II – мощь и действие «для идеи» (могущество церкви), Микель Анджело – творчество» [7]. Зайцев усматривает в книге Ж. Гобино противопоставление политической идеологии и таких вечных ценностей, как искусство, творчество, религия. Аналогичную ситуацию писатель находит в современном состоянии духа, осмысляя ее в критике и прозе.

Наблюдения над многочисленными художественными текстами эмигрантов, в той или иной степени имеющими отношение к Ренессансу, позволяют прийти к выводу о том, что центр внимания к этой культуре переместился из сферы образно-эстетической в сферу онтологическую, отражая попытку осмыслить мироощущение Ренессанса (с его взлетами и падениями) в границах реального опыта современной Европы – от поисков нового типа религиозности в новых исторических условиях до кризиса гуманизма и «заката Европы». А для русской эмиграции это мироощущение было вдвойне символично: бегство из объятой «чумой» страны в замкнутый мир творческих иллюзий (блестяще воссозданное Боккаччо) оборачивается нисхождением в Ад другого великого флорентинца.

Так, в рецензии на «Образы Италии» П. Муратова Б. Зайцев соотносит Итальянское Возрождение как символ гармонии и совершенства с судьбой собственного поколения, которое тоже встало перед лицом «грозного, мирового, дьяволического и божественного» [8]. А в романе «Золотой узор», где «итальянский текст» занимает особое место, эта мысль, переходя в субъективные переживания автора, обретает почти публицистическую интонацию, перенося тему краха России в воронке революционного переворота, осмыслял эту историческую ситуацию в знаках дантовского «Ада»: «То, что произошло с Россией, с нами, – не случайно. Поистине и мы, и все пожали лишь свое, нами же и посеянное. Россия несет кару искупления так же, как и мы с тобой <...>. Мы на чужбине, и надолго <...>. Нам предстоит жить и бороться, <...> важнейшее для нас есть общий знак – креста, наученности, самоуглубления» [9].

Историософское значение Ренессанса в единстве сложившейся традиции и современной ситуации наиболее отчетливо было осмыслено в мировоззрении и творчестве Мережковского. Феномен Мережковского, философа «третьего завета», как представляется, в главных своих координатах стал отражением тех же трагических противоречий, которые сотрясали ренессансную культуру. Не говоря уже о доэмигрантском творчестве писателя с его трилогией «Христос и Антихрис» (с романом о Леонардо в центре), повестью о Микеланджело и очерком о Франциске Ассизском, следует подчеркнуть не только верность избранной позиции (глава о Франциске в «Лицах святых...», цикл «Атлантида-Европа» и др.), но и ее прямую «трансляцию» в современность – книгу-биографию (и одноименный киносценарий) о Данте. Написанная при поддержке правительства Муссолини, книга, с одной стороны, представляет некий политический «реверанс» в адрес итальянского лидера как носителя «нового духа» в борьбе с коммунизмом, с другой – апофеоз веры и духа в ситуации изгнанничества.

Не пытаясь объять в рамках статьи столь огромный эмпирический материал, связанный с рецепцией Ренессанса в эмигрантском сознании, остановимся на поэтической рефлексии этого феномена, не забывая о главных векторах этой рефлексии, суть которых была сформулирована выше. В то же время достаточно явственно заметен «сдвиг» в результате «вторичной семиотизации» ренессансных символов, связанный с началом переоценки самого Ренессанса русским сознанием, заметной уже у Волынского, но окончательно сформированной гораздо позже А. Ф. Лосевым («Эстетика Ренессанса», 1978). Разрушалась двухвековая традиция, в соответствии с которой трагический скептицизм писателя-интеллектуала по отношению к России (а позже к современной Европе) противопоставлялся «ренессансному мифу». Так, если в «Итальянских сонетах» Вяч. Иванова, «итальянском» цикле А. Блока осознание бессмертия прекрасного итальянского искусства еще ассоциируется с возможностью грядущего обновления, то, например, в «Римских сонетах» (1924–1936) и «Римском дневнике 1944 года» Вяч. Иванова восприятие Ренессанса противоречиво: интертексты истории, античности, русской культуры, религии придают циклам глубокий историософский смысл [10], основу которого составляет идея синтеза римского мифа и мифологии Нового времени, а в этом контексте – и всех культур. Так, в «Римских сонетах» Вяч. Иванова, в цикле С. Маковского «Рим» этот синтез достигается с помощью дантовских реминисценций: структурообразующим мотивом плавания по реке времени, семан-

тическими оппозициями *нисхождения/восхождения*, *воды* (фонтана)/*саркофага* (описания-экфрасисы фонтанов у Вяч. Иванова, путешествие по вечной Лете в глубокую древность у С. Маковского). По принципу catabasis/anabasis построен цикл «Рим». С царством мёртвых ассоциируется у поэта сад Корсини в одноимённом стихотворении: ушли в прошлое и обратились в прах великие грешники Данте, «заброшенные клумбы одичали», поросли тиной водоёмы – Ад утратил своё грозное величие, превратившись в груду остывших безлюдных развалин:

Как в царстве мёртвых я бродил по саду, –
с площадок лестницы монументальной
безлюдию аллей внимал печально
и шуму водопада [11] (*Сад Корсини*).

В следующем стихотворении («Тиволи») водная символика фонтана, вздымающего вверх свои струи, вступая в контраст с «журчаньем вечной Леты», утверждает вечность и непреходящую силу земной жизни (что подчёркивается также философским символом «реки времён» [12]):

Вода, вода! На горный склон
спешат потоки отовсюду,
и внемлет их живому гуду
молчание былых времён [13] (*Тиволи*).

В связи со сказанным важно подчеркнуть, что поэтическое сознание русской эмиграции в большей степени зафиксировало не столько образы высокого ренессанса в его апогее, величии и лучезарности, сколько ренессанса в его переходных, кризисных проявлениях (преимущественно раннего, на исходе «осени средневековья», когда еще не преодолён средневековый дуализм, или позднего, где он граничит уже с барочным сознанием), в точках «бифуркации», когда культура обнажает свои «болевые импульсы» и становится открытой другим культурам. Для русской культуры таким художественным импульсом стала семантика изгнания, знаками которого стали «великие изгнанники» (Данте, Петрарка) – хронотоп их биографии и их произведений пронизывает пространство и время жизни эмиграции. В поэтический контекст «изгнанничества» входят трагические персонажи ренессансной литературы – Гамлет, Дон Кихот, исторические и религиозные деятели, города и архитектурные памятники, художники и скульпторы.

Пожалуй, наиболее мощным философско-эстетическим смыслом наделялся уже закрепившийся в русской поэтической традиции «дантовский код». «Дантовский» дух был вообще свойствен русскому сознанию, которое остро «чувствовало» Данте, свидетельством чему являются не только многочисленные переводы (Д. Мережковский, Эллис, В. Брюсов, М. Лозинский), но и подражания, вариации, реминисценции, аллюзии на тему великого флорентинца, интерпретации его образов и мотивов (С. Городецкий, М. Кузмин, А. Ахматова, А. Блок, Вяч. Иванов, В. Розанов и др.) [14].

В Данте эмиграция видела трагическое одиночество человека на чужбине, а «страшный мир», в который занесло поэтов текущее и ничего не меняющее время, воспринимался в знаках дантовского ада. В концептосферу русской зарубежной «дантеаны» входит и топос пространства, символами которого выступают знаменитые центры Ренессанса – Флоренция, Равенна, города, которые по принципу притяжения/отталкивания отразились в поэзии эмиграции сквозь призму блоковского *«Умри, Флоренция, Иуда, / Исчезни в сумрак вековой…»* и мысли об уничтожении великой культуры. Семантическая параллель *Я – Данте*, актуальная для всего XX в., в лирике эмиграции приобрела особый смысл. «Текст Данте» проходит через поэзию эмиграции в биографических знаках. Так, уже название стихотворения «Невозвращенец» И. Елагина в интертекстуальном аспекте восходит к наименованию социального статуса определенной категории эмигрантов – «невозвращенцы», и, по сути, перебирая некоторые подробности судьбы Данте, поэт «перебирает» чётки своей судьбы:

Опозоренный и оклеветанный
Вражескими ложными наветами,
Дважды по одним доносам грязным
Он заглазно присуждался к казни.
В городе Равенне, на чужбине
Прах его покоится доныне [15].

Стихотворение, которое отнюдь не является лирическим шедевром, тем не менее, отражает показательные тенденции, которые характеризуют наиболее часто воспроизводимые указанные мифологические модели, ставшие уже своеобразными клише.

В поэтике зеркальных отражений «дантовского кода» семантика изгнания и трагического одиночества нашла художественное отражение в символах «Песни Ада»:

Пять адских рек дано узнать поэту:
Стикс – ненависть; терпенье – Ахерон;
Стенанье – Коцит; пламя – Флегетон,
И пятую – реку забвенья – Лету
(А. Браиловский, 1, 177).

Ренессансное искусство, прорываясь в новые сферы открытия мира и человека, унаследовало от средневековья мистический интерес к потусто-

роннему, иномирному, представленному не только топосом загробного мира, как в «Божественной комедии», но и образами того мира (тень отца Гамлета, череп шута Йорика, видение Лауры, образ мертвой Офелии и др.). В поэзии эмиграции поэт, ощущая себя на границе миров, постоянно совершает в своем воображении путешествие в мир теней своего прошлого или эстраполирует эти образы на свою жизнь и творчество. Тем самым обостряется переживание жизни и смерти, а собственный трагический опыт оправдывает обращение к дискурсу Данте. Так, у Бальмонта:

Опрокинутый в глубокую воронку Преисподней,
Устремляя вверх из бездны напряженное лицо,
Знаю, мучимый всечасно, что вольней и благородней
Быть не в счастье, а в несчастье, но хранить своё кольцо
(«Обруч». 1, 62).

А в контексте всей лирики Бальмонта – мотив Чистилища, которое ведет к свету:

И, пройдя круги мучений, минув племени и дымы,
Я приду на праздник Солнца, просветленный, как всегда
(1, 62).

В лирике передается тенденция показать не только взаимопроницаемость реального и потустороннего миров, но и виртуальную реальность художественного воображения, где вместо ладьи Харона – поезда, а вместо леса – вокзалы:

Вся жизнь – изгнание... Мелькают фонари...
Устал от грохота, от призраков, от свиста;
Не видно месяца, не будет и зари, –
И смерть курносая торчит за машиниста...
(И. Британ, 1, 183).

Мотив сошествия в ад, семантика перехода, космизм дантовского мышления совмещались в поэтике эмиграции с новой для XX в. философией темпоральности, представлением о «распавшемся человеке», теориями исчезающей предметности, отчуждения формы от материи. В результате такой рефлексии текст Данте облекается в метафорическую, символическую, притчевую форму («Десятый круг» В. Корвина-Пиотровского, цикл «Равенна» В. Сумбатова [16], «Поэма о потустороннем мире» С. Рафальского и др.). «Десятый круг» – это развернутая метафора творчества, которому нет места в мире; поэт пребывает в аду, меньше всего напоминающем Ад «Commedia Divina»: «ни крючьев, ни смолы / Я не нашел в прохладном царстве мглы» (1, 327). Ад и реальность «стираются» в серости, безликости, будничности.

Время в поэзии становится дискретным, обрывочным, передавая метафору хаоса, в котором поэты пытаются обрести лирическую гармонию в вечных образах, *«где вечность грезит вдохновенно,/Заснув у Данта на руках»* (В. Сумбатов, «Равенна», 1, 423).

Символическое звучание получили образы Беатриче, Лауры, Офелии, которые несли в себе отголоски «прекрасной Дамы» Серебряного века, а в рамках эмигрантских текстов получали в границах семиотики зеркальности поэтическую и сюжетную инверсию, как и другие образы Ренессанса. Подобную инверсию мы встречаем, например, в эмигрантской лирике М. Цветаевой.

«Гамлетовский» цикл М. Цветаевой (1923), позже «рассыпанный» на отдельные стихотворения, разрушает традиционную интерпретацию персонажей трагедии, «меняя» их местами. Главный мотив – утверждение приоритета страсти по отношению к разуму, который уничтожает человеческую душу. В лице Офелии (alter ego поэта) М. Цветаева обрушивает свой приговор гамлетовской рефлексии, породившей эпоху рационального прагматизма, в которой нет места любви и страсти. Трагедия Гамлета, по Цветаевой, заключается в его неспособности любить, а значит, в бессмысленности всех его действий и знаний; тогда как Офелия (образец добродетели, чистоты и невинности у Шекспира) знает и прозревает гораздо больше своего собеседника: за ней осознание своего предназначения на земле – любить и продолжать человеческий род.

Подобная инверсия структурно определяет дихотомию разума и страсти и одновременно стремление высказывания к перформативности. Пространство Гамлета – это пространство мёртвого разума, уничтожающего чувство, пространство Офелии – мир горячей страсти («Офелия – в защиту королевы»). Гамлет Цветаевой обречен на молчание и немоту – даже там, где он вступает в диалог с совестью («Диалог Гамлета с совестью»), его речь бессвязна.

Как это часто встречается у Цветаевой, стихотворения построены в соответствии с оппозицией Я – Ты (Вы), каждый из элементов которой имеет свой семантический пласт. Семантический ряд Гамлета, его «нимб разуверенья и знания» – «чердачные залежи», «червивая залежь», «вздорная нежить», «тяжеловесная хроника», «пустота», «примесь мела и тлена», «кости», семантический ряд Офелии – «розы», «страсть», «воспалённая кровь», «царицыны недра». Таким образом, биологический и эротический коды цикла (имеющие место и у Шекспира) обладают дополнительным коннотационным потенциалом, вбирая и внетекстовые ассоциативные связи. Не случайно в «Диалоге Гамлета...» слово «любил» Цветаева рифмует со словом «ил», усиливая эту рифму еще и анжанбеманом. Контекст творчества М. Цветаевой этого времени

позволяет значительно расширить смысловые рамки «гамлетовского» цикла, включающие и биографический аспект. Поэт часто выбирает форму обращения-монолога в художественном воплощении разрыва между разумом и чувством, собой и миром, снова и снова ассоциируя себя с шекспировской героиней: «...всегда стороной ручьёвой / Лик Офелии в горьких травах. / Та, что страсти хлебнув, лишь ила / Нахлебалась!..» (*На назначенное свиданье...*) [17].

Как видно из приведенного примера, ренессансная эмблематика является одним из элементов многокодовой знаковой системы мировой культуры. При этом она вводится либо в античный текст, либо в контекст Просвещения, создавая сложный «сплав» из разных культурных традиций, «опрокинутых» в современность. Образы дон Кихота, Гамлета (у Г. Адамовича появляется даже «восточный Гамлет»), реалии ренессансной культуры, помещенные в пространство современности, перекодируются в знаки современности, приобретая иронический, травестийный оттенок. Подобная трансформация встречается в «Дон Кихоте» А. Эйснера, где меняются ролями Дон Кихот, Санчо Панса и сам поэт, а также в «Дон Кихоте» Ю. Иваска:

За Вами в рай свихнувшийся Рассудок:
Пузатенький, на сереньком осле.
За Вами, может быть, и я придурок,
Еще бренча снующий на земле
(Ю. Иваск, 3, 259).

В интертекстах «карнавального кода» культуры многочисленные маски commedia dell'Arte воплощали онтологию одиночества в изгнании, оппозицию *дома/бездомья, своего/чужого, смерти/рождения, божественного/дьявольского, ада/рая,* контаминируясь с образами трагических двойников – alter ego автора (Б. Поплавский, Г. Иванов, Дм. Мережковский, М. Цветаева). Так, сюрреалистический гротеск в «Дон Кихоте» Б. Поплавского (1926), построенный на вполне узнаваемых масках испанской комедии, наброшенных на образы разных культур (Фауст, Купидон, скоморохи, марионетки, мадонны), передаёт трагический кошмар современной цивилизации, утратившей свою цельность. Хаотичная мозаика ассоциаций, построенных на синестезии и семантике «сдвига» (*«хохотали моторы, грохотали монокли», «аплодируют руки оборванных мельниц»*), смещение эпох, пространств, планов (от космических пространств до мельчайших деталей), галлюциногенная поэтика, близкая «автоматическому письму» сюрреалистов, – все это призвано выразить одновременно гибель и вечные ценности донкихотства:

Надо мечтать! Восхищаться надо!
Надо сдаваться! Не надо жить!
Потому что блестит на луне колоннада,
Поют африканцы и пропеллер жужжит [18].

Стоит обратить внимание на посвящение этого стихотворения Сержу Шаршуну, русскому художнику-эмигранту, близкому к кругам дадаистов и сюрреалистов, в частности к кругу Т. Тцара и А. Бретона. Благодаря принципу зеркального взаимоотражения экспрессионистических и геометрических форм, художник добивался «заимствованного у музыки "раскручивания" во времени» [19], – стилистика, близкая Б. Поплавскому, который этим посвящением утверждал приверженность одному из мощных европейских течений.

В стихотворении «Жалость к Европе» (1930), близком по стилистике к «Дон Кихоту», классические аллюзии приобретают более отчетливый сюрреалистический контекст:

Европа, Европа сады твои полны народу.
Читает газету Офелия в белом такси.
А Гамлет в трамвае мечтает уйти на свободу
Упав под колёса с улыбкою смертной тоски [20].

Кроме эксплицитных способов, диалог с Ренессансом в поэзии Б. Поплавского приобретает имплицитную форму (в семиотически насыщенных деталях ренессансного мира повседневности, искусства и др.), главным образом в структуре пространственно-временной организации лирики, в поэтике семиотической модели «взрыва». Но, в отличие от *хаоса* как созидательной энергии, хаос у Б. Поплавского – это апокалиптика взорванного пространства, лишенного синергетической интенции, в котором лирический герой оказывается один на один с историей. И в художественно-онтологическом смысле он вступает в имплицитный диалог с одним из самых ярких и загадочных художников Возрождения – Иеронимом Босхом, которого почитали дадаисты и сюрреалисты, называя его «почетным профессором кошмаров» и ориентируясь на его стилистику, воплотившую бредовое мироощущение, рожденное адскими видениями, страхами, пороками своего времени. Отмечая «алхимическую» символику творчества Босха, исследователи справедливо выводят её из духовной жизни раннего Северного Возрождения, напоминавшей «алхимическую реторту, где перемешивались экзальтированная набожность и увлечение античностью, интерес к точным наукам и вера в астрологию [...] ужас перед Страшным судом и муками Ада перемежался с необузданной жаждой наслаждений; жестокость и мрачность соседствовали с веселостью...» [21]. Итальянское Возрож-

дение столкнулось с этими болезненными проблемами значительно раньше: еще у Петрарки и Салютати сознание в определённой степени расколото; они мучительно стремятся гармонизировать плотские наслаждения и духовную жизнь. Особенно отчётливо это звучит в трактате-диалоге Петрарки *Моя Тайна*, в речах Августина, обращённых к Франциску: «Именно эта чума вредила тебе, и если ты не остережёшься, она очень скоро погубит тебя [...] Поэтому каждый раз, когда дух [...] по врождённому влечению углубляется в самого себя, – он не в силах удержаться там [...] Так по причине чрезмерной подвижности [...] и возникает тот внутренний раздор [...] и то беспокойство гневающейся на самое себя души, когда она с отвращением смотрит на свою грязь – и не смывает её, видит свои кривые пути – и не покидает их, страшится грозящей опасности – и не ищет избегнуть её [...]. Ты одержим какой-то убийственной душевной чумою, которую в новое время зовут acidia (тоска. – *Н. О.*), а в древности называли acgritudo – смятенностью духа» [22].

Причудливые гротески Босха, лишённые риторического дискурса итальянской философской мысли, тем не менее, содержали глубинный философско-аллегорический подтекст и были благодатной почвой для поэтических фантазий и галлюцинаций сюрреализма, в «недрах» которого формировалась поэтика Б. Поплавского второй половины 1920-х гг., полная неомифологических реминисценций, одновременно испытывавшая влияние стилистики раннего кинематографа:

Поезд красивых вагонов сквозь сон подымался.
Странные люди из окон махали платками.
В глетчере синем оркестр наигрывал вальсы.
Кто-то с воздушных шаров говорил с облаками [23]
(*Детство Гамлета*).

XX век, как и XV, представляет мир в ожидании Апокалипсиса, и образ человечества, находящегося в сетях своих грехов, становится символом атмосферы эпохи, в которой к «запаху роз примешивался запах крови» (Й. Хейзинга).

Образ «гротескного тела», нашедший свое отражение в гиперболических формах, низведение возвышенного и идеального к низменному и материальному становится для Б. Поплавского, как когда-то и для автора «Сада земных наслаждений», способом реализации стремления отразить человеческую сущность и человеческую цивилизацию – её греховность и животное начало. Этим обусловлена и пространственная инверсия «ренессансных» стихов Поплавского: автор, в отличие от создателя «Commedia Divina», проходит обратным путём – от вечного «ренессансного рая», где «роза пахнет розой, как ни назови её», к мукам Ада с его «мёртвым жаром», «пламенем летящим», «хохочущими моторами». Поэтому и символы ренессансной культуры, попавшие в орбиту перверсивного поэтического воображения Б. Поплавского, подвергаются метаморфозе – разрушается то вечное и цельное, к чему стремилось человечество в ренессансных идеалах: Гамлет, ставший тенью, Лаура, прелестная и ужасная одновременно, торговки, кричащие голосами мадонн, ватный снег, бутафория, симультанность воображаемых декораций, сошедшие в жизнь со сцены английских театров времен Шекспира – все кружится в сплошной вакханалии. Пространственные смещения и совмещения, соединение искривленной панорамности и гипертрофированных деталей передают ощущение разорванного мира с разлетающимися во все стороны осколками:

Кто-то из воздуха детям шептал над мостами.
Дети молчали, они от огней отвернулись.
Странный кондуктор им роздал билеты с крестами.
Радостно лаял будильник на тех, кто вернулись [24]
(*Детство Гамлета*).

Следует отметить в связи с этим цветовые переходы и совмещения, подобные цветописи Босха, которые создают иллюзию разных стадий превращения, разложения и самоуничтожения материи. В этом смысле его цветопоэтика «балансирует» между символизмом и ранним авангардом, но при этом поэтическое сознание Поплавского исключает саму мысль об обретении искомой целостности из хаоса – религиозно-мистической (как в Cor Ardens Вяч. Иванова и творчестве «соловьёвцев») или социально-пантеистической (как, например, в футуристическом проекте «Победа над Солнцем»). «Синие души», «розовый мост», «малиновое зарево роз», «красный осёл», «лимонные шляпы» звёзд, «яркие лодки», «жёлтый туман», жёлтый рассвет», «чернильные тучи», лиловый и синий во всех оттенках, сочетания жёлтого и черного – всё это превращает образы в знаки фантомов, привидевшихся в бредовом сновидении.

А скрытые цитаты (из Священного Писания, аллегорики Danse macabre, Шекспира, Блока, Гумилёва, Мандельштама), попадающие в сферу демонической фантазии Поплавского, являются знаками гибели культуры, втянутой в бездонную воронку Ада:

Пойти гулять. Погладить снег рукой.
Уехать на трамвае с остальными.
Заснуть в кафе. В вине найти покой.
В кинематографе уйти в миры иные [25]
(*«Тень Гамлета...»*).

Подобные реминисценции на знаменитый монолог Гамлета встречаются с удивительной последовательностью и в других стихотворениях Б. Поплавского, а инфинитивные конструкции, усиливающие узнаваемость цитаты, распространяются на всю сферу его поэтики, расширяя спектр значений и становясь индивидуальной чертой поэтического стиля:

Скрыться в снег. Спастись от грубых взглядов.
Жизнь во мраке скоротать, в углу.
Отдохнуть от ледяного ада
Страшных глаз, прикованных ко злу.
.....
Спать. Уснуть. Как страшно одиноким.
Я не в силах. Отхожу во сны.
Оставляю этот мир жестоким,
Ярким, жадным, грубым, остальным [26]
(*Neige sur la ville*).

При всей ассоциативной сложности поэтического идиостиля Б. Поплавского, его творчество, как и творчество М. Цветаевой, достаточно перформативно: поэт творит собственный миф в рамках игровых моделей, балансируя в пространстве между «ars» и «vita quatidiana». Эти модели сохраняются и в прозе поэта («Аполлон Безобразов»), также насыщенной интертекстами Шекспира, и в его дневниках, где образ человеческого тела становится символом не просто смерти как конца земного бытия, а смерти как физического тления и разложения. В известной степени поэт лишь продолжает общекультурную философскую традицию, художественно оформившуюся в Гамлете и превратившуюся в некое литературное клише.

***

Завершая размышления на представленную тему, следует подчеркнуть, что её ни в коем случае нельзя считать исчерпанной – в ней намечены только самые общие ориентиры, каждый из которых может стать основой не одной статьи и даже монографии. В частности, заслуживает внимания исследование типологии «ренессансных кодов» в литературе русского зарубежья и советской литературе, широко осваивавшей образы и мотивы Возрождения в собственном идеологическом и политическом дискурсе. Интересен в обозначенном плане, например, анализ отдельных мифологем и философем, восходящий к устойчивым сентенциям и цитатам. Возможно также привлечение значительно большего круга персоналий (в частности, за рамками статьи осталось имя В. Набокова с довольно мощным ренессансным «импульсом» творчества – как прозы, так и поэзии), Г. Иванова, И. Бунина и др. Кроме того, следует учитывать непрерывность и целостность литературного процесса и иметь в виду особенности эволюции восприятия Возрождения в творчестве одного и того же поэта (особенно если он представлен одновременно и как прозаик).

Естественно, что столь глубокая и сложная проблема требует также расширения философско-эстетического, общекультурного, исторического, бытового контекстов, привлечения смежных искусств (музыки, живописи, балета, театра), что позволит значительно обогатить интерпретационную стратегию исследователя и более полно показать процесс формирования образов ушедших культур, которые проживают новую жизнь в современной интеллектуально-художественной рефлексии.

Примечания

1. См., например, исследования и антологии обобщающего характера: *Крюкова О. С.* Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века. М.: Университетская книга, 2007; Италия в русской поэзии XIX в. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

2. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. С. 164.

3. См.: *Комолова Н. П.* Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы. М.: Наука, 2005; Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: междунар. науч. конф. (под ред. М. Талалая). М.: Рус. путь, 2006.

4. Подробнее об этом см.: *Шишкин Андрей.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-Итальянский архив: в 3 кн. Кн. 1; сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Dipartimento di Scienze e Storiche. Trento, 1997. С. 503–562.

5. *Булавка Л. А.* Ренессанс и советская культура // Альтернативы. Электронный журнал. 1997. № 1. URL: http://alternativy.ru

6. *Бицилли П. М.* Место Ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. С. 162.

7. *Зайцев Б.* Италия и Гобино // Дни. Берлин, 1924. 2 ноября (№ 606). С. 7.

8. *Зайцев Б. П.* Муратов. Образы Италии // Современные записки. Париж, 1924. Кн. 22. С. 445.

9. *Зайцев Б.* Золотой узор // Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М.: Рус. кн., 1999. С. 198.

10. Не случайно еще с середины 1920-х гг. поэт был одержим идеей перевода «Божественной комедии» Данте с приложением философско-филологического комментария. Отчасти поэтические «следы» этого (так и не осуществленного комментария) ощутимы в названных циклах, которые в этом плане нуждаются в глубоком исследовании, несмотря на достаточное внимание, уделявшееся им в науке (в основном с точки зрения жанра). Вообще сонет как яркое проявление «ренессансного кода» в лирике русской эмиграции заслуживает особого внимания, но эту проблему мы пока оставляем за рамками данной статьи.

11. *Маковский С.* Сад Корсини // Ковчег: поэзия первой эмиграции. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 211.

12. В русской поэзии художественное освоение этого символа восходит к лирике Г. Р. Державина, хотя истоки его у самого Державина уходят ещё дальше в историю культуры.

13. *Маковский С.* Тиволи // Ковчег ... С. 211.

14. О мотивах и образах Данте в русской классической литературе см. подробнее: *Асоян А. А.* Данте и русская литература. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989; *Силард Л., Барта П.* Дантов код русского символизма. Studia Slavica Hungarica 35 (1989). С. 61–95.

15. «Мы жили тогда на планете другой...». Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990: в 4 кн. М.: Моск. рабочий, 1997. Кн. 4. С. 208. Далее, где это специально не оговаривается, тексты стихотворений приводятся по этому изданию с указанием в скобках тома и номера страницы.

16. В. А. Сумбатов (1893–1977) в эмиграции жил в Италии и работал художником в Ватикане, великолепно знал итальянское искусство и посвятил ему много стихотворений.

17. *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Эллис Лак. С. 202.

18. *Поплавский Б.* Сочинения. СПб.: Летний сад. 1999. С. 41. В цитатах сохранены авторские орфография и пунктуация.

19. *Абади Даниэль.* Ясность Шаршуна // Серж Шаршун / Альманах. Вып. 143. СПб.: Palace Editions, 2006. С. 14–15.

20. *Поплавский Б.* Указ. соч. С. 82.

21. Нидерландский живописец эпохи Возрождения Иеронимус Босх Ван Акен. Электронная энциклопедия искусств. URL: http://hieronim.ru. См. также одну из наиболее обстоятельных работ, посвященных интерпретации аллегорий Босха: *Chailey J.* Jerome Bosch et ses symboles // Bruxells, Fcademy Royale de Belgique, 1978.

22. *Петрарка Франческо.* Избр. М.: Наука, 1974. С. 70–71; 79–80.

23. *Поплавский Б.* Указ. соч. С. 69.

24. Там же.

25. Там же. С. 147.

26. *Поплавский Б.* Цит. соч. С. 129–130.

УДК 398; 801.8

Н. И. Ефимова, Т. А. Золотова

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СУБКУЛЬТУРНОГО ФОЛЬКЛОРА)

В статье осуществляется попытка показать особенности функционирования базовых ценностей, главным образом *литературы и искусства,* в вербальном творчестве ряда молодежных субкультур.

In the article an attempt is made to show the way basic values function in texts created within a number of subcultures. Literature and art are regarded as basic values.

Ключевые слова: базовые ценности, молодежные субкультуры, вербальное творчество, традиционная (фольклорная) культура, «обращение», пародирование.

Keywords: basic values, youth subcultures, verbal creation, traditional (folklore) culture, conversion, parody.

© Ефимова Н. И., Золотова Т. А., 2013

Известный поэт, эссеист, критик А. Г. Машевский в одном из своих интервью на вопрос о том, какое содержание он вкладывает в понятие «базовые ценности» общества, ответил следующее: такого рода ценности «не могут никаким образом быть “пойманы”, переведены в имманентную форму, т. е. предъявлены, записаны, зафиксированы на века. Они могут быть только явлены – в то мгновение, когда ты сам совершаешь этический поступок. Кто-то пришел на помощь ближнему, или написал шедевр, или влюбился – то есть осуществил прорыв к целостности бытия» [1]. Именно «в этот момент “ценностей незыблемая скала” выступает из тьмы неизвестного. ...Вера в *Истину*, тяга к *Добру* и стремление к *Красоте*. Вот это и есть три кита, на которых держатся базовые ценности человека» [2]. Среди наиболее выраженных попыток сформулировать их он все же назвал христианские заповеди и так называемый моральный кодекс строителя коммунизма.

Что касается современной социологии, то в ней понятие «базовые ценности» является одним из основных, используется очень часто и характеризует ориентации людей в труде, политике, быту и т. д. [3] Принято считать, что базовые ценности «отображают фундаментальные общественные потребности, сменяющие друг друга в социально-историческом времени и пространстве» [4]. По мнению отдельных социологов, «базовые ценности и их попеременное доминирование соответствуют основным социальным сословиям и попеременному доминированию в обществе этих сословий»: так, категория *Истины* присуща духовной аристократии и в целом религиозным эпохам; *Красоты* – светской аристократии и героическим эпохам; *Справедливости* – “третьему сословию” и буржуазным эпохам; *Изобилия* – люмпенизированным и маргинальным слоям и пролетарским эпохам [5].

В свою очередь к базовым ценностям современности, например, относят «здоровый образ жизни, основанный не на господстве над природой, а на единстве, партнерстве, сотрудничестве, гармонии с ней; новое “качество жизни”, включающее в себя изменение характера труда и его смысла, иное распределение интересов между трудом и досугом – новую культуру досуга и т. д.; гуманистическую культуру общения между людьми, в которой другой человек – не средство достижения утилитарных целей, а цель, самоцель, стимулирующая личный интерес; наконец, наиболее важная среди названных – возрастающая потребность в самореализации личности, в творчестве, в развитии способностей, в духовном обогащении и т. п.» [6]. Понятие «базовых национальных ценностей», составляющих современный воспитательный идеал, введено и в образователь-

ную практику [7]. В специальном разделе, посвященном их формулированию, отмечено, что они являются «производными от национальной жизни России во всей ее исторической и культурной полноте и этническом многообразии» [8]. Соответственно, к базовым ценностям российского национального идеала отнесены *патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество.*

В настоящей статье предпринимается попытка показать, как некоторые из них, и прежде всего *искусство и литература,* реализуются в практике художественного (вербального) творчества отдельных молодежных сообществ.

Под молодежными субкультурами сегодня понимают частичные подсистемы внутри системы официальной культуры, определяющие стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. *Эзотеризм, эскапизм, урбанизм* – в свою очередь «те три кита», на которых зиждется их своеобразное социальное и культурное основание. В статье речь идет о творчестве тех сообществ, которые сознательно ориентированы на литературный источник (*культовую книгу*).

Необходимо отметить, что авторы знаковых субкультурных текстов не отличаются стремлением к созданию оригинального продукта и в качестве своеобразных базовых ориентиров используют как фольклорные, так и хорошо известные литературные модели (жанры, образы, формулы стиля), при этом часто прибегают к их «обращению» (наделению популярной формы противоположным смыслом) и пародированию.

В первую очередь обращают на себя внимание разнообразные типы связей вербального творчества молодежных сообществ с традиционной (фольклорной) культурой. При этом характер этих взаимодействий напрямую соотнесен с особенностями так называемого генератора субкультуры – типом произведения и личностью творца. В том случае, если вербальное творчество ориентировано на англосаксонский мир (произведения Толкиена, Роулинг, Пратчетта и др.), оно соотносится с фольклорными кодами посредством текста оригинала (источника). Другими словами, фанаты Толкиена, Роулинг, Пратчетта и др. ориентированы не на какую-то определенную традиционную (фольклорную) культуру, а на тот ее субстрат, который предложен автором культового произведения. В таком случае фольклорные универсалии, используемые авторами текстов, могут сохранять свою традиционную природу, а могут и претерпевать различного рода трансформации. Особое место среди них и занимают так называемые «обращения». Покажем это на примере популярного в фольклоре и литературе англосаксонского мира мотива змее/драконоборчества. В фольклористике уже достаточно давно обозначены как возможности развертывания данного мотива, так и его составляющие [9]. При этом определенными качествами должен обладать как герой (чудесное рождение, необыкновенное младенчество, обязательное наличие/добывание чудесного меча, богатырского коня, совершение первого подвига в юном возрасте и др.), так и его противник (многоголовость, связь с огнем и водой, обитание в горах и др.). Особенное значение приобретает мотив «изначального противника». И герой, и змей/дракон обычно знают, с кем и когда им придется столкнуться в решающем поединке.

Наиболее интересны в этом плане толкинистские сказки о драконах [10]. При этом в центре внимания оказывается именно дракон. Повествование идет от лица этого персонажа: «Я медленно, тяжелым шагом, подошел к выходу...», «Я вышел из пещеры. Тихо, без эффектной поступи и звуков»; «Я выглянул из пещеры...» и т. п. Сказки толкинистов в отдельных случаях сохраняют и представление о драконах как величественном, хотя и вымирающем виде: «Дракон был пережитком прошлого, диковиной, фамильной гордостью вроде привидений или древних знамен, висящих под потолком» («Третья сказка»); «Дурная репутация была у драконов. И вспыльчивы, и коварны. ...А еще знают секреты старой магии, той самой, что помогла когда-то предкам лорда Нерриса возвыситься над окружающими и привести свой народ к процветанию. ...Говорят, что и замок нынешний когда-то принадлежал дракону». Они еще опасны: «Дракон оказался на удивление быстр – удары расшвыривали солдат, достать его оказалось непросто...» (Третья сказка»); «Дракон взревел, хлестнул по земле хвостом» («Драконья жизнь»). Традиционны их функции: «Ты разоряешь стада селян? Ты крадешь женщин?» («Первая сказка»). Есть упоминания и о драконах как хранителях огромных богатств/кладов.

Выразительна в сказках толкинистов и атрибутика драконов: «Огромное, крылатое, огнедышащее чудовище. Радужный блеск развернутых крыльев, алмазное сверкание чешуи...» («Сказка о крылатом чудовище»). В то же время подобные описания внешнего облика нужны создателям текстов лишь для того, чтобы тут же такого рода представления о драконах и развенчать. Один из рыцарей по просьбе самого дракона дает следующее его описание: «Размером ты где-то с очень большую собаку. Наверное, будешь и с осла. Цвета по большей части серого, кое-где черного и бурого... Ты доволен»?» («Сказка о крылатом чудовище»). И далее следует мотивировка контраста: дракон, каким его видят люди, и дракон,

каков он есть на самом деле. Оказывается, драконы обладают умением «казаться страшнее и больше, чем они есть, – умением, которое помогло им выжить среди людей» («Сказка о крылатом чудовище»). Вот так, впрочем, довольно оригинально, объясняется в толкинистском сообществе существование в британской традиции двух видов драконов!

В центре внимания – ситуация поединка. При этом из всех составляющих подробно разрабатываются мотивы «изначального противника» и «словесной перебранки».

Первый их них доводится до полного тождества персонажей – дракон и есть рыцарь, и наоборот. Так, в «Третьей сказке» лорд Неррис, победитель дракона, после поединка совершенно неожиданно для себя приобретает его атрибутику: «Он медленно перевернулся, ***подобрал крылья, хвост***, закрыл глаза и заснул». Эту грандиозную картину превращения человека в дракона с ужасом наблюдает его слуга: вот еще лорд Неррис лег на пол в середине зала, бережно опустив на пол больную голову; однако уже через несколько секунд появившиеся служанки, «вереща и повизгивая», начинают чистить его ***гребень***; маленькая племянница бегает вокруг, ***«размахивая хвостиком и поблескивая острыми зубками»***. Трагическое величие подобного превращения полностью снимается в «Четвертой сказке» этого же автора: дракон просто пугает рыцаря тем, что тот, убив его, сам превратится в дракона. Выразителен монолог дракона-обманщика: «Тогда позволь рассказать мне горькую историю, и ты поймешь, что, убив меня, принесешь долгожданный покой в мою душу».

Словесная перебранка перед поединком тоже нужна дракону для того, чтобы оттянуть поединок или избежать его. При этом в сообществе изобретены многочисленные мотивировки нежелания дракона участвовать в сражении: у него просто нет настроения («в самый неподходящий момент раздается чей-то вопль, и настроение – ***ах, какое настроение! – улетучивается безвозвратно!***»); ему смертельно надоели поединки («***все как обычно*** – у входа в ущелье стоит какой-то болван в железной одежке и орет»); он очень стар и у него просто нет сил («он был жалок – осколок некогда могучего племени, одинокий и слабый»); он хочет заработать («золото нужно и много»); он боится («дракон сидел напротив него на своем камне, сидел неподвижно, и, не мигая, смотрел на рыцаря, но кончик чешуйчатого хвоста его постоянно подергивался из стороны в сторону»), он жалеет мальчишку/старика («вот так и врачуем убивающих нас») и т. п.

Что касается мотива «словесной перебранки», то в традиционном фольклоре он, как правило, сводится к оскорблениям героя змеем/драконом; герой же никогда не теряет чувства собственного достоинства, его реплики свидетельствуют об уверенности в своих силах и несомненной победе над чудовищем.

В сказках толкинистов персонажи как бы меняются местами. Вызов на поединок всегда исходит от рыцарей, при этом он оформлен уже своего рода традиционной формулой: «Выходи, чудовище!» Поскольку дракон обычно уклоняется от поединка, изумляя этим змееборца/драконоборца, последний приступает к перечислению его преступлений: «Ты разоряешь стада селян? Ты крадешь женщин?» Дракон испытующе замечает: «Ну и что?» Рыцарь сначала угрожает: «Ну так я убью тебя за это!» Но так как дракон полностью игнорирует угрозы, герой пытается усовестить противника, пробудить в нем боевой пыл: «Дракон, а разве ты не должен выползти мне навстречу для честного боя?» Данная часть диалога является общей практически для всех змееборческих/драконоборческих сказок толкинистов, она приобрела в сообществе вид своеобразного клише. Далее в каждом отдельном сюжете диалог развивается, обрастает новыми подробностями в зависимости от того, какие цели преследует, и, что любопытно, не герой, а именно дракон.

Оказывается, что драконы разрушают города, чтобы создать в данной части страны атмосферу политической нестабильности («Чем хуже обстановка в стране, тем лучше живется драконам»), добыть славу («Теперь дракон мог пару лет почивать на лаврах, слушая, как драконьи менестрели поют славу его силе и доблести»), крадут женщин, потому, что они вкусно готовят («Да, визжат. Да, невыносимы. Но как вкусно они готовят») либо умело ведут драконье хозяйство («А давай я буду вести за тебя записи. Я читать-писать умею и арифметику знаю!») («Третья сказка»). Любопытно, что в ряде случаев, и это весьма популярный мотив в сказках толкинистов, драконы и рыцари заранее договариваются о том, какую из знатных девиц похитить и сколько это будет стоить рыцарю. При этом драконы нередко ошибаются («Рэдоба, чешуйчатая твоя башка!!! “Д”, а не “Т”»), что и придает повествованиям известную занимательность. В рамках словесной перебранки мы узнаем и о новых относительно классического змееборчества функциях драконов. Так, оказывается, прибыльно служить домашним драконом у Черного Властелина («Но я принципиальный, не захотел Злу служить»), либо захватить город («в город какой полететь, над ним властвовать... И покормят, и когти на лапах подровняют...»).

Собственно столкновение особого интереса не представляет. Только в одном сюжете нам встре-

тилось довольно подробное его описание. И оно действительно исполнено напряжения. «Неррис бросился на дракона. Ударил, отпрыгнул... попытался отпрыгнуть, но дракон оказался быстрее, успев ударить по ногам и опрокинуть лорда. Добить лорда дракону не дали солдаты – навалились с боков, кто-то кинул здоровенный камень. Дракон оказался на удивление быстр – удары расшвыривали солдат, достать его оказалось непросто – старый, больной, дряхлый – но вот свалились уже два солдата, три... Неррис подхватил булаву и ударил – попал, еще – дракон парировал удар и толкнул на Нерриса одного из солдат, а сам попытался убежать в пещеру. Его остановил удар камня, угодившего в голову... На минуту все скрылось в пыли, криках, мелькании мечей...» («Третья сказка»). Однако поединок совершенно не имел смысла, так как девочка не была похищена драконом, она просто заблудилась. И читателю до боли жаль дракона. Это он, старый («морда вся в белесом мхе»), больной («некогда блестящая броня его теперь была покрыта коричневыми разводами, порой его пошатывало») стоял так, будто он «пришел требовать от Нерриса что-то, а не наоборот, а брошенный на лорда небрежный взгляд словно приморозил того к месту – легендарный взгляд дракона».

В других повествованиях дракон расправляется с рыцарем, заранее устроив ловушку («Я дернул за веревку, и камень с быка весом свалился прямо на героя»), либо погибает сам, надышавшись испарениями табачных растений («В горле дракона запершило, глаза заслезились. Он инстинктивно взмахнул крыльями, закружился, но слезы заливали его чешуйчатую морду, а горло жгло так, словно дракон сожрал целую копну крапивы. Крылья ящера надломились, и он с размаху рухнул вниз...»). Есть, правда, немногочисленная группа сказок, где дракон оказывает помощь пришедшим убивать его мальчику, а потом, случай почти анекдотический, этому же мальчику, но уже в преклонном возрасте («Старик вложил меч в ножны. Волоча щит по земле, он побрел прочь. Внезапно оглянулся. На мгновение глаза его стали глазами мальчишки. Он смотрел на меня пристально, словно вспоминая. Потом махнул, прощаясь, рукой и... ушел. Теперь – навсегда»).

Любопытно, что читатель толкинистских сказок почти всегда на стороне драконов. И это не случайно. За небольшим исключением рыцари совершенно лишены героических черт и обычно присущего этому сословию благородства («болваны в железной одежке»). Если и встречаются среди них «юные, смелые и прекрасные», то это лишь с виду, на деле все они честолюбивые и корыстные. Симпатию нашу и, очевидно, читателей вызвал лишь один из них, что пришел совершать не подвиг, а спасать действительно любимую женщину («А я к совершению подвигов не рвусь. Мне просто нужна девушка, которую ты утащил») («Сказка о крылатом чудовище»). Вызывает сочувствие и малолетний герой (потом Старый Лорд), отважный и доверчивый, по мнению, дракона, настоящий Воин.

И еще один важный момент: драконы в сообществе антропоморфны не только внешне, причем в деталях («у них даже приятный басок»), они полностью очеловечены. Им действительно доступен весь спектр человеческих эмоций и переживаний: от ненависти к теплокровным, чрезмерного властолюбия и честолюбия, позы – до сострадания и милосердия, а также стыда, неуверенности и смущения («дракон вдруг покраснел – заалелась каждая чешуйка») и т. п.

Таким образом, в толкинистских сказках о драконах наблюдается наполнение известной схемы новым (с элементами пародирования готовых фольклорных образцов) содержанием: 1) выдвижение на первый план образа дракона, 2) наделение его целым рядом положительных качеств; и на этой основе – полная дегероизация драконоборца и в целом поединка.

В свою очередь изучение таких «обращений» позволяет установить, как то или иное сообщество интерпретирует общий культурный код, склонно ли оно к восстановлению или разрушению традиций «исходной» культуры. Представляется, что по отношению к последней поклонники культовых книг относятся все-таки лояльно и склонны сохранять ценности извне: так, например, уже в сообществе «Поттер» большей популярностью и уважением пользуются фанфики-продолжения, в которых традиции текста Роулинг поддерживаются, тогда как пародийные произведения, хотя и вызывают любопытство, но расцениваются как побочный продукт. В то же время в сообществах к соотношению в рамках культовых книг собственно национальной традиции, кодов других культур и характеру их интерпретации относятся по-разному. Толкинисты, например, в отличие от поттеристов, «работают» не только с текстом канона (Дж. Р. Толкин), но и с традицией британского фольклора в целом, обнаруживая в ряде случаев и завидное ее знание, и способности к интерпретации.

Поскольку материалом для анализа в основном послужили образцы творчества русскоязычных фандомов, говорить о следовании исключительно английской фольклорной традиции было бы неправомерно. Обращения к ней также опосредованы каноном, и это характерно даже для произведений, написанных англоязычными авторами (в российском сообществе весьма популярны переводные тексты, например, в фандоме

«Поттер» «Draco Sinister», «Методы рационального мышления» и др.). Тем не менее можно сделать некоторые предположения и относительно использования в текстах национальных традиций. В русскоязычных текстах они представлены по преимуществу на уровне отдельных мотивов (например, герои ремейков поттеристов значительно чаще, чем это требует канон, отправляются в «запретный» лес), персонажей («характер» дракона в толкинистских сказках несколько «русифицирован») и способов борьбы с антагонистом (использование хитрости). Однако в большинстве случаев фанаты (как отечественные, так и иностранные) предпочитают, если можно так выразиться, мифологическую эклектику, смело воссоздавая на страницах одного и того же произведения «фольклорных» и «мифологических» персонажей с чертами внешности/характера, заимствованными из разных культур. Особенно ярко данное явление представлено в сообществе геймеров. Разработчиков компьютерных игр не только не смущает, но даже по-своему вдохновляет тот факт, что используемые ими сказочные реалии принадлежат к разным эпохам и культурам, являются актами творчества и коллектива, и отдельного человека. К настоящему моменту некоторые из них уже действительно в совершенстве овладели принципом инволюции, или свертывания культурного текста, превращения его в микроформу, микромодель.

В текстах сообществ достаточно часто встречается и прямая ориентация на фольклорные образцы, это один из апробированных подходов к созданию нового текста, в том числе и на уровне пародий. Субкультурные авторы предпочитают придерживаться традиций хорошо известных и узнаваемых в отечественной и мировой культуре жанров фольклора (сказки, легенды, страшных историй, анекдота, баллады). При этом в качестве основы используются наиболее очевидные «приметы» данных жанров (модели структуры и традиционные формулы).

Вербальное творчество молодежных сообществ на уровне нарративов зафиксировало и факт обращения представителей молодежных сообществ к так называемым обрядовым практикам, в первую очередь посвятительным обрядам.

Близок к фольклорному и собственно технологический аспект молодежной культуры. Так, с известной осторожностью, но все же необходимо говорить о своеобразии проявления в процессе создания и функционирования произведений молодежной культуры признаков классического фольклора: традиционности, устности, безличности, вариативности, синкретизма, полифункциональности и некоторых других. При этом значимость отдельного признака классического фольклора с разной степенью интенсивности заявляет о себе в той или иной конкретной молодежной субкультуре.

Итак, в молодежной культуре используются традиционные, в частности, и восходящие к фольклору базовые ценности. При этом в том случае, если они заимствуются через канон (культовую книгу), к ним сохраняется уважительное отношение. Самой популярной формой использования классического фольклорного наследия является «обращение» или наполнение актуальной формы противоположным содержанием. Как правило, субкультурные авторы не отдают предпочтения той или иной национальной традиции, прибегая к так называемой «мифологической эклектике». В процессе создания текстов опираются на хорошо известные и узнаваемые фольклорные жанры и стилевые формы.

Примечания

1. *Елагина Е.* Базовые ценности в процессе эволюции и деволюции. Интервью с Алексеем Машевским // Сибирские огни. 2008. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/sib/2008/12/ma13-pr.html (дата обращения: 25.01.2013).

2. Там же.

3. *Тощенко Ж. Т.* Ценности как основная категория социологии культуры // Социология. М., 2001. URL: http://yourlib.net/content/view/5350/64/ (дата обращения: 25.01.2013).

4. *Щекин Г. В.* Социальная теория и кадровая политика. Киев, 2000. URL: http://psyera.ru/5169/bazovye-cennosti-obshchestva (дата обращения: 28.01.2013).

5. Там же.

6. *Тощенко Ж. Т.* Указ. соч.

7. *Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М., 2009. С. 18–19.

8. Там же.

9. *Золотова Т. А.* Змееборчество в русской сказке и былине: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

10. Здесь и далее примеры приводятся по: Сказки о драконах // Тол-Эрессеа. Электронная библиотека. URL: http://eressea.ru/ambar/litera/litera55.shtml (дата обращения: 1.12.2012).

УДК 821.161.1-311

Т. В. Ковырзенкова

ПАРАДОКСАЛИСТ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: МЕЖДУ «ГЕРОЕМ» И «АНТИГЕРОЕМ»

Статья посвящена проблеме интерпретации образа героя «Записок из подполья». Автор пытается определить место подпольного человека внутри оппозиции герой – антигерой, анализируя мотивно-образную структуру повести в свете категорий философии экзистенциализма.

The article is devoted to the interpretation of the image of the main character of "Notes from the Underground." The author tries to determine the location of the underground man in opposition hero – anti-hero, analyzing motive-image system of the text from the point of the philosophical categories of existentialism.

Ключевые слова: антигерой, экзистенциализм, трагедия подполья, хрустальный дворец, категория вины, проблема христианского идеала, экзистенциальный выбор.

Keywords: antihero, existentialism, the tragedy of the underground, crystal palace, the category of guilt, problem of the Christian ideal, an existential choice.

Многочисленные исследования «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского посвящены проблеме анализа противоречивого образа героя повести – «подпольного человека». «Каков он, человек существующий? – главный вопрос повести» [1]. Этот же вопрос является главным и для экзистенциализма – философского течения, последователи которого называют Достоевского своим предшественником, а «Записки из подполья» – «увертюрой к экзистенциализму» [2]. «Ряды восходящих к герою Достоевского персонажей во многом неслучайно формируются вокруг близких, но не синонимичных определений его сущности – "подпольный человек", "парадоксалист", "антигерой". Отсюда, как генетически связанные с «Записками», мыслятся не только герои Жида, Гессе, Сартра и Камю, но и персонажи Набокова, Беллоу, Кутзее, Керуака и многих других» [3], – пишет современный исследователь, рассматривая место «Записок из подполья» в истории исповедально-философского романа на Западе. Частые сопоставления с героями, воплощающими экзистенциальную проблематику, множество литературно-критических, философских и филологических работ, указывающих на связь произведения с экзистенциализмом, требуют системного рассмотрения образа в экзистенциальном ракурсе, в аспекте проблем свободы, выбора, субъективного опыта бытия, форм трансцендирования личности.

В проекции на ценностную шкалу определения характера эти проблемы актуализируют важнейший вопрос повести, «поставленный» имманентным автором: кто же парадоксалист – герой или антигерой? Это вопрос не самоаттестации, но самодвижения личности между характерологическими полюсами «антигероя» и «героя». Вопрос этот традиционно решается в пользу «антигероя» (см., например: «Достоевский... мыслил его как антипода и одновременно как несостоятельного "конкурента" традиционных положительных героев» [4]).

Однако проблема остается неисчерпанной. «М. М. Бахтин открыл о герое у Достоевского, что он – не характер, не социальная или психологическая фигура, а слово – но что это значит? Это значит, что слово подпольного человека превосходит его характер, обозначенный им самим с первых тактов: "Непривлекательный я человек"», – пишет С. Г. Бочаров [5].

«Антигерой» – характеристика, которую герой дает самому себе. Вот какой контекст сопровождает эту номинацию: «...в романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя» [6]. «Антигерой – это самообозначение вымышленного героя выражает мучительный самоанализ и его личную оценку, преимущественно эстетического порядка» [7]. Действительно, эстетизация собственной фигуры и своей речи – важная черта центрального персонажа, так же как литераторство – «синдром» многих героев Достоевского, от «Бедных людей» – до «Братьев Карамазовых». Центральный персонаж повести осознает себя субъектом и одновременно объектом собственных художественно-философских и этических интенций («...мне было стыдно, все время, как я писал эту повесть: стало быть, это уж не литература, а исправительное наказание» [8]), осмысляет собственную фигуру как достойную внимания в беллетристическом тексте, требующем своеобразного читательского внимания и художественных «решений» (см., например: «Черт знает что бы дал я тогда за ссору<...> более, так сказать, *литературную*» [9]. Т. А. Касаткина отмечает, что герой «Записок из подполья» практически каждую свою встречу с людьми оформляет как «приключение». И хотя исследователь пишет, скорее, о приключении как о «жанре» человеческого существования («Вся его жизнь парадоксальным образом оказывается состоящей из мечтаний и приключений («что, может быть, одно и то же») – и жизни не оказывается» [10], эстетический «компонент» этого феномена исследователем фиксируется в емком обобщении, выходящем за пределы «Записок из подполья»: «Когда начинают настойчиво разгра-

© Ковырзенкова Т. В., 2013

ничивать реальность жизни и литературы, делая таким образом литературу «приключением жизни» – жизнь теряет видимую определенность... человек острее начинает чувствовать свою богооставленность: смыслы выносятся в литературу – и смысла не оказывается нигде» [11].

Приключения, воплощенные «подпольным человеком» в сюжете собственной жизни словно в порядке компенсации за его существование, вернее доживание «у себя в углу» [12], взрываются изнутри мучительной рефлексией, экзистенциальным вопрошанием человека о его месте в мире.

Обозначение «антигерой» «приоткрывает важные творческие устремления Достоевского-художника и принципы его характерологии <...> Взявшись показать в подпольном человеке "один из характеров протекшего недавнего времени", "одного из представителей еще доживающего поколения", Достоевский оговаривает, что хочет "вывести" его "перед лицо публики"» [13]. «Записки» парадоксалиста – своего рода расписанные по ролям, по «репликам» глубинные трагические противоречия персонажа, отрефлексировавшего свои и чужие «роли» и переживающего внутреннее потрясение. (Эти первоначала «романа-трагедии» – жанровой формы, появившейся в творчестве Достоевского после «Записок» – придают масштабность неизбывным антиномиям сознания в собственных глазах центрального персонажа и мистериальность трагедии человека в метафизическом плане.)

Об исповедальности как сущностном свойстве слова центрального персонажа, ее содержательных модусах не раз писали исследователи [14]. Анализ повествовательной стратегии Достоевского, основанной на двойственном потенциале исповедального слова, делается в работе V. Brombert с характерным названием «Во славу антигероя» (тип которого появился в европейском литературном процессе XIX–XX вв., по утверждению исследователя, преимущественно благодаря «Запискам из подполья»). V. Brombert, констатируя противоречивость сознания «больного пророка», указывает на преобразование отрицательного потенциала смысла в положительный в процессе передачи опыта интенсивных духовных потребностей [15].

Действительно, «антигерой» и «герой» мерцают в парадоксальной природе внутренних побуждений персонажа. «Парадоксалист» – так называет своего героя автор в самом конце произведения. «Парадокс – одна из категорий поэтики Достоевского, которая характеризует внезапное изменение (или переход/взаимопереход) понятий и явлений к противоположным значениям» [16]. По мысли В. Н. Захарова, парадокс характеризует состояние неразрешимых противоречий в характере героя, он не только эстетизируется как феномен сознания, но и часто переходит на уровень приема: композиционного, сюжетного, стилевого и т. д.

Парадоксальны поступки, высказывания, идеи героя. Парадокс нередко грозит перейти в абсурд – базовый феномен, движущий экзистенциальными героями и обусловливающий их иррациональные действия. Так, граничит с абсурдом свободный выбор предельного самоуничижения героя, когда экзистенциальная тоска («До какой ведь истерики может тоска заесть» [17]) заставляет его завидовать господину, спущенному из окна бильярдной, и самому войти в трактир: «Авось, дескать, и я подерусь, и меня тоже из окна спустят» [18]. Парадокс основывается на законе «усиленного сознания», который, как показало исследование Ф. Бельтраме, спекулятивно задействует постулаты диалектики, уравнивающие в своих правах поступок-«гадость» и «высокое и прекрасное» [19]. Парадоксалист хоть и говорит, что у него возникало желание «обняться со всем человечеством», при столкновении с людьми переживает крах, неудобство, желание властвовать; бытие в мире оборачивается ощущением непризнанности, одиночества, злобой. Общаясь с миром, он не покидает своего подполья, постоянно фокусируется на себе, рефлексирует, через рассуждения о других переходит на себя: «Развратны они были до уродливости (о школьных приятелях. – *Т. К.*). Разумеется, и тут было больше внешности, больше напускной циничности <...> но непривлекательна была в них даже и свежесть и проявлялась в каком-то ерничестве. Я ненавидел их ужасно, хотя, пожалуй, был их хуже» [20]. Этот момент признания («я... был их хуже») очень важен для понимания образа героя. Парадоксалист осознает себя личностью на фоне других, потому что считает себя свободным и свобода руководит им, но в то же время считает, что он «ничто»: «ничем не сумел сделаться» <...> как раз потому что «умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться» [21]. Он себя не оправдывает, напротив: осуждает, винит, тем самым, думается, дает возможность говорить о нахождении его в самом начале пути покаяния, хоть и очень противоречивого. В первую очередь об этом говорит абсолютная жажда героем идеала.

Известно, что цензоры сильно повлияли на последнюю, дошедшую до нас, редакцию «Записок». В письме брату от 26 марта 1864 г. Достоевский писал: «Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал для виду, – то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа, – то запрещено» [22]. Все же потребность эта видится в тексте благодаря актуализации разорванности

истинного идеала и реальности, осознания подмены идеала.

Трагичность «подполья» состоит именно в разрыве между сознанием идеала, то есть отчетливым пониманием, какой должна быть истинная прекрасная жизнь и цель ее, и реальным самодвижением личности, осуществляемым по законам далеко не идеальной существующей действительности, по прагматическому правилу «дважды два четыре». Отсюда жесткое неприятие героем идеи «хрустального дворца» – олицетворения грядущего гармонично устроенного общества, всечеловеческого счастья, основанного на законах разума и безразличной природы. Важными в связи с этим являются заключения Н. Кашиной о «трагедии своеволия» и «трагедии подполья», рассмотренные ею внутри художественного мира Достоевского [23]. Осознание неправильности и чудовищности идеала в виде «хрустального дворца» дано как проекция авторского убеждения в невозможности умозрительного просветительско-рационалистического переустройства общества. Герой видит возможную цель жизни в процессе достижения идеала, но идеала другого – не того, где правят «дважды два четыре»: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить» [24] Чтобы не жить в мире, где идеал – «хрустальный дворец», где все рассчитано по логарифмической линейке и выбор предопределен, несвободен, он и уходит в подполье, обеспечивающее видимость свободы как инерции: «Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье!» [25] Но подполье – вынужденный свободный выбор. Подполье предпочтительней, чем участие в построении «хрустального дворца». Настоящий же идеал недостижим и невозможен, но так желанен и необходим, один выход – подполье. Но «вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду! К черту подполье!» [26].

Отрицательное значение идеала в жизни самого парадоксалиста и тех, с кем он себя идентифицирует («Мы», «всемство» [27]) не исключает, а предполагает сам идеал. Но столь неожиданно, сколь и отчетливо атрибутируется идеал в ценностном мире женской ипостаси человечества. И идеал этот – судя по маркированным синтаксическим повторам (однокоренные подлежащие с повторяющимся местоимением «все») – носит отчетливо религиозный характер. «Для женщины в любви то и заключается все воскресение, все спасение от какой бы то ни было гибели и все возрождение, да иначе и проявиться не может, как в этом» [28]. Такое решение проблемы связано и с переосмыслением стихотворения Н. А. Некрасова, взятого в качестве эпиграфа ко II части («По поводу мокрого снега» [29]), и с определенным женским архетипом («вечной Сонечки»), и с попыткой воплощения христианских ценностей.

С тем же связано специфическое восприятие вины героя, тесно соотносимой со страданием: «Страдание – да ведь это единственная причина сознания» [30]. И в сюжетной ситуации с Лизой герой рассуждает, видя положительное в том, что оскорбил ее: «Не лучше ль будет, если она навеки унесет теперь с собой оскорбление? Оскорбление, – да ведь это очищение; это самое едкое и больное сознание!» [31] Оно, несомненно, ценно для парадоксалиста, поскольку наделяет человека чем-то своим собственным, не зависящим от «стены», от ненавистных «дважды два четыре»: «Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастие, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения. Сознание, например, бесконечно выше, чем дважды два» [32].

Винит ли он себя в том, что сделал с Лизой? Может ли он в принципе винить себя? Он, безусловно, осознает, что поступил ужасно, хотя бы потому, что самому ему плохо было и есть от этой истории: «Никогда я не выносил еще столько страдания и раскаяния <...> сам чуть не заболел от тоски <...> Даже и теперь, через столько лет, все это как-то слишком нехорошо мне припоминается» [33]. Но винит ли он конкретно себя? Ведь заканчивает он свои записки рассуждениями о человечестве, о его грехах и специально оговаривает, что не оправдывается «этим всемством» [34]. С одной стороны, да, он страдает, значит, чувствует вину, муки совести. С другой – причины своих действий он видит в общечеловеческом. Он и вину так понимает: «Как ни раскидывай, а все-таки выходит, что всегда я первый во всем виноват выхожу и, что всего обиднее, без вины виноват и, так сказать, по законам природы» [35]. Может ли он чувствовать вину по поводу этого поступка, если считает, что вина всегда в нем изначально. Для него существует онтологическая априорная экзистенциальная вина человека. Потому он и рассуждает от «мы»: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся, – человеками с настоящим, собственным телом и кровью; стыдимся этого, за позор считаем и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками» [36]. Вместе с тем в этих словах можно увидеть едва ли не важнейший для всей повести ассоциативный ряд. За человеком настоящим, с собственным телом и кровью, встает – как духовная альтернатива – богочеловек,

Его тело и кровь. Отталкивается или внутренне устремляется к образу Христа парадоксалист в этом высказывании? Однозначно ответить затруднительно. Но очевидно, что Его образ живет в сознании героя, и что другая альтернатива (условно назовем ее предницшеанской) – «быть какими-то небывалыми общечеловеками» – не принимается, иронически освещается в стилистической нюансировке «норовим быть какими-то...». Признание героя: «Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно уж не от живых отцов, и это нам все более и более нравится. Во вкус входим. Скоро выдумаем рождаться как-нибудь от идеи» [37], – звучит в той же горько-иронической модальности («выдумаем», «как-нибудь» и др.). Продолжая логику ассоциативного ряда, можно предположить, что «мертворожденными», рождающимися «давно уж не от живых отцов», обозначаются те, кто порвал связь с Отцом Небесным, по крайней мере, это видится в том сегменте смысла, где точка зрения героя приближается к точке зрения автора. Конечно, прежде всего, в поле авторской позиции актуализируются слова из Нагорной проповеди: «Да будете сынами Отца вашего Небесного» – Мф. 5:45, «Да будете сынами Всевышнего, ибо он благ к неблагодарным и злым» – Лк. 6:35. (Символика христианских образов в финале «записок» неочевидна и все же, на наш взгляд, соотносима со звучащим ранее мотивом Воскресения). Но последние слова самого парадоксалиста указывают на решимость, если не волевое решение дистанцироваться от духовного подполья: «Но довольно; не хочу я больше писать “из Подполья”...» [38] Решение прекратить сам процесс письма дезавуируется авторским замечанием: «Впрочем, здесь еще не кончаются записки этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее» [39], однако вовсе не дезавуируется определенная попытка перевести горизонтальный вектор духовных поисков (на уровне темницы «подполья») – в вертикальный. В этом устремлении видится движение этико-эстетического статуса парадоксалиста: от «антигероя» к «герою».

В сюжетной линии героя и Лизы парадоксалист стоит перед экзистенциальным выбором высших ценностей, выбором «образа Божьего». По Бердяеву, подлинный выбор – это выбор в себе «образа Божьего», который составляет сущность личности, но является скрытым для самого индивида [40]. Здесь уместно указать на семантику имени Лиза. Елизавета – буквально с иврита переводится как «почитающая Бога». Лиза – образ невинной жертвы (вспомним Лизавету в «Преступлении и наказании») и Грешницы. Обобщенно этот выбор можно свести к общему: между верой в Бога и отказом от Него. Еще Вяч. Иванов определил сущность романа-трагедии Достоевского как выбор межу бытием в Боге и бегством от Бога в небытие [41]. Мотив выбора в творчестве Достоевского тесно связан с мотивом воскрешения, с сюжетом мистерии (в мифологическом пределе – сюжетом умирающего и возрождающегося Бога, в религиозно-нравственных коллизиях – ситуацией, условно названной «упасть и возродиться»). Герой может сделать выбор в пользу и веры и воскреснуть. В финальной сцене их отношений, когда у парадоксалиста случается признание, затем истерика, он, будучи в том самом абсурдном (при всей условности этого понятия), сознании, не выбирает в себе «образа Божьего», а, напротив, искажает этот акт, выворачивает его наизнанку: унизив, прогоняет любящую его женщину. Однако последним в нарративной структуре волеизъявлением (спонтанным и потому – искренним) стала попытка догнать Лизу, а после заглушаемая фантазиями «живая сердечная боль» [42].

Сам факт написания героем записок, исповеди говорит о том, что он хочет так или иначе покаяться, хоть причиной письменных опытов обнажения сокровенного называет скуку и отрицает потенциального читателя. В тексте повести мы не раз встретим признание героем факта своей вины, хоть и специфически воспринимаемой, и признание того, что он не лучше, а даже хуже тех, кого он ненавидит. Перед нами герой, который видит все несовершенство мира, людей, природы, но в первую очередь себя самого. Парадоксалист – «не антигерой, равный “отрицательному герою”, а все-таки герой, переживающий драму невоплощенности и зависимости от собственных противоречий» [43]. Герой, пишущий свою исповедь, признающий свою вину, свой «антигероизм», презирающий людей, но больше всех самого себя. Герой, находящийся в состоянии мучительного раздвоения, мечущийся между полюсами добра и зла, разрывающийся между неблагообразием реальности и красотой идеала, существование которого видится ему невозможным, но страстно искомым.

Примечания

1. *Кудрявцев Ю. Г.* Три круга Достоевского. М., 1991. С. 9.

2. *Кауфман У.* Экзистенциализм от Достоевского до Сартра. М., 1995. С. 14.

3. *Джумайло О. А.* «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в истории зарубежного исповедально-философского романа // Филологические науки. 2012. № 4. С. 75.

4. *Гальцева Р. А., Роднянская И. Б.* Антигерой // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 36

5. *Бочаров С.* «Записки из подполья»: «музыкальный момент» // Новый мир. 2007. № 2. С. 161.

6. *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. Л., 1989. Т. 4. С. 549.

7. *Свительский В. А.* Антигерой // Достоевский: эстетика и поэтика. М., 1997. С. 71.
8. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 549.
9. Там же. С. 487.
10. *Касаткина Т. А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М., 2004. С. 109.
11. Там же. С 110.
12. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 454.
13. Там же. С. 452.
14. См.: *Криницын А. Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001; *Ковач А.* Поэтика Достоевского. М., 2008; *Честнова Н. Ю.* Исповедальность как принцип становления поэтики художественной прозы *Ф. М. Достоевского* (на материале повести «Записки их подполья» и романа «Подросток»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012.
15. *Brombert V.* In Praise of Antiheroes figures and themes in modern European literature. Chicogo, 1999. P. 7.
16. *Захаров В. Н.* Парадокс // Достоевский: эстетика и поэтика. Челябинск, 1997. С. 183.
17. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 487.
18. Там же. С. 487.
19. *Бельтраме Ф.* О парадоксальном мышлении «подпольного человека» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. СПб.: Наука, 2007. С. 137.
20. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 501.
21. Там же. С. 454.
22. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т.15. С. 239.
23. *Кашина Н.* Человек в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1986. С. 186.
24. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 477.
25. Там же. С. 479.
26. Там же. С. 479.
27. Там же. С. 549.
28. Там же. С. 546.
29. Там же. С. 482.
30. Там же. С. 477.
31. Там же. С. 548.
32. Там же. С. 477.
33. Там же. С. 548.
34. Там же. С. 549.
35. Там же. С. 457.
36. Там же. С. 550.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. М., 1994.
41. *Иванов Вяч.* По звездам. Борозды и межи. М., 2007.
42. *Достоевский Ф. М.* Указ. соч. Т. 4. С. 548.
43. *Свительский В. А.* Антигерой // Достоевский: эстетика и поэтика. Челябинск, 1997. С. 71.

УДК 812

В. Г. Павлова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «СЫН ПЕТРА И МАРИШИ»)

В статье исследуется антропонимическое пространство поэзии Н. П. Алешкова, активно использующего в текстах своих произведений, в посвящениях и эпиграфах имена деятелей культуры (русских и зарубежных писателей и поэтов), литературных героев, известных учёных. Характеризуется роль антропонимов как текстообразующих элементов, отражающих поэтический мир автора.

The article dwells upon a study of anthroponymic part of poetry by N. P. Aleshkov who uses the names of artists (Russian and foreign writers and poets), as well as the names of literary characters and famous scientists in the texts of his works of art, dedications and epigraphs. The role of anthroponyms as text-forming elements reflecting the author's poetic world is also described in the article.

Ключевые слова: интертекстуальность, антропонимы, поэтический текст, идиостиль.

Keywords: intertextuality, anthroponyms, poetic text, idiostyle.

Имя собственное является объектом изучения многих исследователей в русской и зарубежной науке о языке (А. В. Суперанская, В. Д. Бондалетов, М. В. Реформатский, В. И. Супрун, М. В. Горбаневский, Дж. Милль, Б. Рассел и др.). Особый интерес в сегодняшних ономастических построениях представляет проблема специфики имён собственных в художественной литературе.

Термин *интертекстуальность*, как известно, в филологическую науку был введен Ю. Кристевой под влиянием работ М. Бахтина, который описывал литературный текст как полифоническую структуру. (Буквально интертекстуальность означает включение одного текста в другой.) Переплетение текстов и кодов, трансформация других текстов находят особое преломление и в антропонимической системе произведений. Мы не ставим себе целью подробно изучить проблемы (сложные и неоднозначно трактуемые в науке) взаимосвязей текста и интертекста, ограничиваемся лишь одним аспектом интертекстуальности, эксплицирующимся через имена, известные читателям.

Тенденция разворачивания вокруг исследуемого текста целого «пучка» соотносимых с ним текстов других авторов позволяет художнику слова определить свое отличие от других авто-

© Павлова В. Г., 2013

ров, утвердить собственное творческое «Я» среди других и по отношению к другим. По существу интертекстуальность становится механизмом метаязыковой рефлексии. Однако интертекстуализация и авторефлексия, доведенные до абсурда и пропущенные через теорию «деконструкции», то есть разрушения, Ж. Деррида, как раз приводят к обратному эффекту, к полному растворению, рассеиванию авторского «Я» в семиотическом пространстве «чужих» слов и образов «третьего лица». Р. Барт пишет следующее: «Субъективность обычно расценивается как полнота, которой "Я" насыщает тексты, но на самом деле – это лжеполнота, это всего лишь следы тех кодов, которые составляют данное "Я".

Таким образом, моя субъективность в конечном счете представляет из себя лишь банальность стереотипов» [1]. Следовательно, функции интертекста в каждом тексте определяются исключительно через «Я» его автора, поскольку введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка основательного переосмысления иного текста с целью извлечения нового смысла «своего» текста. Степень приращения смысла в этом случае и является показателем художественности интертекстуальной фигуры. Интертекстуальные связи носят различный характер, зависящий от авторского замысла. Следует отметить органичную связь интертекстуальности с ономастикой. В текстах встречается много имен и названий (онимов), что позволяет делать вывод об ономастической составляющей понятия «интертекстуальность». Антропонимия в русской художественной литературе рассматривается в следующих основных аспектах: функции и специфика литературных антропонимов (в работах В. А. Никонова, В. М. Карпенко, М. И. Черемисиной, Л. И. Андреевой, Г. А. Силаевой и др.), связь антропонимической системы художественного произведения с системой его образов (в работах С. А. Копорского, П. Я. Черных, М. И. Черемисиной, С. И. Зинина и др.), способы и приёмы создания и подачи литературного антропонима (в работах В. А. Никонова, С. И. Коткова, Л. М. Щетинина, Э. Б. Магазаника, В. М. Карпенко, Д. А. Салимовой и др.), зависимость ономастики художественного произведения от литературного направления (в работах С. А. Копорского, В. А. Никонова, М. С. Альтмана, К. Б. Зайцевой и др.), взаимодействие собственных имён и апеллятивов в художественном тексте (в работах А. В. Фёдоровой, О. И. Фоняковой, Т. Н. Кондратьевой) [2]. Еще в 70-е гг. прошлого века ученые подчеркивали, что актуальным представляется анализ специфики имён собственных в поэтических текстах, так как поэтика имён собственных «чрезвычайно мало исследована» [3]. Это положение справедливо и по сей день.

Насыщенность именами собственными характеризует индивидуально-авторские системы многих художников слова. Интересный пример в этом плане являет индивидуальный стиль Николая Петровича Алешкова, талантливого челнинского поэта, стихи которого давно завоевали популярность и любовь не только на родине, в Татарстане, но и во всей России.

Председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей, Николай Алешков (род. 1945) участвовал в возведении нового города, создании его творческой атмосферы. Десять лет работал на стройке, более двадцати руководил литературным объединением «Орфей», организованным местными поэтами и прозаиками, заявившими о себе публикациями в журнале «Новый мир», издательстве «Молодая гвардия». Поэтические сборники Алешкова «Запомни меня счастливым» (Казань: Татарское книжное издательство, 1983), «Орловское кольцо» (Казань: Татарское книжное издательство, 1989), «Дальние луга» (Набережные Челны: «Светоч», 1995), «Сын Петра и Мариши» (Казань: Татарское книжное издательство, 2005), «Свет небесный» (Москва: «Московский дворик», 2007) покоряют искренностью, простотой и естественностью. Сила притяжения стихов Алешкова в неиссякаемой любви к своей малой и большой родине, в трепетном отношении к живущим рядом простым людям и своему народу.

Тематика стихов поэта разнообразна. Это стихи о послевоенном детстве и природе родного края (родной Орловке), о любовных переживаниях и семейных узах, о падениях и преодолениях жизненных тягот. Его творчество наполнено любовью к родине и болью за неё. Сквозной является тема ответственности за происходящее.

В 2005 г. Н. П. Алешков стал шестым литератором республики и первым челнинцем, удостоенным премии имени Гавриила Державина за книгу стихов «Сын Петра и Мариши». В 2009 г. распоряжением губернатора Ленинградской области поэту была присуждена премия имени Александра Прокофьева «Ладога» в области поэзии за сборник стихов «Свет небесный».

В настоящее время Н. П. Алешков возглавляет Татарстанское объединение российских писателей, занимается издательской деятельностью, является главным редактором литературного альманаха «Аргамак – Татарстан».

Объектом данного исследования стал сборник стихов «Сын Петра и Мариши» как наглядный пример употребления в тексте имён собственных.

Предметом исследования являются имена собственные интертекстуального типа как средство номинации и отображения действительности.

Цель данной статьи – описать имена собственные (антропонимы) как основное звено в интер-

текстуальных связях произведений Н. Алешкова и как элементы идиостиля поэта.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в нём впервые предпринимается попытка анализа антропонимического пространства поэта Н. П. Алешкова, которое рассматривается в тесной связи с его биографией и которое является одной из особенностей антропонимикона его поэзии.

Материалом исследования послужили более 200 (206) антропонимических единиц, извлечённых методом сплошной выборки из сборника Н. П. Алешкова «Сын Петра и Мариши». Сборник «Сын Петра и Мариши» (избранное) состоит из шести разделов: «Долгое эхо» (1960–1970); «Год рождения» (1971–1980); «Упасть зерном» (1981–1990); «За будущей звездою» (1991–2000); «Две красные розы на белом снегу» (1994–2004); «Здесь» (2001–2005).

На страницах книги – впечатления юности и раздумья зрелых лет, родительский дом, отец и мать, братья и сёстры, любимые женщины, подрастающий сын, друзья – те, которые живы и те, кого уже нет с нами.

В сборнике можно выделить следующие группы антропонимов:

1) имена реальных лиц;

2) имена вымышленных лиц.

Статья посвящена анализу первой группы – именам реальных лиц, которые и находятся в центре нашего внимания. Имена собственные данной группы распределяются следующим образом:

1) имена русских и европейских литературных деятелей, писателей;

2) имена татарских поэтов, писателей и поэтов-современников;

3) имена литературных героев;

4) имена киноактёров и режиссёров.

Самая многочисленная подгруппа антропонимов – *имена литературных деятелей, писателей, поэтов.*

Имена русских и европейских литературных деятелей, писателей, поэтов, которые в текстовом поле Н. П. Алешкова становятся как своеобразным маяком, так и компактным и сжатым источником историко-культурологической информации: *Пушкин, Рубцов, Есенин, Вознесенский, Ахматова, Поженян, Блок, Северянин, Сент-Экзюпери, Лермонтов, Гессе, Элюар, Ахмадуллина, Твардовский, Тредиаковский, Грин, Волошин, Шукшин, Высоцкий, Окуджава, Герцен.*

Большинство именований этой подгруппы используется поэтом однократно, но встречаются такие, которые автор использует два и более раза: *Есенин (8), Рубцов (5), Пушкин (3), Шукшин (3), Сент-Экзюпери (3).*

Имя *Есенина* присутствует в поэзии Алешкова на протяжении всего его творческого пути. Уже в раннем периоде его творчества имя собственное *Есенин* служит образцом поэтического вдохновения автора *(«Билось сердце его обнажённое, в нервном пульсе билось стихами»)* в стихотворении «Сердце поэта» [4], посвященном «Памяти Сергея Есенина».

В стихотворении «В Константинове» (с. 34), где на родине поэта «под тальянку песня пелась, а в песне той звенела Русь», антропоним *Сергей Есенин* выступает в первичной объектной функции и служит для создания целостной картины «праздника возвращенья к родной бревенчатой избе»:

Возникли в музыке осенней
Черты знакомого лица,
Как будто встал Сергей Есенин
У деревянного крыльца.

В контексте антропоним *Сергей Есенин* создаёт зримый образ поэта, чья судьба неотделима от его малой родины и России.

Именем собственным ***Есенин*** сопровождаются рассуждения Н. П. Алешкова о «тайне творчества». Так, в стихотворении «Нескладухи» из раздела «Упасть зерном» мы читаем (с. 98):

Есенин не писал о хлеборобах.
Писал – чудак! – о собственной душе...
Но вот что интересно: хлеборобы
Есенина читают, нас – увы...

Первый оним ***Есенин*** употребляется с апеллятивом «чудак», который представляет характеристику объекта, а второй образует метонимический перенос – «Есенина читают» (то есть читают его стихи, произведения).

В стихотворении «Привет, Москва!» (с. 228), где «сплошь чужие лица», показано отношение Н. П. Алешкова к «нерусской столице»:

Застыли Пушкин и **Есенин**,
Как чужестранцы на Тверском...

Объединяющая двух поэтов формула «Пушкин и Есенин» воспроизводит реалии сегодняшнего дня (*«Москва, как мало в этом звуке осталось русского. Увы...»*). «Пушкин и Есенин» (имеются в виду памятники поэтам) – «чужестранцы».

В строчках, посвящённых «Алексею Козлову, односельчанину, поэту, музыканту», фамильный оним *Есенин* в однородной конструкции с именами собственными *Рубцов*, *Пушкин* выполняет одновременно первичную и вторичную функции (объектную и квалификативную). Обращает на

себя внимание порядок употребления онимов, что связано с закономерностями рифмо-ритмической организации строк:

Нам Рубцов, Есенин, Пушкин
Откликаются в веках.
В нашей речи – дробь частушки,
Вдовий плач о мужиках.
(«Ты да я. Других не знаю») (с. 250).

В стихотворении «Эта тяга к открытым пространствам» (с. 110) в качестве эпиграфа выбрана строка Есенина «...Что, любя, проклинал не один» и имя автора указано полностью, а именно ***Сергей Есенин***, что является двучленным антропонимом [5], который служит средством связи времён и памяти поэта («Всё больше, Россия, с годами и такого тебя узнавать»). Антропоним ***Сергей Есенин*** в эпиграфе «Никогда я не был на Босфоре. Ты меня не спрашивай о нем...» подчеркивает и тот факт биографии Н. П. Алешкова, что он сам действительно не был за границей. (Известный татарстанский поэт не может себе позволить поездки за границу, так Н. П. Алешков экстраполирует есенинскую фразу на современную российскую действительность).

В главе «Блудный сын» поэмы «Орловское кольцо» (с. 158) имя ***Сергей Есенин*** используется в эпиграфе «к тридцати годам перебесясь...».

Намечается общее в судьбах поэтов («Несётся поезд. Жизни половина осталась за спиною. Погоди! Нет у тебя ни друга и ни сына, и неизвестно – что там, впереди...»). Неустроенность, неопределённость («К очагу семейному на выстрел тебе уже давно заказан путь», «Мать писем ждать твоих устала») передаётся стихами Сергея Есенина, которого тоже, как и Н. П. Алешкова, «другим на родине запомнили, весёлым, откровенным, молодым».

Одной из сквозных тем творчества Н. Алешкова стало обращение к поэзии ***Н. Рубцова***.

Жгучая ***рубцовская*** «смертная связь» с русской деревней и природой – «малой родиной», овеянной сказкой и былью многих крестьянских поколений и ощущаемой «матерью России целой», близка Н. П. Алешкову. Оба поэта на протяжении всего творчества сохраняют верность себе, детству. Это притяжение к вечному: природе, народу, Родине. «Мои поезда» у Рубцова и «Этот поезд» у Алешкова зовут из дома в большой мир. К стихотворению «Этот поезд» (с. 230) Алешков берёт в качестве эпиграфа строки из стихотворения «Мои поезда» Рубцова:

И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу...

Имя ***Н. Рубцов*** служит для выражения взгляда автора на происходящее: «поезд жизни, по Н. П. Алешкову, “уходит во тьму. И никто не вернётся обратно”». Антропоним ***Рубцов***, употреблённый в тексте стихотворения, в первичной функции, ассоциируется с личностью поэта («загадал загадку нам Рубцов»).

В основу некоторых стихотворений Н. П. Алешкова положены отдельные эпизоды из жизни ***Н. Рубцова***: «Однажды в общежитии Литинститута исчезло несколько портретов великих русских писателей. Как потом выяснилось, их снял со стены Николай Рубцов. Он заперся с портретами в своей комнате и провел там бессонную ночь». Читаем в стихотворении «Гости»:

Его всю ночь портреты окружали
холодной молчаливою толпой.
И, скомкав ироническую фразу:
Финита ля комедиа, Рубцов! –
он от своих кумиров, как от сглазу,
вдруг закрывал ладонями лицо (с. 66).

Антропоним ***Рубцов*** выполняет первичную (выделительную) функцию в позиции обращения, усиливает направленность на адресата-собеседника, который «говорил с великими на равных» («гости... всё пристальней смотрели на поэта и не могли ему не отвечать»).

В поэме «Орловское кольцо» к главе «Яков-лог» эпиграфом выбрана строка Н. Рубцова «Снимите шапку, гражданин!».

В стихотворении «Не жаждал ни славы, ни пули», посвященном ***Геннадию Морозову*** (с. 257), где утверждается мысль о том, что «Не всё ещё продано, братья, коль Родина – в каждом из нас!..», автор полон оптимизма:

Мы раны стихами залечим
в его монастырском тепле
и выпьем за добрую встречу
на нашей тревожной земле,
за светлую душу **Рубцова**,
за праведный дар **Шукшина**.

Появление антропонима ***Шукшин*** связано прежде всего с интересом к его личности:

Победы творческие празднуя,
Не грех бы вспомнить иногда:
Шукшин свою «Калину красную»
снимал в застойные года.

Как известно, «Калина красная» поразила в своё время зрителей философской глубиной трактовки острейших проблем. Фамилия ***Шукшин*** употребляется поэтом неоднократно:

«Такой простор, что душу ломит», –
Сказал о родине Шукшин.

Образ ***Шукшина*** воплощает черты русского национального характера. Поэт Алешков восхищается его яркой индивидуальностью. Антропоним ***Шукшин*** тем самым как бы сближается с именем самого челнинского поэта, который тоже органично сочетает в своем творчестве пронзительную искренность личных переживаний с чувствами, близкими каждому, и выражающими самую суть характера русского народа.

Алешков тоже истинный патриот своей Родины, даже в советские, а затем и в перестроечные годы его не задела волна псевдопатриотизма. В то время как многие активно печатали стишки на тему «Гром КамАЗа (Камского автомобильного завода), раздавайся!», из его сердца вырывались другие строки:

Я бы тоже гордился заводами,
Если б речка осталась жива.

Так, поэт еще в 70–80-е гг. пытался поднять актуальную для сегодняшних дней проблему экологии, используя в своих строках и интертекстуальные элементы, и элементы антитезы.

Николаю Алешкову очень близка и поэзия ***Высоцкого (*** «Мы стали вдруг такими смелыми»), который открыто выражал свои мысли в песнях. Вероятно, из-за этого он при жизни напечатал только одно стихотворение, но записи его песен с рвущей душу тоской по справедливости расходились по всей стране:

И, моралистов эпатируя,
хрипел Высоцкий в микрофон.
Он не за то, что был задирою,
за правду горькую сражён (с. 111).

Антропоним ***Высоцкий*** употребляется с глаголом «хрипел», служит для создания образа поэта-певца и выполняет, кроме называния, экспрессивно-стилистическую функцию [6].

Таким образом, использование «реального» именника является отличительной особенностью поэта Н. П. Алешкова. Антропонимическое пространство поэта разнообразно и многопланово. Антропонимы органично и мотивированно вливаются в систему языковых средств поэтических текстов Николая Алешкова, участвуют в создании общей образности его произведений. Это позволяет говорить о высокой степени эрудиции автора, широком круге интересов, филологической подготовленности и масштабности философского миросозерцания. Тексты поэта всегда являются составной частью широкого культурного текста. Это не так называемое «цитатное мышление», а свидетельство включенности автора в русский поэтический мир, который создавался веками и живет в душах современных поэтов.

Ономастическая лексика выступает как яркий пример авторского идиостиля и даёт возможность проанализировать модели именований, их функции в произведениях. Изучение ономастического пространства данного поэта представляется весьма перспективным, поскольку позволяет осуществить переход от изучения ономастического поля конкретного сборника стихов к изучению ономастикона всего творчества поэта, а затем и к созданию Словаря языка поэта.

Примечания

1. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 4. Филология. М., 1998. С. 35.

2. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. С. 93–94.

3. *Магазаник Э. Б.* Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967. С. 7.

4. *Алешков Н. П.* Сын Петра и Мариши. Избранное. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 13. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц.

5. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 72.

6. *Салимова Д. А.* Антропонимия романов Д. И. Стахеева. Елабуга: Изд-во Елабуж. гос. пед. ун-та, 2008. С. 112 (в соавт. с Г. Р. Патенко).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 78.03

Н. И. Поспелова

НОВОЕ КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО МУЗЫКИ: ВЫЗОВ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Может ли Интернет спроецировать «коммуникационный маршрут» индивида посредством музыки? Способна ли музыка выступить в качестве катализатора идентичности? Эти вопросы ставит и пытается на них ответить автор предлагаемой статьи, где дается общая характеристика проблемы функционирования сетевых музыкальных порталов и усиления влияния Интернета на воспроизведение и восприятие музыки.

Can Internet project an individual “communicative route” through music? Can music be a catalyst of an identity? The author of the article asks these questions and tries to answer them by giving general qualification of net music portals operation and of growing Internet impact on music reproduction and perception.

Ключевые слова: коммуникация, Интернет, сетевая культура, музыка, восприятие, аудиосреда, толерантность, мультикультурализм, социальный контекст.

Keywords: communicaition, Internet, network culture, music, perception, audio environment, tolerance, multiculturalism, social context.

> Нужно приступить к миру социальных явлений с тех сторон, с которых он наиболее доступен научному исследованию. Лишь позднее можно будет повести исследование дальше и, последовательно приближаясь, постепенно проникнуть в эту ускользающую реальность, которою, быть может, ум человеческий никогда не будет в силах овладеть вполне.
>
> *Эмиль Дюркгейм*

Постановка проблемы

Культурологическая рефлексия антропологических проблем постиндустриального общества невозможна без анализа того, что связано с новейшими коммуникационными технологиями, а конкретно – с тем, что есть в интернет-пространстве – этом продукте отчуждения «человеческого в человеке».

© Поспелова Н. И., 2013

Воздействие Интернета сегодня актуализировано во всех аспектах. Не исключение и активно действующая в сети коммуникация *человек – музыка*. Она, безусловно, не статична, стремительно развивается, трансформируется и в своих ускользающих изменчивых формах создает дополнительные трудности для анализа философских и семиотических оснований виртуальной аудиосреды. Как функционирует этот информационный канал? Является ли он только резервуаром сохранности музыки – наподобие письменных форм фиксации музыкального текста и дальнейшего его воспроизведения на технических носителях? Или аудиокоммуникация, сама себя воспроизводя одним кликом мыши, управляет человеком, формируя его идентичность и его эстетические предпочтения? Вот вопросы, которые приглашают, вслед за Дюркгеймом, проникнуть в «ускользающую реальность» ответов, вновь становящихся новыми вопросами.

Музыка – явление социальное, и как социальное явление, она конституируется в доступных, соответствующих каждой конкретной эпохе формах. Если в период с XVII по XX в., чтобы послушать музыку, люди посещали концертные залы, музыкальные театры и даже стадионы (на такой охват социальных площадок претендовали соответствующие стили и направления), то в начале XXI в. музыка расширила границы и, благодаря влиянию цивилизационных процессов, «удвоила» свое присутствие в жизни общества и отдельного человека, развернувшись в сторону сети Интернет. Незаметно, последовательно и неизбежно она добавила к своему жанрово-видовому статусу *искусства* статус коммуникационного *инструмента* и стала «виртуальным продолжением» личности, его технически-эмоционально-информационным ego. Ее участие и роль в жизни современного человека (преимущественно молодого) можно сравнить с необходимостью иметь мобильный телефон, планшетный компьютер, смартфон или иной новомодный многофункциональный гаджет-продукт. Интернет и массовая культура породили своеобразную моду на музыку. Изменилась ее среда бытования. Она всегда рядом – здесь и сейчас. Она стала информационным объектом, художественно-эстетическим симулякром, заместителем реально «звучащего мира» и творческой деятельности музыкантов. Во многом это связано с заказом

общества на потребление, на игровые формы досуга, альтернативные переживания – те ценности массовой культуры постиндустриального общества, которые сформировали и продолжают формировать исключительно потребительскую идеологию и «механизмы психологической компенсации и рекреации» [1].

Новая коммуникационная среда адаптирует человека к постоянно меняющимся условиям его существования, помогая устанавливать контакт с внешним миром, «оберегая человека от отчуждения и связанного с ним одиночества» [2]. Нередко эта адаптация сводится к «пассивному подчинению социальным нормам, где личность полностью или частично нивелируется, а целью ее развития становится не выявление индивидуального, не развитие творческого потенциала, а растворение личностного потенциала во всеобщем» [3]. Такова ситуация, сложившаяся в эпоху «Аватара» и актуального искусства.

Музыка увлекает в свой иллюзорный мир «всеобщего бытия» интернет-пространства с его практически неограниченными адаптационными и информационными возможностями. Многие отечественные исследователи современной культуры (А. Н. Ильин, Л. Е. Климова, А. В. Костина, Э. С. Маркарян, А. Я. Флиер и др.) отмечают несоответствие личности, которая мечется между социализацией и индивидуализацией, традиционностью и обновлением, нормативностью и свободой, групповой и персональной идентификацией и иными противоречиями культуры. Э. Фромм проблематизировал данный процесс формулой «иметь или быть», констатируя превращение личности из субъекта в объект бытия. Как бы то ни было, музыка, благодаря своей охранительной функции, гарантирует «сетевому человеку» (человеку Интернета) достаточно комфортную психологическую среду, которая, с одной стороны, оставляет его наедине с собой (экзистенциальный аспект проблемы «бытия-в-сети»), а с другой – делает его частью группы (коммуникационно-адаптивный аспект). Возможности Интернета «расшили» и расширили доступ к тому, что можно и хочется слушать, с чем можно и желательно идентифицировать себя в условиях сетевой анонимности/неанонимности. И за этой кажущейся доступностью абсорбируется воздействие музыкального продукта на человека. Процесс слушания музыки остается *слУшанием*. Он не переводится в план *слЫшания*, где задействованы понимание, осмысление, интеллектуальное переживание, как при восприятии «живого» звука и живого исполнителя. В этом случае музыка становится калькой идентификации того, кто «кликает» ее (возможно, при этом включая в работу еще дополнительные каналы коммуникации).

В связи со сложившейся ситуацией эстетического и социального «двойничества», когда у музыкального произведения на первый план вышло не его образное содержание и не автор (автор зачастую неизвестен, известен в лучшем случае продюсер или компьютерный «хозяин» программы), видоизменился и привычный, традиционный характер восприятия музыки и отношения к ней, как изменилась собственно и ее эстетическая норма, сложившаяся еще в эпоху античности. При том, что Интернет задал определенный уровень свободы [4], обычный пользователь, с одной стороны, получил широкополосный формат практически мгновенного доступа к разной музыке, «живущей» в сети, с другой – он оказался заложником коммерциализированных форм, блокирующих быстрый и удобный (то есть бесплатный) контакт с желаемым произведением, композицией, треком, сайтом.

Рассматривая интернет-среду с позиций массового пользователя и массовой культуры, мы приходим к пониманию, что музыка в сети не дает устойчивого иммунитета для манипуляции с человеческим сознанием (в чем видится главная задача массовой культуры) уже потому, что сопротивляется чистой рациональности, прямолинейному дидактизму вербальных смыслов, апеллируя к неоднозначным смысловым коннотациям, выраженным на языке эмоций.

Что предлагает сетевая культура миллионам любителей музыки? Поищем ответ в тех же сетях. Только при запросе «классическая музыка» поисковики выдают разные результаты: Яндекс – 3 млн, Google – 5,6 млн, но ясно одно: на запрос миллионов пользователей Интернет предлагает практически бесконечное количество произведений классики (или академической музыки), не говоря уже о поп-музыке и других «облегченных» образцах музыкальных композиций. В Интернете есть все – от примитивных ритмо-мелодических матриц техно до компьютерных композиций и академических (традиционных) образцов авторской музыки.

Такова реальность интернет-среды, ее специфической культуры.

От толерантности – к мультикультурализму

Когда мы характеризуем сетевую культуру как пространство почти неконтролируемых и не регламентируемых коммуникаций, мы говорим о новом – информационном – бытии человечества, «о приходе нового информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования» [5]. Это качественное изменение жизни повлекло за собой изменение архитектоники устоявшихся дихотомий (коллективное – инди-

видуальное, чувственное – рациональное, социальное – экзистенциальное, национальное – глобальное) с их взаимоинверсионностью и подменой.

Сумма данных категорий образует *поле идентичности,* характерное для сетевой культуры, поскольку является морфологической и, вместе с тем, эстетической характеристикой этнокультурной фрагментации социума. В отличие от мира господствующей традиционной культуры, детерминированной нормами, идеологической выверенностью, преемственностью традиций, изучать *идентичность* и *мультикультурализм* непросто, но необходимо и важно. Необходимо, поскольку совокупность равных культур в сетевой среде жизнетворчества предстает в текучей изменчивости рождающихся и постоянно ускользающих (а иногда исчезающих) форм. Важно – потому, что эти формы не отлиты в законченные и наследуемые конструкты, а влияние их на общество в его историческом, социокультурном, динамическом охвате чрезвычайно велико.

Следует также помнить, что концептуализация музыкальной идентичности в сетевой культуре, как и проблема сетевого общества в целом, образует одну из центральных тем дискуссии о культурном самосознании человека. Располагаясь в плоскости периферии виртуальной коммуникации (значительно уступающей коммуникации вербальной), тема сетевой онтологичности музыки является, на наш взгляд, далеко не факультативной.

Многие исследователи современной культуры (М. Кастельс, П. Бурдье, Ж. Делез, Ж. Бодрийар) в качестве базовой константы в системе коммуникации называют толерантность – свойство, определяющее терпимость к иному мировоззренческому модусу. Ее социальный статус близок мультикультурализму – с его требованием равноправия культурных моделей поведения, образа жизни, ценностей, идей, традиций, гендерных различий, эстетических предпочтений, что соответствует содержанию демократизма и многополярности мира (политический аспект), информационной и личностной свободы (психологический аспект). Ситуация, уходящая корнями в глубокую архаику. Сегодня она описывается в терминах, восходящих к концепции К. Шеннона, исследовавшего пропускную способность каналов связи [6], особенно в его совместной с У. Уивером работе «Математическая теория связи», содержание которой сводится к пониманию информации как характеристике почти безграничных возможностей системы. Мы реально наблюдаем, как идущий от мифологии императив правового и культурного равенства, выражаемый в терминах *толерантность/мультикультуральность* [7], пытается «избавить» современное общество от противопоставления «свой – чужой – чуждый», совершая свое путешествие в то время, когда культура была гомогенной, и когда человек был органичен природе и самому себе. В определенном смысле иллюзию этой органики и предлагает Интернет – с его информационной открытостью и анонимностью, свойством истинной и ложной идентичности.

Понятие сетевого общества, по мысли Мануэля Кастельса, его обосновавшего [8], означает характеристику постиндустриальной эпохи, основу которой составляют не только информационные технологии и медиасети, но и перманентно трансформирующиеся экономика, труд, культура, политика, государственные институции и, в конечном счете, пространство и время, потоки интеллектуальных идей, образов, концептов. В ситуации мультикультуральности мы имеем дело с множественностью идентичностей и множественными контекстами ее интерпретации.

Историко-культурный опыт дает понять, что каждый человек – неповторимая индивидуальность, каждый имеет свои вкусы, привычки, увлечения и профессиональные интересы, свои симпатии и антипатии и, тем самым, создает среду своего обитания. Но одновременно каждый из нас – часть целого и стремится идентифицировать себя с определенной социальной группой. Идентификация апеллирует к чувству «мы», предполагает отождествление человеком себя с коллективом как «своим» и, тем самым, отделение себя от всего «чужого». Но идентификация предполагает открытость границ – миграцию индивида из одной общности в другую, постоянное открытие человеком самого себя, своей группы. И это понятно. Человек становится человеком благодаря конкретной культуре (или точнее – общению с конкретной культурой) и через нее. В эпоху господства сетей влияние культуры на человека, как, собственно, и преодоление культурных границ, заметно изменило ситуацию: сетевое общество предложило человечеству новые ритмы и скорости этого взаимовлияния, новые формы коммуникации – с безостановочным обменом информацией взаимодействующих систем.

Сетевая культура как продукт сетевого общества задает необходимые стандарты «транспортировки информации... возможность ее обработки» [9], а также способы коммуникации и восприятия, то есть все то, что характеризуется понятием *дискурс социальности*. Сегодня коммуникация посредством сети Интернет (или смс, смартфона, айфона) создает целую культуру общения, стиль мышления, при котором рождаются, сменяя друг друга, симулякры человека-творца.

Интернет – ключевое понятие для сложного синтеза коммуникационных каналов. Этот син-

тез коснулся и музыкальной сферы. Интернет стал территорией, где «мирно уживаются» все направления и стили, всех времен и народов: популярная, техно-музыка, высокая классика, рок и др. По мере развития сети как сугубо технического параметра компьютерных технологий музыка обретает новое качество социальной коммуникации: она маркирует персональную и групповую идентичность, возрастные особенности, эстетические предпочтения людей.

Ситуация, когда «музыка для всех» сменила парадигму «музыка для таких, как я», стала, с одной стороны, показательной с точки зрения эволюции массовой культуры в сторону новой (многоканальной) среды с действием принципа «поглощаем все и сразу» (нередко в одновременности), а с другой – выявила глобальную тенденцию, связанную с процессом деперсонализации и легитимации «прав человека». Однажды допущенная автором интернет-программы (или группой авторов) информация начинает жить в сети – нередко по законам анонимности, доступности и смешения, реализуя постмодернистский лозунг «смерти субъекта». Ее «плавающий» характер обнаруживает отсутствие фильтра на достоверность. Как Демон, скитается она во всемирной паутине, ломая порядок и устоявшуюся норму, существующую в реальном мире.

Психологи утверждают, что человек способен воспринимать информацию сразу из четырех каналов, не более. На музыкальном языке это означает «полифоничность» мышления. Но трудно себе представить, чтобы пользователь слушал музыку из четырех каналов одновременно и мог воспринимать во всей полноте содержательно-эстетическую сущность звучания. Здесь коренится то различение, которое специфично для сетевой музыки (или точнее – музыки в пространстве Интернет) и которое надо иметь в виду, анализируя ее сетевую форму бытования.

Скажи мне, что ты слушаешь, и я скажу, с кем и чем ты себя идентифицируешь

Проблема музыки в социальных сетях тесно связана с эволюцией интеллектуального опыта, восприятия и чувственности, а также с новым местом музыки в жизни социума. Интенсификация обмена звуковыми образами и интеллектуальными идеями в сетях не способна, как может показаться на первый взгляд, существенно повлиять на мировоззренческие установки, но способна уловить вектор движения траектории самоидентификации, которая, как полагают ученые, меняется в течение жизни.

В XXI в. главная магистраль коммуникации, влияющая на идентификацию, переместилась в пространство Интернета, где с еще большим ускорением рождались, рождаются и умирают социальные группы (или сообщества) и их музыкальные предпочтения. Интернет не просто моделирует коллективное сознание и процессы, в нем протекающие, он задает программы, формирующие реальность, причем эта проекция происходит в несравненно более высоком темпе, чем это было в предшествующую эпоху традиционных носителей информации. Интернет, по общему признанию философов, – это поле социального эксперимента, и, как считают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, «расшивается» оно по принципу ризомы в противовес иерархизированной модели. Если в иерархической системе информационные потоки спускаются и контролируются сверху, то в ризоме поток информации идет по горизонтали (парадигмально) – по множественным пересекающимся каналам одновременно. Единая мировая информационная сеть организует человеческие активности в мобильные, изменчивые формы. Интернет как сеть – «вещь, эмпирически ненаблюдаемая», потому что пользователь «всегда “внутри” сети, сеть всегда его среда» [10]. Она выступает в роли «синергетической связи коммуникаций, сопряженной с актами познания и создания механизмов когерентности личности смыслообразующих систем» [11].

В реальном мире, чтобы идентифицировать человека, требуется узнать, что он читает или слушает и кто его друзья. В виртуальной реальности дело обстоит еще жестче – все люди делятся на читающих и не читающих, слушающих и не слушающих, а друзья и собеседники прячутся под никами, различного рода аватарами (они далеко не всегда являются личными фотографиями) и исчисляются сотнями, а иногда и тысячами. Известная поговорка «скажи мне, что ты слушаешь, и я скажу, кто ты», идентифицирует, скорее всего, не индивидуальность, а целую группу людей, увлекающихся определенным стилем, направлением и т. п. Достаточно привести статистику, лежащую на поверхности поисковых сайтов, чтобы понять масштаб причастных к феномену сетевой онтологичности музыки. Так, например, в крупнейших российских социальных сетях есть группы, участники которых являются любителями классической музыки. Их количество разное: «Вконтакте» – 119 266 (http://vk.com/classicmusic), в «Одноклассниках» – 6 321 человек (http://www.odnoklassniki.ru/dk?st.cmd=altGroupRestricted&st.groupId=counddkicyocgbqzfek0rlquyyazrnjrmhbgf&st.ri=0&st.qh=-681885761&st._aid=LS_Group_name). При этом нетрудно заметить, что сеть «Вконтакте» – более молодежная, нежели «Одноклассники», а лю-

бителей классической музыки в ней в 18,9 раз больше.

Устанавливая в сети коммуникацию с новым собеседником, пользователь сначала тщательно изучает web-страничку предполагаемого собеседника. В анкете на данной страничке может не быть аватара с реальным изображением предполагаемого собеседника, могут быть заполнены некорректным образом поля анкеты, явным образом дающие понять, что это неверная информация. Так поступают те участники социальных сетей (например, «Одноклассники», «Вконтакте», «Фейсбук» и др.), которые нивелируют свою идентичность, пытаются спрятаться за маской выдуманной ими самими персоны. Но кто-то из них неосознанно дает шанс другим участникам приоткрыть свой внутренний мир благодаря прослушиванию любимых (загруженных на страничку) аудиозаписей. Эти записи становятся единственным средством «узнавания» человека, потому что на свою страничку пользователи добавляют только те аудио- и видеозаписи, которые регулярно просматриваются или прослушиваются владельцем странички. В данном случае мы имеем дело с понятием сборки музыкальных предпочтений. «Ты есть то, что ты слушаешь, а значит ты – наш пользователь» – вот девиз музыкальных порталов, которых в сетях множество. Приведем примеры некоторых сайтов, где живет музыка.

1. http://www.Myspace.com

Основатели портала – Том Андерсон и Крис Девульф. Это самая большая группа меломанов и музыкантов всех уровней и направлений, от звезды до домохозяйки.

2. http://www.jamendo.com

Сайт для исполнителей музыки, чтобы легко и удобно было ее продвигать. Музыка здесь распространяется на условиях различных лицензий Creative Commons и Free Art, а альбомы можно скачивать полностью с помощью BitTorrent и eDonkey.

3. http://musicdepo.ru

Сеть, где любой артист может совершенно бесплатно загрузить свои композиции для оценки, принять участие в конкурсе и получить шанс записать сингл в рек-студии или выиграть ценные подарки, а также получить профессиональную рецензию творчества.

4. http://www.loudcloud.fm

Платформа для объединения начинающих и профессиональных музыкантов, их фанатов, продюсеров, студий звукозаписи, звукорежиссеров.

5. http://www.onmusicstage.com

Музыкальная социальная сеть. Проект для музыкантов, работников музыкальной и околомузыкальной индустрии, а также любителей музыки. На сайте предоставлена возможность создания профилей исполнителей и групп, персональных профилей, размещение фото-, видео- и музыкального контента.

Музыкальные порталы – это мощная информационная музыкальная база (исполнители, площадки, аудио- и видеоматериалы, репетиционные базы, анонсы и афиша мероприятий, новости, обзоры концертов, рецензии релизов, интервью и другого рода материалы), рассчитанная, прежде всего, на музыкантов и работников музыкального бизнеса и представляющая собой удобную площадку для общения и поиска новых слушателей, партнеров, коллег, друзей и близких по духу людей. Отличительной особенностью проекта является круглосуточное *онлайн* вещание, состоящее из музыкального видео, авторских передач, репортажей и программ.

Музыкальные клипы, новинки, уникальные живые выступления музыкальных коллективов в концертном «бункере» OnMusicStage.com и на известных концертных площадках, фото и видеорепортажи, интервью, анонсы концертов и музыкальных мероприятий, новости, авторские передачи и программы – вот то, что позволяет гостям проекта ONMUSICSTAGE.COM стать постоянными пользователями данного ресурса. Отметим также, что в настоящее время около 50% вещания составляют музыкальные клипы (в том числе и на портале ONMUSICSTAGE.COM).

Несомненно, любой музыкальный портал – это виртуальное *множество* – в том понимании, какое предлагают нам идеологи постмодернизма Делез и Гваттари [12]. *Множественное* имеет ризомный прообраз и разворачивается как нечто альтернативное единству. В Интернете музыка выступает репрезентантом этого *множества*. Таким образом, мы имеем дело с сетевым обществом как целым множеством и с интернет-ресурсом, аккумулирующим конкретные музыкальные продукты (файлы), как еще одним множеством.

Что предлагают самые популярные социальные сети в плане «музыкальной продукции»? Для ответа обратимся к социальной сети «Вконтакте».

Во-первых, каждый пользователь может завести «Вконтакте» раздел «Моя музыка» и добавлять туда любимые песни: либо из гигантской библиотеки проекта, либо свои. Эти песни можно включать и слушать в любой момент. Кроме того, данный раздел часто открыт для других пользователей – так что можно легко выяснить музыкальные предпочтения того или иного человека.

Во-вторых, на страничке «Вконтакте» у каждого пользователя есть «Стена», где могут оставлять сообщения пользователь, его друзья, все пользователи – в зависимости от настроек приватности. Сообщения эти могут быть разного типа:

картинки, рисунки, тексты, музыка, опросы... Песня, размещенная на своей «Стене», попадает в ленту новостей, и ее видят все друзья. С другой стороны, можно разместить песню на стене у друга или прислать ее личным сообщением.

В-третьих, как следствие второго, можно говорить о появлении нового ритуала ухаживания – размещение песен на стене у человека, с которым хочешь пофлиртовать. Есть даже такая шутка: «Я ей песни на стену кидал, а она пошла на свидание с другим...» Но и без ухаживания обмен музыкой через стену или личные сообщения является заметной частью социальных контактов.

В-четвертых, в социальных сетях есть радио различных стилей и направлений. Для себя я выделяю «Кассандру» – основываясь на списке «Моей музыки», это приложение предлагает песни не из списка – и зачастую очень удачно. Контакт – это кладезь различной музыки, и когда хочется чего-то нового – всегда можно посмотреть списки музыки друзей или запустить вот такое радио. А раньше для этого нужно было покупать кассету и гадать, понравится тебе это или нет. А можно и старые любимые записи найти – через поиск.

В-пятых, еще один нюанс – в разделе «Моя музыка» можно видеть то, что в данный момент слушают твои друзья, что тоже достаточно интересно. Также прослушиваемая музыка может отображаться в «статусе» – сообщении, которое расположено около фамилии пользователя.

Виртуальное «лицо» каждого портала, у которого, безусловно, есть «хозяева» (люди, запустившие сетевой «вирус» в интернет-пространство), «прорисовывается» благодаря первоначально заданной философии выбора. Оно, по сути, самореферентно, то есть само себя описывает, как если бы у портала был «дирижер-летописец». В ситуации мультикультурности самореферентность и следует рассматривать как одну из форм новой идентичности.

Коммуникация как образ жизни: вызов сетей продолжается

У музыки и сетей много общего в плане функционирования. Во-первых, сетевая культура – это открытая структура, к которой вполне приложима диссипативная функция, контролирующая процесс перехода от устойчивости к неустойчивости, от инвариантности – к вариативности. На балансе *устой – неустой* базируется вся тональная музыка. Во-вторых, становление идентичности посредством музыки, как и в целом, в сетевой культуре сегодня еще не изучено. Это связано с тем, что человек находится в постоянном поиске себя самого как индивида и как части социума. По сути, он полиидентичен и «ориентируется не только и даже, может быть, не столько на себя, сколько на чужого, то есть, в конце концов, на то отражение, которое и сделало возможным знакомство с самим собой» [13].

Если рассматривать музыку как язык коммуникации, то с появлением Интернета эта коммуникативная функция развивается по нарастающей экспоненте – она работает в межличностных отношениях пользователей, музыкальные предпочтения которых просматриваются в отдельных социальных группах, объединенных одинаковой любовью к тем или иным музыкальным стилям, эпохам, направлениям, произведениям, авторам, группам.

Главное в условиях сетевой среды музыки – это воспитание нового мышления, основанного на клиповой (коллажной) матрице, когда слух усваивает, а память удерживает (а один клик мыши воспроизводит) трудноизмеримый объем музыкальной информации, которую затем пользователь отфильтровывает и «присваивает». Такой тип мышления-присвоения дает основание считать, что сеть подарила «вторичную» или виртуальную форму бытия музыки, где нет посредника, или он невидим и навсегда стагнирован, где нет сиюминутного со-переживания, свойственного восприятию «живой», на-глазах-исполняемой музыки, нет этого академического триумвирата «композитор – исполнитель – слушатель».

В своем многотомном труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» испанский социолог М. Кастельс, сетуя на сложный характер взаимодействия между технологией, обществом, экономикой, культурой и политикой, не скрывает своего пессимизма, уведомляя о том, что не всякое технологическое развитие общества ведет к лучшему. В предисловии к русскому изданию первого тома он предупреждает, что преобразование мира «целиком и полностью будет зависеть от нас, от того, как мы, люди, используем... технологии и приспосабливаем к нашим нуждам, нашим мечтам, нашим проектам в конкретных жизненных условиях в каждом обществе и для каждого человека», целиком и полностью «будет зависеть от нас» [14]. Применительно к музыке, которая прочно обосновалась в социальных сетях и практически выступила маркером глобальной культуры, это означает выбор ответа на вопросы: преодолеет ли человек посредством определенных музыкальных предпочтений свое национальное *Я* и растворится в мультикультуральной идентичности? Или присоединится к «групповым стратегиям выживания»? А, может быть, открывая миры музыкального «гастронома», продукции которого в сетях достаточно и даже более того, он сохранит свою непоколебимую

устойчивость личностного, индивидуального самовыражения и развития?

Сетевая жизнь музыки, если воспользоваться характеристикой Дюркгейма, «состоит... из ряда свободных течений, которые постоянно находятся в процессе преобразований и не могут быть схвачены взором наблюдателя» [15]. Исследователю остается продолжать наблюдение над появлением новых «ячеек» музыки в Интернете, накапливать эмпирическую базу, совершенствовать методологию, чтобы виртуальному вызову подготовить достойный ответ.

Примечания

1. *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. С. 130.
2. *Ильин А. Н.* Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры). Омск: Амфора, 2010. С. 220.
3. *Костина А. В.* Указ. соч. С. 120.
4. Свобода в данном случае нами понимается в антропологическом смысле – как свобода выбора индивидом той музыки, с которой возникает личностное единение (самоидентичность).
5. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постидустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 505
6. *Shanon C. E., Weaver W.* The Mathematical Theory of Communication. N. Y.: Urbana, 1949.
7. Термин «мультикультуральность» получил обоснование как аналог понятия «глобализация», первоначально в сфере популярной музыки. См.: *Флиер А. Я.* Мультикультуральность. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/flier_multiculturality.pdf
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
9. *Назарчук А. В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61.
10. *Аршинов В. И., Данилов Ю. А., Тарасенко В. В.* Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации. URL: http://topref.ru/referat/160610.html
11. Там же.
12. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
13. *Цивьян Т. В.* Взгляд на себя через посредника: «Себя, как в зеркале я вижу...» // Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 12.
14. *Кастельс М.* Указ. соч.
15. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и назначение. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/_Soc_02.php

УДК 7(470):316.75

Ю. И. Колобова

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ ПОКОЛЕНИЯ «ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ»

Данная статья посвящена проблеме методологической разработки биографии поколения «военной эмиграции» в историко-культурном контексте.

The article is devoted to the problem of methodological development to biographies of the «military emigration» generation in historic-cultural context.

Ключевые слова: память, забвение, биография, историко-культурная биография, «военная эмиграция».

Keywords: memory, oblivion, biography, historic-cultural biography, «military emigration».

1. Проблема памяти и забвения в изучении культуры русской эмиграции

Обращение к анализу важнейших событий в истории культуры (в первую очередь к тем, которые на долгое время были исключены из коллективной памяти целого народа) является одним из важнейших условий обретения «размытого» сегодня чувства национальной идентичности. Сейчас уже становится очевидным, что людей в единую общность связывают не только значимые для них коллективные воспоминания, но и вытесненные из памяти имена и события. Для объективного постижения истории для каждого поколения (выступающего в качестве некоего рода культурно-исторической идентичности) оказывается важным «выиграть войну за сохранение памяти» (О. Файджес). Л. К. Чуковская в своей книге «Процесс исключения», комментируя ситуацию выживания в неблагоприятных политических обстоятельствах, отмечала, что условиям тотальной лжи и фальсификации может противостоять только стойкая память, «неизвестно кем хранимая, неизвестно на чем держащаяся, но упорная в своей <...> работе» [1]. Государство, продолжает она, «проделывает огромную работу для того, чтобы сделать бывшее небывшим», заталкивая «прошедшее в небытие». В результате новые поколения могут толком ничего и не узнать, и не осмыслить, и «не выведут для себя из истории отцов и дедов никакого урока» [2].

Анализ текущей политической ситуации (не говоря уже о событиях недавнего времени) демонстрирует подобное явное или скрытое «сведение счетов» с прошлым. Со стороны как отдель-

© Колобова Ю. И., 2013

ных политиков, так и целых государств сегодня наблюдается желание «переписать историю», оспорить результаты тех или иных исторических событий. Примерами демонстрации таких установок являются процессы «реабилитации» фашизма в Латвии, попеременное отторжение и возвеличивание идеалов «власовцев» и др. «Забвение того или иного исторического события, – замечает Г. С. Кнабе, – может быть сознательно организовано государственными властями для корректировки культурно-исторического самосознания в наиболее выгодном для себя направлении» [3].

Утрата единого для эпохи текста культуры, происходящая при достижении исторической дистанции, приводит к потере и полноты ее смысла. При таких обстоятельствах биографии целых поколений становятся лишь отдельными цитатами породившего его некогда цельного культурного текста. Объективность в оценке исторических событий, помогающая воссоздать былой объем памяти, и есть тот путь, который помогает преодолеть возникающие этапы забвения.

Механизмы культурной памяти и забвения неоднократно срабатывали в отношении культурного наследия русского зарубежья. На всем протяжении своего изучения оно последовательно переживало процессы, связанные и с намеренным игнорированием, и активным изучением как со стороны западных, так и отечественных исследователей. Приведем несколько поясняющих примеров.

Советские исследователи, если и упоминали о культуре эмиграции, то трактовали ее как враждебную новой власти, оппозиционную существующей культуре метрополии. В результате из памяти на долгое время были исключены имена тех, кто мог стать «ненужным» напоминанием о безвозвратно ушедшем прошлом. Упоминания о существовании русского зарубежья окончательно исчезли из научных исследований со второй половины 1920-х гг. В советской историографии если и уделялось внимание творчеству тех или иных представителей отечественной культуры, то эмигрантский период творчества либо замалчивался, либо рассматривался сквозь призму жестких идеологических установок. Обращает на себя внимание, что в условиях политического противостояния эмигрантские архивы представляли для советской власти серьезную опасность. В силу этого обстоятельства большинство таких документов было вывезено из-за границы (как например, архив М. Горького), а наиболее важные уничтожены (участь архива Л. Троцкого) [4]. Первые сведения о судьбах русских изгнанников появляются только в эпоху оттепели, что и повлечет за собой публикацию первых объективных (в рамках дозволенного цензурой) научных работ по данной проблематике. Наиболее интенсивным этот процесс становится в перестроечное и постперестроечное время.

Серьезные шаги по сохранению эмигрантского наследия (которое еще недавно рассматривалось как нечто чуждое и не имеющее отношения к развитию основного массива русской культуры) были предприняты со стороны писателя-диссидента А. И. Солженицына. В 1975 г. вышло его «Обращение к русским эмигрантам, старшим революции» [5], в котором он просил о помощи в реконструкции истинной истории прошлого России. Подобная культурная инициатива резко простимулировала появление и систематизацию библиотечных фондов русского зарубежья, в которой были собраны рукописи из частных архивов.

Процессы реставрации культурной памяти русской эмиграции находились в прямой зависимости не только от текущего политического контекста, но и от процессов мифологизации и фальсификации истории. Сегодня, когда нет очевидцев прошедших событий, а подтверждающие факты оказываются труднодоступными, бывает сложно восстановить истинную картину произошедшего, что и создает условия для рождения очередного мифа.

«Военная эмиграция», несомненно, является одним из таких периодов отечественной истории, который долгое время либо замалчивался, либо мифологизировался. Вплоть до сегодняшнего дня данный период достаточно плохо изучен, он хранит в себе много спорных вопросов. На текущий момент главные проблемы изучения «военной эмиграции» связывают с преодолением как старых установок, так и наложившихся на них новых, что приведет (и уже приводит) к более объективному взгляду на прошедшие события. «Военная эмиграция» еще хранит в себе много тайн, в частности, связанных с изучением роли иностранных и советских спецслужб в деятельности эмигрантских организаций, использование правительствами иностранных государств русских изгнанников в качестве союзников в борьбе с СССР. Активный информационный поток, связанный с публикациями ранее закрытых материалов, повышенное внимание к архивным документам, разработка новых версий исторических событий – все это делает вопрос, связанный с теоретическими и историческими аспектами сохранения культурной памяти о «военной эмиграции», весьма актуальным сегодня.

2. Биография как метод изучения

Одним из действенных инструментов изучения культурной памяти является биография как отдельной личности, так и целого поколения. Традиционно под *биографией* понимается «повествовательное изображение истории жизни от-

дельной личности, способ представленности в культуре специфики отдельного человеческого существования» [6]; «это реконструкция истории личностной индивидуальности» [7]; «это косвенное, так или иначе гипотетическое воспроизведение (дублирование) схемы самопонимания и самопредъявления индивида теперь уже другим действующим лицом в ходе *его* специфического смыслового действия» [8].

Расширение содержательных рамок биографии, трансформация представлений о ней исключительно как специфическом «жанре литературы» вывели проблему на новый уровень – уровень особого метода гуманитарного познания. К биографии традиционно обращаются в тот момент, когда исследование, нацеленное на получение нового знания о личности, становится недостижимым «другими исследовательскими путями или интеллектуальными усилиями, оторванными от фактического материала, от событийной ткани жизни героя» [9]. В настоящий момент есть все основания говорить об уже сложившейся биографической традиции, которая рассматривает личность в самых разных аспектах (социологическом, литературоведческом, искусствоведческом, психологическом и т. д.), поэтому любое современное исследование, ориентированное на изучение биографии как сферу познания личности, будет иметь актуальный для науки междисциплинарный характер. Кроме того, в связи с произошедшей в последнее время сменой идеологической парадигмы интерес к изучению личности сквозь призму биографии усилился. За последние два десятилетия биография преодолела и традиционные идеологические штампы, и постмодернистские установки современной культуры, породившие к ней скептическое отношение как к величине, которой легко пренебречь.

Объектом изучения в современной биографии становится личность, «герой», непосредственно участвующий в культурно-историческом процессе и влияющий на ход событий, образ эпохи, конкретные судьбы людей своего времени. Для современного биографа важна установка, которую выразил один из теоретиков в этой области А. Л. Валевский. Его версия сводится к тому (и с ним нельзя не согласиться), что реальная человеческая жизнь и то, что принято считать «биографией», – не одно и то же. «В собственном смысле слова “биографией”, – пишет он, – можно обозначить лишь те жизненные реальности, которые получили соответствующее *текстуальное выражение*» [10]. Но, несомненно, реальная человеческая жизнь многомерна и крайне противоречива. Человек переживает неповторимым образом каждый ее момент, но это остается достоянием лишь его самого. «Совокупность этих уникальных и неповторимых реальностей (событий, переживаний, размышлений, психологических состояний и т. д.) человек именует собственной биографией, и ему совсем не обязательно делать интимный внутренний мир достоянием внимания публики» [11]. Следовательно, понятие жизненного факта фиксирует «целостность каждого жизненного события, имеющего значение и смысл для личности» [12].

Однако целый ряд жизненных событий и фактов личности исчезают из памяти, и подчас биографу невозможно воспроизвести характер переживаний персонажа. Следовательно, не все в жизни (как, впрочем, и не всякая жизнь) может стать предметом биографического повествования. Исследователь может сделать предметом своего анализа только те жизненные реалии, которые определенным образом (пусть даже косвенно) были обозначены и засвидетельствованы (т. е. лишь то, что исторический персонаж сумел «рассказать» о себе). Для того чтобы та или иная личность стала объектом внимания биографа, ее жизненный путь должен прежде обрести соответствующую представленность в форме текста (это могут быть исторические свидетельства, воспоминания, документы, архивные материалы и т. д.). Биографу важно понять смысл жизни, творчества и деятельности, особенности личностной психологии своего «героя», приняв во внимание совокупный фактологический материал, на основе которого возможен анализ интересующей его личности.

Современные исследования показывают, что замкнутых на себе «историй жизни» уже практически не существует. Биография способствует изучению не столько истории личной жизни в ее частном варианте, сколько созданию человеческой истории, когда личность не просто живет в заданном мире, но и активно преобразует своей деятельностью и собственный жизненный мир, и культуру общества в целом. Биографическая традиция имеет дело не просто с фактом неповторимой уникальности исторических «персонажей», но с особого род индивидуальностью, признанной таковой историческим и культурным развитием. Исходя из понимания того, что a’priori человек – творец своей судьбы, биография выступает в качестве формы индивидуальной истории – как жизненный путь, имеющий свои этапы и свою логику. Следовательно, личность, имея безусловные авторские права на свою жизнь, на выбор своего жизненного пути, обретает статус творца только тогда, когда он заявляет о себе различными формами деятельности, влияет на ход исторических событий и откладывает на них отпечаток своих устремлений, интересов, решений, творческого потенциала. Как отмечает Л. В. Сохань, «заниматься действительной земной историей людей каждого данного столетия – это зна-

чит изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы, собственной истории» [13]. Жизненный путь уже имплицитно предполагает развитие личности как творца своей судьбы. Только тогда жизнь конкретного человека будет представать в форме индивидуальной истории, имеющей свои этапы, динамику и логику. Следовательно, когда говорят о биографии как форме культурного творчества, то речь, прежде всего, идет о «самостроительстве личности, о созидании человеком самого себя» [14]. О. А. Кривцун отмечает, что строительство самого себя – трудный, не всякому подвластный творческий акт [15]. Более того, в истории нередки случаи, когда важнее оказывается именно то, каким человек был, нежели то, что ему удалось создать.

Значительный вклад в разработанность проблемы биографии как формы культурного творчества внес в 1920-х гг. филолог, лингвист Г. О. Винокур. «Наряду с искусством, наукой, политикой, философией и прочими формами нашей культурной жизни существует, очевидно, в структуре духа некая особая область, как бы отграниченная, специфическая сфера творчества» [16], – писал ученый, подразумевая жанр биографии. Очертив биографическую зону рамками «личной жизни человека» или, точнее, – «истории личной жизни», он пришел к необходимости исследования биографии с привлечением широкого историко-культурного контекста. В результате им были выделены внешняя и внутренняя стороны биографии личности. К внешней форме ученый отнес материал, который доступен непосредственному наблюдению биографа (прежде всего, это то, что с героем «случается» и из чего составляется костяк биографии: герой рождается, учится, женится, сражается и пишет стихи и т. д.). Исследователь выделил два рода явлений, влияющих на изучение биографии. Первый представлен динамикой социокультурной реальности, второй – личностью в ее развитии.

Вопрос: как будут соотноситься между собой контекст и личность? – вывел исследователя на понятие переживания, под которым подразумевается преобразование факта внешнего в факт внутренний. «Исторический факт (событие и т. п.), – поясняет он, – для того, чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит данной личностью» [17].

Тем самым, считает Г. О. Винокур, смерть Наполеона – исторический факт, пережитый Пушкиным, – становится фактом его биографии. Переживание, понимаемое широко, – как та форма, в которую отливается отношение между историей и личностью, – оказывается, по Винокуру, «внутренней формой биографической структуры» и, стало быть, носителем ее «специфически биографического значения и содержания» [18]. Когда говорят, что человек много и глубоко жил, тем самым хотят сказать, что «он умел находить в том, что его окружает, богатый материал для своих переживаний» [19]. При этом, уточняет исследователь, речь идет не о количестве переживаний, а об особом их качестве, которое само – результат «того подлинно художественного проникновения, с каким жизненно-одаренная личность умеет открывать значительное под незаметной внешностью или отличать глубокое и содержательное от поверхностного и малоценного» [20]. Это и есть то, что на высшей своей ступени придает личной жизни творческий смысл и позволяет говорить о ней как об определенной, хотя и своеобразной, форме культурной идентификации человека. «Личность здесь – словно художник, который лепит и чеканит в форме переживаний свою жизнь из материала окружающей действительности» [21]. В данном контексте для исследователя первостепенным становится факт перехода от внешнего во внутреннее, от явления – к содержанию. «В биографии, если только не отождествлять ее с психологией, все внешнее есть eoipso непременно и внутреннее, потому что здесь внешнее только знак внутреннего и вся биография вообще – только *внешнее выражение внутреннего*» [22].

Г. О. Винокур приходит к выводу, который принципиально важен для нас, а именно: биография есть культурно-историческая проблема, которая синтаксически [23] (а не эволюционно, не хронологически) демонстрирует развернутую личность. Он уточнил, что рассматривает в своей работе биографию как научную проблему, которая не будет иметь практического употребления. Однако его подходы оказали заметное влияние на современное понимание биографии как формы культурного творчества; позволили отчетливо увидеть, по какому принципу осуществляется отбор материала для биографии.

Прямым развитием идей Г. О. Винокура стала концепция Ю. М. Лотмана и созданная на этой основе целая научная традиция. Ученый продемонстрировал семиотические механизмы построения биографии. Новое, что дала его методология, связано с разработкой теории культурных кодов (применительно к жизнетворческим моделям), семиотизацией повседневных фактов и событий из жизни личности. Согласно теории Ю. М. Лотмана, отличие «внебиографической» жизни от биографической заключается в том, что вторая пропускает случайность реальных событий сквозь культурные коды эпохи. При этом, как пишет ученый, «далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию. Каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и

“людей с биографией” < ...> [ибо] каждая культура создает в своей идеальной модели тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определенной свободой выбора, своей модели поведения» [24].

Ю. М. Лотман исходит из понимания, что человек может строить свою биографию знаково. Быть «человеком с биографией» – значит остро ощущать свое «не-алиби в бытии». Человек новой эпохи должен учиться превращать самые бытовые ситуации в вехи биографии, в моменты исторического значения, определяющие не только его собственную жизнь, но и жизнь многих людей. Потребность сохранить биографию того, кто в данной системе занял место «человека с биографией», становится, с точки зрения ученого, культурным императивом.

На наш взгляд, понять мысль, которой жили исторические личности, которая двигала ими, можно только в связи с самой логикой развития их жизненного пути. Биография становится ценным источником не только познания самой личности, ее индивидуальности, но и исторической реконструкции культурно-исторической ситуации, современником которой она была.

3. Историко-культурная биография поколения «военной эмиграции»

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению биографического текста поколения «военной эмиграции», необходимо прокомментировать ряд важных особенностей и допущений.

Во-первых, в современной отечественной науке, когда речь заходит о культуре русской эмиграции, исследователи довольно часто пользуются такими смысловыми оборотами, как «эмиграция первой волны», «второй волны», «третьей волны» и др. Однако в последнее время исследователи (приведем в качестве примера работы Л. Г. Березовой) [25] стали склоняться к мнению, что если подобное деление займет окончательное место в исторической науке, то это станет довольно серьезной терминологической неточностью. Если «волны» русской эмиграции будут различаться только по времени их формирования, то тем самым утвердится идея их содержательного и идейного тождества, что было бы неверно, поскольку каждый период русской эмиграции в XX в., сформированный под влиянием важнейших исторических событий, породил свои особые культурные коннотации. Именно поэтому в оппозицию к понятию «первая волна» эмиграции встает исторически и содержательно более насыщенное понятие – «пореволюционная» (1917–1939 гг.); «второй волне» – «военная» (1939–1956 гг.); «третьей волне» – «диссидентская» (1956–1988 гг.); «четвертой» – «колбасная» (конец 1980-х – начало 1990-х гг.), «пятой» – «челночная», «интеллектуальная» эмиграция (характеризующая текущую ситуацию) [26].

Поскольку из заявленного выше допущения следует, что второй период эмиграции, сложившийся в условиях Второй мировой войны, более правильно называть «военным», то возникает необходимость в еще *одном уточнении.* В современных исследованиях можно встретить название «военная эмиграция» по отношению к представителям воинских званий белой армии, вынужденных уехать за границу в пореволюционный период. В данной статье понятие «военная» указывает на исторические обстоятельства Второй мировой войны, которые привели к формированию нового потока русских эмигрантов.

Период формирования этой эмиграции имеет и разные исторические границы формирования. Более широкие (как уже было указано выше) – 1939–1956 гг. Более узкие – несколько месяцев после окончания Второй мировой войны, когда происходили процессы массовой репатриации и невозвращения в СССР.

Традиционно считается, что к поколению «военной эмиграции» относятся люди, оказавшиеся вне пределов России в период Второй мировой войны: советские граждане, бежавшие с оккупированных советских территорий с отступающими немецкими войсками; военнослужащие и гражданские лица, служившие в «восточных» формированиях Комитета Освобождения Народов России под председательством генерала А. А. Власова; «невозвращенцы» – военнопленные, советские граждане, принудительно увезенные в Германию как восточные рабочие («остарбайтеры»).

И, *в-третьих*, нуждается в пояснениях и комментариях заявленное в заголовке статьи понятие «поколение», относящееся к эмигрантам второго периода. В данном контексте оно трактуется не только в социологическом ключе как «множество людей, объединенных <...> более или менее одинаковым возрастом», но и как особый «род культурно-исторической идентичности, <...> переживаемой в негативном, страдательном модусе; этимологически определяемое через общность рождения» [27] и ощущение трагической общности их судьбы.

Формирование поколения часто связывают не столько с хронологическими границами конкретных десятилетий, сколько со значительными эпохальными историческими событиями, определившими основной вектор жизни его представителей. Именно поэтому наиболее значительное влияние на формирование сознания и судеб «военного поколения» оказал опыт сталинских репрессий 1920–1930-х гг. и Второй мировой войны.

Попытка культурологической реконструкции биографии как отдельного человека, так и целого поколения, позволяющая адекватно оценить их роль и значение в истории, возможна (как было сказано уже выше) только в «двойном» приближении – в контексте как их собственной биографии, так и на фоне «биографии» целой эпохи.

Современные исследования показывают, что «историй жизни» вне культуры практически не существует. Подчеркивается, что биографическая традиция имеет дело не просто с фактом уникальности того или иного исторического «персонажа», но и с особой индивидуальностью, признанной таковой всем ходом исторического и культурного развития. Биография целого поколения (как и отдельного человека) – это путь, имеющий свои «узловые» этапы, динамику и логику развития. Личность, принадлежащая к тому или иному поколению, обретает статус «культурного героя» (учитывая концепцию Ю. М. Лотмана) только тогда, когда активно участвует в ходе исторического процесса, влияет на ход событий, откладывая на них отпечаток своих мыслей, стремлений, интересов, решений, поступков, деятельности.

Сегодня разрозненные факты жизни и деятельности поколения «военных эмигрантов» «взывают» к фактологической упорядоченности и соотнесенности с основными этапами культурно-исторического развития XX в. Достичь этого возможно через выделение личностно и социально значимых проблем, стоящих как перед каждым отдельным человеком, так и перед всем поколением, столкнувшимся с непростыми условиями выживания (таких, как проблема жизненного самоопределения, инкультурации и др.).

Анализ биографических фактов (несмотря на всю пестроту жизненных событий и уникальность личностных переживаний) позволяет выделить следующие обобщенные *этапы историко-культурной биографии* поколения «военной эмиграции» 1939–1956 гг., характерные для большинства ее представителей: становление личности в условиях советской России; репрессии и пребывание в сталинских лагерях; плен или добровольный переход на сторону нацистской армии; нахождение в лагерях для военнопленных, последующее положение беженца, остарбайтера или участие в военных действиях на стороне немецкой армии; уклонение от репатриации, выезд из зон союзных англо-американских войск за океан или дальнейшее проживание в Европе (в т. ч. по поддельным документам); совмещение тяжелого наемного труда и научно-творческой деятельности в странах пребывания.

Подобное структурирование оказывается возможным при обращении к анализу биографий представителей поколения «военной эмиграции», численность которых, по отдельным сведениям, насчитывает около полумиллиона человек (если быть точнее – 451 561 человек) [28]. Среди наиболее известных представителей этого периода эмиграции можно встретить имена Р. Акульшина, М. Корякова, Н. Ульянова, Н. Моршена и др., зафиксировавших бесценный опыт своей жизни в автодокументальных текстах.

Весьма показательной в подобном типологическом разрезе может быть прочитана поколенческая биография «военного эмигранта» Николая Ивановича Ульянова (1904–1985 гг.), одного из выдающихся ученых-историков своего поколения. Приведем купированные вехи его биографии (по материалам работы П. Базанова «Историк Н. И. Ульянов») [29].

Н. И. Ульянов обучался в Петроградском университете в 1920-х гг. Под руководством академика С. Ф. Платонова занимался изучением истории Северо-Запада России и Русского Севера XVI–XVII вв. После окончания университета поступил в аспирантуру. С 1930 по 1933 г. работает доцентом в Северном краевом комвузе им. В. М. Молотова и в Архангельском пединституте, где пишет работы по истории народа коми. В этот же период становится кандидатом исторических наук. После возвращения в Ленинград начинает работать в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), ЛГУ, Институте истории АН СССР, Историко-археографической комиссии АН СССР и Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. Арест последовал 2 июня 1936 г. за «контрреволюционную деятельность», ему предъявили обвинение как участнику «к.-р. организации троцкистско-зиновьевской организации» (ст. 58-10-11 УК). Пятилетний срок заключения он провел сначала на Соловках, а затем в Норильске. Освободившись, он почти сразу оказался на окопных работах под Вязьмой, где и попал в плен в сентябре 1941 г.

Совершив побег из лагеря для военнопленных, он поселился в деревне под Ленинградом, где начал учительствовать. Осенью 1943 г. в качестве остарбайтера был выслан на работы в Германию. После окончания войны оказался в лагере для «перемещенных лиц» (второе название – «лагеря Ди Пи» – от первых букв англоязычного обозначения «displace person» – официальный термин Лиги наций, введенный для всех, кто вынужденно оказался вне родины во время Второй мировой войны). Из Германии Н. И. Ульянов выезжает в Марокко, где начинает работать сварщиком на одном из заводов, параллельно с этим руководит небольшим историческим кружком.

Подобные топографические аспекты биографии оказываются типичными для представите-

лей «военной эмиграции». Оказавшись на правах перемещенных лиц, они, опасаясь насильственной депортации в СССР, вынуждены были бежать на американский, австралийский и африканский континент. Скрываясь от властей, вынужденно подделывали документы, меняя в них фамилии и национальности. Данные обстоятельства во многом затрудняют определение численности русских эмигрантов военного периода.

Возвращаясь к биографии Н. И. Ульянова, следует отметить, что после Марокко в 1953 г. он переезжает в Монреаль, становится профессором Гарвардского университета. В октябре 1955 г. перебирается в Нью-Йорк. С 1956 по 1973 г., до выхода на пенсию, работает преподавателем Йельского университета. Скончался 7 марта 1985 г., похоронен на кладбище Йельского университета. После него остались многочисленные исторические труды, специализация которых напрямую связана с проблемным полем русской истории и культуры.

В последнее время имена представителей «военной эмиграции», вытесненные на долгое время из культурной памяти, стали постепенно извлекаться из небытия. Анализ не только их жизненного пути, но и культурного наследия, выраженный в научных, художественных и автодокументальных текстах, уникален и заслуживает к себе самого пристального внимания. Утверждая свою идентификацию с русской культурой, они сохранили для последующих поколений ценный опыт очевидцев трагических событий XX в. (советские, нацистские лагеря, лагеря «Ди-Пи», военные действия, скитания по отдаленным уголкам мира). Зафиксировав «урок памяти», они способствовали созданию объективной характеристики ушедшего века.

Примечания

1. *Чуковская Л. К.* Процесс исключения. Очерк литературных нравов. М.: Время, 2010. Цит. по: http://www.modernlib.ru/books/chukovskaya_lidiya/process_isklyucheniya/read/
2. Там же.
3. *Кнабе Г. С.* Избранные труды. Теория и история культуры. М., 2006. С. 161.
4. См.: *Менегальдо Е.* Русские в Париже: 1919–1939. М.: Кстати, 1991. С. 60–61.
5. *Солженицын А. И.* Публицистика: в 3 т. Т. 2. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 315–317.
6. *Шамшин Л. Б.* Биография // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб., 1998. С. 72.
7. *Валевский А. Л.* Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица: биогр. альм. 6. М.; СПб., 1995. С. 50.
8. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета. О формах интеграции опыта в письменной культуре // Лица: биогр. альм. 6. М.; СПб., 1995. С. 9.
9. Там же.
10. *Валевский А. Л.* Указ. изд. С. 37.
11. Там же. С. 38.
12. Там же. С. 53. Так, еще в 1935 г. советский психолог С. Л. Рубинштейн выдвинул идею о жизненном пути, с одной стороны, как некоем целом, с другой – как некоторых качественно определенных этапах, каждый из которых может благодаря активности личности стать поворотным, т. е. радикально изменить ее жизненный путь.
13. Жизненный путь личности: (Вопросы теории и методол.-психол. исслед.) [Л. В. Сохань, Е. Г. Злобина, В. А. Тихонович и др.; отв. ред. Л. В. Сохань]; АН УССР, Ин-т философии. Киев, 1987. С. 32.
14. *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984. С. 138.
15. См. об этом: *Кривцун О. А.* Эстетика как психология искусства. М., 1997. С. 32.
16. *Винокур Г. О.* Биография и культура // Он же. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 18.
17. Там же. С. 44.
18. Там же. С. 45.
19. Там же. С. 46.
20. Там же.
21. Там же. С. 45.
22. Там же. С. 34.
23. «Синтаксис», в свою очередь, будет определяться социокультурной спецификой эпохи, которая задает ту систему координат, в рамках которой происходит становление и развертывание биографии.
24. *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологии соотношения текста и личности автора) // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 804.
25. *Березовая Л. Г.* Культура русской эмиграции 1920–30-х гг.: культурная миссия послереволюционной эмиграции как наследие Серебряного века. URL: http://ricolor.org/europe/stati/ruev/3/
26. Существование «челночной эмиграции» – дискуссионный вопрос, не получивший пока в науке устойчивой трактовки. Есть мнения, что сегодня следует вести разговор не об эмиграции, а уже о трудовой миграции.
27. *Зенкин С. Н.* «Поколение»: опыт деконструкции понятия // Поколение в социокультурном контексте XX века. М.: Наука, 2005. С. 130–136. Цит. по: http://ec-dejavu.ru/g/Generation.html
28. См. об этом подробнее: *Базанов Б. Н.* Проблемы исследования «второй волны» русской эмиграции // Наука и культура русского зарубежья: сб. науч. тр. СПбАК. СПб., 1997. С. 103–306.
29. *Базанов П. Н.* Историк Н. И. Ульянов // Новый Журнал. 2012. № 269. URL: http://magazines.russ.ru/nj/2012/269/b20-pr.html

УДК 130.2+908(470)

О. В. Чикишева

«ОТТЕПЕЛЬ» КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются особенности современного научного осмысления феномена хрущевской «оттепели» с культурологической точки зрения и анализируется актуальность изучения данного феномена в региональном аспекте, основанного на обработке документальных материалов по истории культуры провинции.

The article is devoted to description of modern scientific research of Hrushov's «thaw» as a phenomenon in cultural studies. The author analyzes the actuality of investigation this theme in regional aspect. It is important to base one self on analysis of documentary materials about history of culture in province.

Ключевые слова: «оттепель», метафора, социокультурный процесс, культурологический аспект, региональный аспект.

Keywords: "thaw", metaphor, social and cultural process, cultural aspect, regional aspect.

В последние десять лет, когда в России начался процесс формирования гражданского общества, в науке вновь проявился интерес к эпохе «оттепели» (1956–1964 гг.) как периоду, когда впервые за длительное время ослаб (пусть только частично) контроль партийной цензуры над культурой. Во многом этот интерес был обусловлен доступностью закрытых ранее архивных материалов, что позволило по-новому осмыслить уже известные факты, прийти к новым выводам и дать новую оценку событиям того времени.

Внимание к «оттепели» связано в том числе и с тем, что в последние десять лет ушли из жизни многие деятели культуры, имена которых стали символом той эпохи (В. Аксенов, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, А. Вознесенский, А. Солженицын и др.). Переосмысление их творчества и их роли в развитии отечественной культуры влечет за собой и новый взгляд на ту эпоху, в которую они формировались и творили.

При этом следует отметить, что если события «первого плана», происходившие в культурной жизни Москвы и Санкт-Петербурга, достаточно хорошо изучены, то ещё остается много вопросов, связанных с тем, как феномен «оттепели» проявился в провинции и какое влияние оказал на развитие культуры в регионах.

Хрущёвская «оттепель» – неофициальное обозначение периода в истории СССР после смерти И. В. Сталина и пребывания на посту первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева (1953–1964). Данный период характеризовался во внутриполитической жизни СССР некоторой либерализацией режима, проявлением относительной свободы слова и некоторых элементов демократизации политической и общественной жизни, открытостью западному миру, большей свободой творческой деятельности.

Несмотря на то что стало уже хрестоматийным возводить слово «оттепель» к одноимённой повести И. Эренбурга, представляют интерес наблюдения некоторых исследователей, придающих этой метафоре более широкое культурологическое значение. Так, Д. М. Магомедова в статье «О генезисе литературно-политической метафоры “оттепели”» [1], анализируя возникновение метафорического понятия «оттепели» в повести И. Эренбурга, указывает на возможные источники этой метафоры. В частности, одним из таких источников называется книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», где метафора «оттепели» использована как обозначение кризиса моральных ценностей и их переоценки [2]. Ницше вводит противопоставление двух метафор: суровой зимы и оттепели. Зима, по Ницше, является временем спокойствия и бесплодия, оттепель же ломает все устоявшиеся системы, когда основополагающие ценности теряют свой смысл. Подобный кризис становится благом, влекущим за собой оздоровление и обновление морали. Второй возможный источник, на который указывает Магомедова, – лекция Д. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892), где также присутствует подобная метафора [3]. В трактовке Мережковского метафора «оттепели» носит отрицательный характер, обозначая нездоровый, мучительный кризис действительности. Д. Магомедова отмечает, что «оттепель» стала, по сути, одним из «топосов» русской культуры новейшего времени.

Подобное (расширительное) значение метафоры предлагает Д. А. Ванюков, отмечая, что её появление в культуре данного периода не было случайностью. По его мнению, эта метафора имеет достаточно устойчивые корни в русской традиции. В частности, «оттепелью» веком ранее Ф. И. Тютчев назвал время после царствования императора Николая I. А уже в наше время, еще до произведения И. Эренбурга, в журнале «Новый мир» было опубликовано стихотворение с тем же названием, принадлежащее перу вернувшегося из лагерей и ссылки Н. Заболоцкого [4].

В более чем 30-летнем научном осмыслении темы хрущевской «оттепели» можно выделить два этапа. Первые исследования данного периода, попытки проанализировать и дать оценку тем

© Чикишева О. В., 2013

событиям относятся к 70–80-м гг. XX в. Особенно широко тема «оттепели» обсуждалась в перестроечные 1980-е и начале 1990-х гг., когда была провозглашена политика всеобщей гласности [5]. Во многом это было связано с попытками найти причины, лежащие в основе событий конца 1980-х гг. Хрущевская «оттепель» воспринималась как первая попытка либерализации существующего режима.

В начале XXI в. вновь намечается научная активность в осмыслении данной темы. Стабилизация демократического строя в стране побудила исследователей еще раз обратиться к темам десталинизации режима, общественных отношений, формирования диссидентского движения. В то же время вектор исследования смещается из общеполитических событий к повседневной жизни 50–60-х гг., приобретая культурологическую направленность. Особую актуальность представляют сегодня проблемы, рассматривающие хрущевскую «оттепель» с культурологической точки зрения. Все работы по данной тематике, вышедшие в последние десять лет, можно разделить на две большие группы. В первую группу входят исследования, продолжающие рассматривать оттепель как общественно-историческое явление (с привлечением новых документов). Вторая группа включает в себя исследования оттепели как явления культуры.

С историко-политической точки зрения большинство аспектов, связанных с эпохой «оттепели», сложившейся в СССР в период с 1953 по 1964 г., достаточно подробно изучены. Существует большой пласт исследований, посвященных борьбе за власть после смерти Сталина, хрущевским реформам, международной политике данного периода и т. д. В подобного типа исследованиях обязательно анализируются аспекты культурного развития данного периода. Например, А. Пыжиков в работе «Хрущевская оттепель» [6] рассматривает развитие культуры во взаимосвязи с общественным развитием, анализируя влияние советской идеологии на культурные процессы данного периода. Особое внимание автор уделяет феномену самиздата, поэтическим молодежным собраниям на площади Маяковского в Москве, культурной самодеятельности в среде студентов и молодежи, из которой впоследствии будет формироваться диссидентское движение.

Одним из наиболее подробных исследований по данной теме является работа Д. А. Ванюкова «Хрущевская оттепель» [7], в которой рассматривается политическая, общественная, экономическая, культурная жизнь страны в данный период. Однако в оценке развития культуры периода «оттепели» автор не дает ничего нового, сосредоточиваясь, в основном, на перечислении отдельных фактов культурной жизни.

Ю. В. Аксютин в работе «Хрущевская “оттепель” и общественные настроения в СССР» [8] сосредоточивает внимание на процессе противостояния внутри самой творческой интеллигенции. Центральными вехами данного противостояния становятся споры вокруг творчества Б. Пастернака, В. Гроссмана, А. Твардовского, А. Солженицына, молодых поэтов – Е. Евтушенко, А. Вознесенского и др. Кроме того, автор на основе опросов и анкетных данных подробно анализирует проблему противоречивого восприятия подобного противостояния в среде народных масс, а также роль партийной пропаганды в данном восприятии.

Интересную концепцию «оттепели» как социокультурного феномена представляет А. И. Липкин [9]. В статье «О месте шестидесятников и “оттепели” в истории России» автор рассматривает понятия «оттепель» и «шестидесятники» в контексте соцокультурного развития России, в основе которого лежит противоречие между самодержавной системой правления (включавшей и сталинский период в том числе) и высокой культурой западного образца. «Оттепель» и явление шестидесятничества становятся проявлением этого противоречия, выражающимся в двух линиях. «Молодежную» линию автор связывает со студенческой молодежной средой и включает ее в общемировой синхронический контекст 1960-х гг. (имеются в виду протестные молодежные движения этого периода на Западе). Вторую линию А. Липкин обозначает как «интеллигентскую» и в ее контексте определяет «оттепель» как процесс «этической индивидуализации в образованном слое» (т. е. интеллигенции). В основу данного процесса был положен духовный опыт Великой Отечественной войны, и, по мнению автора, «оттепель» явилась своеобразным возрожденческим явлением, прививкой «личностной классической отечественной культуры XIX – начала XX в.» [10].

В то же время некоторые исследователи, занимающиеся проблемами культуры периода «оттепели», подчеркивают, что в данный период не произошло действительной смены культурной парадигмы. Например, С. Рассадин в работе «Советская литература. Побежденные победители» (не случайно эта более ранняя работа была совсем недавно переиздана) отмечает, что разоблачение культа личности повлекло за собой ожидание коренных изменений в литературе, литературного «ренессанса»; однако многие советские литераторы (Д. Самойлов, например) не видели серьезных изменений и сводили их только к расширению рамок печатности и не более того [11]. Литературного «ренессанса», по мнению Рассадина, не получилось и не могло получиться.

Не выделяет кардинального отличия от предыдущего периода и А. Прохоров. В своей ра-

боте «Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе “оттепели” [12] он пытается проанализировать диалектическую связь между сталинской культурой и культурой оттепели, которая пыталась сформулировать новые ценности, отличные, с точки зрения творцов оттепели, от сталинских норм. Автор выделяет три основные метафоры, характерные для культурных текстов сталинского периода: «положительный герой», «война» и «семья» (последняя метафора рассматривается в том числе через призму коллективизма и противопоставления «мы» – «они», восприятия советского общества как единой «семьи»). По его мнению, данные фундаментальные архетипические конструкты в период хрущевской оттепели подверглись переосмыслению, но фактически не изменились, по-прежнему определяя все повествовательные модели: «Оттепель не отказывалась от культурных парадигм сталинской культуры, а пыталась улучшить и модернизировать эти парадигмы, приспосабливая их к новым культурным ценностям» [13]. А. Прохоров выстраивает свое исследование на анализе литературы и кинематографа периода «оттепели», двух наиболее показательных и массовых видов искусства.

В последнее десятилетие появилось большое количество исследований, анализирующих развитие какого-либо одного вида искусства, его взаимосвязь с другими видами искусства и происходящие в них процессы [14]. Наиболее исследованный пласт культуры данного периода представляет литература, в первую очередь творчество поэтов и писателей, называемых впоследствии «шестидесятниками» [15]. Это связано с тем, что именно в литературе впервые проявились те новые мотивы и черты, которые впоследствии и станут основными признаками «оттепели». Среди всех существующих исследований литературы «шестидесятников», вышедших в последние годы, следует выделить работу Г. Ц. Свирского «На лобном месте» [16], где автор подробно анализирует процессы, происходившие в литературе после знаменитого XX съезда КПСС, обращая внимание на краткий период подъема и последующий крах надежды, связанной с изменениями в культурной жизни страны.

Процессы, происходившие в изобразительном искусстве, подробно рассматривает Ю. Я. Герчук в написанной давно, но ранее не опубликованной работе «Кровоизлияние в МОСХ, или Хрущев в Манеже 1 декабря 1962 года» [17]. Автор останавливается на поиске нового, более активного, более экспрессивного художественного языка, который получит название «суровый стиль» и ярко проявится в работах Н. Андронова, П. Никонова и др. По мнению Ю. Герчука, «оттепель» породила кризисы в отношении культуры и власти: интеллигенция стремилась сформировать автономную культурную среду. Герчук подробно анализирует выставку художников-абстракционистов в Манеже в 1962 г., которая ознаменовала близкий конец «оттепели». Фактически произошло размежевание культуры на официальную, существующую в рамках творческих союзов, и неофициальную, нелегальную, контркультуру, или культуру андеграунда.

О разделении на официальную и неофициальную культуру пишет и Н. С. Степанян в работе «Искусство России XX века» [18], ассоциируя поиск врагов, «поддавшихся чуждой идеологии», с событиями конца 1930-х и конца 1940-х гг. Причину этой тенденции она видит в том, что официальное искусство оказалось далеким от реальной жизни.

П. Б. Богданова в работе «Режиссеры-шестидесятники» [19], обращаясь к анализу творчества О. Ефремова, М. Захарова, Ю. Любимова, Г. Товстоногова и др., подчеркивает, что к концу оттепели искусство интеллигенции заняло конфликтную позицию по отношению к официальной идеологии. На энергии этого конфликта оно существовало и развивалось вплоть до перестройки.

В то же время следует отметить, что на фоне общих и частных исследований по представленной проблематике заметно отсутствие серьёзных аналитических работ, касающихся регионального материала (исключением можно назвать воспоминания, автобиографические материалы, отдельные статьи, устную историю, фото- и кинодокументы тех лет). Лишь в последние несколько лет начинают появляться статьи и диссертации, обращающиеся к тем или иным аспектам культуры «оттепели» в российской провинции. При этом нужно подчеркнуть, что даже диссертационные исследования охватывают далеко не все регионы и посвящены достаточно узким темам, а местные региональные архивы еще слабо востребованы, не говоря уже об изученности фактов устной истории, связанных с непосредственными свидетелями «оттепельных» процессов. Тематика подобных работ охватывает в основном исторический аспект, включающий проблемы культуры как части истории. Так, общественно-политическое и культурное развитие Кубани и Ставропольского края рассматривается в диссертациях Е. Л. Ряполовой, Н. В. Романовой, Л. П. Сафроновой [20]. Материал для изучения культурного развития Западной и Южной Сибири представлен в диссертациях Л. Е. Корневой и Ю. К. Трояковой [21]. На материалах Мордовии основана диссертация Е. В. Русева [22]. Взаимоотношения власти и местной художественной интеллигенции на материалах Дальнего Востока и Карелии рассматриваются в диссертациях Д. В. Киба и И. В. Адамович [23]. Обществен-

но-политическому развитию Нижегородской области посвящена диссертация И. В. Филипчук [24].

Что касается Кировской области, то специальных исследований комплексного культурологического характера, рассматривающих особенности культурного развития Кирова и Кировской области периода «хрущевской оттепели», на сегодняшний день не существует. Отмечаются лишь подходы к анализу данной темы. Существует необработанный обширный пласт материалов периода 1956–1964 гг., включающий в себя воспоминания, биографии отдельных деятелей культуры, архивные материалы, статьи [25]. В «Энциклопедии земли Вятской», универсальном научном издании, также есть материалы по периоду 1956–1964 гг. Однако они достаточно обрывочны и представляют собой статьи по узкоспециализированным темам, не выходящие на общекультурный контекст эпохи. Так, литературно-критический материал В. В. Харчева «В поисках народного характера» посвящен анализу тематики и жанров послевоенной вятской литературы и творчеству ряда кировских писателей и поэтов второй половины XX в. [26] Автор почти не акцентирует внимание на особенностях вятской литературы периода «оттепели». Представленная в том же издании история создания Кировского областного художественного музея и развития изобразительного искусства в Кировской области в XX в., в том числе и через обзор творчества кировских художников периода 1950–1960-х гг., написана вне контекста эпохи и происходивших в ней изменений [27].

Вместе с тем среди работ о Кировской области периода хрущевской «оттепели» можно отметить серьёзные исторические исследования (среди них, например, диссертации А. Г. Балыбердина и Д. Н. Конышева [28]), которые могут стать той фактологической базой, которая позволит воссоздать исторический контекст развития культурных процессов в Кировской области, относящихся к периоду «оттепели». Кроме того, важную роль призвано сыграть изучение периодики, государственных и личных архивов, фактов устной истории.

Весь этот материал нуждается в культурологическом осмыслении и обобщении, что позволит наиболее полно представить общую картину процессов, происходящих в культурной жизни Кирова и Кировской области в период «оттепели».

Примечания

1. *Магомедова Д. М.* О генезисе литературно-политической метафоры «оттепели» // Социокультурный феномен шестидесятых. М., 2008. С. 79–83.

2. О старых и новых скрижалях // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. URL: http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt

3. Любовь к народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н. К. Михайловский, Короленко // Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. URL: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_o_pichinah_upadka.html#005

4. *Ванюков Д. А.* Хрущевская отепель. М., 2007.

5. *Опенкин Л. А.* Оттепель: как это было. М., 1991; Свет и тени «великого десятилетия»: Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989; *Куль Т. Н.* От Сталина до Горбачева и далее. М., 1991.

6. *Пыжиков А.* Хрущевская «оттепель». URL: http://lib.rus.ec/b/195246/read#t12

7. *Ванюков Д. А.* Указ. соч. М., 2007.

8. *Аксютн Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2010.

9. *Липкин А. И.* О месте шестидесятников и «оттепели» в истории России // Социокультурный феномен шестидесятых. М., 2008. С. 155–160.

10. Там же. С. 159.

11. *Рассадин С.* Советская литература. Побежденные победители. СПб., 2006.

12. *Прохоров А.* Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб., 2007.

13. Там же. С. 12.

14. История отечественного кино. М., 2005; *Мальцева О. Н.* Поэтический театр Ю. Любимова. URL: http://www.teatrlib.ru/Library/Maltseva/Poetichesky_teatr/#_Toc194740650; *Старосельская Н. Д.* Товстоногов. М., 2004; Страницы истории отечественного кино. М., 2006.

15. *Буртин Ю. Г.* Исповедь шестидесятника. М., 2003; *Иванова Н.* Пастернак и другие. М., 2003; Критика 50–60-х гг. XX в. М., 2004; Самиздат Ленинграда 1950–1980 гг.: литературная энциклопедия. М., 2003.

16. *Свирский Г. Ц.* На лобном месте. М., 1998.

17. *Герчук Ю. Я.* «Кровоизлияние в МОСХ, или Хрущев в Манеже 1 декабря 1962 года». М., 2008.

18. *Степанян Н. С.* Искусство России XX в. М., 2004.

19. *Богданова П.* Режиссеры-шестидесятники. М., 2010.

20. *Романова Н. В.* Культурная политика и художественная интеллигенция Кубани и Ставрополья: 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005; *Ряполова Е. Л.* Общественно-политические и социокультурные процессы в годы хрущевской «оттепели». 1953–1964 гг.: По материалам Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2003; *Сафронова Л. П.* Политико-массовая работа и культурная жизнь в Ставропольском крае в 1945–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004.

21. *Корнева Л. Е.* Общественно-политическая и культурная жизнь Западной Сибири в 1953–1964 гг. и ее отражение в периодической печати: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006; *Троякова Ю. К.* Художественная интеллигенция национальных районов Южной Сибири: проблемы формирования и роста: 1945–1965 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007.

22. *Русева Е. В.* Власть и общество: Мордовия в условиях реформ середины 1950-х – первой половины 1960-х гг: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

23. *Адамович И. В.* Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005; *Киба Д. В.* Художественная интеллигенция Дальнего Востока в условиях постсталинского политического режима: 1953–1969 гг.: дис. ... канд. ист. наук, 2006.

24. *Филипчук И. В.* Общественно-политическое развитие Горьковской области в 1946–1960 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2011.

25. *Арасланова Л. В.* Страницы истории Кировского областного драматического театра // Герценка: Вятские записки. Вып. 15. Киров, 2009; Вятский театр на Спасской // Памятные даты по Кировской области на 1996 г. Киров, 1996. С. 37–39; *Мильчаков С. А.* «Зеленая улица»: к 70-летию со дня создания литературно-художественного объединения в Вятке // Герценка: Вятские записки. Вып. 14. Киров, 2009; *Сметанина Н. Д.* История вятского искусства XVII–XX вв. в рассказах и лекциях. Киров, 2008; Художники Вятки. Киров, 2009.

26. *Харчев В. В.* В поисках народного характера // Энциклопедия земли Вятской. Т. 2. Литература. Киров, 1995. С. 296–309.

27. *Киселева Г. Г.* Путешествие в мир чистых красок, высоких мыслей и чувств // Энциклопедия земли Вятской. Т. 9. Культура. Искусство. Киров, 1999. С. 327–378.

28. *Балыбердин А. Г.* Государственно-церковные отношения в 1958–1964 гг.: По материалам Кировской области: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004; *Конышев Д. Н.* Реформы аграрного сектора Кировской области в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2006.

УДК 7.01

Т. Б. Сиднева

КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ РЕФЛЕКСИЙ

Обращаясь к культурологическому толкованию понятия «концепт», автор выявляет ключевые параметры концепта «искусство». Данный метод исследования позволяет найти дополнительные обоснования множественности и открытости искусства, одновременного сосуществования в нем взаимоисключающих тенденций.

Referring to the culturological interpretation of the concept “concept”, the author reveals the key parameters of the concept of “art.” This research method allows you to find additional justification for plurality and openness of art, the simultaneous existence of its conflicting tendencies.

Ключевые слова: концепт, искусство, творчество.

Keywords: concept, creating, art.

Среди других особенностей современной культуры одной из наиболее примечательных является единовременное развертывание взаимоисключающих тенденций, направлений, школ в искусстве. Конечно, сочетание различных стилевых традиций, несовпадение языковых предпочтений были свойственны художественному опыту и в прошлом. Так, эпоха европейского Просвещения отмечена сосуществованием классицизма (его различных моделей), рококо, сентиментализма, реализма; в XIX в. художественная картина мира становится еще более пестрой. XX столетие, подвергнувшее ревизии многовековые устои художественного опыта, утверждает такие определения современного искусства, как «новое», «актуальное», «другое», «альтернативное», «невозможное», «антиискусство» и т. п.

К концу XX в., после драматического опыта радикальных перемен, становится очевидным, что мир оказался в ситуации сосуществования не только разных эстетических установок и жанрово-стилевых систем, но и одновременного утверждения разного понимания смысла искусства – его онтологии, гносеологии, аксиологии. Размышляя о поисках самоидентификации искусства в XX столетии, Т. Адорно так резюмирует этот процесс: «В наше время считается общепризнанным, что из всего, так или иначе касающегося искусства, ничто более не может считаться общепризнанным» [1]. Противоположная позиция выражена в суждении Дональда Джадда: «...ежели кто-нибудь назвал что-нибудь искусством, то это и будет искусство» [2]. «Искусство и искусство как омонимы», – определил Г. Праздников данную проблему, тем самым подчеркнув, что так называемое «альтернативное» искусство нередко альтернативно не какому-либо стилю, направлению, но «самому искусству» [3].

Некий предел, достигнутый в наше время в антиномии толкования художественности, вновь возвращает нас к вечному вопросу «что такое искусство?». При этом основная проблема заключается не в том, чтобы его определить, ибо, как подтверждает история, это означало бы его ограничить, «умертвить» (Д. Кошут). Наиболее существенным сегодня становится вопрос выявления тех механизмов, которые обеспечивают «сопротивление» искусства окончательным формулировкам, его способность снимать претензии на всеобщность, казалось бы, самых безупречных концепций.

Проблема множественности толкования, как известно, характерна не только для искусства. Польский философ В. Татаркевич отмечал, что «историк вынужден бороться с синонимами и омонимами; в текстах, которые до него дошли, часто встречается много выражений с одним и тем же значением и много значений одного и того же выражения. Он обнаруживает столь запутанные понятия, что перед ним возникают задачи, сходные с обязанностями лесника, который в лесной чаще вынужден рубить проходы, или, по крайней мере, делать их прямыми» [4]. И все же на фоне других понятий искусство отличается не только изобилием формулировок, его

© Сиднева Т. Б., 2013

сопровождающих. Дело в том, что история художественного опыта свидетельствует о том, что каждое сколь-нибудь значимое произведение является «комментарием к искусству» (Д. Кошут) и даже «заново контитуирует искусство» (М. Можейко). Кроме того, в истории термина прослеживается весьма любопытная логика. Напомним, что этимологически слово «искусство» восходит к старославянскому языку, где оно является производным от «искусъ» – «испытание; проба, попытка». Исходное значение – «испытание, опыт», затем «умение, знание» – позднее ограничилось, сосредоточившись на «искусстве» как самостоятельном виде деятельности. Характерно, что в разных языковых культурах движение смысла понятия было тем же: от его широкого толкования как опыта, умения, мастерства вообще – к фокусированию на специфическом, автономном виде творчества.

Достигнув «концентрированной эстетичности» (определение В. Лелеко) в Новое время, в классической эстетике обретя автономность, возвышающую его над природой, пройдя через искушение модернизма, видевшего «сущность картины в ее раме» (Честертон), и постмодернизма, развенчавшего все мыслимые и немыслимые преграды и барьеры, – искусство сегодня заново апробирует такие его критерии, как миметизм, символизм, красота, творчество, игра. В современной культуре искусство преодолевает господствовавшее на протяжении четырех столетий сведение его к изящному. Сегодня оно подразумевает более широкую область опыта, умения, мастерства и понимается скорее так, как его понимали в древности и в средневековье.

Беспрецедентная сложность и противоречивость сегодняшней ситуации в художественной культуре обусловливает необходимость поиска новых, адекватно выявляющих ее внутренние закономерности, «инструментов» исследования. Не претендуя на исчерпывающее разрешение столь важного и объемного вопроса, попробуем предложить один из путей его обсуждения.

Методологически важным в этом поиске является понятие «концепт». Термин, употребление которого восходит к средневековому богословию (к концептуализму Пьера Абеляра и его учеников), позднее получил широкое распространение в литературоведении и лингвистике, а в современном гуманитарном знании обнаруживает свою культурологическую универсальность. На основании фундаментальных исследований Ж. Делеза, Ф. Гваттари, отечественных ученых С. Аскольдова, Ю. Степанова, С. Неретиной, З. Кирнозе, В. Зинченко, В. Зусмана и других можно утверждать, что понятие «концепт» становится тем ключом, который позволяет не только выявить какие-либо характерные качества общекультурных феноменов. Концепт отражает глубинный духовный смысл последних и одновременно их телесность и видимость, он выявляет единство стабильности и динамичности, общей идеи и ее единичных вариантных проявлений.

Как некая культурная универсалия, «разворачивающаяся в диапазоне от генотипа до стереотипа» [5], концепт способен хранить спрессованный веками опыт и одновременно адаптироваться к контекстному содержанию, актуализируясь в определенной культурной ситуации. Важным для понимания концепта является также его прогностический аспект, позволяющий ему выступать своеобразным генератором смыслов, некоей зоной эксперимента и поиска. Интегрируя прошлое, настоящее и будущее, концепты претендуют на роль основания диалога времен, а также связать воедино генетическую заданность смыслов и перспективы их преобразований.

Динамический потенциал концептов заключается в том, что они открыты для постоянно возможных изменений, новых истолкований и интерпретаций. Обладая динамичностью, нестабильностью, имея диффузное, размытое, «текучее» содержание, концепт определяется исследователями как «диссипативная структура» [6]. Таким образом, возможность включения новых смыслов, допущение «взрыва» границ является его неотъемлемым качеством.

По своей сути концепт чрезвычайно близок таким понятиям, как «символ», «архетип», «ключевая метафора», «глубинный образ». Способность выражать общезначимое в уникальной форме позволяет видеть в концептах константы культуры в целом. Он вбирает важные аспекты смысла и структуры вышеупомянутых феноменов: от архетипа наследует укорененность в прабытии, от символа – единство вещности и смысловой неисчерпаемости, от константы – идею стабильности и постоянного присутствия и т. п. В то же время концепт, имеющий более подвижную, диссипативную структуру, наиболее способен к интеграции различных универсалий культуры. В самой структуре концепта генетически заложена диалогичность культурного опыта, предрасположенность к изменениям, чувствительность к континуальности и «текучести» мира.

Как понятие разноуровневое, концепт сочетает в себе логическое и интуитивное, индивидуальное и социальное, сознательное и бессознательное, материальное и идеальное начала, причем эти начала представлены не в автономном, отграниченном друг от друга состоянии, но внутренне сцеплены, слиты в нераздельное целое. Одним из важных качеств концепта, обусловливающих его активную включенность в реалии жизненного мира, является то, что «концепты

не только мыслятся, они переживаются» (Ю. Степанов).

Анализируя различные определения концепта, В. Зусман предлагает следующее определение культуры: «Культура – это передаваемая из поколения в поколение система концептов и констант, а также модели их порождения и изменения» [7]. Тем самым исследователь подчеркивает всеобъемлющее значение концепта. Пронизывая все сферы жизни и различные процессы, он делает возможным понимание иных традиций, чужих культур. В основании концепта лежит идея мультикультурности как допущения равного права на существование «своего» и «чужого».

Следует подчеркнуть, что и в рамках одной культуры концепт «разворачивается во всем семантическом пространстве между низшей и высшей границами смысла, генетически заданными его "внутренней формой"» [8]. Существуя на всех «этажах» культуры, концепт по-разному реализует свой потенциал, проявляясь в диапазоне: от клише, стереотипа, маски с неподвижными чертами – до уникального образа, неисчерпаемого символа.

На основе выявленных качеств концепт можно определить как микромодель системы «культура», представить его как «единицу межкультурной коммуникации» [9].

Среди множества его типов (различающихся по объему, способам познания, характеру выраженности и т. д.) концепт «искусство» отличается константностью и в то же время гибкостью и особой чувствительностью к общекультурным процессам.

Постмодернизм, с его беспрецедентным плюрализмом и свободой от всевозможных иерархических отношений, открыл неведомые ранее возможности концептов быть предельно динамичными, нестабильными, «неравновесными». Он привел в движение представления, понятия, ассоциации, переживания, в восприятии традиционных концептов возникают новые и новые «пучки» ассоциаций. В русле этих тенденций искусство, проходящее сложный и стремительный путь экспериментирования, подвергает ревизии фундаментальные основания художественного опыта.

Прежде всего, в зоне преобразований оказывается *эстетическое*, по сути, обусловливающее само существование искусства. Особую значимость приобрела визуализация чувственного восприятия, что свидетельствует о неуклонной «материализации» сознания, доминанте «вещности» в мышлении. Эстетическое переживание меняет не только формы проявления, но становится качественно иным – погруженным в материальность мира, «заземленным» и физиологичным.

В ситуации всеобщей «эстетизации» изменяется функциональная система искусства. Характерная для нашего времени подмена художественного произведения такими явлениями, как «проект», «акция», «арт-объект», «арт-практика» и т. п., свидетельствует не только об изменении терминологии. Меняются творческие задачи, ценностные критерии, условия и механизмы бытования.

Очевидному преобразованию подвергаются смысловые ориентиры искусства, изменяющие его внутреннюю концептуальную иерархию и взаимодействие с иными концептами.

Так, концепты *свое* и *чужое*, *традиционное* и *новое* допускают постмодернистское тотальное цитирование и развертываются в диапазоне от пиетета перед авторитетом до паразитирования на наследии. В то же время за кажущимися радикальностью и экстремальностью открывается свойственная концепту «сцепленность» горизонтали и вертикали истории. В частности, не следует забывать, что в истории искусства есть немало обращений к чужим текстам и их заимствований (вспомним риторические «нормы» эпохи барокко, баховские пародии, романтические парафразы и т. п.). Постмодернистская констатация «конца стиля» и даже «конца времени» также имеет многочисленные аналогии в постстилях прошлых эпох.

Концепт *игры*, во всей полноте развернувшийся в современной культуре и реализующий безграничную свободу интерпретаций (Ф. де Ман предложил этот процесс для большей точности называть экспериментацией), отражает природную способность искусства к «самопрезентации игрового действия» (Г. Гадамер) и также имеет немало аналогий в истории.

Концепты *высокое* и *низкое* сегодня также открыты и демонстрируют «диссипативность» своих структур. Специфика современного процесса, обозначенного как смешение элитарного и массового, реализация «принципа двойного кодирования» (Ч. Дженкс), «обытовление» или «демократизация» искусства, не является уникальной для нашего времени и имеет аллюзии с прошлым. Равно как каждая эпоха изобилует и «эстетическим мусором», рутиной и – подлинными открытиями и высокими достижениями человеческого духа.

Ситуация открытости для всевозможных преобразований и изменений отвечает природе искусства, его генетической предрасположенности к преодолению стандартов и нормативов, что позволяет ему «взрывать» высшие и низшие границы традиционных смыслов. Искусство, существуя в единстве «памяти» и «прогноза», подтверждает свою концептуальную природу.

Обратимся к характерному примеру. Чтобы понять и постичь внутренний смысл композиции современного петербургского композитора

А. Кнайфеля «Еще раз к гипотезе», в которой прототипом является Прелюдия и фуга b-moll из I тома «Хорошо темперированного клавира» И. С. Баха и нет (за небольшим исключением) собственного авторского текста, надо (как минимум!) знать сочинение барочного гения. Баховский клавирный текст представлен в иных тембрах (струнные и хор, со специфической манерой звукоизвлечения) и дан в сопровождении немузыкальных шумов (магнитофонная запись шумов листвы, ручья, костра). В этом сочинении отражены типичные свойства постмодернистского высказывания: авторское самоустранение, «цитирование без кавычек», десубъективизация высказывания, особого рода «ритуализм» обращения к чужому тексту. Так современный автор создает игровую ситуацию встречи прошлым, с гениальной музыкой, с вечностью, с истиной – моделируя условия для «герменевтической идентичности» (Г. Гадамер) и актуализируя «подвижность» всей концептосферы культуры.

В русле всего вышесказанного становится очевидной закономерность и даже неизбежность появления в культуре различных версий художественного концептуализма. Один из идеологов этого движения, Джозеф Кошут, так формулирует проблему: «Быть художником значит вопрошать о природе искусства». В программной работе «Искусство после философии» он утверждает, что «ценность» тех или иных художников после Дюшана может определяться только в соответствии с тем, насколько они вопрошали о природе искусства, иными словами, «что они добавили к концепции искусства» такого, чего не было, прежде чем они начали работу. Путем выдвижения новых предположений художники ставят под вопрос природу искусства» [10]. В этих суждениях, кроме многого другого, содержится дополнительное подтверждение того, что искусство есть один из важнейших концептов культуры.

Примечания

1. *Adorno Theodor W.* Aesthetic Theory / ed. Gretel Adorno and Rolf Tiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1970. P. 5.

2. Цит. по: *Кошут Д.* Искусство после философии / пер. с англ. А. Курбановского. URL: http://flying-fruitfox.livejournal.com/13331.html. Дата обращения 01.02.2013.

3. *Праздников Г. А.* Старое и новое в смысловом пространстве современной художественной культуры // Современное искусство в контексте глобализации. СПб., 2011. С. 17.

4. *Татаркевич В.* История шести понятий. URL: www.philosophy.ru/library/aesthetics/tatarkevich_history6.doc

5. *Зинченко В., Зусман В., Кирнозе З.* Межкультурная коммуникация. Системный подход. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2003. С. 38.

6. *Караулов Ю.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999. С. 99.

7. *Зинченко В., Зусман В., Кирнозе З.* Указ. соч. С. 39.

8. Там же. С. 43.

9. *Зинченко В., Зусман В., Кирнозе З., Рябов Г.* Словарь по межкультурной коммуникации. Понятия и персоналии. М.: Флинта: Наука, 2010. С. 41.

10. *Кошут Д.* Указ. соч.

УДК 778

В. Ю. Мехоношин

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КИНОТЕКСТА

Данная статья посвящена определению культурологического подхода при исследовании кинотекста. На основе западной и отечественной гуманитаристики делается вывод о синтетической природе культурологического подхода, а также выделяются сущностные его особенности.

This article is about the cultural movie research. It is concluded common basic thoughts in cultural movie research and ways for doing comparison.

Ключевые слова: медиа, новая зрелищность, семиотика, ризома, интертекстуальность.

Keywords: media, new entertainment, semiotics, risoma, intertextuality.

Современное визуальное мышление тесно связано с развитием медийного информационного поля, которые основано на развитии современных коммуникационных технологий. Усложнение технологической компоненты общества приводит к изменению культурной жизни и структуры сознания людей в целом (С. Гроф, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби). Информационное поле в таком случае является и инструментом, и особым пространством, где происходит ризоматическое (Ж. Делез) взаимодействие «всего со всем» (Ж. Деррида). Возникающая информационная перенасыщенность видится причиной личностных кризисов («шока будущего» Э. Тоффлера) и одной из виновниц унификационных процессов («систематизация жизненного мира» Ю. Хабермаса).

Проблема определения границ взаимовлияния в новой ситуации виртуализации и видеолизации культуры является одной из важнейших в современной культурологии [1]. Реализация так называемой «новой зрелищности» происходит при помощи все тех же технологий, за счет которых она получает качества, сходные с реальностью. Технологии такого рода дают возможности изменять эту квазиреальность в процессе нахождения в ней, то есть материально транс-

© Мехоношин В. Ю., 2013

формировать художественный объект. Происходит превращение зрителя, читателя из наблюдателя в действительного со-творца, влияющего на становление произведения и испытывающего при этом эффект обратной связи [2]. «Новая зрелищность» – это вариант воплощения мечты о тотальном воспроизведении реальности, которая в различных контекстах проявлялась у многих деятелей кино (А. Базен, С. Эйзенштейн).

В рамках «новой зрелищности» визуальный язык становится одним из базовых каналов воздействия на аудиторию [3]. Несмотря на большое количество новых художественных практик, связанных с визуальным восприятием, возникших в истории культуры в последние десятилетия, презентативным для исследования данного феномена остается визуальная компонента кинематографа [4]. Свобода визуализации сегодня приводит к тому, что сюжет часто отходит на второй план [5]. Одни и те же истории становятся материалом для разных фильмов, ремейков, мультфильмов. Ролан Барт ввел термин «прикрепление визуального образа», при помощи которого происходит контекстуализация визуального образа к той или иной знаковой системе, что помогает прочтению сообщения [6].

Платформой для развития визуальных практик сегодня остаются кинематограф и изобразительное искусство, а другие формы (клип, ролик) стали экспериментальной площадкой [7].

Изучение новых технологий и новых приемов в современном киноискусстве стало сегодня актуальной темой, многими исследователями отмечаются новые свойства такого искусства, как возможность достижения эффекта погружения, легкая «встраиваемость» объектов друг в друга, способность мгновенной передачи образов, простоты тиражирования, легкость цитирования, облегчение творческого процесса за счет замены или расширения профессиональных умений их техническими аналогами, возможность перезагрузки [8]. Центральным положением подобной системы является изображение как господство автора – художника над артефактом и над его значением (означением). Важный акцент при исследовании «новой зрелищности» должен делаться на ее «выставочность» (т. е. анализ произведения, учитывая контекст, т. е. выставочное или музейное пространство).

Главный герой нового времени «новой зрелищности» стал терять черты культурной аутентичности, постоянства, а интеллектуальное пространство культуры все в большей степени стало превращаться в интеллектуальную метафору времени, которая трансформируется в формы социальной и когнитивной неадекватности (М. Маклюэн, В. М. Розин, В. А. Конев). Стали развиваться признаки затруднения или, в ряде случаев, прекращения смысловой коммуникации, связанные с проблемами понимания (С. А. Гончаров). Возникает явление «моделирующего мира», порожденного кодом (кодами) культуры и преодолевающего несемиотические различия «реального» и «виртуального» (Е. Фарино).

Возникает проблема соотношения смыслов и текстов. Литературные тексты являются информационно емкими и культуро-релевантными феноменами интеллектуальной природы личности и представляют наиболее смыслопорождающие современные культуры (И. Кондаков). Наблюдается противопоставление текста и псевдотекста, возникающее в виде дифференциации способов презентации смыслов: специфических моделей реализации индивидуальных картин мира (Е. В. Козлов). На пересечении двух множеств: множества текстовых миров и множества способов их реализации – возникает интерпретационная нестабильность, порождающая общую парадоксальность современного текста [9].

Парадоксальность интеллектуальной картины мира или «когнитивного экрана» современной личности и способов презентации смыслов (речевой/текстовой коммуникации) является отражением общей кризисности интеллектуального пространства культуры (В. А. Конев), осмысляемой в виде переходности (М. Маклюэн, Н. А. Хренов) или социального и структурно-семиотического распада (Ф. Фукуяма, М. Н. Эпштейн, Г. Л. Тульчинский). Ситуация текстовой неопределенности предполагает в качестве основного объединяющего принципа своего исследования культурологический.

Культурологический принцип исследования требует выработки инструментария – интегрального подхода, объединяющего и координирующего различные методы и приемы анализа, своего рода призмы видения проблемы. Наиболее эффективным интегральным подходом, ракурсом изучения процессов оказывается когнитивный анализ текста, восходящий к классическим работам в области герменевтики текста (Х.-Г. Гадамер, Г. Г. Шпет, М. Фуко, М. Хайдеггер), семиотики текста (Ю. М. Лотман, Р. Барт, Ю. Кристева, У. Эко, Вяч. Вс. Иванов). Центральным пунктом при культурологическом исследовании является констатация кризисности как логико-когнитивной проблемы современности, которая стала фактором не только воспринимающего текст сознания (читателя, наблюдателя, исследователя), но и создающего текст сознания (автора, корпоративного инициатора, универсального/интеллектуального автора/читателя или персоны) [10]. Кризисность определяет изначальную разрывность современного текста: его «рваные» и эклектичные формы, нарративную прерывистость и непоследовательность, вариатив-

ность смысло- и текстопорождения, преодолевающую «границы разумного» (В. П. Руднев, М. Н. Эпштейн). «Освобождение» от норм вносит в текст семантическую дисгармонию, которая приводит к восприятию текста как семантического хаоса, обусловленного «либерализацией и карнавализацией языка» со всеми свойственными феномену карнавализации признаками (В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова). Заметны изменения роли слова как элементарного носителя смысла в сторону полисемантизма, полифункциональности и континуальности (Б. В. Марков, В. М. Лукин, Ю. Е. Прохоров). Семантические «разломы» и «деструкции» (Н. А. Хренов), наблюдаемые в современных текстах, не описываются стандартным (словарным) пониманием или пониманием на уровне дискретных единиц (слова, высказывания). Их логико-эпистемная подвижность преодолевается воспринимающим сознанием на уровне «больших» семиотических систем, к которым относятся семиосфера, семизис и гипертекст [11]. Поэтому описание большого «семиологического пространства» (Ю. М. Лотман) интеллектуальной культуры на основании анализа текстов (фрагментов), происходит на фоне актуальных когнитивных процессов, социальном сознании субъектов.

Проблемы культурологических, культурно-антропологических и семиотических параметров современного текста как текста культуры исследованы достаточно фрагментарно. В современном философско-культурологическом и филологическом знании разработаны общетеоретические к анализу текстов культуры. Философско-культурологическое обоснование процессов исторического движения культуры дается в рамках креативно-деятельностного, аксиологического или интеллектуально-социального подходов (М. С. Каган, Э. С. Маркарян, В. М. Межуев, С. Н. Иконникова, А. В. Костина, М. Мамардашвили, В. С. Библер, К. Э. Разлогов, Б. П. Марков, В. А. Конев, А. Маслоу, А. Моль, А. Я. Флиер). Предложены модели описания и анализа литературного текста как основного источника креативности постнеклассической эпохи и, в то же время, как элемента массового сознания (Н. А. Хренов, М. Н. Эпштейн). Разработаны общесемиотические основания анализа текста, его логико-символической и смысловой структуры (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, У. Эко, Л. Ф. Кузнецова). Особую роль в исследовании литературного текста, его смысловой глубины играет герменевтическая традиция (А. А. Потебня, Г.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, М. Фуко, Ф. Р. Анкерсмит). Разные формы психологии и логики разрыва в философском и культурологическом планах исследовались на фоне построения исторического и социокультурного портрета культуры переходного периода и когнитивного силуэта особой «невротической личности» (Ж. Бодрийар Г. Д. Гачев, Ж. Делез, Ж. Деррида, Э. Эриксон, Э. Фромм, К.-Т. Ясперс, К. Хорни), порождающей в сознании аналитиков своеобразный «конфликт методов» (П. Рикер). В рамках логико-философских штудий XX–XXI вв. была выдвинута идея нетождественности и несинонимичности знака и его референта (Л. Витгенштейн).

Вместе с тем ощущается недостаток обоснованных подходов к формированию общей культурологической (философской, социокультурной, герменевтической) картины становления, развития и деформации интеллектуального пространства культуры [12].

Особенно важным оказывается проблема текстового взаимодействия текста и контекста, возникает необходимость выявления и описания этих механизмов, нуждается в исследовании и персонологическая сторона текстовой деятельности современного человека [13]. В системе научных представлений второй половины XX в. текст принято считать деперсонифицированным (Р. Барт) и деструктурированным (М. Фуко, Ж. Деррида). Однако механизмы и приемы такой деструктуризации остаются неизученными. При этом основным действием автора становится не нарративное описание, а интеллектуальное моделирование (идей, событий, персонажей, конфликтов, диалогов и т. п.) (Л. Фейхтвангер).

Таким образом, изучение влияния глобальных, универсальных процессов и механизмов на систему коммуникативно значимых текстов, в том числе литературный текст, на сознание участников текстовой деятельности, на когнитивные механизмы порождения текстов (систему смысл – текст) остается важной задачей исследования.

Мы солидарны с утверждением Э. А. Орловой, которая считает, что культурологический метод – это не прием анализа элемента через целое, а целого через его элементы, поэтому на первый план выходит проблема выделения элементов культурологического метода. На этот счет существуют две точки зрения.

1. Одна из них связана с утверждением того, что культурологический метод сводится к системе аналитических методов других, в основном гуманитарных, наук (А. Кравченко, Э. Орлова, А. Кармин, Н. Петрухинцев, В. Розин, С. Решетников, А. Флиер, Н. Кондаков). Так, А. Кравченко отмечает, что культурологический метод как система гуманитарных методов имеет определенные преимущества потому, что, синтезируя разные науки, он «способен дать прирост нового знания» [14].

2. Вторая позиция связана с отрицанием в культурологическом методе системы аналитичес-

ких подходов, с выделением какого-то одного элемента для анализа (Т. Кузнецова, Л. Скворцов, А. Новиков).

Например, Т. Р. Кузнецова убеждена, что культурологический подход в анализе фактов культуры не сводится к сумме методов различных наук [15]. По ее мнению, культурологический метод должен быть сведен к единому аналитическому подходу – либо историческому, либо лингвистическому, либо какому-то еще. Кузнецова объединяет культурологический подход с языковым, не исключая, тем не менее, возможностей его синтеза с другими научными методами, но, так сказать в единичных случаях. Фактически речь ведется о превалировании языкового подхода над другими. А. Новиков полностью сводит культурологический подход к языковому: «Культурный анализ (т. е. языковедческий) – обладает колоссальной объяснительной силой» [16]. Первая точка зрения считается авторитетными культурологами более продуктивной. В дальнейшем мы солидаризируемся с ней.

Каковы составляющие культурологического метода исследования? На этот счет мнения также неоднозначны. Систематизируем некоторые из них.

С. Решетников в рамках культурологического метода выделяет системный анализ, общеструктурный анализ, структурно-морфологический анализ, структурно-семиотический, структурно-типологический, структурно-функциональный, структурно-генетический.

А. Кармин, считая, что предмет культурологии – феномен многосторонний, сложный и внутренне противоречивый, выделяет следующие уровни понимания культуры [17]:

– аксиологический (как позитивный результат деятельности людей);

– антропологический (археологический, этнографический, этнопсихологический, социологический);

– национальный (субкультуры).

Соответственно и методы культурологического исследования варьируются.

Н. Петрухинцев выделяет следующие уровни культуры [18]:

1. Мир как целое.

2. Мир как совокупность сменяющихся культурных эпох.

3. Культурная эпоха как объединение региональной культуры.

4. Культура – все региональное явление в определенное время.

В рамках уровней культуры Петрухинцев выделяет национальную культуру, религиозные типы культуры, культуру высшего общества, низшего, культуру как среду обитания. В соответствии с данными определениями ученый предлагает анализировать факты культуры, исходя из конкретного объекта исследования, так же варьируя методы анализа.

Таким образом, культурологический метод понимается современной отечественной наукой как система сложных взаимосвязей, построенных на единстве общекультурного фона.

А. Флиер особо отмечая лингвистические и семиотические методы анализа, выделяет три уровня культуры [19]:

– донациональный,

– национальный,

– постнациональный.

У культуры, отмечает Флиер, есть дополнительное измерение (наряду с мировоззренческим и художественно-образным) – информационное (целью которого является обработка информации) и семиотическое (цель – анализ символов).

Таким образом, важна идея о том, что культура имеет дополнительное измерение, выявляющее «параметры социального опыта коллективного существования и социального воспроизводства всякого конкретно-исторического общества в его уникальном пространстве и времени» [20].

В. Розин предлагает собственный план культурологического анализа, выделяя, на его взгляд, основные характеристики культуры.

Первая характеристика: культура как «кентавр-система», «деятельность людей, сообществ, их стремление поддержать традиции, улучшить жизнь, внести порядок, противостоять разрушительным тенденциям и т. п.» [21].

Вторая характеристика культуры задается противопоставлением двух основных ее подсистем: «нормативно-семиотической» и «материально-денотативной». Необходимое условие воспроизводства культуры – система норм, правил, языков, представлений, ценностей, т. е. все то, что в культуре существует. Эта система и может быть названа семиотическим космосом культуры. Природный космос – это все то, что, с одной стороны, обладает самостоятельным бытием (природно-космическим, биологическим, духовным), а с другой – осмыслено, означено, представлено и нормировано в семиотическом космосе.

Третья характеристика культуры – организмическая. В культуре разнообразные структуры и процессы не просто сосуществуют, они замкнуты друг на друга, одни являются условиями для других и при этом поддерживают или разрушают друг друга. «Культура – устойчивая система, где в идеале все процессы должны согласовываться между собой, укреплять, поддерживать друг друга». Именно к третьей характеристике относятся культурологические проблемы поиска механизмов, обеспечивающих устойчивость культуры.

Четвертая характеристика – социально-психологическая. «Культура живет в людях, их твор-

честве, активности, переживаниях; люди, в свою очередь, живут в культуре. Культура, с одной стороны, постоянно погружает человека в противоречия и ситуации, которые он должен разрешать, с другой – предоставляет ему орудия и средства (материальные и символические)».

Таким образом, план культурологического анализа, разработанный Розиным, можно считать всеобъемлющим, включающим в себя множество подсистем. Можно говорить о тотальной интегрированности знания в культурологическом методе. В. Розин отмечает, что одна из главных проблем при использовании культурологического метода – это проблема поиска механизмов, обеспечивающих взаимодействие компонентов культурологического анализа между собой. Здесь уместно привести высказывание пензенского культуролога Виктора Хорольского, отмечающего, что «культурологический метод выдвигает принцип "ризомы", т. е. принцип равнозначного функционирования частей в целом».

Этот синкретизм культурологического знания, считает Кондаков, выражен демонстративно. «...научный, философский, религиозный и художественные дискурсы нередко хаотично перемешаны и взаимосвязаны. Целое культурологическое исследование подчеркнуто, даже демонстративно эклектично» [22].

Наиболее часто используемым компонентом культурологического анализа является семиотический, что представляется нам справедливым, так как семиотический анализ позволяет выявлять характер языка данной культуры или данного явления культуры. К семиотическому анализу обращаются У. Эко, Ф. Соссюр, Ю. Лотман, Г. Гачев, А. Соломоник, Е. Бразговская, В. Топоров и др. Не менее популярным является анализ явлений культуры с точки зрения ментальных характеристик исследуемого факта культуры. Он находится в центре внимания таких ученых, как И. Дубов, В. Пантин, А. Гуревич, Л. Пушкарев, Г. Гачев, И. Кондаков, Д. Фильд, Ж. Бодрийяр, Т. Догерти.

В случае культурологического иссследования явлений искусства чаще всего невозможно бывает обойтись без собственно искусствоведческих методов анализа. При обращении к явлениям киноискусства обычно привлекают киноведческие методы. Здесь важны работы А. Митты, О. Нечай, Б. Балаша, Ж. Садуля, С. Фрейлиха, С. Эйзенштейна.

Итак, ознакомившись с мнениями ведущих культурологов, мы выделили, на наш взгляд, главные составляющие культурологического метода анализа фактов культуры, которые чаще всего применяются к явлениям искусства.

1. Семиотический анализ (выявления характера функционирования языка культуры). Представители – У. Эко, Ю. Лотман, А. Соломоник, Е. Бразговская, Ф. Соссюр и др.

2. Социокультурный, т. е. ментальный анализ (выявление генетического кода культуры): И. Дубов, В. Пантин, А. Гуревич, Л. Пушкарев, Г. Гачев, Д. Фильд и др.

3. Искусствоведческий анализ (выявление ценностного кода культуры): А. Митта, О. Нечай, Б. Балаш, Ж. Садуль, С. Фрейлих, С. Эйзенштейн и др.

Считаем, что выделенные составные части культурологического метода уместны, так как «изучаемый культурологический феномен проявляется только в конкретно-исторических обстоятельствах, социально-культурных контекстах, модифицируется в зависимости от особенностей культурного пространства той или иной эпохи» [23]. В соответствии с выделенными составляющими культурологического анализа кинофильма мы и будем выстраивать наш дальнейший анализ.

Примечания

1. *Хренов Н. А.* Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М.: Наука, 1981. С. 45.
2. Там же. С. 68.
3. *Разлогов К.* Искусство экрана: проблемы выразительности. М.: Искусство, 1982. С. 14.
4. Там же. С. 17.
5. Основы культурологии / под ред. И. Ш. Быховской. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 46.
6. Там же. С. 79.
7. Там же. С. 112.
8. Кино: методология исследования / под ред. В. Муриан. М., 1984. С. 55.
9. Там же. С. 77.
10. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов. М.: Академ. проект, 2000. С. 34.
11. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2004. С. 114.
12. *Флиер А. Я.* Указ. соч. С. 55.
13. Там же. С. 67.
14. *Хренов Н. А.* Указ. соч. С. 9.
15. Там же. С. 28.
16. Там же. С. 186.
17. Там же. С. 32.
18. *Петрухинцев Н. Н.* XX лекций по истории мировой культуры. Ростов н/Д: Владос, 2001. С. 7.
19. *Флиер А. Я.* Указ. соч. С. 27.
20. Там же. С. 25.
21. *Розин В.* Семиотические исследования. М., 2001. С. 176.
22. Там же. С. 8.
23. *Флиер А. Я.* Указ. соч. С. 44.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.012.6

В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ МЕТОДОМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭНЦЕФАЛОГРАФИИ

В статье впервые раскрываются возможности компьютерного метода энцефалографии для исследования познавательных процессов обучающихся в учебной деятельности. Намечены варианты педагогической интерпретации результатов компьютерной энцефалографии.

This article firstly reveals the possibility of computer encephalography to study students cognitive processes in learning activities. Tha authors identifies variants of pedagogical interpretation of the computer encephalography results.

Ключевые слова: учебно-познавательная деятельность, компьютерная энцефалография, интерпретационная педагогическая карта, когнитивный стиль.

Keywords: educational-cognitive activity, computer encephalography, interpretive educational map, cognitive style.

Многие разделы современной науки занимаются исследованием сущностных характеристик человека, его мозговых механизмов и психических процессов восприятия, мышления, сознания, поведения, эмоций, языка, волевого проявления. Все эти процессы принципиально важны для успешного обучения. Традиционно исследованием мозга человека занимались врачи-неврологи, нейрофизиологи и психологи. В рамках нейрофизиологии, нейропсихологии и других близких дисциплин с помощью различных методов, в том числе метода электроэнцефалографии (ЭЭГ), ими накоплен большой эмпирический материал по электрической активности мозга, его функционированию. В настоящее время интерес к изучению мозговых механизмов когнитивных процессов проявляет все большее число различных исследователей – математиков, философов, нейрокибернетиков. Интенсивно ведутся работы в области применения результатов когнитивных наук в компьютерных технологиях, медицине, при разработке искусственных нейронных сетей и т. д. [1] В 90-х гг. XX в., объявленных десятилетием мозга, в мире росло экспоненциально количество публикаций в области когнитивных наук [2].

Огромный интерес результаты данных исследований представляют и для педагогов. Однако сегодня педагогика не располагает методами объективизации когнитивности человека, которые, несомненно, помогут понять многие педагогические явления и проблемы, объяснить известные педагогические закономерности и создать новые педагогические средства с учетом психологической базы когнитивности.

При этом существенную роль могут сыграть современные методы исследования мозга, например компьютерная электроэнцефалография (КЭЭГ). Электроэнцефалография – совершенно безопасный (и это его главное достоинство) и доступный метод регистрации электрической активности, которая генерируется клетками коры головного мозга. Нейроны, которые являются основными элементами центральной нервной системы (соответственно и мозга), обладают особенностью генерировать и проводить электрические импульсы. Эти импульсы и позволяет регистрировать электроэнцефалограф. Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) – это некая «мозговая кривая», которая имеет различный характер в функционирующем головном мозге [3].

В обычной практике ЭЭГ отводят с помощью электродов, расположенных на различных областях головы человека [4]. Электрические потенциалы усиливают и регистрируют. Современные электроэнцефалографы создают на базе компьютеров. Усиленные потенциалы преобразуют в цифровую форму, при этом непрерывная регистрация ЭЭГ отображается на мониторе и одновременно записывается на диск. Полученные таким образом «мозговые кривые» могут многое рассказать о психическом состоянии школьника в различные моменты и этапы обучения. Ставя в соответствие фрагменты ЭЭГ этапам обучения, приемам, формам и методам, получаем возможность отследить, какими мозговыми процессами сопровождаются учебно-познавательные действия обучающегося, в каком психологическом состоянии находится школьник в исследуемый промежуток времени. ЭГГ объективно сообщает о том, какие педагогические средства являются наиболее эффективными с точки зрения активизации отделов коры головного мозга, приведения его в состояние активного мышления, осознания, проявления внимания, сосредоточенности, пребыва-

© Данюшенков В. С., Коршунова О. В., 2013

ния школьника в состояниях радости от успешности обучения, беспокойства, психологической напряженности или, наоборот, разрядки.

Объективной трудностью исследования когнитивных процессов человека, связанных с обучением, является факт отсутствия педагогической интерпретации результатов, полученных с помощью метода компьютерной энцефалографии. В многочисленных информационных источниках по проблеме, как правило, имеется лишь медицинская интерпретация полученных энцефалограмм [5]. Поэтому первым шагом использования метода компьютерной энцефалографии в педагогике является создание «интерпретационной педагогической карты», которая может быть применена для психолого-педагогического истолкования графиков – энцефалограмм.

На основе сведений о методике метода КЭЭГ и инструкции по использованию электроэнцефалографа «Мицар-ЭЭГ-201» с опорой на программу «ЭЭГ-2000» [6], применения сведений по психологии [7] и педагогике [8], мы построили «интерпретационную педагогическую карту» когнитивного состояния обучающегося для установления связи между его мозговыми механизмами и выполняемыми видами учебно-познавательной деятельности (см. таблицу).

Метод КЭЭГ и соответствующее программное обеспечение позволяет выполнять анализ полученной энцефалограммы (см. рис. 1) в нескольких диапазонах спектра (или ритмовых диапазонах) (альфа- (см. рис. 2), бета- (см. рис. 3), тета- (см. рис. 4), дельта (см. рис. 5)), на основании амплитудного картирования (см. рис. 6) выявлять наиболее активные области мозга, сопоставляя моменты и этапы выполнения той или иной учебно-познавательной деятельности обучающихся их психологическому состоянию.

Поясним, что под понятием «ритм» на ЭЭГ подразумевается определённый тип электрической активности, соответствующий некоторому определённому состоянию мозга и связанный с определёнными церебральными механизмами. При описании ритма указывается его частота, типичная для определённого состояния и области мозга, амплитуда и некоторые характерные черты его изменений во времени при изменениях функциональной активности мозга [9].

Как интерпретировать сигналы с электродов?

КОД электрода	К какой области головного мозга подключен и снимает биопотенциалы?	За какой вид деятельности отвечает данный раздел головного мозга?
Fp1-RF	Левое полушарие, лобная доля	Сознание, мышление, формирование поведения, волевой контроль
Fp2-RF	Правое полушарие, лобная доля	Сознание, мышление, формирование поведения, волевой контроль
F7-RF	Левое полушарие, теменная доля	Сознание, мышление, формирование поведения, волевой контроль
F3-RF	Левое полушарие, теменная доля	Сознание, мышление, формирование поведения, волевой контроль
Fz-RF	Нижний лобный	…
F4-RF	Правое полушарие, теменная доля	Сознание, мышление, формирование поведения, волевой контроль
F8-RF	Правое полушарие, теменная доля	Сознание, мышление, формирование поведения, волевой контроль
T3-RF	Левое полушарие, височная доля	Моторная зона, движения
C3-RF	По биаурикулярной линии (по линии между двумя слуховыми проходами через макушку), левое полушарие	Моторная зона, движения
Cz-RF	По биаурикулярной линии	…
C4-RF	По биаурикулярной линии (по линии между двумя слуховыми проходами через макушку), правое полушарие, височная доля	Моторная зона, движения
T4-RF	Правое полушарие, височная доля	Моторная зона, движения
T5-RF	Левое полушарие	Чтение, речь
P3-RF	Левое полушарие	Чтение, речь
Pz-RF		…
P4-RF	Правое полушарие	Чтение, речь
T6-RF	Правое полушарие	Чтение, речь
O1-RF	Левое полушарие	Зрительная зона
O2-RF	Правое полушарие	Зрительная зона
Oz-RF	Затылочный	…
A1	На левое ухо, слуховая зона	Восприятие звуков
A2	На правое ухо, слуховая зона	Восприятие звуков

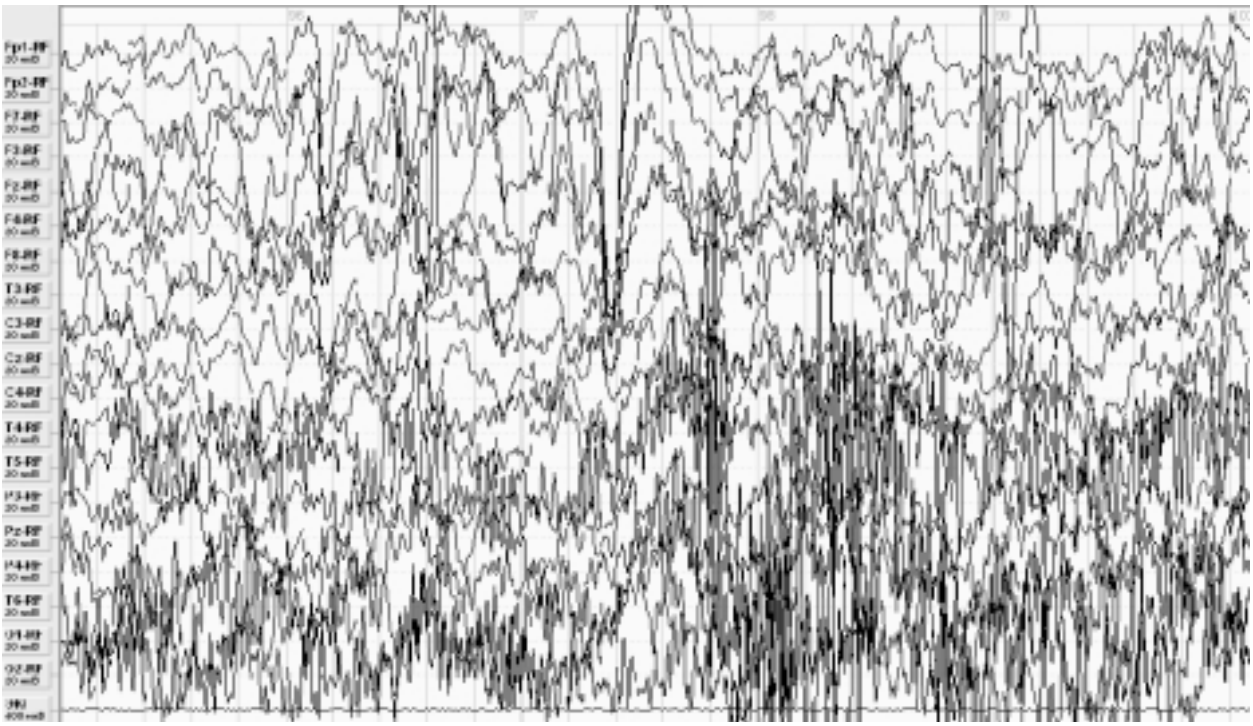

Рис. 1. Участок энцефалограммы

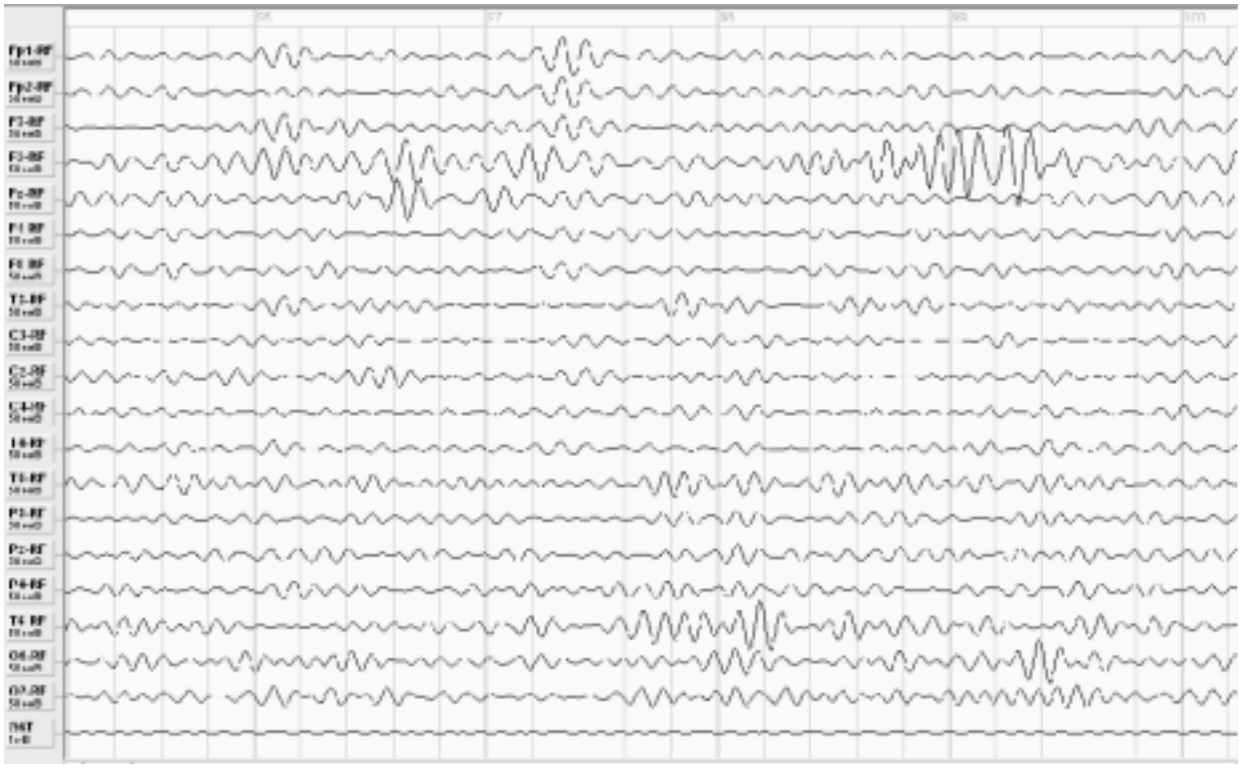

Рис. 2. Диапазонная фильтрация альфа-волн

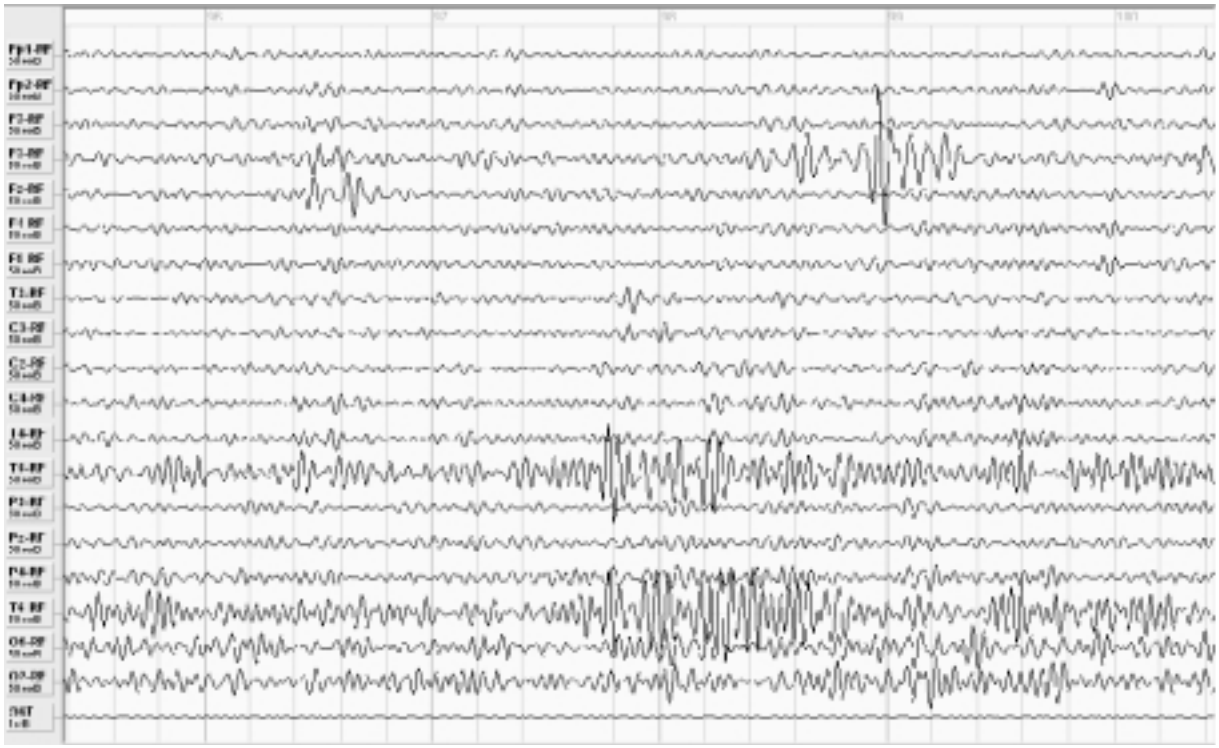

Рис. 3. Диапазонная фильтрация бета-волн

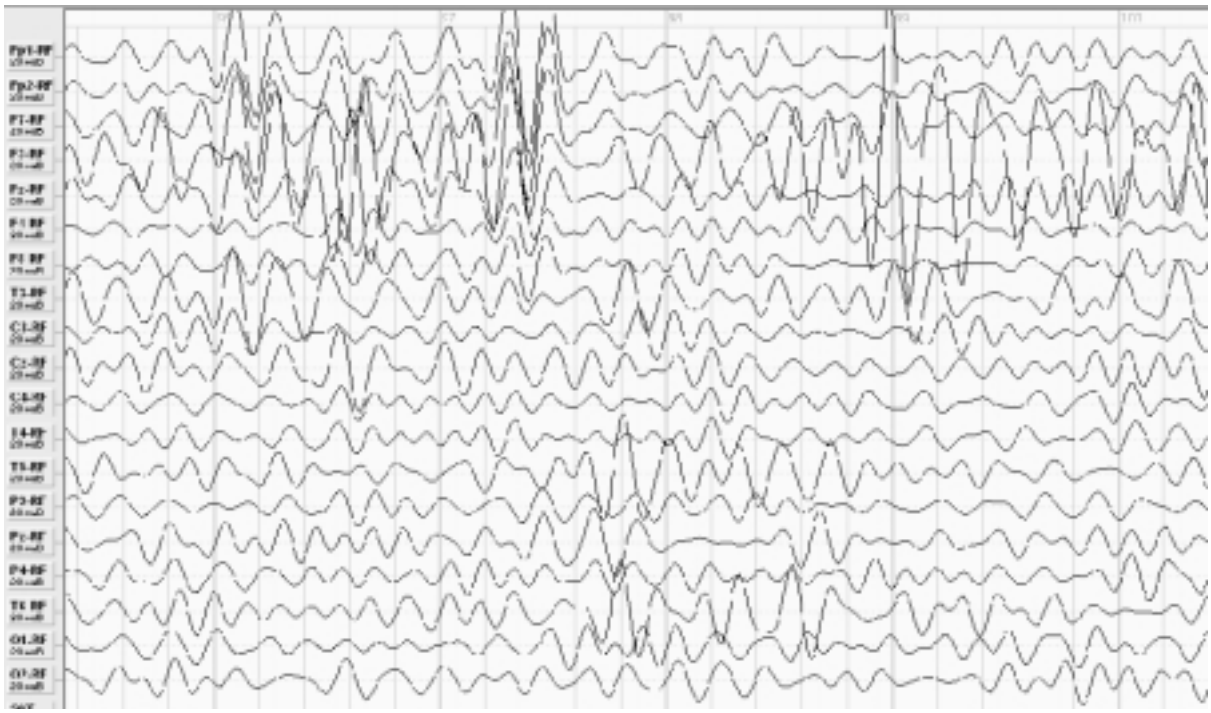

Рис. 4. Диапазонная фильтрация тета-волн

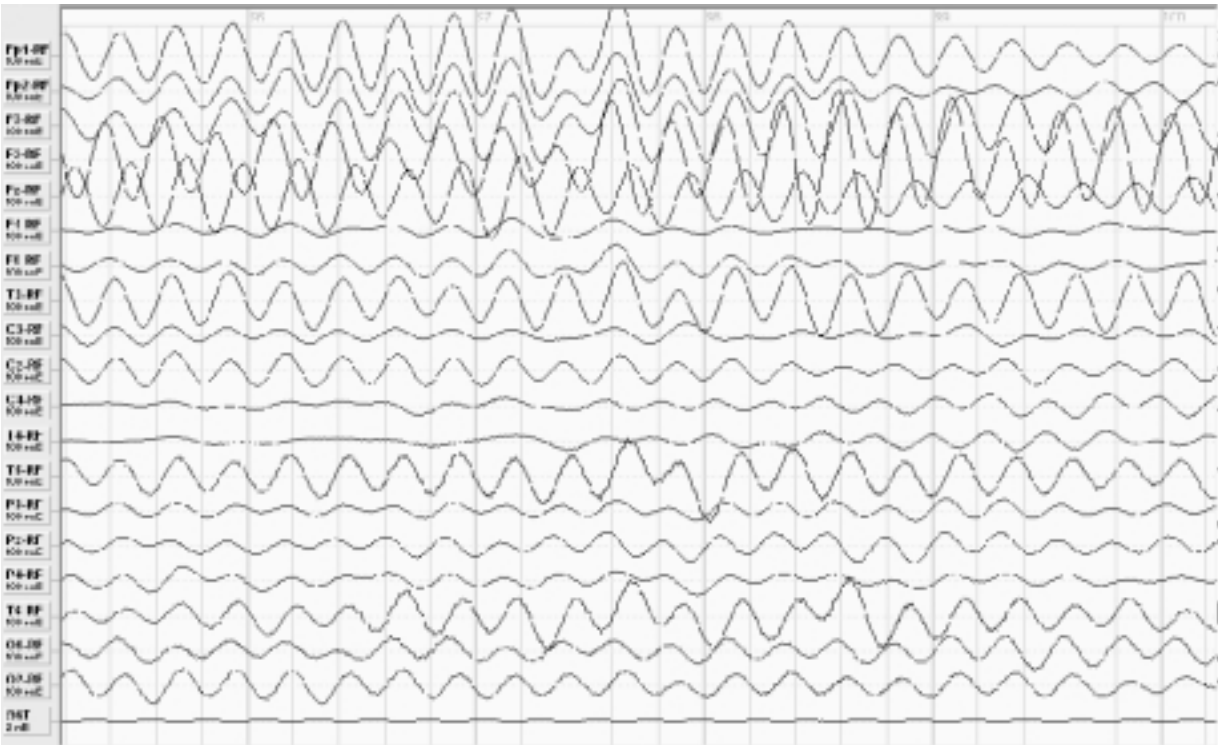

Рис. 5. Диапазонная фильтрация дельта-волн

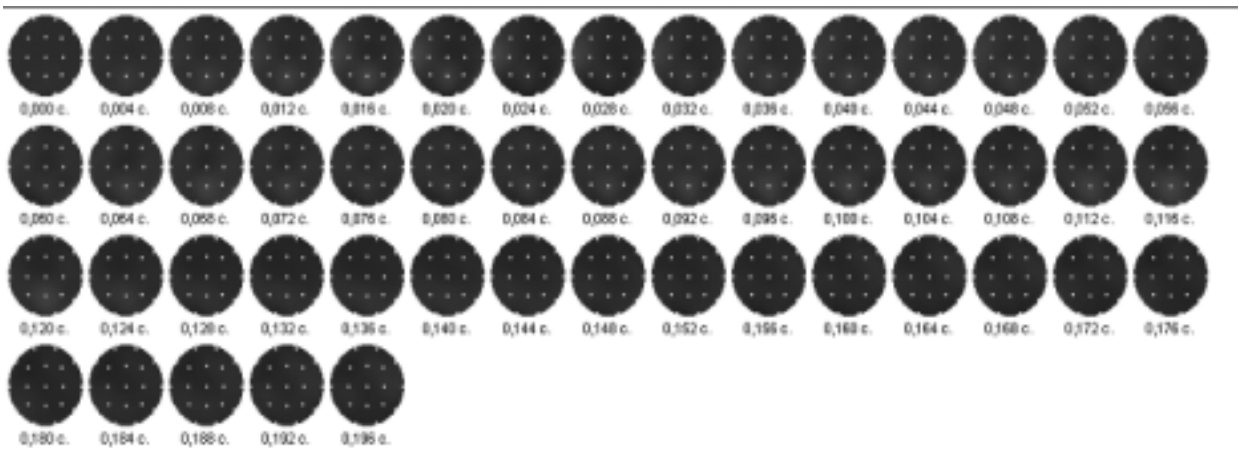

Рис. 6. Амплитудное картирование

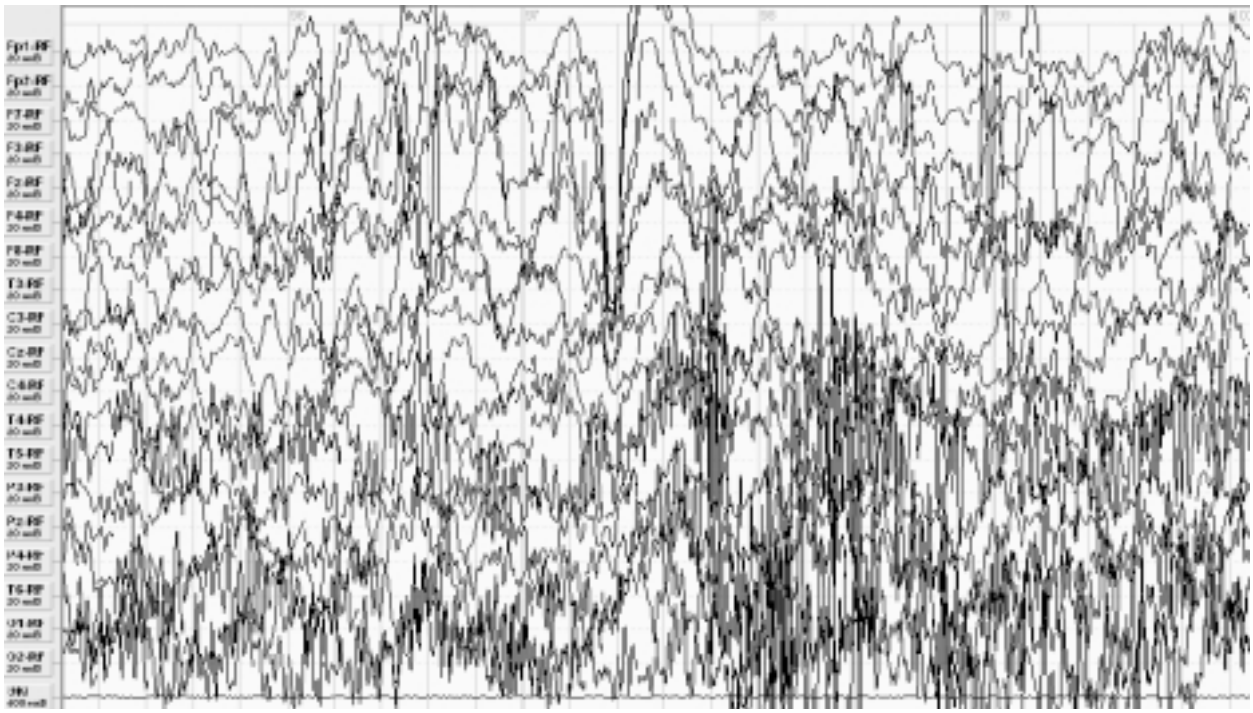

Рис. 7. Фрагмент КЭЭГ: соответствует этапу выбора психологически комфортной формулировки одной и той же физической задачи (из четырех предложенных)

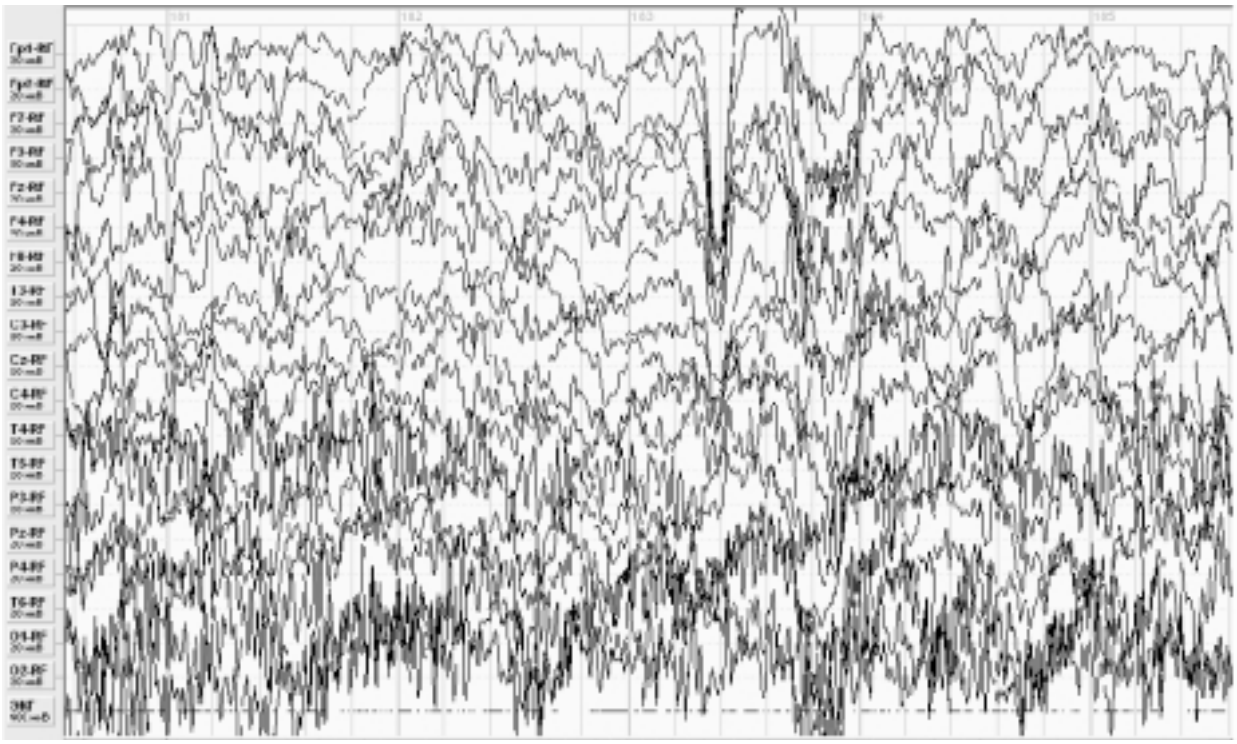

Рис. 8. Процессы в период решения задачи

При интерпретации спектров необходимо учитывать следующее.

Альфа-ритм (α-ритм) – характеристика состояний приятной расслабленности и покоя. Именно это состояние подходит наилучшим образом для занятий психотехническими упражнениями, после чего вы готовы к усвоению новой информации, решению сложных задач и запоминанию большого объема нового материала. Недостаток альфа-волн может быть признаком стресса, это ухудшает работоспособность человека, мешает эффективному обучению и нормальному отдыху, альфа-волны обеспечивают связь сознания с подсознанием и являются источником хорошего психического состояния, успокоения и радости. При повышении уровня функциональной активности мозга (напряжённое внимание, страх) амплитуда α-ритма уменьшается. Лучше всего выражен в затылочных отделах.

Бета-волны (β-ритм) – это бодрствование, сосредоточенность, работоспособность, но, если их слишком много, то они являются причиной беспокойства, страха и паники. При недостатке бета-волн у человека появляется депрессия, ухудшается избирательное внимание и память. Лучше всего β-ритм регистрируется в области центральных извилин, однако распространяется и на задние центральные и лобные извилины.

Тета-волны связаны с эмоциональным и умственным напряжением, а его усиление рассматривается как симптом увеличения эмоциональных переживаний.

Другой особенностью реализованных исследований является учет когнитивных стилей обучающихся в соответствии с классификацией стилей, предложенной М. Н. Берулавой и Г. А. Берулавой [10].

С помощью методики КЭЭГ нами проведены исследования мозговой деятельности учащихся с различными когнитивными стилями – смешанным, дифференциальным и интегральным (по М. Н. Берулава) в рамках обучения физике. Приведем фрагмент электроэнцефалограммы одного из учащихся, соответствующий этапу выбора психологически комфортной формулировки одной и той же физической задачи (из четырех предложенных) (см. рис. 7). Энцефалограмма свидетельствует о том, что на первом этапе решения задачи ученик выполняет интенсивную мыслительную деятельность, в которой задействованы одновременно практически все отделы коры головного мозга (амплитуды потенциалов от всех электродов достаточно большие). Отмечается большая частота колебаний в области зрительной зоны. Ученик определяется, т. е. находится в состоянии неопределенности, а потому волнуется, что и отражает его энцефалограмма на данном этапе.

На рис. 8 показана часть процессов в период решения задачи. Видно, что ученик стал более спокоен, ситуация более определенна, амплитуды потенциалов уменьшились. Однако сохраняется высокой активность лобных отделов мозга (верхняя часть диаграммы), отвечающих за мышление, сознание, волевые процессы.

Так, нами установлено, что наиболее активизирующими мыслительную деятельность у школьников с различными типами когнитивного стиля являются следующие формы организации деятельности: предложение школьникам заданий в занимательной форме, содержательно связанных с предметом (загадки); обсуждение прочитанного; решение экспериментальных задач; рефлексия в конце урока.

При этом получены следующие выводы:

1. У школьников всех типов стилей достаточно велика амплитуда колебаний лобной части головного мозга, отвечающей за процессы сознания, мышления, волевого контроля. При этом у представителя интегрального стиля в большей степени наблюдается всплеск активности (большая амплитуда) правой половины мозга (графики, связанные с четными по номеру электродами).

2. Электроэнцефалограмма представителя с дифференциальным стилем показывает большую уравновешенность, отсутствие сильных всплесков амплитуд потенциалов мозга при преобладающей роли левых отделов коры головного мозга.

3. При решении экспериментальных заданий активными остаются лобные отделы мозга (ответственные за мышление, сознание, волевые процессы), а также значительно активизируются зоны, отвечающие за моторику и речь (височная и теменная области).

4. Понятие осознания (рефлексии) связано с представлениями о самом субъекте-человеке и неразрывно с его деятельностью, мышлением, интеллектом, эмоциями, языком и т. д. Одним из подходов к детальному исследованию когнитивных процессов, в том числе рефлексии, может стать подход, основанный на субъектно-деятельной, знаково-речевой [11] и полярной парадигмах.

Сделаны лишь первые шаги в области объективации психолого-педагогических закономерностей с использованием метода электроэнцефалографии. На наш взгляд, применение измерительной медицинской аппаратуры, в частности КЭЭГ, является вполне доступным для педагогов-исследователей и может значительно обогатить арсенал прорывных направлений в педагогике и частных методиках.

Примечания

1. *Воронов А. В., Горбач Т. А.* Исследование когнитивности человека. Методика и электроэнцефалографические исследования // Медицинская информатика. 2007. № 1(13). С. 45–56.

2. *Raichle M. E.* Cognitive neuroscience: Bold insights // Nature. 2001. V. 412. № 6843. P. 128–130.

3. Электроэнцефалографические исследования. URL: http://www.effecton.ru/257.html; Электроэнцефалография. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%DD%EB%E5%EA%F2%F0%EE%FD%ED%F6%E5%F4%E0%EB%EE%E3%F0%E0%F4%E8%FF; Электроэнцефалография. URL: http://www.medsecret.net/nevrologiya/instr-diagnostika/483-jelektrojencefalografija

4. Международная система размещения электродов «10–20». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:21_electrodes_of_International_10-20_system_for_EEG.svg

5. Алгоритм описания электроэнцефалограммы. URL: http://d-clinic.ru/stati/meditsinskie/9-algoritm-opisaniya-elektroentsefalogrammy.html

6. *Александров М. В.* Техника и методика электроэнцефалографического исследования на электроэнцефалографе «Мицар-ЭЭГ-201» с использованием программы «ЭЭГ-2000». 2005.

7. *Маклаков А. Г.* Общая психология: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2008. (Сер. «Учебник для вузов».)

8. Психодидактика высшего и среднего образования: материалы V Всерос. науч.-практ. конф.: Ч. 1. 2–4 ноября. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004; и др.

9. Электроэнцефалография. URL: http://www.medsecret.net/nevrologiya/instr-diagnostika/483-jelektrojencefalografija

10. *Берулава М. Н., Берулава Г. А.* Технология индивидуализации обучения на основе учета когнитивного стиля. Бийск, 1996; *Коршунова О. В.* Обучение сельских школьников на основе интегративно-дифференцированного подхода. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008.

11. *Брушлинский А. В.* Психология индивидуального и группового субъекта в изменяющемся обществе // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 2. С. 162–169.

УДК 37(091)(470)

В. Б. Помелов

А. С. МАКАРЕНКО – СОВРЕМЕННИК ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ПЕДАГОГА)

Статья посвящена раскрытию наиболее значимых событий биографии выдающегося педагога и ученого, писателя и публициста А. С. Макаренко. Главное внимание уделяется описанию его достижений в практической и теоретической работе.

The article depicts the most important events of the biography of the outstanding teacher and scientist, writer and publicist A. S. Makarenko. The main attention is given to the description of his achievements in practical work and pedagogical theory.

Ключевые слова: А. С. Макаренко, Е. Ф. Григорович, Г. С. Салько, В. С. Макаренко, детская трудовая колония имени М. Горького, детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского.

Keywords: A. S. Makarenko, E. F. Grigorovich, G. S. Sahlko, V. S. Makarenko, children labour colony named after M. Gorky, children labour commune named after F. E. Dzerzhinsky.

Выдающийся российский педагог Антон Семенович Макаренко родился 1(13) марта 1888 г. в г. Белополье Сумского уезда Харьковской губернии в семье рабочего (маляра) железнодорожных мастерских. Учился в 2-классном железнодорожном училище в 1896–1901 гг. В 1901 г. семья переехала в посад Крюков, ныне район г. Кременчуг. Здесь же, в Кременчуге, в 1901–1904 гг. он учился в городском 4-классном училище, а затем – на годичных педкурсах. В 1905–1911 гг. А. С. Макаренко – учитель Крюковского железнодорожного 2-классного училища. В 1911–1914 гг. работает учителем Долинского железнодорожного училища Южной железной дороги (как вспоминал Макаренко, был переведен сюда «за ссору с заведующим-черносотенцем» в Крюкове). 1914–1917 гг. – учеба в Полтавском учительском институте, который был окончен им с золотой медалью [1]. Во время учебы в институте он ненадолго призывался в царскую армию и даже получил воинское звание «ратник 2-го разряда»; служил в 147-й пехотной Воронежской дружине. В 1917–1919 гг. А. С. Макаренко – инспектор (заведующий) «соединенных» Крюковских железнодорожного, высшего начального и начального училищ (их объединили с целью экономии средств в условиях Гражданской войны). В 1919–1920 гг. педагог заведует секцией детских колоний Полтавского губернского отдела народного образования. В сентябре 1920 г. Полтавским

© Помелов В. Б., 2013

губнаробразом в 8 верстах от Полтавы открывается одна из первых детских колоний для малолетних правонарушителей на Украине. Макаренко поручается заведование этой колонией, которая официально называлась Полтавская трудовая колония им. М. Горького. С этого времени, по существу, начинается тот период педагогической деятельности Макаренко, который обессмертил его имя.

В педагогической литературе крайне редко упоминаются имена коллег А. С. Макаренко. Может сложиться впечатление, что великий педагог действовал едва ли не в одиночку. Однако это далеко не так. Педагогов в учреждениях А. С. Макаренко было достаточное количество, и некоторые работали с ним длительное время, переходя из одного коллектива в другой вместе с Антоном Семеновичем. Прежде всего, назовем воспитательницу-учительницу и фельдшера, секретаря педсовета колонии Елизавету Федоровну Григорович (урожд. Архангельская), 1880 г. рождения. Она была дочерью священника и стала женой священника, преподававшего в Крюковской школе Закон Божий. Макаренко и Григорович познакомились и полюбили друг друга еще в 1905 г. в Крюкове и в течение двух десятилетий находились в гражданском браке [2]. Поначалу именно Е. Ф. Григорович предлагали стать заведующей колонией, поскольку она имела солидное и разностороннее образование. Она окончила епархиальную школу, фельдшерскую 4-летнюю школу (1917) и «полукурсовку» (то есть 2 курса) медицинского института, Киевский педагогический фребелевский институт и Полтавский институт народного образования. Назовем также Т. Д. Татаринова (по «Педагогической поэме» – И. Д. Киргизов), Н. Э. Фере (Н. Э. Шере), В. И. Поповиченко и др. Некоторые воспитанники Макаренко, выйдя из колонии и получив образование, возвращались туда в качестве сотрудников, например, врач Николай Шершнев и педагог Семен Калабалин (по «Педагогической поэме» – Вершнев и Карабанов). Кстати, Семен Афанасьевич Калабалин в начале 1970-х гг. выступал перед студентами Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Материальную базу колонии составлял ничтожный запас инструмента и прочего инвентаря. Пахотной земли было всего 12 десятин, да и та сплошной песок. А. С. Макаренко стал добиваться передачи колонии имения бывших помещиков – немцев-колонистов братьев Трепке, бросивших свое хозяйство в годы революции. Имение находилось у деревни Ковалевка в 10 верстах от Полтавы и в 2 верстах от основной колонии, имело 30 десятин земли. Прямо через имение протекала река Коломака, имелся фруктовый сад на 2 десятины, луга, а также пять полуразрушенных каменных зданий, конюшня, кузня и, самое главное, действующая паровая мельница, приносившая в дальнейшем колонии определенный доход. Ремонт всех помещений был окончен лишь в 1924 г. К весне 1923 г. Макаренко сформулировал подтвержденное его опытом фундаментальное направление педагогической работы – «путь трудовой общины, определенно прогрессирующей в разных областях ее жизни». Этот прогресс осуществлялся через разумно организованную трудовую деятельность детей, в которую были вовлечены все педагоги и сотрудники колонии.

В то время «в ходу» был термин «социальное воспитание»; в наркомпросах РСФСР и других союзных республик СССР отделы воспитательной работы назывались не иначе как главсоцвос, то есть главное управление по социальной работе. Однако наркомпросовские горе-теоретики, среди которых почти не было профессиональных педагогов и тем более педагогов-практиков, представляли себе процесс осуществления социального воспитания не иначе как сквозь призму распространения педологических анкет и прочих «обследований» либо как «парную педагогику»; упор делался то на организацию детского самоуправления и пионерскую работу, то на метод экскурсий или заимствования из-за рубежа. Общей идеей был поиск некоего *единого метода*, использование которого стало бы своего рода «педагогической панацеей». Все эти «педагогические поиски 1920-х – начала 1930-х гг.» здорово напоминают попытки средневековых алхимиков найти пресловутый философский камень.

В отличие от «наркомпросовских схоластов» А. С. Макаренко справедливо считал и доказывал своей постоянной практической работой, что организация социального воспитания строится путем комбинирования живых, реальных процессов жизни, а именно процессов хозяйствования, труда, познания и игры. Экономное и полезное сочетание этих процессов возможно лишь при одновременном влиянии на ребенка дисциплины и самоуправления.

Проблему дисциплины и самоуправления, как показывает опыт советского «соцвоса», очень трудно решить практически. В учебниках педагогики не найдешь главы по организации дисциплины учащихся. Учком, пионерская и комсомольская организации, – где здесь самоуправление и как все это должно сочетаться, – на эти вопросы педагогика так и не дала вразумительного ответа, хотя в теории, вроде бы, все «прописано». В «теории» все объясняется просто: дисциплина трактуется как производное от самоуправления и самоорганизации, но на опыте это никем и нигде не доказано. Педагогический

коллектив колонии А. С. Макаренко придерживался такой точки зрения, согласно которой дисциплина и самоуправление должны быть равнозначными компонентами общественной жизни. Но при этом должна быть *некая сила,* которая делает проблему дисциплины ясной и само собой разумеющейся. *Сила эта заключается в процессе хозяйствования.*

Логика хозяйства – это и есть логика здравого гражданского долга и ответственности личности в пределах коллектива. При таком подходе, – отмечал А. С. Макаренко, – самоуправление делается самой функцией труда, хозяйственности, ответственности и контроля. А отнюдь не функцией болтовни и резолюций. Дополненная учебой и игрой, эта система себя в полной мере оправдала. Доказательства тому – факты морального исправления очень тяжелых социальных комплексов. Оправдание своей системы педагог видел в самих фактах колонийской жизни. Несмотря на множество тяжелых обстоятельств и на то, что в колонии всегда имелось 25–35 новых воспитанников, часто рецидивистов, колонийский (позднее – коммунарский) коллектив всегда представлял собой крепко спаянную, очень дисциплинированную рабочую общину, но в то же время с постоянно веселым и оживленным настроением.

К 1925 г. в колонии был введен шестипольный севооборот на 40 десятинах пашни; Макаренко пишет: хотелось бы – он посчитал точно! – 132 десятины. В хозяйстве колонии имелись 63 свиньи английской породы, 3 коровы, лошади, овцы, гуси, кролики. До небывалых высот для тех мест поднялась урожайность зерновых. Т. Д. Татаринов вспоминал: «Я и мои товарищи по работе... чувствовали именно легкость в работе, хотя и были заняты по 10–12 часов в сутки... Школа, клуб со всеми видами работы и т. д. – все это представляло одну сложнейшую машину, слаженный агрегат, который работал точно, без перерывов и перебоев. Все прислушивались к его тону... Каждый проявлял инициативу, творчество, чтобы лучше шла наша воспитательная работа» [3].

В «Докладе о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» А. С. Макаренко отмечал: «Чисто воспитательные достижения к настоящему времени: воспитанники и воспитатели колонии представляют тесную рабочую семью, проникнутую взаимным уважением и преданностью друг другу. Только десятка полтора недавно прибывших воспитанников держатся еще выжидательно, но через месяц-другой и они станут настоящими колонистами. В области общинного труда воспитанники колонии являются убежденными хозяевами и прекрасными работниками, сознательно могущими переживать гордое сознание трудящегося и презирать дармоеда. Все больше и больше хозяйство колонии и хранение материальных ценностей переходит в руки воспитанников. Большинство ключей на руках у воспитанников. Не удалось (вот ведь "неудача"! – *В. П.*) обратить воспитанников в маленьких стариков. Они всегда веселы и активны, всегда способны шутить и смеяться. Это обстоятельство особенно важно. Совместное воспитание в колонии мальчиков и девочек не имело дурных последствий. Колонии ни разу не удалось попасть на особенную заботу губоно. Напротив, реально-трудовой характер колонии позволил в губоно чуть не с первых дней ее существования говорить о переходе на самоокупаемость и снабжение ее только в самых необходимых случаях» [4]. Далее Макаренко отмечал, что в связи с тем, что дети работают в поле, на ферме, в кузне одежда изнашивается гораздо быстрее, чем положено по «наробразовским» нормам, не предусматривавшим производительного труда воспитанников.

А. С. Макаренко постоянно выходил с разного рода предложениями в органы образования. Чего стоят его предложения выдавать карманные деньги старшим, сократить штат воспитателей и передать частично их функции детям [5]. В одной из докладных записок он с раздражением пишет, что дети поступают без сопроводительных документов и характеристик. На первый взгляд такой подход противоречит постоянно высказывавшейся А. С. Макаренко идее о том, что не надо знать прошлое ребенка, в воспитательном учреждении он начинает жизнь «с нового листа». Однако это *другие дети* не должны знать прошлого своих товарищей; педагог же должен знать по возможности всё. Только в этом случае он сможет воспользоваться всем арсеналом педагогических средств.

Очень тяжелой проблемой поначалу оставалась проблема выхода колонистов из колонии. Для способных ребят «удалось найти выход к рабфаку». Тот факт, что колония имела в Киеве и в Харькове свыше десятка своих студентов, давало воспитанникам надежду самим попасть туда. Рабфаковцы приезжали в колонию на каникулы и считали себя по-прежнему колонистами. Харьковские рабфаковцы, например, составляли особый «7-й отряд» колонистов, жили вместе и поддерживали колонийскую дисциплину, хоть и учились уже все на разных рабфаках. Этот «7-й отряд» являлся идеалом, о котором мечтали многие воспитанники. Но всех невозможно было послать на рабфаки, безработица закрывала многим выпускникам путь к производств. Если и удавалось какого-то юношу пристроить на работу, его нередко сокращали, и он возвращался в колонию. Своего рода выходом Макаренко считал женитьбу на крестьянских девушках.

Позднее, уже в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского в 1930 г., ему удалось организовать рабфак прямо в коммуне. Это был «вечерний» рабфак Харьковского машиностроительного института (для рабочей молодежи, 4 года обучения) и две подготовительные группы к нему, старшая и младшая, дававшие повышенное начальное образование. Получившие на рабфаке общее среднее образование коммунары имели право поступления в вуз технического профиля. Фактически же они успешно поступали и на гуманитарные специальности. Тем самым решалась проблема получения общего среднего образования для всех желающих, что значительно опережало общую практику советской общеобразовательной школы. Переход к всеобщему 7-летнему образованию в СССР в деревне начался в 1934 г. (массово – с 1949 г.), переход к общему среднему образованию в городах начался в 1939 г. (к всеобщему среднему – в конце 1970-х гг.).

Педагогическая практика в коммуне Макаренко вступила в резкое противоречие с начавшейся во второй половине 1920-х гг. в СССР практикой разделения образования на два резко отграниченных друг от друга направления. Первое направление подразумевало окончание средней школы с, как правило, дальнейшим поступлением в вуз. Этим путем шли обычно дети из семей интеллигенции, служащих, военных, партийных и советских работников, хотя, разумеется, среди студентов было немало представителей рабочего класса и трудового крестьянства. Второе направление вообще не включало в себя получение общего среднего образования; основная часть молодежи оканчивала школу крестьянской (или рабочей – в городах) молодежи или школу фабрично-заводского ученичества (здесь учащихся в шутку именовали «фабзайцами»); в дальнейшем эти школы стали именоваться ремесленными училищами, профессионально-техническими училищами и даже пузами, то есть профессиональными учебными заведениями. В конце XX в. профшколы, как правило, уже давали общее среднее образование, то есть перестали быть «тупиковыми». Однако во времена Макаренко об этом еще не могло идти речи.

Духовными кумирами А. С. Макаренко всю жизнь были А. П. Чехов и А. М. Горький. В годы работы в Крюковской школе он написал рассказ, в котором описал свои ощущения отвергнутого влюбленного, и послал этот рассказ Горькому. Писатель ответил примерно так: «Если можешь не писать – не пиши». Пройдут годы, и Горький будет убеждать Макаренко заняться писательской деятельностью, станет помогать материально, даст необходимые рецензии, окажет содействие лично и через своего секретаря Петра Петровича Крючкова в публикации «Педагогической поэмы».

А. С. Макаренко много рассказывал детям о Горьком. Особенно тронули их души рассказы педагога о бедняцком детстве пролетарского писателя. С 28 марта 1921 г. колония стала носить его имя. Позднее возникла идея написать ему письмо в Сорренто. Первое письмо Горькому было написано 8 июля 1925 г., последнее – 8 октября 1935 г. 3 августа 1925 г. от Горького было получено первое письмо. А. С. Макаренко тут же принялся писать ответ: «Сегодня с утра задождило – бросили молотьбу и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам – сейчас вся колония представляет не что вроде “Запорожцев” Репина, умноженных на 15 – число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживленные лица... Писать письмо Максиму Горькому не такая легкая штука, особенно если писари не очень грамотные. Дождь перестал, и наш агроном, у которого тоже усы еще не успели вырасти, волнуется молча: все же ему стыдно признаться, что молотьба выше всех писем» [6].

А. С. Макаренко рано почувствовал в себе потребность в изложении на бумаге своих педагогических взглядов. С благословения А. М. Горького он публиковал свои произведения как в периодической прессе, так и в солидных столичных издательствах. Самое известное его произведение – «Педагогическая поэма» – переведено практически на все языки мира и, по данным ЮНЕСКО, занимает почетное шестое место по тиражам среди всех книг. Собранные вместе, его педагогические сочинения составляют 8 томов (изданы в СССР в 1983–1986 гг.). Неоднократно издавались собрания его сочинений в 2, 5, 7 томах, а в Германии лаборатория «Макаренко-реферат» (руководитель Гетц Хиллиг), работающая при Марбургском университете, издала 20-томное собрание сочинений. В последние годы научно-исследовательская лаборатория «Педагогика А. С. Макаренко» (А. А. Фролов, Г. Н. Козлова, Е. Ю. Илалтдинова, С. И. Аксенов) при Нижегородском госпедуниверситете выпустила 6 томов произведений Макаренко, многие из которых либо не включались ранее в собрания его сочинений, либо вообще были опубликованы впервые без купюр и искажений. Все это позволяет более полно представить педагогические идеи великого педагога и оценить масштаб его практической работы.

Учреждения, которыми руководил А. С. Макаренко, регулярно проходили проверки со стороны чиновников Харьковской окружной инспекцией наробраза. Очередная проверка в октябре

1927 г. констатировала: «Считать недопустимым перенесение системы воспитания в колонии Горького на другие колонии». Особо отмечалось, что комсомольская организация не может «проявить себя как руководитель всей общественно-политической жизни колонии». Макаренко не допускает «существования двух систем воспитания – колонийской и пионерской организации». В вину ему было поставлено и то, что колонийская школа была переведена на русский язык. «Дисциплина строжайшая» и «не основана на сознании». Заведующий колонией – «безграничный авторитет». Самоуправление предлагалось реорганизовать на основе «широкой выборности». Клубная работа недостаточна (и это при замечательном организаторе клубной работы, легендарном Викторе Николаевиче Терском! – *В. П.*). Наконец, «отношение к труду хорошее» [7]. В заключении делался вывод: «Принимая во внимание принципиальную установку тов. Макаренко на содержание и методы социального воспитания, идущую вразрез с общей линией Соцвоса, считать необходимым руководство детколонии возложить на партийных товарищей». (Макаренко, как известно, был беспартийным. – *В. П.*)

Колонию им. М. Горького посещало большое количество делегаций. Велся учет этих посещений. Так, только с 28 августа по 11 декабря 1927 г. ее посетили 32 *иностранные* делегации, не считая делегаций советских педагогов. Тогда же, в 1927 г., колонию посетила Надежда Феликсовна Остроменцкая. Годом ранее она работала воспитателем в колонии, но недолго, всего несколько месяцев, и ничем особенным не запомнилась ни детям, ни коллегам. Так, случайный попутчик, испугавшийся трудностей. Тогда никто не мог себе представить, что ее стремление к личной известности за счет других приведет к столь тяжелым последствиям. У нее вдруг появилось желание написать книгу о колонии. Об этом она поставила в известность Макаренко. Тот с сомнением отнесся к этой идее; «как бы не пришлось протестовать», – писал он Остроменцкой. И как в воду глядел. Большой очерк «Навстречу жизни. Колония имени Горького» был опубликован в столичном журнале «Народный учитель» в 1928 г. (№ 1–2, с. 12–77). Некоторые вольности в ее повествовании привели к превратному толкованию текста о применении в колонии наказаний. 14 мая Н. К. Крупская в докладе на VIII съезде ВЛКСМ, основываясь на материале очерка Н. Ф. Остроменцкой, подвергла острой критике «один Дом им. М. Горького на Украине». При этом она по своему интерпретировала соответствующий раздел очерка [8].

Критическую линию в связи с очерком подхватил А. В. Луначарский. В статье «Воспитание нового человека» он писал об «одном педагогическом журнале», где «описывается положительный тип советского педагога, который посылает своего ученика в лес – вырезать себе розгу, которой потом его выпорют» [9]. Конечно, выражался Луначарский фигурально, но понимали-то наркома просвещения РСФСР буквально! Хотя фамилия Макаренко в статье не указывалась, всем было понятно, о ком идет речь. Если раньше критика А. С. Макаренко не выходила за пределы губернии, то сейчас о нем «узнала» вся страна. 23 мая 1928 г. секретариат ЦК ЛКСМУ определил: система Макаренко «не соответствует основам советской педагогики». В письме к жене Г. С. Салько Макаренко впервые, но не в последний раз, разражается гневным панегириком в адрес Крупской: «И ужаснее всего то, что по этой истеричной глупой бабе равняется и наша молодежь» [10].

Напротив, в периодической прессе систему воспитания Макаренко очень хвалили. Приведем только один пример. Журналист И. Байков в газете «Брянский рабочий» (1928. 26 мая) писал: «В колонии чрезвычайно суровая дисциплина. Однако она настолько разумна и добра, что колонисты не чувствуют себя угнетенными. Наказания за уклонение от дисциплины всегда целесообразны, и их выполняют... Гордость колонии – механизированные деревообделочные мастерские, около 100 работающих колонистов. 50 старших колонистов работают на предприятиях Харькова. В отношении их совет командиров решил: из их зарплаты вычитать стоимость питания, 10% выдавать на руки, остальное класть на личную сберкнижку. Много, много интересного в колонии им. М. Горького». (В этот период колония разделилась надвое: одна часть осталась на прежнем месте, другая – во главе с Макаренко, частью педагогов и воспитанников в 1926 г. перебралась в поселок Куряж под Харьковом, где взялась поднимать запущенную детскую колонию.)

О публичных ярких выступлениях Макаренко вспоминает хорошо знавший его И. Н. Гуков: «Поражало знание им педагогической литературы. Длинные цитаты из русских и иностранных авторов он приводил наизусть. И приводил для того, чтобы опровергнуть их советской практикой. Это “отрицание святых” в педагогике, преклонение перед опытом и экспериментом влекли к нему учительскую молодежь» [11].

8–9 июля 1928 г. произошла незабываемая встреча с Макаренко в колонии им. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. В колонии были трудовые дни. На конной машине-жатке Горький подъехал к месту уборки ярового поля, побывал у трактора на заготовке сена, в столярной мастерской. Везде принимался за работу. Колонийцы специально подготовили инсценировку пьесы

«На дне», было организовано фотографирование. Вечером торжество, фейерверк. Подарком от колонистов стал альбом о жизни колонии. Горький писал впоследствии о Макаренко в очерке «По Союзу Советов»: «Знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто он делает моментальный фотографический снимок с его характера» [12]. Он «умеет говорить детям о труде с той спокойной скрытой силой, которая и понятней, и красноречивее всех красивых слов» [13]. А. С. Макаренко не стал жаловаться Горькому, что его уже «ушли» из колонии, что он в присутствии Горького всего лишь *изображает* заведующего колонией, которым на тот момент уже фактически не являлся. (Окончательно работу в колонии им. М. Горького он оставил 3 сентября 1928 г.) Наробразовское руководство сделало соответствующие выводы из приведенных выше критических высказываний. Не скрывая обиды, Макаренко писал Остроменцкой 16 ноября 1928 г.: «Приезжайте сейчас в колонию и дайте очерк ее гибели». Новый руководитель колонии выдвинул девиз: «Довольно вам быть батраками, вам надо учиться». Вскоре колония им. М. Горького уже ничем не выделялась от других аналогичных учреждений.

9 апреля 1927 г. коллегия ГПУ Украины постановила ознаменовать память Ф. Э. Дзержинского открытием детской трудовой коммуны его имени. 20 октября 1927 г. в дополнение к руководству колонией Макаренко принял заведование коммуной им. Дзержинского, которая по его настоянию летом 1928 г. утверждается как Детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, работающая на основе педагогических принципов трудовой колонии им. М. Горького. Макаренко получает право подбирать персонал этого учреждения. В него из горьковской колонии перешли Т. Д. Татаринов, Е. Ф. Григорович, В. Н. Терский. С середины октября Макаренко фактически отходит от заведования колонией им. М. Горького. Он бывает в ней эпизодически. Фактически ему приходится работать в двух местах. 30 мая 1928 г. он пишет заявление об уходе из колонии, но в окрино ему предложили остаться на заведовании колонией до приезда туда Горького.

25–28 декабря 1928 г. из колонии им. М. Горького («для закваски») в коммуну переводятся 40 мальчиков и 10 девочек 14–15 лет. 29 декабря, в связи с 10-летием деятельности ВЧК-ОГПУ, в присутствии генерального секретаря ЦК КП(б) Украины Л. М. Кагановича, представителей правительства и общественности УССР прошло торжественное открытие этого учреждения. Председатель ГПУ УССР В. А. Балицкий вручил коммунарам знамя от Коллегии ГП УССР. В начале января 1928 г. коммуна приняла из коллектора 40 беспризорных, взятых с улицы [14]. Будучи общественно-государственным воспитательно-образовательным небюджетным учреждением, коммуна дзержинцев первые 2,5 года содержалась на ежемесячные полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников и комполитсостава органов и войск ГПУ. С 1 июня 1930 г. коммуна перешла на полную самоокупаемость. Более того, за счет коммуны привлекались квалифицированные специалисты, мастера и организаторы производства. Она была освобождена от налогов и сборов. Коммуна была расположена на окраине Харькова, тогда столицы Советской Украины (по 1934 г.), в лесопарковой зоне под названием Новый Харьков.

А. С. Макаренко поставил задачу создания *воспитательного предприятия*. К замыслу укрупненного педагогического учреждения Макаренко обращался неоднократно: 1927 г. – организация Трудового детского корпуса Харьковского округа, около 10 000 детей; 1932 г. – объединение колонии им. М. Горького с коммуной им. Ф. Э. Дзержинского; 1933 г. – объединение коммуны Дзержинского, Прилукской и Полтавской трудовых коммун. Он пишет соответствующее предложение в Главсоцвос: выходит с идеей проекта «крупного воспитательного предприятия». Эта идея находит поддержку. В Харькове строятся два крупных завода, причем оба являются «первенцами» в своей отрасли в СССР. Один из них – завод пленочных фотоаппаратов, получивших название «ФЭД» (Феликс Эдмундович Дзержинский). За образец была взята модель немецкой фирмы «Leitz Camera», получившая в народе название «лейка». (Ранее в СССР для фотографирования использовались лишь пластинки.) Другой завод производил электроинструмент; самым известным его изделием были электродрели фирмы «Black and Decker» (США).

Коллективу коммуны было предложено участвовать в строительстве и, самое главное, по окончании строительства работать на этих предприятиях. Эта идея захватила весь коллектив. Первые «сверлилки» были выпущены в конце 1931 г. Уже в июле 1932 г. их выпуск превысил тысячу штук в месяц. Буквально в эти же дни, 2 июня 1932 г., начинается проектирование «лейки». Спустя несколько месяцев производство фотоаппаратов поставлено на поток [15]. Макаренко с упоением пишет об этом в своих многочисленных произведениях.

В 1932 г. А. С. Макаренко увидел в своем опыте опасную тенденцию; педагогически неоправданное расширение производства вело к тому, что коммуна теряет свое воспитательное значение и воспитательную силу. В конце 1927 г. коммуна начиналась с четырех мастерских (сапожная, швейная, столярная, слесарная), а сейчас это

завод на 30 тысяч пленочных аппаратов в год и завод электроинструмента. Сам он с середины марта 1932 г. оставляет должность зав. коммуной по причине расширения ее промышленного производства. С 15 апреля он становится начальником ее педагогической (учебно-воспитательной) части. Фактическим начальником коммуны является председатель правления коммуны Александр Осипович Броневой. На практике же имеет место двоевластие. Ведь зав. коммуной является М. А. Максимов, затем И. П. Судаков, И. Я. Тепер, Марусинов, Тихонов, В. С. Берман (не у каждого из них в истории остались инициалы). Однако для воспитанников руководителем был и оставался А. С. Макаренко.

В период работы в Харькове А. С. Макаренко приходилось работать над такими предложениями, которые иначе как бредовыми и не назовешь. Так, 28 сентября 1928 г. ему было предложено «разработать проект организации на границе с Афганистаном сети колоний для беспризорных на 40 000 человек, которых [необходимо будет] вывезти из Украины». Ежедневно ощущая на себе «внимание» сотрудников ОГПУ, педагог не мог позволить себе высказывать свое истинное мнение по этому вопросу и поэтому в письме к жене – на тот случай если оно попадет «не в те руки» – он пишет: «Эта мысль возникла в какой-то комиссии ВУЦИКа. Я пока принципиально отозвался об этом проекте как о самом гениальном. Разработка его может еще увеличить все возможности, какие в нем заключаются. Завтра утром еду в ВУЦИК вести переговоры по этому поводу» [16]. Слово «гениальный» дает понять адресату истинный смысл послания.

Еще раньше, работая в колонии им. М. Горького, он в статье «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» [17] дал картину того, каким образом строится эта самая учебная работа по так называемым комплексным планам, усиленно навязывавшимся наркомпросом. Вся учебная работа должна была укладываться в пресловутые «три колонки»: природа – труд – общество. Интерес детей, проявлявшийся к тому или иному общественно-политическому или природному явлению, провозглашался критерием отбора учебного материала (А. С. Макаренко так и пишет: «Содержание образовательной работы [в колонии] определяется детским интересом»). Далее «для иллюстрации» он приводит конспект темы «Навоз», «разрабатываемой в настоящее время – 7-марта, одновременно с большой работой по вывозке навоза в поле и к парникам».

Приведем в сокращении этот конспект: **Навоз. 1. Доклад воспитанника**: Почему навоз является удобрением? Что содержится в навозе и в растении? Чем еще можно удобрить поле? Полное и неполное удобрение. Прямое и непрямое удобрение. Состав навоза. Значение твердых извержений и мочи. Значение подстилки. Качество навоза в зависимости от корма. Сухой и мокрый навоз. **2. Доклад воспитанника**: Употребление навоза. Собирание, хранение, вывозка, разбрасывание и запашка навоза. **3. Критическая часть**. Доклады и беседы по спорным и неясным вопросам: Для всех ли почв одинаково необходимо удобрение? Какое количество навоза наиболее выгодно вывезти в поле? Значение почвенной воды при навозном удобрении. **4. Практическая часть**. Доклад зав. хозяйством колонии: Ближайший план по навозному удобрению в колонии. На какие поля будет вывозиться навоз? Почему? Какое количество десятин будет унавожено? На какие поля следовало бы вывезти навоз, если бы позволяло количество скота? Практическая работа по вывозке. **5. Математическое изображение**. Задача №1. Сколько десятин можно унавозить от колонийского скота, если полагать по 1200 пудов на десятину и считать период зимнего собирания навоза в 180 дней? Задача №2. Сколько нужно держать овец, чтобы заменить по количеству доставляемого навоза 4 колонийских лошадей, при условии, что поле черноземное? Задача №3. Та же задача при условии песчаного грунта. (Сущность различия условий 2- и 3-й задачи заключается в том, что при черноземе нужен фосфор, а на песке – азот.) **6. Графическое изображение**. А) Диаграмма: Прибавка урожая при внесении 1200 и 2400 пудов навоза на различных почвах. Б) Кривая: Изменение количества образовавшейся азотной кислоты при различной влажности без навоза и при внесении навоза. В) Диаграмма: Содержание азота, калия и фосфора в навозе различных животных. **7. Словесное изображение (сочинение)**. Как нужно сохранять навоз. Как поступают с навозом на поле. Как мы вывозим и храним навоз. Как люди научились удобрять землю. Какое удобрение лучше и почему. При подготовке докладов учащиеся использовали рекомендуемые им пособия, названия которых также приводились в конспекте. Не удивительно, что при такой постановке учебной работы знания учащихся оказывались клочковатыми, межпредметные связи проявлялись «во всей своей неестественности», как позднее вынуждена была писать Крупская. Во второй половине 1920-х гг. от комплексных планов было решено отказаться.

Осветим еще один эпизод из жизни Макаренко, который долгие годы был покрыт домыслами. 8 сентября 1936 г. на торжественном собрании по случаю выпуска коммунаров А. С. Макаренко выразился буквально следующим образом: «Все мы работаем под руководством партии и тов. Сталина, и если т. Сталин сделает хоть

тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть (имелся в виду, по видимому, уже осужденный Н. И. Бухарин. – *В. П.*) поведет нас по правильной дороге, то все же надо идти за тов. Сталиным». В тот же день секретарь парткома коммуны по фамилии Н. А. Огий-Чернуха направил секретарю парткома НКВД УССР Я. К. Крауклису письмо под грифом «совершенно секретно», в котором сообщил о случившемся, сделав упор на то, что зав. колонией В. С. Берман тут же взял слово и «внес ясность в данный вопрос», в то время как т. Макаренко не взял слова для исправления допущенной им политической ошибки и «тотчас уехал». На письме адресат поставил резолюцию: «Мы через некоторое время Макаренко удалим. Я не верю ему ни на грош. Это враг» [18].

История эта получила свое продолжение. В коммунарской газете-многотиражке «Дзержинец» (1936. 13 сент.) Н. А. Огий-Чернуха в статье «Бдительность всегда и везде» заявил: «Выступление А. С. Макаренко на выпускном вечере коммунаров является по существу классово-враждебным, контрреволюционным». 5 октября в той же газете тот же автор снова возвращается к этому случаю. В статье «Ошибка не случайного характера» он пишет: «И в своем выступлении на вечере выпускников, и в заявлении, которое т. Макаренко подал в партийный комитет, красной нитью проходит недооценка т. Макаренко роли партии, советской власти, комсомола в деле воспитания нашей молодежи, всюду выпячивается его собственное я. В заявлении он пишет: “Я ведь говорил только о будущем. В том числе о далеком будущем, и хотел только одного, чтобы у моих воспитанников никакая вздорная мысль об ошибках партии не могла появиться”. На самом деле он пропагандирует возможность ошибок ленинско-сталинской партии, правда, в “далеком будущем”. И дальше... развивает мысль о возможности безошибочности троцкистско-зиновьевской банды» [19]. Только счастливой случайностью можно объяснить то обстоятельство, что заготовленные на арест Макаренко украинскими чекистами два ордера так и не были использованы.

Кстати, ненавидимый детьми упомянутый выше В. С. Берман недолго руководил коммуной. Во время его очередного запоя группа мальчишек решила проучить незадачливого «педагога»: вытащила у него из кармана партбилет и отправила его «по назначению»...

Неудивительно, что после всего этого А. С. Макаренко отходит от практической работы с детьми. С 1 июля 1935 г. он переведён в Киев, в центральный аппарат НКВД УССР, где работает на должности помощника начальника отдела трудовых колоний до ноября 1936 г. Некоторое время, до переезда в марте 1937 г. из Киева в Москву, он руководил педагогической частью трудовой колонии № 5 в Броварах под Киевом.

В Москве он занимался, в основном, литературной деятельностью, публицистикой, много выступал перед читателями и педагогическим активом. Макаренко – член Союза советских писателей со дня его основания (1934). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.01.1939 г. он был награждён орденом Трудового Красного Знамени. В феврале 1939 г. А. С. Макаренко подал заявление о принятии его кандидатом в члены ВКП(б). Любопытно, что рекомендацию о приеме в партию ему дал его бывший воспитанник И. Сопин, который выведен в макаренковских произведениях как дезорганизатор и бузотер. Выходят его замечательные книги «Педагогическая поэма», «ФЭД», «Флаги на башнях», «Книга для родителей», «Лекции о коммунистическом воспитании», «Честь», многочисленные статьи. Его имя становится известным всей стране, причем, прежде всего, не как педагога, а именно как писателя. А. С. Макаренко скончался от сердечного приступа прямо в электричке на станции Голицыно Московской области, возвращаясь с дачи 1 апреля 1939 г.

Сохранением наследия А. С. Макаренко долгие годы занималась его вдова Галина Стахиевна Салько (1892–1962). Их знакомство произошло в феврале 1927 г. Тогда она исполняла должность председателя комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома (с января 1927 г. по январь 1929 г.), и по долгу службы принимала участие в разного рода проверках, в том числе бывала и в колонии им. М. Горького. Близкие отношения возникли с весны 1927 г., официально брак оформлен 4 сентября 1935 г. Ее первый муж М. В. Салько (1887–1938) в 1919 г. был зам. наркома просвещения Украины, в 1923–1925 гг. – зав. Киевским, затем Харьковским губнаробразом, в 1930-е гг. – зав. Черниговской окружной инспектурой образования, член совета при НКП УССР. Их сын Лев Михайлович Салько (1914–1957) воспитывался в семье Езерницких, двоюродной сестры Г. С. Салько, некоторое время был коммунаром у Макаренко. А. С. Макаренко, его жена и Л. Салько похоронены на Новодевичьем кладбище в Москве.

В досоветские годы А. С. Макаренко был очень дружен со своим младшим братом Виталием (1895–1983), который выбрал воинскую стезю, служил прапорщиком во время Первой мировой войны. После ранения, в 1915–1919 гг., – учитель Крюковского железнодорожного высшего начального училища (им руководил А. С. Макаренко). С августа 1919 г. – поручик контрраз-

ведки в армии А. И. Деникина, затем командир пулеметной роты в армии П. Н. Врангеля. Приговоренный «красными» к расстрелу, бежал буквально с места казни. Ему удалось эмигрировать в ноябре 1920 г. Братья находились в переписке с конца 1922 г. по осень 1929 г. В. С. Макаренко скончался 22 июля 1983 г. в возрасте 88 лет, в доме для престарелых в городе Йер, недалеко от Тулона.

Дочь Виталия Олимпиада (родилась 7 августа 1920 г.) с 1928 г. воспитывалась в семье А. С. Макаренко, переписывалась с отцом в 1962–1975 гг. [20] Мать А. С. Макаренко Татьяна Михайловна жила у сына в коммуне, помогала ему в бытовом отношении; воспитанники ее очень любили, называли бабушкой. Скончалась 11 сентября 1931 г. (Ее муж, отец А. С. Макаренко, умер еще в 1916 г.) Мужем О. В. Макаренко был известный поэт-песенник Сергей Александрович Васильев (1911–1975), их дети также широко известны в нашей стране; это народная артистка РСФСР, популярная актриса театра и кино Екатерина Васильева (1945 г. р.) и Антон Васильев (1953 г. р.), известный режиссер театра и кино. В свое время, еще при советской власти, Антон был самым первым, кто выступил против безумного проекта поворота северных рек на юг. В одном из недавних интервью он с горечью говорил о том, что власти Кременчуга выделяют на содержание дома-музея Макаренко всего 900 гривен в год (3500 р.).

Из записной книжки А. С. Макаренко

Из разговора:

– «Надо сравнивать не что есть сейчас и что было, а что есть и что было бы».

– «Но мы не знаем, что было бы».

– «Ну вот, значит невозможно никакое сравнение».

Любить – значит чуять запах бессмертия.

Эволюция темы. В начале революции: «Жизнь свое возьмет. Это значило: рано или поздно уйдут большевики и вместо них будет какая-то жизнь, бюрократия, что ли».

Бюрократам бумагу надо выдавать с ограничением.

Наследие А. С. Макаренко вызывает споры до настоящего времени, причем в этих спорах участвуют не только педагоги. С особой силой интерес к наследию педагога возрос в эпоху перестройки. Так, академик Л. И. Абалкин отмечал: «Педагогика А. С. Макаренко не “школьная”, а социальная, она становится особенно нужной сейчас, когда экономический анализ без оценки социально-культурных явлений будет несовершенным и неполноценным» (Звезда. 1989. № 2. С. 172). Известный экономист, первый мэр Москвы Г. Х. Попов следующим образом оценивал А. С. Макаренко: гениальность Макаренко заключается в том, что он «первым понял: вся система нравственного воздействия должна базироваться на каком-то мощном материальном факторе, который был бы решающим в жизни человека. И он безошибочно выбрал труд... Развертывание детского труда должно быть тесно увязано с изменением всей сферы труда в обществе» (Советская Россия. 1988. 12 марта).

Наследие А. С. Макаренко получило широкое международное признание. В 1988 г. ЮНЕСКО назвала четырех самых выдающихся педагогов XX в., тех, кто, как указывается в постановлении этой организации, определил способ педагогического мышления, – это Джон Дьюи, Георг Кершенштейнер, Мария Монтессори и Антон Макаренко.

В настоящее время все ощутимее проявляется интерес к педагогическому творчеству А. С. Макаренко и в нашей стране. Обращение к его произведениям и его личности во многом вызвано обострением проблем в воспитании детей и молодежи, необходимостью решения проблемы их активного включения в жизнь и трудовую деятельность. Представляется достаточно очевидным, что необходимо расширять подростковые и юношеские объединения. Но как это делать? Принятия действенных срочных мер требуют такие проблемы, как детская беспризорность и безнадзорность, преступность несовершеннолетних, асоциальное поведение матерей. Это и есть главные проблемы педагогики, а вовсе не «уточнение сущности...» никому не нужного понятия, как это принято в современных диссертационных опусах по педагогике.

Постепенно, после тяжелого угара девяностых, восстанавливается воспитательная функция общеобразовательной школы. Развивается разрушенное было среднее профессиональное образование. По идее должна усиливаться практическая направленность высшего образования (чего не происходит). Стремительно растет значимость человеческого фактора (это мы видим на росте количества техногенных катастроф). Нуждается в оздоровлении социально-правовое, морально-психологическое и физическое состояние общества. Великий педагог стремился учесть, развить и в определенной системе представить воспитательно-образовательные факторы, действующие во всех сферах жизни общества. Поэтому наследие Макаренко содержит большие возможности в решении всех этих проблем. Это не только педагогика школы, а *социальная педагогика*.

Примечания

1. Кстати, директор Полтавского учительского института Александр Константинович Волнин в 1921 г. переехал с Украины в Вятку и ряд лет работал в Вятском институте народного образования. Его сын Бо-

рис – доктор технических наук, профессор, длительное время, вплоть до своей кончины, поддерживал отношения с КГПИ им. В. И. Ленина, где его отец в свое время фактически был основателем кафедры педагогики. А. К. Волнин пережил своего гениального ученика и даже выступал на похоронах Макаренко. Один из бывших колонистов в своих воспоминаниях упомянул «старичка, который очень хвалил покойного за то, что тот хорошо и чисто, без помарок, писал сочинения».

2. Младший брат А. С. Макаренко В. С. Макаренко вспоминал:«Он (Антон. – *В. П.*) влюблялся каждые 6 месяцев и не как-нибудь платонически, а обязательно требуя взаимности»; его увлечения в 1903–1918 гг. – 9 человек... Влюбленным суждено было жить все время в разлуке. Сначала Елизавета Федоровна была на курсах в Киеве, потом получила место учительницы, но в Полтаве, Антон оставался в Крюкове. Не знаю, получал ли он от нее много писем, но он ей писал каждый день – на самой лучшей веленевой бумаге – и отсылал в самых дорогих конвертах «люкс». Иногда он просил меня отнести письмо на станцию и бросить в ящик почтового вагона. На конверте адресу предшествовали две буквы: «Я. С.». Я ломал голову, что это могло значить, но не смел у него спросить об этом прямо. Гораздо позже, в 1915 г., в Полтаве, он объяснил мне, что это были начальные буквы двух слов «Ясному солнышку». *Макаренко В. С.* Воспоминания об А. С. Макаренко // Советская педагогика. 1991. № 6–7. С. 30.

3. *Макаренко А. С.* Школа жизни, труда, воспитания: учеб. книга по истории, теории и практике воспитания. Ч. 1. 1921–1928 гг. / сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. Н. Новгород, 2007. С. 80.

4. Там же. С. 82–83.

5. Там же. С. 104–105.

6. *Макаренко А. С.* Собр. соч.: в 8 т. / сост. А. А. Фролов, Л. Ю. Гордин, М. Д. Виноградова. Т. 1. М., 1983. С. 320.

7. *Макаренко А. С.* Школа жизни, труда, воспитания. С. 231.

8. *Крупская Н. К.* Выступление на VIII съезде ВЛКСМ // Крупская Н. К. Собр. соч.: в XI т. / под ред. И. А. Каирова. Т. 5. М., 1959. С. 269–270.

9. *Луначарский А. В.* Воспитание нового человека // Луначарский А. В. О воспитании и образовании / под ред. А. М. Арсеньева. М., 1976. С. 271.

10. «Ты научила меня плакать...» (Ты научила меня плакать... переписка А. С. Макаренко с женой (1927–1939): в 2 т. / сост. Г. Хиллиг, С. С. Невская. М., 1994. Т. 1. С. 82.

11. *Макаренко А. С.* Школа жизни, труда, воспитания. С. 32.

12. *Горький А. М.* По Союзу Советов // Горький А. М. Собр. соч.: в 8 т. М., 1988. Т. 3. С. 357.

13. Там же. С. 358.

14. *Макаренко А. С.* Школа жизни, труда, воспитания. С. 237.

15. Фотоаппараты ФЭД за короткое время стали престижной вещью. Ими награждали особо отличившихся людей нашей страны. Известно, что И. В. Сталин наградил этим фотоаппаратом Л. О. Утесова за блистательное исполнение главной роли в фильме «Веселые ребята». (Правда, режиссер фильма Григорий Александров был удостоен звания народный артист СССР, а его жена Любовь Орлова, исполнительница главной женской роли, получила орден.)

16. «Ты научила меня плакать...» Т. 1. С. 114.

17. *Макаренко А. С.* Школа жизни, труда, воспитания. С. 65–71.

18. *Макаренко А. С.* Школа жизни, труда, воспитания. Ч. 5. 1936–1937 гг. / сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. Н. Новгород, 2011. С. 65.

19. Там же. С. 75.

20. На разных берегах... Судьба братьев Макаренко / сост. Г. Хиллиг. М., 1997.

УДК 37.048.45

К. С. Бажин, Г. И. Симонова, Е. А. Ходырева

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлены результаты исследования представлений молодых ученых о развитии системы профессиональной ориентации старших школьников и студентов для обеспечения регионального социально-экономического развития.

This article presents study results of young scientists representations on the development of vocational guidance of senior pupils and students to ensure regional socio-economic development.

Ключевые слова: региональное социально-экономическое развитие, профессиональная ориентация, школьники, студенты, система профессиональной ориентации, профессиональное самоопределение, психолого-педагогическое обеспечение.

Keywords: regional socio-economic development, vocational guidance, school children, students, the system of vocational guidance, vocational self-determination, psychological and educational support.

Новые общественно-экономические условия развития Российской Федерации обусловили важность формирования мощного научного, кадрового потенциала страны. Данные подходы актуализированы в региональных программах стратегического развития. Так, «Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2020 года» (принята постановлением Правительства Кировской области от 06.12.2009 № 33/432, утверждена Постановлением Законодательного Собрания Кировской области № 44/4 от 28.01.2010 г.) в качестве стратегической цели определяет повышение качества жизни населения до уровня лидеров Приволжского федерального округа посредством развития приоритетных отраслей экономики и модер-

© Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А., 2013

низации социальной сферы. Основой стратегии Кировской области является инновационный сценарий развития. При этом особо отмечается, что для развития инновационной экономики региона необходим соответствующий человеческий ресурс – специалисты, осознанно выбравшие профессию с учетом реальных потребностей общества, готовые работать в отраслях, соответствующих приоритетным направлениям развития региона и обеспечивающих реализацию базовых инвестиционных проектов.

Решение данных задач, к сожалению, не может обеспечить традиционная система профессиональной ориентации, которая рассматривается в нашем исследовании как комплекс мероприятий различных государственных и общественных организаций, направленных на формирование у молодежи устойчивых потребностей к тем или иным профессиям или их группе и желания трудиться по ним. В данном контексте основная цель профориентации заключается в решении задач, связанных с рациональным использованием кадров.

С целью определения уровня овладения молодыми учеными, аспирантами, студентами, а также учеными и преподавателями со стажем и опытом работы достижениями современной психолого-педагогической науки в сфере развития системы профессиональной ориентации молодежи коллективом специалистов кафедры педагогики ВятГГУ в сентябре 2012 г. было проведено специальное исследование в форме онлайн анкетирования. Были опрошены 85 человек в возрасте до 35 лет (85% от общего количества участников данной возрастной группы – студенты, аспиранты, молодые ученые), а также 31 респондент в возрасте от 35 лет и старше (72,1% от общего количества участников данной возрастной группы – ученые, преподаватели).

Содержание анкеты, критерии и показатели оценки были разработаны предварительно. Участникам опроса было предложено 23 вопроса закрытого характера с выбором ответов. Им необходимо было выбрать один или несколько подходящих ответов. В качестве критериев рассматривались осведомленность участников мероприятия о базовых теоретико-методологических подходах к развитию системы профессиональной ориентации; информированность о сущности и особенностях профессионального самоопределения; сформированность представлений о психолого-педагогическом обеспечении системы профессиональной ориентации старших школьников и студентов; наличие системы знаний об инновационном опыте профессиональной ориентации молодежи, обеспечивающем региональное социально-экономическое развитие. Организаторами исследования была разработана программа анкетирования, созданная с использованием пакета SPSS 18.0., с помощью которой для качественной и количественной обработки и интерпретации данных создавались кросс-таблицы, таблицы частотного распределения признаков, осуществлялись обоснование и расчет выборочной совокупности.

Результаты анкетирования выявили следующее.

Осведомленность участников о базовых теоретико-методологических подходах к развитию системы профессиональной ориентации

По мнению респондентов, среди основных теоретико-методологических подходов к развитию системы профессиональной ориентации старших школьников и студентов, наиболее значимым в современных условиях является компетентностный, ориентированный на формирование у субъектов профориентации совокупности компетенций в сфере профессионального самоопределения. Так считают 58% опрошенных молодых ученых и 90% респондентов старше 35 лет. Не отрицают участники опроса обоих возрастов (35% молодых исследователей и 39% ученых старше 35 лет) и важность традиционного, знаниево-ориентированного, подхода, обеспечивающего профессиональное просвещение и пропаганду профессий, наиболее востребованных современным рынком труда. Наименее востребованным, по мнению опрошенных, являются акмеологический и аксиологический подходы. На значимость первого указывают всего 6% молодых исследователей и 10% их старших коллег, на важность второго – 9% и 35% респондентов соответственно. Это говорит о том, что потенциал данных подходов, ориентированных на выявление объективных и субъективных факторов, в том числе и ценностно-мотивационных, которые позволяют человеку как можно более плодотворно проявить себя в жизни и профессиональной деятельности, реализуется в практике профессиональной ориентации не в полной мере.

Характеризуя систему профессиональной ориентации, респонденты, прежде всего, рассматривают ее как комплекс мероприятий различных государственных и общественных организаций, направленных на формирование у молодежи устойчивых потребностей к освоению тех или иных профессий или их группе и желания трудиться по ним (45% молодых ученых и 100% исследователей старше 35 лет). Следует также отметить, что среди ученых до 35 лет достаточно высока доля (40%) считающих, что в основе системы профессиональной ориентации – помощь в выборе, подборе или перемене профессии с учетом индивидуальных потребностей. Среди ученых старше 35 лет подобные ответы дали лишь 19%.

Кроме того, достаточно непопулярным среди респондентов обеих возрастных групп является отраслевой подход к рассмотрению системы профессиональной ориентации, заключающийся в обеспечении функционирования образовательных учреждений региона по вопросам профессионального самоопределения молодежи (14 и 16%), а также разветвленной сети центров занятости, осуществляющих бесплатные консультационные услуги относительно выбора профессии (12 и 13% соответственно).

Оценивая факторы, обеспечивающие преемственность профессиональной ориентации в системе школа-вуз, респонденты отмечают, прежде всего, важность реализации общеобразовательными учреждениями и учреждениями профессионального образования совместных проектов профориентационной направленности. На данное обстоятельство указывают 36% молодых ученых и 81% респондентов старше 35 лет. Значимым, по мнению молодых исследователей, является также помощь в изучении школьниками и студентами своих личностных особенностей при выборе профессии и места работы (44% опрошенных). Среди их старших коллег наиболее распространено мнение о важности презентации профессиональных образовательных программ, наиболее востребованных школьниками и их родителями. Солидарны респонденты обеих возрастных групп в необходимости широкого информирования молодежи о потребностях регионального рынка труда (29 и 35% соответственно).

Отвечая на вопрос о том, какие традиции системы профессиональной ориентации школьников и студентов актуальны в современных условиях, участники анкетирования – молодые ученые расходятся во мнениях. Так, 39% опрошенных определяют приоритетность учебно-производственных комбинатов, осуществлявших трудовое обучение и профориентацию, 32% – трудовых объединений школьников (ученические производственные бригады, сводные комсомольские молодежные отряды животноводов). 19 и 21% соответственно отмечают значимость межведомственных советов по профориентации при органах власти и студенческих строительных отрядов. Среди участников старше 35 лет значения показателей по всем вариантам ответа выше, ведь многие из них непосредственно были включены в подобные виды деятельности. Наиболее востребованными в современных условиях, по их мнению, являются учебно-производственные комбинаты (52%) и студенческие строительные отряды (39%).

Информированность о сущности и особенностях профессионального самоопределения

Вопросы профессионального самоопределения стали центральными в проведенном исследовании, так как оно является содержательной основой профессиональной ориентации. Участники исследования показали как общий уровень информированности в вопросах профессионального самоопределения, так и высказали оценочные суждения, касающиеся вопросов профессионального выбора молодежи в современных условиях.

Участники анкетирования рассматривают профессиональное самоопределение, прежде всего, как процесс формирования личностью своего отношения к профессиональной деятельности и способ его реализации через согласование личностных и социально-профессиональных потребностей. На данное понимание указывают 59% молодых ученых и 100% ученых старше 35 лет. Для молодых исследователей также значимым является сам процесс выбора субъектом будущей профессии (35%) и наличие права подрастающего поколения на сознательный выбор профессии (12%).

Результаты анкетирования показывают, что респонденты связывают процесс профессионального самоопределения старших школьников и студентов с влиянием следующих факторов: с престижностью и доходностью выбираемой профессии (65% молодых исследователей и 71% ученых старше 35лет); с потребностью личности в профессиональной самореализации (35 и 71% ученых разных возрастных групп); а также с рекомендациями родителей (22 и 42% участников опроса в зависимости от возраста) и с влиянием средств массовой информации (18 и 19% опрошенных соответственно).

В качестве внешних причин затруднений старшеклассников и студентов в выборе профессии респонденты обеих возрастных групп достаточно единодушно указывают на изменчивость мира профессий, появление новых сфер профессиональной деятельности (39% молодых ученых 68% участников старше 35 лет); труднодоступность привлекательной профессии (требуемые специальности отсутствуют в вузах региона, качество подготовки в школе не соответствует уровню требований вуза и т. д.) (39%). Респонденты старшей возрастной группы рассматривают в качестве таковых отсутствие консультационной, методической, психологической и других видов поддержки со стороны педагогов, сотрудников служб, занимающихся профессиональной ориентацией (32% респондентов) и слабую информированность об учебных заведениях, где можно получить интересующую профессию (23%).

Среди внутренних причин затруднений старших школьников и студентов при выборе профессии респондентами обеих возрастных групп выделяются три основных: неготовность принять самостоятельное решение, на что указывают 51% молодых исследователей и 71% ученых старше 35 лет; неумение оценить свои возможности

(45 и 42% соответственно); а также недостаток жизненного опыта (34 и 35% участников опроса в зависимости от возраста). Особо выделим позицию исследователей старшего возраста, которые в качестве значимых внутренних причин указывают отсутствие серьезного отношения к вопросам профессионального выбора у молодежи (58% респондентов).

По мнению респондентов, основными мотивами выбора профессии современными молодыми людьми являются, прежде всего, прагматические – высокая зарплата (65% молодых исследователей и 84% ученых старше 35 лет) и престижность (45 и 65% соответственно). Также значительное количество респондентов берут во внимание интерес к профессиональной деятельности, с чем согласны 28% молодых ученых и 39% их коллег старше 35 лет. Незначительное количество опрошенных обеих возрастных групп обращают внимание на рекомендации друзей и знакомых как существенный стимул в профессиональном самоопределении (14 и 13% соответственно).

Выделяя объективные причины затруднений, возникающих у старшеклассников и студентов при выборе профессии, участники анкетирования называют отсутствие осознанности в выборе профессии молодым человеком (36% молодых исследователей и 65% ученых старше 35лет); предубеждения, которые сложились в обществе в отношении престижности и непрестижности тех или иных профессий (36 и 61% опрошенных соответственно); увлечение только внешней стороной профессии, отсутствие всесторонних и системных знаний о требованиях, которые предъявляются к будущему специалисту (26 и 39% ученых разных возрастных групп); а также ориентация не на выбор профессии, а на престижность учебного заведения (14 и 35% участников опроса в зависимости от возраста).

Оценивая роль и ответственность субъектов профориентации за выбор профессии, молодые исследователи следующим образом определили рейтинговые позиции субъектов профессионального самоопределения: сам человек (86%); родители (14%); педагоги (9%); учреждения, осуществляющие профориентационную работу (7%). У ученых старшего возраста рейтинговые позиции представлены следующим образом: сам человек (100%); родители (16%); учреждения, осуществляющие профориентационную работу (6%); педагоги (0%). Таким образом, собственное волеизъявление молодого человека является приоритетным для опрошенных участников конференции. Ответственность за профессиональное самоопределение, по мнению участников, не должна перекладываться на других. При этом заметим, что оценивая роль субъектов профессионального самоопределения в их собственном профессиональном выборе, респонденты молодого возраста отмечают значимость влияния родителей (45%); средств массовой информации (26%); специалистов служб, занимающихся профориентацией (22%); друзей (15%). Респонденты более старшего возраста выделяют важную роль в этом процессе родителей (35%); друзей (13%); специалистов служб, занимающихся профориентацией (10%), полностью отрицая значение средств массовой информации.

Сформированность представлений о психолого-педагогическом обеспечении системы профессиональной ориентации старших школьников и студентов

Раскрывая содержание психолого-педагогического обеспечения системы профессиональной ориентации старших школьников и студентов, респонденты обеих возрастных групп отмечают, что оно, в первую очередь, связано с воспитанием ответственности за свой профессиональный выбор. Такой позиции придерживаются 40% исследователей в возрасте до 35 лет, 39% респондентов старше 35 лет. Также указывается на значимость ознакомления со спецификой современного рынка труда, правилами выбора и способами получения профессии. На данное обстоятельство указывают 29 и 32% опрошенных из разных возрастных групп. На формирование адекватного представления учащихся о своем профессиональном потенциале на основе самодиагностики и знания мира профессий указывают 16 и 29% анкетируемых соответственно. Отметим также, что результаты анкетирования свидетельствуют о наличии у значительного количества участников исследования старше 35 лет системных представлений о содержании психолого-педагогического обеспечения профессиональной ориентации. 52% респондентов данной возрастной группы считают ее взаимодействием, включающим ряд последовательных этапов деятельности специалистов по профессиональному информированию, профессиональному консультированию, профессиональной диагностике, профессиональному отбору молодежи.

Выделяя наиболее перспективные формы и методы профессиональной ориентации старших школьников и студентов, участники анкетирования акцентируют внимание на диагностике профессиональных предпочтений и разработке индивидуальных рекомендаций по выбору профессии (35% молодых исследователей и 81% ученых старше 35 лет); предпрофильной и профильной подготовке в общеобразовательных школах (35% исследователей в возрасте до 35 лет, 71% респондентов старше 35 лет). Также интересными и востребованными формами профориентации они считают изучение истории трудовых династий и пропаганду профессий, актуальных на региональном рын-

ке труда (27 и 45% по возрастным категориям) и специальные меры материального стимулирования студентов, получающих образование по востребованным профессиям (31 и 19% соответственно). Таким образом, для молодых участников анкетирования меры материального стимулирования выбора профессии имеют заметно более существенное значение.

Результаты анкетирования позволили выявить уровень информированности респондентов о содержании и методах основных компонентов профессиональной ориентации – профессиональной диагностике, профессиональном консультировании, профессиональном информировании, профессиональном отборе. По мнению респондентов, наиболее эффективными методами профессиональной диагностики являются анализ собственных достижений в той или иной сфере (42 и 58% по возрастным категориям); тестирование (32% молодых исследователей и 61% ученых старше 35 лет); индивидуальная беседа с психологом (35% исследователей в возрасте до 35 лет, 52% респондентов старше 35 лет); также 25 и 58% респондентов соответственно указывают профессиональные пробы как метод диагностики. Характеризуя методы профессионального консультирования, респонденты отмечают приоритетность индивидуальных бесед с психологом (44% молодых исследователей и 84% ученых старше 35 лет) и анализа субъектом собственных достижений в той или иной сфере деятельности (31% исследователей в возрасте до 35 лет, 45% респондентов старше 35 лет). К сожалению, лишь незначительное количество респондентов указывают на важность применения в консультировании проективных методов (14 и 19% соответственно). Также мы можем констатировать недостаточный уровень информированности молодых участников анкетирования о методах профессионального информирования. На необходимость использования словесных методов – лекции, беседы, рассказа, объяснения – указали лишь 35% исследователей в возрасте до 35 лет. Среди ученых старше 35 лет таковых оказалось 87%. Описывая эффективные методы профессионального отбора, респонденты обеих возрастных групп указывают на собеседование (65% молодых исследователей и 71% ученых старше 35 лет). Анализу документов кандидата приоритетное внимание уделяют участники анкетирования старше 35 лет (55%). К тестированию и проективным методам как способам профессионального отбора планируют обратиться 14–16% респондентов до 35 лет и 32–52% их старших коллег. Таким образом, мы можем констатировать недостаточный уровень информированности участников конференции (особенно молодежи в возрасте до 35 лет) о содержании и методах основных компонентов профессиональной ориентации.

Наличие системы знаний об инновационном опыте профессиональной ориентации молодежи, обеспечивающем региональное социально-экономическое развитие

Исследуя информированность молодых ученых об инновационном опыте профессиональной ориентации, обеспечивающем региональное социально-экономическое развитие организаторы сделали вывод о недостаточном уровне сформированности системы знаний в данной сфере у участников исследования.

Как показал опрос, в последнее время в системе профессиональной ориентации молодежи произошли существенные изменения. По мнению респондентов, они, прежде всего, касаются введения предпрофильной подготовки и профильного обучения в общеобразовательных школах. На данное обстоятельство указывают 54% молодых ученых и 77% участников анкетирования старше 35 лет. Кроме того, существенным обстоятельством, по мнению опрошенных обеих возрастных групп, является изменение самой методологии профориентации, связанной с обеспечением становления субъектной позиции старшеклассника и студента в выборе профессии и места работы (25 и 45% соответственно). Инновационные направления деятельности по организации профильных смен в загородных лагерях, новации в деятельности центров занятости населения пока рассматриваются респондентами обеих групп как менее значимые и не оказывающие существенного влияния на качество системы.

Результаты анкетирования показывают, что изменения в системе профессиональной ориентации старших школьников и студентов определяют, прежде всего, такие особенности регионального социально-экономического развития, как развитие предпринимательства (39% респондентов в возрасте до 35 лет, 45% опрошенных в возрасте после 35 лет), а также увеличение доли сферы услуг в структуре экономики (32% молодых ученых и 52% исследователей в возрасте старше 35 лет). Достаточное количество респондентов также связывают модернизацию системы профессиональной ориентации с формированием на территории региона инновационных кластеров (28 и 23% опрошенных). Таким образом, в первую очередь, изменения в системе профессиональной ориентации определяет развитие инновационных сегментов экономики. Это положение подтверждает и определение участниками конференции наиболее эффективных для обеспечения регионального социально-экономического развития вариантов инновационного опыта профессиональной ориентации молодежи, в качестве которых респонденты определили материальное стимулирование студентов, которые после окон-

чания вуза останутся работать в регионе (66% молодых ученых и 81% исследователей старше 35 лет). Также указывается значимость проведения ярмарок вакансий по различным сферам экономики (27 и 58% соответственно). Недостаточно востребованы, особенно среди молодых респондентов, объявление 2012 года в Кировской области «Годом человека труда» (19%), а также ежегодная Неделя образования (проект Вятской торгово-промышленной палаты и департамента образования Кировской области) (9%).

По мнению респондентов, в качестве базовых направлений государственного стимулирования профессионального выбора молодых людей в современных условиях можно рассматривать, в первую очередь, увеличение количества бюджетных мест по «не престижным», но дефицитным на рынке труда специальностям. Такого мнения придерживаются 36% молодых исследователей и 65% ученых старше 35 лет. Кроме того, необходимо осуществление материальной поддержки и создание условий для успешной адаптации выпускников на региональном рынке труда. Так считают 36% молодых респондентов и 61% ученых старше 35 лет. На важность регулирования спроса и предложения на трудовые ресурсы средствами сокращения контрольных цифр приема по невостребованным в регионах направлениям подготовки обращают внимание соответственно 14 и 35% опрошенных. Еще 26% ученых молодого возраста и 39% считают значимым усиление требований к образовательным учреждениям в части обеспечения качества подготовки специалистов, востребованных на рынке труда.

По мнению респондентов, существенными условиями успешного профессионального самоопределения и профессиональной самореализации молодежи на современном рынке труда являются осознанный выбор профессии с учетом реальных потребностей общества (34% респондентов в возрасте до 35 лет, 74% опрошенных в возрасте после 35 лет); готовность работать в отраслях, соответствующих приоритетным направлениям развития региона и обеспечивающих реализацию базовых инвестиционных проектов (31% исследователей в возрасте до 35 лет, 48% ученых старше 35 лет); личная заинтересованность человека и потребность в построении профессиональной карьеры (20 и 45% соответственно); коммуникабельность и креативность молодого человека, на что указывают 19% молодых участников и более 68% их более опытных коллег.

Таким образом, анализ результатов анкетирования свидетельствует, что необходимо способствовать в содержательном и организационном аспектах определению актуальных проблем и тенденций в развитии системы профессиональной ориентации; освоению молодыми исследователями и преподавателями лучших научных и методических достижений в сфере психолого-педагогического сопровождения процесса профессионального самоопределения, обеспечивающего удовлетворение личностных потребностей и создающего условия для интенсификации регионального социально-экономического развития; совершенствованию качества подготовки специалистов, повышению интереса студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых к научной деятельности, расширению связей между субъектами научной и образовательной деятельности, интеграции науки и образования.

Внедрение результатов исследования предполагается осуществить при организации образовательного процесса по программам подготовки бакалавров, магистров, а также по программам послевузовского образования.

В качестве основных направлений внедрения и использования полученных результатов можно выделить следующие:

в образовательной деятельности: включение в содержание учебных дисциплин различных направлений подготовки данных, обсуждаемых в ходе конференции; внедрение интерактивных методов и форм, использованных при проведении конференции в лекционные, семинарские и практические занятия с бакалаврами, магистрантами, аспирантами;

использование эффективных технологий профессиональной ориентации старших школьников и студентов, обеспечивающих процесс их профессионального самоопределения;

в воспитательной деятельности: внедрение содержания, интерактивных методов и форм, использованных при проведении конференции в систему работы магистратуры, аспирантуры для содействия личностному и профессиональному саморазвитию обучающихся;

в научно-исследовательской деятельности: расширение проблемного поля исследований за счет проведения студентами, аспирантами, молодыми учеными, научными коллективами междисциплинарных, комплексных исследований по проблемам модернизации системы профессиональной ориентации;

повышение эффективности форм профессиональной ориентации молодежи;

организация системного партнерства с работодателями в целях формирования кадрового потенциала инновационного развития региона.

Результаты научно-исследовательской деятельности студентов, аспирантов, молодых ученых, научных коллективов, в состав которых вошли и ученые, и студенты, свидетельствуют о наличии интереса к разработке проблемы модернизации системы профессиональной ориентации старших школьников и студентов и могут стать

основой для дальнейших научных исследований. Представленный материал способствует междисциплинарной интеграции исследователей по проблемам профессионального самоопределения молодежи в условиях регионального социально-экономического развития, способствует совершенствованию качества подготовки специалистов, повышению интереса студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых к научной деятельности, стимулирует расширение связей между субъектами научной и образовательной деятельности представителей различных регионов РФ в целях модернизации системы профессиональной ориентации молодежи как одного из важнейших факторов формирования кадрового потенциала инновационного развития региона.

УДК 316.47

Е. Ю. Клепцова

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ГУМАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гуманизация образования возможна при наличии определенных факторов. Можно выделить следующие факторы: принятие субъектами образовательного процесса гуманистических ценностей; признание субъектности всех участников образовательной деятельности; возможность предоставления субъектной свободы в выборе образовательной траектории; приоритет личностно-ориентированного взаимодействия в организации образовательной среды; обеспечение безопасности образовательной среды; признание личностного многообразия и разнообразных культурных форм жизнедеятельности; формирование толерантности и гуманного отношения между ее субъектами.

The factors of humanization f education of subjects of educational activity were examined in the article. The humanization of education is possible in the presence of certain factors. Te following factors can be found: the acception of humanistic values by the subjects of educational process, th acception of the fact that al the participants of educational activity are its subjects, the opportunity of providing the subjective freedom in choosing the educational frajectory, the priority of personal-directed interaction in organization of educational sphere, the providing of educational sphere's safety, the acception of personal variety and different cultural forms of vital activity, relations of its subjects.

Ключевые слова: гуманизация образования, факторы гуманизации образования.

Keywords: humanization of education, factors humanization of education.

Под гуманизацией образования нами понимается многоплановый социально-психологический процесс утверждения гуманистических ценностей, стимулов, мотивов поведения, очеловечивание целостной картины мира у ребенка и взрослого, развитие гуманистического мышления и мировоззрения через вариативность и дифференцированность обучения, многообразие программ и учебников при личностной центрации на обучаемом, обеспечивающих личностный смысл образования и личностный смысл изучаемых предметов. Гуманизации образования способствуют определенные факторы. Факторы – это основные причины, носящие характер движущих сил, главные детерминанты прогрессивного развития личности [1].

Среди основополагающих факторов гуманизации образования на современном этапе развития отечественного образования можно выделить следующие: принятие субъектами образовательного процесса гуманистических ценностей; признание субъектности всех участников образовательной деятельности; возможность предоставления субъектной свободы в выборе образовательной траектории; приоритет личностно-ориентированного взаимодействия в организации образовательной среды; обеспечение безопасности образовательной среды; признание личностного многообразия и разнообразных культурных форм жизнедеятельности; формирование толерантности и гуманного отношения между ее субъектами. Проанализируем коротко данные факторы.

Последние десятилетия ставят необходимость выделения нового типа ценностей – ценностей гуманизма. Под ценностью нами понимается «нечто, имеющее для человека большую значимость», отвечающее его актуальным потребностям, идеалам, личностным смыслам [2]. Известно, что ценности являются субъективно-объективными, так как существование ценности обусловлено существованием оценки того, кто оценивает. *Утверждение ценностей гуманизации* образовательной деятельности является ведущим фактором и затрагивает принципиальные основы отношений между мирами взрослости (в том числе педагогических и управленческих кадров образовательного учреждения) и детства. Как полагает А. Б. Орлов, старые и новые принципы отношений противопоставляются друг другу [3]. Субординация, монологизм, произвол, контроль, взросление, интуиция, деформация являются принципами ассимилятивной парадигмы, при которой мир взрослых формирует и деформирует мир детей по своему образу и подобию. Данная парадигма базируется на концепциях бихевиорального контроля (Р. Скиннер) или интериоризации предметных действий (П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев).

Принципы аккомодативной парадигмы, подразумевающей гармоничное и совместное развитие миров взрослости и детства, следующие: ра-

© Клепцова Е. Ю., 2013

венство, диалогизм, соразвитие, свобода, сосуществование, единство, принятие. Данная парадигма основывается на целях конструктивизма (Д. Дьюи) и гуманистически ориентированной психологии. Парадигмам соответствуют разные варианты организации педагогического образования. В первом случае оно технологизировано и ориентировано на формирование личности ребенка; ведущую роль обучения (преподавания); на внешние по отношению к ребенку системы ценностей. Во втором случае образовательный процесс психологизирован, осмыслен, ориентирован на развитие, учение, приобретение опыта, позволяющего актуализировать внутренний ценностный процесс.

К гуманистическим аспектам системы образования Л. А. Обухова относит приоритетность интересов ученика по отношению к учителю и школе. Школьник должен иметь право на творчество, осознанный выбор образовательной траектории, право на ошибку, коллективное обсуждение проблем, анализ причин возникновения ошибок и неточностей. Данный подход делает процесс обучения, как справедливо замечает автор, личностно значимым и мотивированным.

Общей чертой гуманистических ценностей является то, что все они обретают свой статус в результате их оценки по критерию «человечность или античеловечность». Все соответствующее или не противоречащее критерию человечности становится ценностью гуманизма как мировоззрения и образа жизни.

Попытки выделения гуманистических ценностей предпринимает В. А. Кувакин: ценности экзистенциальные, непосредственно связанные с самой жизнью личности; общесоциальные; политические; юридические; нравственные; познавательные; эстетические и др. Особый интерес для нас представляют нравственные ценности. Нравственные ценности, а также этика гуманизма, согласно представлениям В. А. Кувакина, составляют ядро гуманистического мировоззрения.

Нравственные ценности слагаются из тех реальностей и поступков, которые не просто оцениваются и одобряются, т. е. оцениваются как добрые, благие, хорошие и т. п. В него входят качества гуманности, которые составляют позицию личности, единственную основу ее нравственности, а также моральные принципы и нормы поведения, которые определяются качествами человека. Предлагает следующий каталог общих нравственных ценностей: честность, правдивость, обязательность, искренность, верность, преданность, надежность, благожелательность, доброжелательность, непричинение зла другим людям, непричинение ущерба частной или общественной собственности, согласие на сексуальные отношения, благодетельность, порядочность, благодарность, ответственность, справедливость, терпимость, сотрудничество [4].

Следующим *фактором* гуманизации образовательной деятельности является *признание субъектности всех его участников*.

Под субъектом принято понимать индивида как творца изменений, развития, познания, деятельности, как источник активности [5]. В. А. Петровским предлагается понятие «отраженная субъектность», которая понимается как представленность одного человека в другом [6]. В. А. Сластенин подчеркивает необходимость перевода педагога из объектной в субъектную позицию – позицию активного профессионального самовоспитания. Становлению субъектной позиции будущего педагога, учителя способствует убежденность личности в самоценности педагогической профессии и педагогической деятельности [7].

Согласно точке зрения Е. Н. Волковой, педагог способствует изменению взглядов, отношений воспитанников, являясь при этом «деятельным» началом. В то же время данные отношения преломляются через личность ученика, педагога [8]. Насколько ребенок чувствует себя субъектом собственной деятельности и субъектом взаимоотношений с учителем, определяет качество субъективности педагога. Вслед за Е. Н. Волковой Г. А. Аксенова предполагает, что субъектность педагога – это определенная педагогическая позиция, характеризующая взаимоотношения учителя с участниками педагогического процесса [9].

Следовательно, в самом общем виде субъектную позицию педагогических и управленческих кадров образовательных учреждений можно определить как позицию личностного и профессионального саморазвития. В то же время ее можно представить как системное отношение внутренних, психических элементов, позволяющих человеку определенным образом (непротиворечиво и гармонично) осуществлять взаимодействия одновременно с внешней и внутриличностной средой. Важным условием развития субъектной позиции выступает согласованность внешних педагогических воздействий с его внутриличностным потенциалом. С одной стороны, субъектная позиция родителя, воспитанников, педагогов, руководителей образовательных учреждений может означать соответствие его целей, мотивов, способов действий педагогическим и управленческим требованиям, а с другой – выход за пределы указанных предписаний, подчинение системы основных отношений задачам личностного, в том числе и профессионального самосовершенствования. В идеале система педагогических требований не заглушает, а инициирует способности учащегося в поиске путей жизненного и профессионального роста, стимулируя его ак-

тивность, направленность, избирательность, творчество. Однако, как справедливо отмечает С. М. Годзик, направленность учебно-воспитательного процесса и направленность личности могут совпадать полностью, частично в главном, частично во второстепенном, а также противоречить друг другу [10]. Для того чтобы субъектная позиция школьника, студента приняла реальные очертания, необходимо встречное движение двух главных субъектов образовательной деятельности – учащего и учащегося. Для последнего это означает, прежде всего, осмысление целого ряда рефлексивных по характеру вопросов: что требуется от студента и воспитанника, и что и зачем он должен для этого делать; и насколько это соответствует их жизненным и профессиональным перспективам и перспективному планированию педагога. Взаимосвязанные ответы на эти вопросы являются эмоциональным фундаментом образования субъектной позиции.

Естественно, что субъектная позиция не существует «вообще», без ее отнесенности «к кому-то или чему-то» (например, к людям, к себе, к деятельности), без ее проявления «в чем-то» (в деятельности, в общении, в поведении). Субъектная позиция отражает полноту человеческой сущности, право личности на избирательность, самоопределение, свободу и адекватное этому поведение во всех сферах жизнедеятельности. Однако чем более «объектен» человек по отношению к себе, своей деятельности и позиции, тем более он «субъектен» в развитии своей свободы, активности, творчества. Субъектная позиция отражает способ самореализации, самоутверждения и саморазвития личности профессионала и имеет следующие проявления: субъективное запечатление профессионально значимых способов и нормативов деятельности, выработка на этой основе собственной системы действий; выработка личностных критериев и норм профессиональной деятельности; выход за рамки нормативной деятельности, способность авторского проектирования личностно значимого способа осуществления жизненных и профессиональных стратегий.

Иными словами, субъектная позиция выступает в некотором роде антиподом нормативно-ролевой позиции; отражает и развивает индивидуальность, авторство, субъективность личностной позиции, выход за пределы заданной деятельности, выработку перспектив дальнейшего саморазвития; придает деятельности неповторимое, личностное своеобразие. Субъектная позиция характеризует способ личностного и профессионального существования человека: стремление к личностной и профессиональной идентичности или, напротив, к личностной и профессиональной индивидуализации [11].

Другим важным *фактором* гуманизации образовательной деятельности является *свободный выбор субъектами* образовательного процесса *образовательной траектории или представление субъективной свободы в выборе индивидуального образовательного маршрута*.

Под образовательной траекторией, или индивидуальным образовательным маршрутом, понимается структурированная программа действий ученика, студента, взрослого на некотором фиксированном этапе своего обучения. При этом, несмотря на увеличение объема и качества индивидуальной работы при реализации индивидуального образовательного маршрута, ученик остается включенным в целостный процесс образования. Реализация индивидуального образовательного маршрута включает в себя ряд этапов: обучение воспитанников самоконтролю и самооценке результатов собственной деятельности; участие или свободный выбор ученика в отборе содержания учебного материала, заданий, форм и способов их выполнения, т. е. осознанная учеником субъективная свобода в выборе учебных действий; постепенный переход ученика к целеполаганию собственной учебной деятельности, формированию устойчивой положительной мотивации учения [12].

В ряде исследований основным способом конструирования индивидуального образовательного маршрута является технология педагогического проектирования. Педагогическое проектирование необходимо для создания положительных вариантов предстоящей деятельности и прогнозирования ее результатов. Согласно концепциям педагогического проектирования И. Ф. Исаева, А. И. Мищенко, В. А. Сластенина, Е. Н. Шиянова и других, проектирование индивидуального образовательного маршрута включает в себя анализ, прогноз, проект и содержит педагогическую диагностику личностного развития ребенка, особенностей его познавательной деятельности, анализ ее результатов; педагогическое прогнозирование как постановка педагогических целей, ожидаемого результата деятельности и развития личности; педагогическое конструирование как содержательное, организационно-методическое, материально-техническое, социально-психологическое оформление педагогического замысла [13].

Приоритет личностно-ориентированного взаимодействия относится к следующему *фактору* гуманизации образовательной деятельности. Действительно, современный этап развития российского образования связан с разработкой и внедрением целостной научной теоретико-прикладной концепции личностно-ориентированного взаимодействия (М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, Е. В. Бондаревская, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, А. К. Козлова, В. Г. Маралов, Н. Д. Никандров, И. С. Якиманская и др.).

Взаимодействие – это процесс непосредственного или опосредованного воздействия людей друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. Во взаимодействии реализуется отношение человека к другому человеку как к субъекту. Взаимодействие человека с человеком – это взаимодействие их внутренних миров, обмен мыслями, идеями, образами, влияние на цели и потребности, воздействие на оценки другой личности, его эмоциональное состояние. Кроме того, взаимодействие можно представить как систематическое, постоянное осуществление действий, имеющих целью вызвать соответствующую реакцию со стороны других людей. В ходе реального взаимодействия формируются адекватные представления человека о себе, других людях, их группах. Взаимодействие людей выступает ведущим фактором в регуляции их самооценок и поведения в обществе. Взаимодействие становится межличностным взаимодействием только через опосредование его межличностными отношениями, появляющимися, формирующимися и развивающимися в ходе совместной деятельности людей. В идеале эффективность любой деятельности, организованной в образовательном процессе, обусловливается не только продуманным выбором предметных технологий, но и умением понять отношенческую составляющую образования, эмоциональное состояние учащихся, творчески выстраивать систему педагогически целесообразных взаимоотношений, конструктивно разрешать возникающие противоречия. Однако в педагогической практике чаще всего происходит несколько иначе, поскольку ситуация в системе образования достаточно сложная в связи с целым рядом политических, экономических, социальных трудностей. К сожалению, личность конкретного ребенка, а нередко и педагога, родителя выпадает из поля повседневных решаемых проблем руководства. Часто педагогами, руководителями образовательного учреждения, родителями ситуации негуманного отношения друг к другу, детского насилия, трудности педагогического общения не рассматриваются как проблемные и требующие немедленного вмешательства и реагирования. Нередко руководители образовательного учреждения, многие педагоги игнорируют ситуации негуманного отношения в образовательной деятельности, обходятся устными замечаниями, в лучшем случае, или силой своего авторитета подавляют насильственное разрешение ситуации, что, разумеется, не выправляет ситуацию негуманного отношения.

Следующим *фактором* гуманизации образовательной деятельности является *безопасность образовательной среды*. И. А. Баева справедливо замечает: «Межчеловеческие отношения могут складываться в отношения взаимного гуманного отношения и сотрудничества, превосходства и эксплуатации, подавления, подчинения или заботы и поддержки. Во всех этих случаях личность будет находиться в совершенно различной социальной среде, соответственно, по-разному будет проходить и процесс ее развития» [14].

Особенности и проблемы безопасности образовательной среды неоднократно поднимались в работах И. А. Баевой, А. Бандуры, Г. А. Ковалева, К. Левина, В. Л. Лебедева, А. Б. Орлова, К. Роджерса, В. В. Рубцова, В. И. Слободчикова, И. М. Улановской, Б. Д. Эльконина, В. А. Ясвин и др.

Под психологически безопасной средой школы И. А. Баевой понимается среда взаимодействия, свободная от проявления психологического насилия, имеющая референтную значимость для включенных в нее субъектов (в плане положительного отношения к ней), характеризующаяся преобладанием гуманистической центрации у участников (то есть центрация на интересах (проявлениях) своей сущности и сущности других людей) и отражающаяся в эмоционально-личностных и коммуникативных характеристиках ее субъектов.

Безопасная образовательная среда, обеспечивающая микросоциальное окружение, свободное от психологического насилия, определяет динамическое равновесие между человеком и социальной средой в сторону повышения психического здоровья личности. Эмпирическими референтами психологической безопасности в образовательной среде могут являться низкий уровень психологического насилия; преобладание диалогической направленности субъектов в общении; позитивное отношение к основным параметрам образовательной среды у всех ее участников; преобладание гуманистической центрации у субъектов образовательной среды; высокий уровень удовлетворенности школьной средой, рассчитываемый как суммарная оценка отдельных характеристик социальной среды.

Психологическая безопасность образовательной среды отражается в характеристиках личностно-эмоциональной защищенности ее субъектов, которая проявляется в показателях психического здоровья. Безопасность образовательной среды зависит, согласно точке зрения И. А. Баевой, от способности службы сопровождения обеспечить отсутствие психологического насилия. Работа в данном направлении должна основываться на гуманистически ориентированных технологиях и нормах личностного развития. В основе названых технологий лежит качество процесса взаимодействия (социально-психологического взаимодействия диалогического уровня), что приводит к снижению нервно-психического напряжения, повышает способность к саморегуляции, единство «Я», то есть способствует повышению психического здоровья.

Усиление внимания к психологическому фактору, обогащение среды психологическими ресурсами позволяют создать психологические условия для развития гуманного отношения субъектов образовательной деятельности.

Значимым *фактором гуманизации* образовательной деятельности является *признание личностного многообразия, форм культуры, различных* этносов, социальных групп, этнических языков, местных диалектов, уровней образования и воспитания, религиозных концессий, всевозможных общественных, социальных, политических течений с разнонаправленной идеологической ориентацией, соответственно сочетание мировоззренческого плюрализма, что предполагает принятие данного многообразия, проявление к нему толерантности и гуманного отношения. Л. Н. Куликова утверждает, что гуманизм педагога реализуется во взаимодействии с детьми в ситуации сближения. Автором показано, что данный вариант взаимодействия носит характер не только «субъект-субъектного», но более глубокого личностного как со стороны взрослого, так и со стороны ребенка [15]. Взаимодействие принимает такой характер, если в его организации «выдерживаются принципы диалогизации; проблематизации; персонификации; индивидуализации; свободосообразности; любви и взаимной открытости педагога и ребенка, их глубинного общения; безоценочного и безусловного принятия ребенка; эмпатийности и понимания; принцип приоритета духовной поддержки ребенка перед коррекцией его поведения» [16]. Седьмым *фактором гуманизации* образовательной деятельности следует признать *формирование толерантности и гуманного межличностного отношения у его субъектов* [17]. О человеке вне отношений с миром и другими людьми нельзя сказать ничего определенного, а отношения человека являются его фундаментальной характеристикой. Отношение человека к миру и самому себе – это способ бытия человека, образ его жизни. Понятие об отношении возникает как результат сравнения любых двух предметов по выбранному или заданному основанию сравнения (признаку). Толерантность (терпимость) в данном случае является понятием, подтверждающим и уточняющим предварительное опорное определение гуманизма как отношения между людьми, как считает В. А. Рыбин [18].

Можно согласиться с позицией И. В. Абакумовой, что толерантность «входит в состав смысловых единиц жизни и фактом своей значимости предписывает создание таких моделей образовательного процесса, которые бы исходили из жизненной практики толерантной культуры и основывались на субъективном опыте толерантных отношений участников процесса. Искусство учителя заключается в том, чтобы предусмотреть используемой моделью актуализацию тех смысловых структур сознания учащихся, содержанием которых были бы установки если не на приятие позиции «инакомыслящих», то на желание постичь эмпатическим путем их смыслы [19]. Важное значение приобретает умение строить гуманные межличностные отношения между субъектами образовательной деятельности, несмотря на то что современное поликультурное образовательное пространство формирует интолерантное сознание. Учащиеся, погруженные в такое «агрессивное образовательное пространство, многие факты осваиваемой ими культуры не воспринимают в положительной смысловой интерпретации. Это может происходить в различных условиях: в обстоятельствах ингуманности сознания самого учителя, вольно или невольно ориентирующего и учащихся в том же направлении, либо в ситуации педагогического “самотека”, когда учащиеся остаются один на один с объектом образовательного процесса» [20], а также виртуальной реальности, средств массовой информации, агрессии, в которую включен ребенок в жизненной ситуации.

Таким образом, рассмотренные выше факторы гуманизации образования субъектов образовательной деятельности в отечественной педагогической психологии достаточно широко реализуются в современной практике, и достигнуты некоторые сдвиги в решении проблемы гуманизации образования. Тем не менее современная практика еще не использует систему построения гуманных, терпимых и прочих отношений среди субъектов образовательной деятельности, что, по-видимому, не позволяет решить многие вопросы, связанные с гуманизацией межличностных отношений.

Примечания

1. *Клепцова Е. Ю.* Гуманизация межличностных отношений в образовательной деятельности. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012.

2. *Обухова Л. А.* Современное состояние и перспективы развития гуманизации учебно-воспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях России: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. С. 142.

3. *Орлов А. Б., Хазанова М. А.* Феномены эмпатии и конгруэнтности // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 68–73.

4. *Кувакин В. А.* Твой ад и рай. Человечность и бесчеловечность в человеке. М.: Изд-во МГУ, 1998.

5. *Баева И. А., Волкова Е. Н., Лактионова Е. Б.* Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 11.

6. *Петровский В. А.* Феномены субъектности в развитии личности. Самара: Изд-во СГУ, 1992.

7. *Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Мищенко А. И., Шиянов Е. Н.* Педагогика: учеб. пособие для студ. пед. учеб. заведений. М.: Школа-Пресс, 2000.

8. *Демакова И. Д.* Воспитательная деятельность педагога как фактор гуманизации пространства детства: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2000.

9. *Волкова Е. Н.* Субъективность как интегративное свойство личности педагога: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.

10. *Юдзик С. М.* Процесс преемственности в начальной и средней школе. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981.

11. *Волкова Е. Н.* Указ. соч.

12. *Аксенова Г. И.* Формирование субъектной позиции учителя в процессе профессиональной подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007.

13. *Слободчиков В. И.* ОС: реализация целей образования в пространстве культуры // Новые ценности образования: культурные модели школ. Вып. 7. М., 1997. С. 174–184.

14. *Баева И. А.* Тренинг психологической безопасности в школе. СПб.: Речь, 2002.

15. *Куликова Л. Н.* Личность педагога в воспитательной системе образовательного учреждения // Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998. С. 9–11.

16. *Демакова И. Д.* Гуманизация пространства детства: теория и практика. М.: Новый учебник, 2003. С. 88.

17. *Клепцова Е. Ю.* Психология и педагогика толерантности: учеб. пособие для слушателей системы доп. проф. пед. образования. М.: Академ. проект, 2004; *Клепцова Е. Ю.* Терпимое отношение к ребенку: психологическое содержание, диагностика, коррекция: учеб. пособие для слушателей системы доп. проф. пед. образования. М.: Академ. проект, 2005.

18. *Рыбин В. А.* Гуманизм: опыт философского осмысления // Высшее образование сегодня. 2004. № 10. С. 35–38.

19. *Абакумова И. В.* Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе: психолого-дидактический подход. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. С. 275.

20. Там же.

ПЕРСОНАЛИИ

СТАНИСЛАВУ АВЕНИРОВИЧУ СМИРНОВУ – 75 ЛЕТ

В апреле 2013 г. исполняется 75 лет С. А. Смирнову, доценту Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ). Из них 48 лет Станислав Авенирович отдал подготовке учителей технологии (трудового обучения) и черчения. Он уроженец города Кирова (Вятки). После школы поступил учиться в авиационный техникум, затем работал на электромашиностроительном предприятии. Там понял, что профессии типа «человек – техника» не его стезя. В конце 1950-х гг. началась политехнизация образования, в школах потребовались учителя трудового обучения и черчения. Станислав Авенирович поступил на индустриально-педагогический факультет, открывшийся в КГПИ им. В. И. Ленина, где началась подготовка учителей трудового обучения. В 1964 г., после окончания института, ему как одному из лучших выпускников факультета предложили преподавать начертательную геометрию и черчение на кафедре общетехнических дисциплин КГПИ (ныне ВятГГУ), ставшего для него вторым домом. После учёбы в аспирантуре на художественно-графическом факультете МГПИ им. В. И. Ленина и успешной защиты диссертации в 1974 г. С. А. Смирнов стал кандидатом педагогических наук, впоследствии получил звание доцента.

У Станислава Авенировича рано проявились такие необходимые для педагога качества, как любовь к людям, высокая профессиональная компетентность, ответственность и интеллигентность, методическое мышление и инновационный стиль деятельности. В родном институте, кроме преподавательской работы, он был заместителем декана индустриально-педагогического факультета по работе заочного отделения, заведовал кафедрой технических дисциплин и дизайна. Активно участвовал в организации научно-практических конференций учителей и школьников по черчению, проводил занятия для учителей на многочисленных курсах. Был одним из инициаторов открытия на факультете новых специальностей, связанных с художественным проектированием «дизайн», «изобразительное искусство».

Станислав Авенирович как авторитетный учёный-педагог много лет активно участвовал в работе комиссии Министерства просвещения РСФСР, неоднократно приглашался в качестве специалиста на научно-методический совет при Минпросе СССР. С 1969 по 1984 г. на всех индустриально-педагогических факультетах страны студентов обучали начертательной геометрии по его программе, изданной Министерством просвещения СССР.

Сфера научных интересов Станислава Авенировича – проблемы развития графических умений школьников и учителей технологии. Он автор более 60 научно-методических работ, в том числе учебных пособий для студентов и учителей технологии, изданных в Москве, Кирове, Екатеринбурге.

В начале 2000-х Станислав Авенирович был членом диссертационного совета при ВятГГУ, работал с аспирантами, под его руководством защищены четыре кандидатские диссертации по специальности 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (технология и общетехнические дисциплины).

За многолетнюю преподавательскую деятельность и весомый вклад в научно-методическое обеспечение подготовки учителей трудового обучения, черчения и технологии Станислав Авенирович Смирнов награждён знаком «Отличник

народного просвещения» (1990 г.), благодарственными письмами и почётными грамотами Кировской области, ему присвоено звание «Заслуженный работник ВятГГУ» (2008 г.).

Станислав Авенирович и сегодня продолжает трудиться на факультете технологии и дизайна ВятГГУ, преподает графические дисциплины. О нем очень тепло отзываются студенты.

Станислав Авенирович – талантливый педагог, хорошо знает предмет, на самом высоком уровне владеет методикой преподавания графических дисциплин. Чтобы студенты лучше усвоили материал, любит применять на занятиях метод ассоциаций. Умеет оживить атмосферу на практических занятиях и привлечь внимание студентов в трудный момент лекции. Может с шумом уронить деревянный метр (чертежный инструмент) или напеть песню. Проверяет задание, а при этом напевает песенку, в тексте которой есть имя студента.

С. А. Смирнов умеет эмоционально и искренне радоваться успехам студентов, многие годы следит за педагогической деятельностью бывших студентов, не теряет с ними контактов. Помогает учителям в их деятельности, приходит на занятия в школу, а в период их аттестации может часами сидеть в аттестационной комиссии, чтобы лично дать характеристику учителю.

Станислав Авенирович разносторонне развитый человек: увлекается музыкой, живописью, театром – и весь свой богатый жизненный опыт, высокие морально-этические принципы передает студентам.

Коллеги факультета технологии и дизайна поздравляют Станислава Авенировича с юбилеем и желают ему бодрости на долгие годы. Как и прежде, вдохновлять своим примером педагогов и студентов на творческие достижения!

АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ БОГДАНОВУ – 60 ЛЕТ

25 марта первый проректор Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат педагогических наук, доцент Александр Иванович Богданов отмечает свой 60-летний юбилей. Вот уже более 30 лет научно-педагогическая, производственная и общественная деятельность Александра Ивановича неразрывно связана с нашим вузом.

А. И. Богданов родился в 1953 г. в Вилегодском районе Архангельской области. Кто бы мог предположить тогда, что простой деревенский парень, чья семья не имела никакого отношения к педагогике, в будущем станет кандидатом наук и проректором первого вуза Вятского края? Что же помогает ему добиваться успеха в жизни?

Как-то в одном из интервью юбиляр признался, что рабочий день, превышающий 10 часов, давно стал для него нормой. Кстати, близкие Александра Ивановича к этому уже привыкли, а коллеги не перестают восхищаться его неиссякаемой энергией и работоспособностью. Поэтому вполне закономерно, что факультет физического воспитания Кировского государственного педагогического института в 1980 г. Александр Богданов окончил с отличием. Будучи студентом-старшекурсником, он одновременно работал инженером в родном вузе.

Александр Иванович не привык размениваться на мелочи и старается всегда найти комплексно-целостное, оптимальное решение проблемы. Кроме того, он обладает редким даром внимательно выслушать собеседника, понять его доводы в споре, правильно определить перспективу дальнейшего развития событий. Руководство нашего вуза давно и по достоинству оценило организаторские способности А. И. Богданова. Подтверждением тому стало его назначение в 1982 г. на ответственную должность проректора по административно-хозяйственной работе. Спустя 6 лет он возглавил вузовский профком. В 1997 г. А. И. Богданов стал проректором по капитальному строительству, а в июле 1999 г. – по АХЧ, продолжая курировать строительную сферу. С 2010 г. Александр Иванович Богданов работает первым проректором ВятГГУ.

При непосредственном участии А. И. Богданова наш вуз заметно укрепил свою материально-техническую базу. Осуществлён капитальный ремонт плавательного бассейна (1986–1987). Построено студенческое общежитие № 4 на 535 мест (1982). Сданы в эксплуатацию главный учебный корпус (2003) и первая очередь учебно-спортивного комплекса (2006). Проведён капремонт учебного корпуса № 1 (2000–2009). После реконструкции аварийного здания (ул. М. Гвардия, 113) создан Центр дополнительного образования (2008). Завершено строительство второй очереди УСК (2010) и 4-этажного учебного корпуса по ул. Ленина, 113-а (2013).

Александр Иванович Богданов, будучи кандидатом педагогических наук и доцентом, активно занимается исследовательской деятельностью. Сферой его интересов являются теоретические основы физической культуры, а также проблемы, связанные с управлением школьным образовательным процессом.

Профессиональная и общественная деятельность Александра Ивановича Богданова неоднократно отмечена высокими наградами: медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, значком «Отличник народного просвещения», нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования РФ», многочисленными почётными грамотами.

Кроме того, А. И. Богданов – лауреат Премии Кировской области в сфере архитектуры и строительства (2011). Его знают как делового, ответственного, компетентного руководителя. Высокий авторитет Александра Ивановича Богданова основывается на очевидных трудовых достижениях, удивительных личных качествах, искреннем уважении и признании коллег.

ЕВГЕНИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ВЕЧТОМОВУ – 60 ЛЕТ

Жизнь украшается двумя вещами: занятием математикой и ее преподаванием.

Симеон Пуассон

15 мая 2013 г. исполняется 60 лет Е. М. Вечтомову – известному в стране математику и педагогу, доктору физико-математических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации.

В 1970 г. он окончил среднюю школу № 8 города Краснокамска Пермской области, в 1974 г. – математический факультет Кировского госпединститута имени В. И. Ленина, в 1977 г. – аспирантуру по кафедре алгебры Московского госпединститута имени В. И. Ленина с представлением кандидатской диссертации. Кандидатская диссертация по теории колец непрерывных функций выполнена под руководством выдающегося алгебраиста, профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Льва Анатольевича Скорнякова и защищена 23 февраля 1979 г. в Институте математики Молдавской АН. В 1986 г. Вечтомову присвоено ученое звание доцента по кафедре математического анализа.

С октября 1977 г. Евгений Михайлович работает в нашем вузе последовательно старшим преподавателем, доцентом, профессором, с 1988 г. руководит кафедрой алгебры, преобразованной в 2011 г. в кафедру алгебры и дискретной математики.

В 1991–1993 гг. Е. М. Вечтомов докторант кафедры алгебры МПГУ, 8 апреля 1994 г. в МГУ имени М. В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию «Кольца непрерывных функций со значениями в топологическом теле» по специальности 01.01.06 Математическая логика, алгебра и теория чисел. Основа докторской диссертации опубликована в американском журнале издательства Springer: Vechtomov E. M. Rings of continuous functions with values in a topological division ring // Journal of Mathematical Sciences (New-York). 1996. Vol. 78. № 6. P. 702–753. В мае 1995 г. Евгений Михайлович получил ученое звание профессора по кафедре алгебры.

Е. М. Вечтомов известен в России и за рубежом как ведущий специалист по теории колец и полуколец функций. С 1994 г. он основатель и руководитель научной школы «Функциональная алгебра и теория полуколец», аспирантуры по алгебре, регионального научного алгебраического семинара. Является одним из создателей общей теории колец непрерывных функций и основоположником теории полуколец непрерывных функций. В теории колец непрерывных функций разработал общие методы максимального спектра и пучковых представлений, исследовал алгебраические свойства колец непрерывных функций, в частности условия делимости функций. Разрешил ряд трудных проблем, поставленных И. Капланским, М. Хенриксеном, М. А. Наймарком, Л. А. Скорняковым, А. А. Туганбаевым, решил задачи структурного изоморфизма колец непрерывных функций и полуколец непрерывных функций (вторую задачу совместно с В. В. Сидоровым). Вместе со своими учениками В. И. Варанкиной, М. Н. Подлевских, И. А. Семеновой, Д. В. Широковым, Д. В. Чупраковым, Е. Н. Лубягиной развил теорию идеалов и конгруэнций полуколец непрерывных неотрицательных функций.

Евгений Михайлович внес существенный вклад в развитие структурной теории полуколец. Построил теорию абелево-регулярных положительных полуколец (в соавторстве с А. В. Михалевым, В. В. Чермных, О. В. Старостиной); заложил основы функциональных представлений полутел (с А. В. Череневой); исследовал линейно упорядоченные полутела (с А. В. Ряттель) и полукольцевые объединения кольца и полутела (с М. А. Лукиным). Его учениками А. С. Бестужевым и И. В. Орловой описано строение циклических полуколец как с коммутативным, так и с некоммутативным сложением. Вместе с А. А. Петровым получены базовые результаты о полукольцах с идемпотентным умножением. Е. М. Вечтомов описал функционально полные полукольца, для изучения конечных полуколец предложил функциональный подход.

Е. М. Вечтомов подготовил 13 кандидатов наук. Его ученик В. В. Чермных защитил докторскую диссертацию по функциональным представлениям полуколец. Другой ученик, В. В. Сидоров, начал работу над докторской диссертацией по теории подалгебр полуколец непрерывных функций.

Е. М. Вечтомов является автором более 350 научных работ по математике, методике и методологии математики, в том числе 6 монографий, 8 научных обзоров, 10 учебных пособий, целого ряда фундаментальных статей в ведущих математических журналах СССР и России. Монография «Метафизика математики» (Киров: ВятГГУ, 2006. 508 с.) признана победителем областной выставки «Вятская книга – 2006» в номинации «Лучшее научное издание», а монография «Полукольца непрерывных функций» (Киров: ВятГГУ, 2011. 312 с.) в соавторстве с В. В. Сидоровым и Д. В. Чупраковым стала победителем областного конкурса «Вятская книга – 2011» в номинации «За продвижение интеллектуального потенциала Вятки на российский уровень». Кроме того, книга «Метафизика математики» и учебное пособие «Основные структуры классической математики» (Киров: ВятГГУ, 2007. 252 с.) удостоены дипломов лауреата Всероссийских выставок в Москве в 2010 г.

Евгений Михайлович постоянно выступает с докладами на Международных математических конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Казани, Красноярске, Перми, Орле, Туле, Баку, Киеве, Кишиневе, Тирасполе, Львове, Тарту, Вильнюсе, Харькове. Он сделал более 40 докладов на алгебраических и топологических семинарах в МГУ, МПГУ, КФУ, УрФУ, РУДН, ИММ УрО РАН и др., около 30 пленарных докладов по вузовской методике и методологии математики на Международных и Всероссийских научно-методических конференциях.

Е. М. Вечтомов – организатор и председатель шести всероссийских конференций по проблемам современного математического образования, проведённых на базе ВятГГУ, сопредседатель восьми Всероссийских научно-практических конференций по математическому образованию в Тобольском, Кировском, Глазовском и Коми пединститутах. Он член двух докторских диссертационных советов в ВятГГУ, восемь лет был заместителем председателя диссертационного совета по теории и методике обучения математике, с 1989 г. член Московского математического общества, с 2000 г. является председателем Совета УМО по математике педвузов Волго-Вятского региона. С 1997 г. он главный редактор ежегодно издаваемого периодического межвузовского научно-методического сборника «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона», член редколлегии научных журналов «Вестник ВятГГУ» и «Вестник Сыктывкарского университета. Серия 1: Математика. Механика. Информатика», является референтом американского журнала «Mathematical Reviews», рецензент многих изданий и диссертаций.

В нашем университете Е. М. Вечтомов состоит членом Учёного совета университета, Педагогического совета ВятГГУ, Совета факультета информатики, математики и физики (ИМФ), научно-методического совета музея истории ВятГГУ, с момента создания в 1996 г. председателем, а сейчас заместителем председателя экспертного научного совета ВятГГУ.

Е. М. Вечтомов является ведущим вузовским преподавателем математики в регионе. За годы работы в вузе вел все алгебраические курсы, разработал и прочитал 15 спецкурсов, под его руководством защищено множество дипломных и курсовых работ по математике. Он руководит магистерскими программами «Алгебра и дискретная математика» по направлению подготовки «Математика и компьютерные науки» и «Математика» по педагогическому направлению, вместе с доцентом В. И. Варанкиной является разработчиком ООП бакалавриата и магистратуры направления подготовки «Математика и компьютерные науки». Он постоянный председатель ГАК по математике в ряде университетов и педвузов, эксперт Минобразования по математике и естественнонаучному блоку по государственной аккредитации вузов России. Более 15 лет Е. М. Вечтомов занимался вопросами современной алгебры со школьниками г. Кирова. Его ученики (школьники, студенты, аспиранты) неоднократное становились победителями различных математических олимпиад и конкурсов, стипендиатами Президента РФ, Правительства РФ и Правительства Кировской области.

Заслуги профессора Е. М. Вечтомова в области науки и образования отмечены на вузовском, региональном и всероссийском уровнях. Он лауреат научной премии Кировской городской думы и администрации г. Кирова (1996), научных премий ВятГГУ по естественнонаучному направлению (2002, 2005, 2008, 2010, 2013), победитель областного смотра-конкурса на лучшего по профессии 1999 г., обладатель четырех грантов соросовского профессора (1998–2001), научных грантов РФФИ (2003, 2008) и РГНФ (2006, 2012), грантов ВятГГУ 2008 и 2013 гг. за руководство ведущей научной школой университета. В 2009–2012 гг. руководил научным тематическим планом ВятГГУ «Полукольца и пучки. Полукольца и их применения». Награжден почетными грамотами Министерства образования РСФСР и РФ, нагрудным знаком Минобрнауки «За развитие научно-исследовательской работы студентов»,

Почетной грамотой ВятГГУ «Профессор 2009 года», знаком «Отличник народного просвещения», он – почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник высшей школы РФ. В ноябре 2012 г. Ученым советом ВятГГУ представлен к почетному званию «Заслуженный деятель науки РФ».

Служение науке и народному просвещению – жизненное кредо профессора Вечтомова. Его научное творчество включает математические исследования, математико-методические находки и разработки, философско-математическую рефлексию, изучение становления и развития математического образования в регионе. Важной составляющей деятельности Е. М. Вечтомова является научное наставничество и воспитание молодежи, воспитание в духе идеалов истины, гражданственности, нравственности. Его неизменными человеческими качествами остаются доброжелательность, демократизм, интеллигентность, ответственность и отзывчивость.

У Евгения Михайловича дружная семья. Жена, Вера Ивановна Варанкина, кандидат физико-математических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования, – надежный друг и соратник. Старшая дочь Юлия – кандидат исторических наук, доцент ВятГГУ. Младшая дочь Мария учится в магистратуре по экономике в Антверпенском университете (Бельгия).

Коллектив преподавателей и сотрудников нашего университета сердечно поздравляет Евгения Михайловича Вечтомова с юбилеем, желает ему новых научных достижений, душевного благополучия и крепкого здоровья.

МАТЕМАТИКЕ НАДО СЛУЖИТЬ... (СЕРГЕЮ ИВАНОВИЧУ КАЛИНИНУ – 60 ЛЕТ)

У Сергея Ивановича Калинина классическая (в смысле – и строгая!) профессиональная биография: родился у нас – в Куменском районе Кировской области, окончил механико-математический факультет Горьковского университета (1977), с должности ассистента поступил в нецелевую аспирантуру Башкирского филиала АН СССР (1980), защитил диссертацию кандидата физико-математических наук в Харьковском госуниверситете (1983), а с 1986 г. – постоянная работа в ВятГГУ... Он автор более 170 научных и научно-методических работ, среди них учебные пособия «Средние величины степенного типа. Неравенства Коши и Ки Фана» (Киров, 2002), «Задачи и упражнения по началам математического анализа» (М., 2002, в соавторстве), сборники студенческих статей «Некоторые вопросы теории среднего степенного», «Некоторые вопросы математического анализа и методики его преподавания» (Киров, 1999, 2001).

Переломный период у С. И. Калинина получился после ухода с должности зав. кафедрой математического анализа и методики преподавания математики в 2002 г. Новое дело по месту работы, новое дело в науке – докторское исследование, новые жизненные обстоятельства... Отдадим должное: декан факультета информатики С. М. Окулов принял на кафедру прикладной математики, чуть позднее поддержал в многотрудной деятельности старшего научного сотрудника С. И. Калинина при подготовке докторской диссертации. И Сергей Иванович не подвел: работал с утра до вечера, и вот сначала вышла монография «Обучение студентов математическому анализу в условиях фундаментализации высшего педагогического образования» (Киров, 2008), а затем достойная защита в Институте содержания и методов обучения Российской академии образования. Принципиально важно, что в докторской диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук С. И. Калинин не изменил своей любимой научной области деятельности – математике. И получил в результате нужное преимущество, уважение и оценку специалистов. А как ему было трудно – знают только близкие...

Сергей Иванович любит студентов, в том числе и тогда, когда ставит объективный «неуд», ведь мудрая математика лечит ум и душу. Но главное проявление любви – трепетное отношение к занятиям, настойчивость в организации творчества студентов. На постоянно действующем с 1994 г. семинаре студентов по математическому анализу серьезные темы: «Выпуклые и квазивыпуклые функции» (М. Бердников, ПМ-41, 2006); «К теоремам Лопиталя – Бернулли раскрытия неопределенностей» (О. Микрюкова, ПМ-21, 2007); «Неравенство Финслера и Хадвигера» (Е. Прокушкина, ПМ-51, 2007); «Теорема Ролля в терминах двусторонней производной В. А. Попова» (А. Мальцев, ПМ-21, 2012); «Геометрические преобразования, связанные с неравенством Ки Фана» (Е. Погудина, МК-31, 2013)... И для не занимающихся математикой эти названия звучат как стихотворения, интригующе и таинственно! Не случайно и студенты-физики приходят с такими докладами, как «Об условиях достижения равенства в нестрогих соотношениях для норм» (Д. Перевощиков, Ф-31).

С. И. Калинин аккуратен как хороший математик во всех делах – учебных, общественных, домашних... Именно поэтому от природы он и математик. Он трудолюбив, и вот несколько последних видимых дел: состоялась защита кандидатской диссертации его аспиранта, вышло более десятка научных статей, сделано несколько научных докладов на международных и всероссийских конференциях, а в Москве принято к изданию пособие для школьников «Метод неравенств решения уравнений».

И справедливо, что аккуратное отношение к жизни и науке выразилось в уровне – он единственный в Кировской области доктор по методике обучения математике за всю прошедшую историю! Это уже исторический факт. Дорогой Сергей Иванович, удачи Вам в делах и людях!

Глубокоуважаемый Сергей Иванович! Ректорат ВятГГУ, редакция журнала, коллеги поздравляют Вас с юбилеем и желают успехов в труде и жизни.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 512.55

Е. М. Вечтомов

ПОЛУКОЛЬЦА И ПУЧКИ. ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ за 2008–2012 гг.

В статье изложены основные результаты коллектива научной школы «Функциональная алгебра и теория полуколец», полученные в рамках грантов ВятГГУ по ведущей научной школе (2008 г.) и по тематическому плану № 1.1.5 «Полукольца и пучки» (2009–2012 гг.). Представленные результаты относятся к структурной теории полуколец и полутел и к теории полуколец непрерывных числовых функций на топологических пространствах.

The main results of the collective of the scientific school "The functional algebra and the theory of semirings" which were obtained with the grant VSHU for leading scientific school (2008) and scientific plan VSHU № 1.1.5 "Semirings and sheaves" (2009–2012) are stated in the article. Represented results apply to the structural theory of semirings and the theory of semirings of continuous real functions at the topological spaces.

Ключевые слова: полукольцо, полутело, решетка, топологическое пространство, непрерывная функция, пучок, функциональное представление, изоморфизм решеток подалгебр.

Keywords: semiring, semifield, lattice, topological space, continuous function, functional representation, isomorphism of lattices of subalgebras.

Введение. В 2008–2012 гг. члены научной алгебраической школы ВятГГУ «Функциональная алгебра и теория полуколец» провели исследования по общей теме «Полукольца и пучки». Результаты исследований отражены в следующих работах:

- две обзорные статьи [1],
- пять научных отчетов [2],
- три монографии [3],
- пять успешно защищенных кандидатских диссертаций [4],
- 31 публикация в рецензируемых научных изданиях [5].

Основные результаты работы докладывались на международных математических конференциях в Москве (2008, 2009, 2010), Красноярске (2009), Новосибирске (2009), Харькове (2009), Киеве (2010, 2012), Туле (2010, 2012), Казани (2011), Луганске (2011), Саратове (2011), Чебоксарах (2011), Волгограде (2012), Екатеринбурге (2012), Николаеве (2012), Перми (2012). Все новые результаты по теории полуколец регулярно сообщались на региональном научном алгебраическом семинаре, действующем на базе ВятГГУ (руководители – доктора физико-математических наук, профессора Е. М. Вечтомов и В. В. Чермных). В 2008 г. Е. М. Вечтомов выиграл грант РФФИ на написание аналитического научного обзора «Строение полутел», проект № 08-01-11000-ано (см. [6]).

В данном обзоре мы кратко опишем основные результаты наших исследований за отчетный период по структурной теории полуколец и по теории полуколец непрерывных функций. Отметим, что эти результаты отчасти реализуются в дисциплинах для магистрантов-математиков «Теория полуколец» и «Упорядоченные множества и решетки», в курсах по выбору для аспирантов-алгебраистов «Полукольца и их представления» и «Функциональная алгебра».

1. Структурная теория полуколец

1.1. Исходные понятия. В разделе 1 рассматриваются абстрактные полукольца с различными дополнительными условиями.

Полукольцом (в широком смысле) называется алгебраическая структура $\langle S, +, \cdot\rangle$ с двумя ассоциативными бинарными операциями сложения $+$ и умножения $\cdot$, такими, что умножение дистрибутивно относительно сложения с обеих сторон (*Vandiver H. S.* Note on a simple type of algebras in which cancellation law of addition does not hold // Bull. Amer. Math. Soc. 1934. Vol. 40. P. 914–920). Заметим, что наиболее распространено понятие полукольца в узком смысле (*Golan J. S.* Semirings and their applications. Dordrecht, Boston, London: Kluwer Acad. Publ., 1999), когда наряду с 4 аксиомами из определения полукольца предполагает условия коммутативности сложения, существования нуля и единицы.

Если полукольцо S имеет нейтральный элемент 0 по сложению ($\forall a \in S\ a + 0 = 0 + a = a$), являющийся мультипликативным нулем ($\forall a \in S\ a \cdot 0 = 0 \cdot a = 0$), то S называется *полукольцом с нулем*. Полукольцо с коммутативным умножением само называется *коммутативным*. Полукольцо с нейтральным элементом 1 по умножению называется *полукольцом с единицей*.

© Вечтомов Е. М., 2013

Полукольцо с тождеством $x + x = x$ ($xx = x$) называется *аддитивно* (*мультипликативно*) *идемпотентным*. Полукольцо с нулем назовем *антикольцом*, если оно удовлетворяет квазитождеству $x + y = 0 \Rightarrow x = 0$. Аддитивно идемпотентное и мультипликативно идемпотентное полукольцо назовем просто *идемпотентным*. *Полутелом* называется полукольцо, мультипликативная полугруппа которого будет группой. Коммутативное полутело с коммутативным сложением называется *полуполем*.

Отметим, что ассоциативные кольца являются полукольцами с нулем и с коммутативным сложением, дистрибутивные решетки суть коммутативные идемпотентные полукольца с коммутативным сложением, а аддитивно идемпотентные полутела с коммутативным сложением – это в точности решеточно упорядоченные группы.

1.2. Полутела и их пучковые представления [7]. В этом пункте все полутела предполагаются имеющими коммутативное сложение.

Неодноэлементное полукольцо с коммутативным сложением, с нулем и единицей называется *делимым*, если все его ненулевые элементы обратимы. Каждое делимое полукольцо либо является телом, либо удовлетворяет квазитождеству $a + b = 0 \Rightarrow a = 0$. Во втором случае делимое полукольцо будет полутелом с нулем, и если из него исключить 0, то получим полутело (и обратно).

Одноэлементное полутело будем называть *тривиальным*. Полутело с квазитождеством $a + c = b + c \Rightarrow a = b$ называется *сократимым*. *Ядром* полутела называется класс 1 любой конгруэнции на нем. Ядра полутела U по отношению включения образуют модулярную алгебраическую решетку Con$U$, множество дополняемых элементов которой является ее булевой подрешеткой B(U). Наименьшее ядро (u) полутела U, содержащее элемент $u \in U$, называется *главным ядром* в U. Полутело U называется *полутелом с образующей* u, если $U = (u)$. Полутело с образующей $2 = 1 + 1$ называется *ограниченным*. Собственное ядро P полутела U называется *неприводимым*, если $A \cap B \subseteq P$ влечет $A \subseteq P$ или $B \subseteq P$ для любых ядер A и B в U. Полутело называется *бирегулярным* (*булевым*), если все его главные ядра (все ядра) дополняемы. Полутело U называется *дистрибутивным*, если решетка Con$U$ дистрибутивна, и *простым*, если Con$U$ двухэлементна. Топологическое пространство SpU (Max$U$) всех неприводимых (максимальных) ядер полутела U, взятое со стоуновской топологией, называется его *неприводимым* (*максимальным*) *спектром*.

Теорема о неприводимых ядрах. *Всякое собственное ядро полутела содержится в некотором его неприводимом ядре. Следовательно, максимальные ядра в полутелах неприводимы.*

Спектральная теорема. *Для полутела U эквивалентны следующие утверждения: U имеет образующую; неприводимый спектр* SpU *компактен; максимальный спектр* Max$U$ *компактен, и каждое собственное ядро полутела U содержится в некотором максимальном ядре.*

Пучковая характеризация бирегулярных полутел. *Полутело бирегулярно тогда и только тогда, когда оно изоморфно полутелу всех сечений некоторого пучка простых полутел и тривиальных полутел над нульмерным компактом.*

Для доказательства данной характеризации применяется построенный нами для любого полутела U аналог пучка Пирса P(U) над максимальным спектром булевой решетки B(U): *всякое полутело U изоморфно полутелу всех сечений пучка* P(U) *некоторых своих фактор-полутел над нульмерным компактом* MaxB(U).

В следующей теореме используется аналог структурного ламбековского пучка L(U), существующий для всякого дистрибутивного полутела U.

Теорема Даунса – Гофмана для полутел. *Любое бирегулярное полутело U изоморфно полутелу всех сечений с компактными носителями хаусдорфова пучка* L(U) *простых полутел U/M над нульмерным локально компактным пространством* Max$U$. *Обратно, если Π – пучок простых полутел над нульмерным локально компактным пространством X, для которого носитель* $\mathrm{supp}2 = \{x \in X\colon 2_x \neq 1_x\}$ *компактен, то полутело всех сечений с компактными носителями пучка Π бирегулярно.*

В качестве следствия получаем утверждение: *Бирегулярные полутела с образующей суть, в точности до изоморфизма, полутела сечений (хаусдорфовых) пучков простых полутел над нульмерными компактами.*

Структурное свойство бирегулярных полутел. *Любое бирегулярное полутело однозначно раскладывается в прямое произведение бирегулярного ограниченного полуполя и бирегулярного аддитивно идемпотентного полутела.*

Строение булевых полутел. *Полутело булево тогда и только тогда, когда оно изоморфно прямой сумме некоторого семейства простых полутел, почти все из которых идемпотентны. В частности, булевость полутела с образующей равносильна его разложимости в прямое произведение конечного числа простых полутел.*

Разрабатываемый нами метод пучковых представлений и характеризаций полуколец и полутел перспективен. С его помощью уже доказан ряд интересных и нетривиальных свойств полуколец и полутел. Мы планируем его применение к получению более тонких свойств полутел, например, новых структурных свойств бирегулярных полутел, а также к изучению конечных полуколец с заданными свойствами.

1.3. Полукольцевые объединения кольца и полутела. [8] Исследовались полукольца $R \cup U$, являющиеся объединением некоторых двух своих подполуколец – кольца R и полутела с нулем $U \cup \{0\}$, где U – полутело с коммутативным сложением. Изучение таких полуколец сводится к ситуации $R \cap U = \varnothing$, которая и рассматривается далее.

Структурная теорема. *Если имеет место $R \cup U$, то кольцо R радикально по Джекобсону и его аддитивная группа делима и без кручения, а полутело U не является зероидным, т. е. в нем невозможно равенство вида $a + b = a$.*

Неединственность полукольцевого объединения. *Существуют кольцо R и полутело U, имеющие неизоморфные полукольцевые объединения $R \cup U$.*

Для произвольного незероидного полутела U строятся все кольца R, образующие с U полукольцевое объединение $R \cup U$. И обратно, определяются все полутела, допускающие с фиксированным подходящим кольцом полукольцевое объединение. Изучалось строение идеалов и конгруэнций полуколец $R \cup U$. В частности, доказаны утверждения:

Решетка конгруэнций любого полукольца $R \cup U$ модулярна.

Если решетка идеалов кольца R и решетка конгруэнций полутела U дистрибутивны, то решетка конгруэнций полуколец $R \cup U$ также дистрибутивна.

Полукольца $R \cup U$ оказались нетривиальными и достаточно интересными. Это указывает на многообразную широту класса всех полуколец даже в узком смысле (по Голану).

1.4. Циклические полукольца. [9] Полукольцо S с нулем 0 и единицей 1 будем называть (*мультипликативно*) *циклическим*, если в нем существует *образующий* элемент $a \neq 1$, такой, что каждый ненулевой элемент из S является неотрицательной целой степенью элемента a ($1 = a^0$), в обозначениях, $S = (a)$. Циклические полукольца с коммутативным сложением изучались Е. М. Вечтомовым и А. С. Бестужевым, а циклические полукольца с некоммутативным сложением исследовались Е. М. Вечтомовым и И. В. Орловой (Лубягиной). Справедливы следующие утверждения:

Предложение А. *Всякое конечное циклическое полукольцо $S = (a)$ с нильпотентным образующим a будет цепью по сложению, причем, если $a > 1$, то S: $1 < a < a^2 < \ldots < a^{k-1} < a^k = 0$; если же $a < 1$, то $0 = a^k < a^{k-1} < \ldots < a^2 < a < 1$.*

Предложение Б. *Любое циклическое полукольцо с обратимым образующим будет конечным циклическим полутелом или конечным полем.*

Предложение В. *Бесконечные циклические полукольца и циклические полукольца с некоммутативным сложением являются антикольцами.*

Эти предложения позволяют рассматривать далее только циклические полукольца без нуля. Сложение в полукольце называется *левым* (*правым*), если в нем выполняется тождество $x + y = x$ ($x + y = y$).

Строение бесконечных циклических полуколец. *Любое бесконечное циклическое полукольцо S имеет вид*

$$S = \{1, a, a^2, \ldots, a^n, \ldots\}$$

со сложением $a^m + a^n = a^{\max(m,n)}$, либо $a^m + a^n = a^{\min(m,n)}$, либо левым, либо правым.

Пусть $S = \{1, a, a^2, \ldots, a^m\}$ – конечное циклическое полукольцо *типа* (k, n). Его мультипликативная полугруппа определяется двумя параметрами $k \in \mathbf{N}_0$ и $n \in \mathbf{N}$: k-элементное множество $\{1, a, a^2, \ldots, a^{k-1}\}$, если $k \geq 1$, образует ее *хвост*, а n-элементное множество $\{a^k, a^{k+1}, \ldots, a^{k+n-1}\}$ есть ее *цикл* с условием $a^{k+n} = a^k$. При $k = 0$ имеем циклическое полутело, а при $n=1$ получаем *поглощающий* элемент a^k.

Теорема А. *Конечные циклические полукольца с коммутативным сложением обладают поглощающим элементом, то есть совпадают со своими хвостами.*

Различаются случаи аддитивно идемпотентных и аддитивно неидемпотентных полуколец S. Циклическое полукольцо S с идемпотентным сложением образуют решетку (с наименьшим элементом 0) относительно естественного порядка. Задача нахождения всех таких полуколец сводится к присвоению элементам решетки, представленной диаграммой Хассе, значений a^l. Доказаны исходные свойства этих полуколец и описана процедура их нахождения. Строение циклических полуколец S с неидемпотентным сложением более сложно. Они классифицированы по четырем параметрам, позволяющим последовательно строить данные полукольца S.

Затронем теперь конечные циклические полукольца $S = (a)$ с некоммутативным сложением. Здесь также существенно различаются случаи аддитивно идемпотентных и аддитивно неидемпотентных полуколец. Строение таких полуколец с идемпотентным некоммутативным сложением, не являющимся ни левым, ни правым, фактически сведено к описанию конечных циклических полуколец с идемпотентным коммутативным сложением. Отметим следующий результат:

Теорема Б. *Любое конечное циклическое полукольцо с идемпотентным некоммутативным сложением и поглощающим элементом имеет либо левое сложение, либо правое сложение.*

Случай полуколец $S = (a)$ типа (k, n) с некоммутативным неидемпотентным сложением требует изучения двух подслучаев: 1) хвост не длиннее цикла ($k \leq n$); 2) хвост длиннее цикла ($k > n$). Получено описание сложения в таких полукольцах S с условием 1); оно сводится к сло-

жению в цикле («намотке»), представляющем комбинацию левого и правого сложения. Случай 2) более сложный.

Замечание. С помощью системы Maple были найдены циклические полукольца небольшого порядка. Они весьма многочисленны. Так, циклических полуколец с неидемпотентным некоммутативным сложением типа $(k, 1)$ существует с точностью до изоморфизма: 4 порядка 4, 28 порядка 5, 194 порядка 6.

1.5. Мультипликативно идемпотентные полукольца. [10] В настоящем пункте рассматриваются мультипликативно идемпотентные полукольца ***только*** с коммутативным сложением. Их примерами служат булевы кольца и дистрибутивные решетки. Полукольцо назовем *дубль-полукольцом*, если его операции сложения и умножения совпадают: $x + y = xy$.

Полукольцо с 0 (полукольцо с 1) S называется 0-*расширением* (1-*расширением*) полукольца A при помощи полукольца B, если на S существует такая конгруэнция ρ, что $[0]_\rho \cong A$ ($[1]_\rho - A$) и $S/\rho \cong B$. Через $r(S)$ обозначено кольцо всех аддитивно обратимых элементов полукольца S.

Аддитивно идемпотентные полукольца являются упорядоченными полукольцами относительно порядка: $x \le y \Leftrightarrow x + y = y$. Мультипликативно идемпотентные полукольца, как и дважды идемпотентные полукольца, с выделенным нулем 0 образуют многообразие. Класс дубль-полуколец также является многообразием, совпадающим, по сути дела, с многообразием всевозможных коммутативных полугрупп с тождеством $x + x + y + z = x + y + z$ (в аддитивной записи). В мультипликативно идемпотентных полукольцах S выполняется тождество $4x = 2x$. Если S с 1, то 1 будет единственным его обратимым элементом. В дважды идемпотентных полукольцах выполняются неравенства $xy \le x + y$ и $yx \le x + y$.

Сформулируем основные результаты.

Теорема В. *Любое мультипликативно идемпотентное полукольцо S является 0-расширением булева кольца $r(S)$ при помощи мультипликативно идемпотентного антикольца T, которое можно считать упорядочиваемым полукольцом с тождеством $3x = 2x$.*

Следствие. *Всякое конечное мультипликативно идемпотентное полукольцо изоморфно прямому произведению конечного булева кольца и конечного мультипликативно идемпотентного антикольца.*

Теорема Г. *Любое идемпотентное полукольцо с 0 и 1 служит 1-расширением дубль-полукольца с единицей при помощи ограниченной дистрибутивной решетки.*

Следствие. *Ограниченные дистрибутивные решетки – это в точности идемпотентные полукольца с единицей с 0 и 1, удовлетворяющие тождеству $x + 1 = x$.*

Предложение Г. *Простые идеалы коммутативного мультипликативно идемпотентного полукольца разделяют его элементы.*

Предложение Д. *Конечнопорожденные мультипликативно идемпотентные полукольца конечны.*

Предложение Е. *Свободные мультипликативно идемпотентные полукольца с некоммутативным сложением, имеющие не менее двух свободных образующих, бесконечны.*

Изучались коммутативные идемпотентные полукольца с двойственным законом дистрибутивности: это класс полуколец, более широкий, чем класс дистрибутивных решеток. На таких полукольцах S вводятся бинарные отношения δ и γ: δ – транзитивное замыкание отношения, заданного равенством $x + y = xy$; $x\gamma y$ означает, что $x + xy = x$ и $y + xy = y$. Отношения δ и γ будут конгруэнциями на S, позволяющими получить структурные свойства S. Коммутативное идемпотентное полукольцо S с двойственным законом дистрибутивности назовем δ-*полукольцом*, если конгруэнция δ на S одноклассовая.

Теорема Д. *Всякое коммутативное идемпотентное полукольцо с двойственным законом дистрибутивности является дистрибутивной связкой своих конечных δ-подполуколец с поглощающим элементом.*

Теорема Е. *Конгруэнция γ на любом коммутативном идемпотентном полукольце с двойственным законом дистрибутивности служит наименьшей конгруэнцией, факторполукольцо по которой будет дубль-полукольцом, а классы – дистрибутивными решетками.*

Теорема Ж. *Свободное полукольцо $S(X)$ с множеством X свободных образующих в многообразии коммутативных идемпотентных полуколец с двойственным законом дистрибутивности является подпрямым произведением свободной дистрибутивной решетки $S(X)/\delta$ и свободного идемпотентного дубль-полукольца $S(X)/\gamma$.*

Следствие. *Многообразие всех коммутативных идемпотентных полуколец с двойственным законом дистрибутивности порождается двухэлементной цепью и двухэлементным дубль-полукольцом.*

Описаны также мультипликативно идемпотентные полукольца S с 0 с дополнительными условиями: 1) аннуляторы различных элементов в S различны; 2) между идеалами и конгруэнциями на S существует каноническое взаимно однозначное соответствие. В случае 2) получаем полукольца S, разлагаемые в прямую сумму булева кольца и обобщенной булевой решетки.

1.6. Пирсовские цепи полуколец и полумодулей [11]. Одной из важных пучковых конструк-

ций является пучок Пирса и соответствующее представление; полукольцевой вариант этого представления появился впервые в работе: *Черных В. В.* Пучковые представления полуколец // Успехи матем. наук. 1993. Т. 48. № 5. С. 185–186. Среди результатов теории пучковых представлений колец, использующих пучок Пирса, важную роль играет теория пирсовских цепей идеалов. Р. В. Марковым и В. В. Чермных получены базовые результаты, развивающие эту теорию для полуколец и полумодулей. Дадим соответствующее определение.

Пусть α – ординал и ρ_α^* – регулярная конгруэнция на полумодуле A_S. Полагаем: 1) если $\alpha = 0$, то $\rho_\alpha^* = 0$; 2) если α – непредельный ординал, то $(A_{S/\rho_{\alpha-1}}/\rho_\alpha^*)_{S/\rho_{\alpha-1}}$ – пирсовский слой полумодуля $(A_{S/\rho_{\alpha-1}}/\rho_{\alpha-1}^*)_{S/\rho_{\alpha-1}}$, где $\rho_{\alpha-1}$ – конгруэнция из $P(S)$, $\rho^*_{\alpha-1}$ – регулярная конгруэнция на $A_{S/\rho_{\alpha-1}}$; 3) если α – предельный ординал, то $\rho_\alpha^* = \vee_{\beta<\alpha}\rho_\beta^*$. Тогда множество $P^*(A_S) = \{\rho_\alpha^* : 0 \le \alpha \le \gamma\}$ назовем *пирсовской цепью* полумодуля A_S.

Это определение естественным образом обобщает понятие пирсовской цепи конгруэнций полукольца. Значение пирсовских цепей, как для полуколец, так и для полумодулей, во многом заключается в свойствах подъема широкого набора свойств с пирсовских слоев до свойств исходного полукольца (полумодуля). Укажем один из типичных результатов описания полумодулей в терминах пирсовских цепей.

Предложение Ж. *Для правого полумодуля A_S равносильны следующие условия:* 1) *A_S – правый полумодуль Безу (т. е. полумодуль, каждый конечно порожденный подполумодуль которого является циклическим); 2) все пирсовские слои полумодуля A_S – правые полумодули Безу;* 3) *все строго неразложимые факторполумодули полумодуля A_S – правые полумодули Безу.*

2. Полукольца непрерывных числовых функций

2.1. Конгруэнции на полукольцах непрерывных неотрицательных функций [12]. Рассматривается сократимое полукольцо $C^+(X)$ всех непрерывных неотрицательных действительнозначных функций, заданных на произвольном топологическом пространстве X, с поточечно определенными операциями сложения и умножения функций. Подмножество $U(X)$ в $C^+(X)$, состоящее из всех непрерывных положительных функций, является сократимым полуполем. Если вместо обычной операции сложения функций взять операцию $\vee = \max$, то получим идемпотентные полукольцо $C^\vee(X)$ и полуполе $U^\vee(X)$. Классическим объектом функциональной алгебры является кольцо $C(X)$ всех непрерывных действительнозначных функций на X. Кольцо $C(X)$ служит кольцом разностей полукольца $C^+(X)$ и полуполя $U(X)$.

Перечислим наиболее существенные наши результаты о конгруэнциях на полукольцах $C^+(X)$, $C^\vee(X)$ и полуполях $U(X)$, $U^\vee(X)$.

Теорема о псевдодополнениях. *Решетки конгруэнций* $\mathrm{Con}C^+(X)$, $\mathrm{Con}C^\vee(X)$, $\mathrm{Con}U(X)$ *и* $\mathrm{Con}U^\vee(X)$ *суть решетки с псевдодополнениями, и каждый их элемент имеет не более одного дополнения.*

Теорема о продолжении конгруэнций. *Любая конгруэнция на полуполе $U^\vee(X)$ или $U(X)$ продолжается до конгруэнции на полукольце $C^\vee(X)$ и $C^+(X)$ соответственно.*

Заметим, что всегда $\mathrm{Con}U^\vee(X) \subseteq \mathrm{Con}U(X)$, решетка $\mathrm{Con}U^\vee(X)$ является ретрактом решетки $\mathrm{Con}C^\vee(X)$, а решетка $\mathrm{Con}U(X)$ есть гомоморфный образ решетки $\mathrm{Con}C^+(X)$. Получены новые характеризации ряда свойств произвольных топологических пространств X.

Характеризации свойств топологических пространств:

1. *$U(X)$ – ограниченное полуполе $\Leftrightarrow$ X псевдокомпактно.*

2. *Равносильны следующие утверждения:* 1) $\mathrm{Con}U(X)=\mathrm{Con}U^\vee(X)$; 2) *полуполе $U(X)$ дистрибутивно;* 3) *X – F-пространство.*

3. $\mathrm{Con}C^+(X) = \mathrm{Con}C^\vee(X)$ $\Leftrightarrow$ *X является P-пространством.*

4. *Полуполе $U(X)$ (как и $U^\vee(X)$) риккартово $\Leftrightarrow$ X базисно несвязно.*

5. *Полуполе $U(X)$ (как и $U^\vee(X)$) является бэровским $\Leftrightarrow$ X экстремально несвязно.*

6. *Для любого тихоновского пространства X эквивалентны следующие утверждения:* 1) *полуполе $U(X)$ (как и $U^\vee(X)$) бирегулярно;* 2) *полуполе $U(X)$ (как и $U^\vee(X)$) булево;* 4) *X конечно.*

2.2. Структурные изоморфизмы полуколец непрерывных неотрицательных функций [13]. Изучались решетки всевозможных $\mathbf{R}^+$-подалгебр (как без единицы 1, так и с единицей) полуколец $C^+(X)$. Описаны *решеточные изоморфизмы* полуколец $C^+(X)$ и $C^+(Y)$, то есть изоморфизмы их решеток подалгебр (сначала для случая подалгебр с 1, затем на этой основе и для случая всех подалгебр). Для этого сначала потребовалось установить *определяемость* произвольного хьюиттовского пространства решетками подалгебр полуколец непрерывных неотрицательных функций над ними.

Решеточная определяемость хьюиттовских пространств. *Любое хьюиттовское пространство X однозначно, с точностью до гомеоморфизма, определяется решеткой всех подалгебр (как без единицы, так и с единицей) каждого из полуколец $C^+(X)$ и $C^\vee(X)$.*

Следствие. *Для любых топологических пространств X и Y полукольца $C^+(X)$ и $C^\vee(X)$ определяются решетками своих подалгебр.*

Отметим, что для колец $C(X)$ всех непрерывных действительнозначных на X аналогичный результат установлен в статье: Вечтомов Е. М. Решетка подалгебр колец непрерывных функций и хьюиттовские пространства // Математические заметки. 1997. Т. 62. Вып. 5. С. 687–693.

Строение решеточных изоморфизмов полуколец $C^+(X)$. *Для произвольных топологических пространств X и Y имеют место следующие утверждения.*

1. Каждый изоморфизм решеток всех подалгебр с единицей полуколец $C^+(X)$ и $C^+(Y)$ индуцируется некоторым однозначно определенным изоморфизмом самих полуколец.

2. Если мощность одной из тихоновизаций τX или τY не равна 2, то любой изоморфизм решеток всех подалгебр полуколец $C^+(X)$ и $C^+(Y)$ индуцируется единственным изоморфизмом этих полуколец.

3. Если тихоновизации τX и τY двухточечны, то все изоморфизмы решеток всех подалгебр полуколец $C^+(X)$ и $C^+(Y)$ порождаются различными парами автоморфизмов цепи [0, 1] *и двумя биекциями между τX и τY.*

В доказательствах используется оригинальный метод однопорожденных подалгебр, а также решеточная характеризация некоторых специальных видов подалгебр полуколец $C^+(X)$ и $C^\vee(X)$.

Строение группы автоморфизмов полукольца многочленов. *Группа всех автоморфизмов полукольца $\mathbf{R}^+[x]$ многочленов от одной переменной x над полуполем $\mathbf{R}^+$ изоморфна мультипликативной группе всех положительных действительных чисел.*

Изоморфизмы однопорожденных подалгебр с 1 полуколец $C^+(X)$ и $C^+(Y)$ описаны В. В. Сидоровым. Строение решеточных изоморфизмов аддитивно идемпотентных полуколец $C^\vee(X)$ существенно отличается от случая сократимых полуколец $C^+(X)$.

2.3. Полукольца непрерывных функций со значениями в единичном отрезке [14]. Пусть $\mathbf{I} = [0, 1]$ – единичный числовой отрезок с операцией сложения $\vee$ = и операцией умножения чисел, наделенный естественной топологией. Получаем компактное линейно упорядоченное коммутативное полукольцо. Множество $C(X, \mathbf{I})$ всех непрерывных $\mathbf{I}$-значных функций на топологическом пространстве X относительно поточечно определенных операций сложения $\vee$ и умножения $\cdot$ становится коммутативным аддитивно идемпотентным полукольцом с единственным обратимым элементом 1. Множество $C(X, \mathbf{I})$ является также ограниченной дистрибутивной решеткой, служащей подрешеткой полной вполне дистрибутивной решетки $\mathbf{I}^X$ всевозможных отображений $X \to \mathbf{I}$. С топологией поточечной сходимости множество $\mathbf{I}^X$ является тихоновской степенью $|X$ экземпляров компакта $\mathbf{I}$. Относительно операций сложения $\vee$ и обычного умножения функций имеем компактное топологическое полукольцо $\mathbf{I}^X$. Полукольцо $C(X, \mathbf{I})$ является подполукольцом и подпространством в $\mathbf{I}^X$. Получаем топологическое полукольцо $C_p(X, \mathbf{I})$. При изучении алгебраических свойств полуколец $C(X, \mathbf{I})$ можно ограничиться компактами X. Однако при исследовании тополого-алгебраических свойств топологических полуколец $C_p(X, \mathbf{I})$ естественно брать тихоновские пространства X.

Сначала рассмотрим свойства простых идеалов полуколец $C(X, \mathbf{I})$ над компактами X и дадим описание максимальных идеалов этих полуколец.

Пусть X – компакт и $x \in X$. Обозначим:

$M_x = \{f \in C(X, \mathbf{I}): f(x) = 0\}$, $O_x = \{f \in C(X, \mathbf{I}) : f = 0$ на некоторой окрестности $x\}$,

$N_x = \{f \in C(X, \mathbf{I}): f(x) < 1\}$, $E_x = \{f \in C(X, \mathbf{I}) : f = 1$ на некоторой окрестности $x\}$.

В полукольце $C(X, \mathbf{I})$ получаем простые идеалы M_x и $N_x = C(X, \mathbf{I})\backslash(1 - M_x)$, полупростые идеалы O_x и фильтры $E_x = 1 - O_x$. Для простого идеала P полукольца $C(X, \mathbf{I})$ определяется полупростой идеал

$$O_P = \{f \in C(X, \mathbf{I}) : fg = 0 \text{ для некоторого } g \in C(X, \mathbf{I})\backslash P\}.$$

В следующих двух теоремах рассматривается компакт X.

Свойства простых идеалов. *Всякий простой идеал P полукольца $C(X, \mathbf{I})$ обладает следующими свойствами:* 1) $O_x \subseteq O_P \subseteq P$ *для одной-единственной точки* $x \in X$; 2) $P \subseteq C(X, \mathbf{I})\backslash E_x$ *для однозначно определенной точки* $x \in X$; 3) *если* $O_x \subseteq P$, *то* $P \subseteq M_x$ *или* $N_x \subseteq P$.

На простом спектре Spec $C(X, \mathbf{I})$ полукольца $C(X, \mathbf{I})$ существует отображение ϕ: Spec $C(X, \mathbf{I}) \to X$, сопоставляющее каждому простому идеалу P полукольца $C(X, \mathbf{I})$ ту единственную точку $x \in X$, для которой $O_x \subseteq P$. Доказывается, что непрерывность ϕ. Это утверждение имеет место и в случае тихоновских пространств X, но тогда ϕ будет непрерывным отображением на βX.

Строение максимальных идеалов. *Максимальные идеалы полукольца $C(X, \mathbf{I})$ суть в точности идеалы $C(X, \mathbf{I})\backslash(1-P)$ по всем (минимальным) простым идеалам $P = O_P$.*

Для функции $f \in C(X)$ пусть $Z(f) = \{x \in X: f(x) = 0\}$ и $Z^0(f)$ – внутренность *нуль-множества* $Z(f)$; множества $\mathrm{coz}\, f = X\backslash Z(f)$ называются *конуль-множествами* на X. Точка $x \in X$ называется F-*точкой*, если для любых функций $f, g \in C(X)$ принадлежность $x \in Z^0(fg)$ влечет $x \in Z^0(f) \cup Z^0(g)$, и P-*точкой*, когда $x \in Z(f)$ вле-

чет $x \in Z^0(f)$ для любой функций $f \in C(X)$. Напомним, что тихоновское пространство называется F-*пространством* (P-*пространством*), если все его точки являются F-точками (P-точками).

Характеризация F-точек. *Для любой точки $x \in X$ следующие условия эквивалентны:* 1) *x является F-точкой;* 2) *идеал O_x простой;* 3) *$C(X, \mathbf{I})\backslash E_x$ является (максимальным) идеалом в $C(X, \mathbf{I})$;* 5) *все простые идеалы полукольца $C(X, \mathbf{I})$, содержащие O_x, равносильно M_x, образуют цепь по включению.*

Характеризация F-пространств. *Эквивалентны следующие условия:*

1) *X есть F-пространство;* 2) *идеалы O_x простые для всех точек $x \in X$;* 3) *максимальные идеалы полукольца $C(X, \mathbf{I})$ имеют вид $C(X, \mathbf{I})\backslash E_x$;* 4) *максимальный спектр* Max $C(X, \mathbf{I})$ *полукольца $C(X, \mathbf{I})$ хаусдорфов;* 5) *каждый простой идеал полукольца $C(X, \mathbf{I})$ содержится в единственном его максимальном идеале;* 6) *ограничение отображения ϕ на* Max $C(X, \mathbf{I})$ *является гомеоморфизмом;* 7) *каждый простой идеал полукольца $C(X, \mathbf{I})$ содержит единственный минимальный простой идеал;* 8) *все простые идеалы полукольца $C(X, \mathbf{I})$, содержащие некоторый фиксированный простой идеал, образуют цепь.*

Эти теоремы показывают принципиальное отличие теории идеалов полуколец $C(X, \mathbf{I})$ от теории идеалов в полукольцах $C^+(X)$ и кольцах $C(X)$. Так, в кольцах $C(X)$ и полукольцах $C^+(X)$ условия 4), 5), 6) и 8) последней теоремы выполняются всегда, а условие 3) не выполняется никогда (Gillman L., Jerison M. Rings of continuous functions. N.-J.: Springer-Verlag, 1976).

Определяемость полуколец $C(X, \mathbf{I})$ решетками их идеалов и конгруэнций. *Для любых топологических пространств X и Y следующие утверждения эквивалентны:* 1) *полукольца $C(X, \mathbf{I})$ и $C(Y, \mathbf{I})$ изоморфны;* 2) *решетки идеалов полуколец $C(X, \mathbf{I})$ и $C(Y, \mathbf{I})$ изоморфны;* 3) *решетки конгруэнций полуколец $C(X, \mathbf{I})$ и $C(Y, \mathbf{I})$ изоморфны.*

Рассмотрим теперь, как устроены замкнутые идеалы и замкнутые конгруэнции топологических полуколец $C_p(X, \mathbf{I})$. Для их описания вводится понятие sc-*функции* как точной верхней грани (sup) в полной решетке $\mathbf{I}^X$ непустого подмножества в $C(X, \mathbf{I})$. Множество всех sc-функций на произвольном тихоновском пространстве X обозначим через $SC(X, \mathbf{I})$. Множество $SC(X, \mathbf{I})$ образует подрешетку в полной решетке $\mathbf{I}^X$, оно замкнуто относительно взятия sup, но не взятия точной нижней грани (inf). Решетка $SC(X, \mathbf{I})$ дистрибутивная и полная. Конгруэнция ρ на полукольце $C(X, \mathbf{I})$ называется *замкнутой*, если множество пар ρ замкнуто в тихоновском квадрате $C_p(X, \mathbf{I}) \times C_p(X, \mathbf{I})$.

Легко видеть, что для любой функции $\varphi \in C(X, \mathbf{I})$ множество

$$J(\varphi)=\{f \in C(X, \mathbf{I}): f \leq \varphi\}$$

будет замкнутым идеалом топологического полукольца $C_p(X, \mathbf{I})$.

Строение замкнутых идеалов. *Идеал J полукольца $C(X, \mathbf{I})$ замкнут тогда и только тогда, когда $J = J(\varphi)$ для (единственной) sc-функции φ на X.*

Следствие. *Любое тихоновское пространство X определяется топологическим полукольцом $C_p(X, \mathbf{I})$.*

По произвольной функции $\varphi \in \mathbf{I}^X$ определим бинарное отношение $\rho(\varphi)$ на полукольце $C(X, \mathbf{I})$, положив для любых $f, g \in C(X, \mathbf{I})$:

$$f\rho(\varphi)g \Leftrightarrow \forall x \in X\,((f \vee g)(x) > \varphi(x) \Rightarrow f(x) = g(x)).$$

Отношение $\rho(\varphi)$ будет замкнутой конгруэнцией на полукольце $C_p(X, \mathbf{I})$.

Строение замкнутых конгруэнций. *Для конгруэнции ρ на полукольце $C(X, \mathbf{I})$* эквивалентны следующие утверждения: 1) *конгруэнция ρ замкнута;* 2) *все классы эквивалентности конгруэнтности* r *замкнуты;* 3) *$\rho = \rho(\varphi)$ для однозначно определенной sc-функции φ на X.*

Следствие. *Для любого тихоновского пространства X и решетка всех замкнутых идеалов, и решетка всех замкнутых конгруэнций полукольца $C_p(X, \mathbf{I})$ изоморфна полной дистрибутивной решетке $SC(X, \mathbf{I})$ всех sc-функций на X.*

Двойственность для полуколец $C_p(X, \mathbf{I})$. *Категория топологических полуколец $C_p(X, \mathbf{I})$ и их непрерывных гомоморфизмов, сохраняющих константы, антиэквивалентна (двойственна) категории всех тихоновских пространств X и их непрерывных гомоморфизмов.*

Аналогичный результат верен и для категории полуколец $SC(X, \mathbf{I})$.

Новые задачи. В ближайшие 5–6 лет планируются исследования по фундаментальному направлению «Полукольца и их применения». Предполагается получение результатов:

1) по структурной теории полуколец, полутел и полумодулей над ними;

2) по конечным полукольцам и их применениям;

3) построение общей теории полуколец непрерывных функций со значениями в топологическом полукольце;

4) воплощение полученных математических результатов в новых диссертациях и монографиях, в сериях статей и докладов;

5) использование материала исследований в НИРС, при написании учебных пособий и разработке новых курсов для магистрантов и аспирантов.

Примечания

1. *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И.* Полукольца и пучки. I // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2010. Вып. 12.

С. 61–72; *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И.* Полукольца и пучки. II // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2012. Вып. 14. С. 63–78.

2. *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И., Лукин М. А., Старостина О. В., Чермных В. В., Чупраков Д. В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Полукольца и пучки» (внутренний грант ВятГГУ ведущей НШ). Киров: ВятГГУ, 2008; *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И., Сидоров В. В., Старостина О. В., Чермных В. В., Чупраков Д. В., Широков Д. В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Полукольца и пучки» (тематический план ВятГГУ 2009 г., № 1.1.5). Киров: ВятГГУ, 2010; *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И., Бестужев А. С., Сидоров В. В., Чермных В. В., Чупраков Д. В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Полукольца и пучки» (тематический план ВятГГУ 2010 г., № 1.1.5). Киров: ВятГГУ, 2010; *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И., Бестужев А. С., Сидоров В. В., Чермных В. В., Чупраков Д. В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Полукольца и пучки» (тематический план ВятГГУ 2011 г., № 1.1.5). Киров: ВятГГУ, 2011; *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И., Лубягина Е. Н., Марков Р. В., Петров А. А., Сидоров В. В., Чермных В. В., Чупраков Д. В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Полукольца и пучки. Полукольца и их применения» (тематический план ВятГГУ 2012 г., № 1.1.5). Киров: ВятГГУ, 2012.

3. *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н., Чермных В. В.* Элементы теории полуколец. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012; *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В., Чупраков Д. В.* Полукольца непрерывных функций. Киров: ВятГГУ, 2011; *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец. Киров: ВятГГУ, 2010.

4. *Черанева А. В.* Ядра и пучки полутел: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008; *Лукин М. А.* Полукольцевые объединения кольца и полутела: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Киров: ВятГГУ, 2009; *Чупраков Д. В.* Конгруэнции на полукольцах и полуполях непрерывных числовых функций: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Киров: ВятГГУ, 2009; *Сидоров В. В.* Изоморфизмы решеток подалгебр полуколец непрерывных неотрицательных функций: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011; *Лубягина Е. Н.* Полукольца непрерывных [0,1]-значных функций: дис. ... канд. физ.-мат. наук. Киров: ВятГГУ, 2012.

5. *Вечтомов Е. М., Лукин М. А.* Полукольца, являющиеся объединением кольца и полутела // Успехи математических наук. 2008. Т. 63. Вып. 6. С. 159–160. Translation: *Vechtomov E. M., Lukin M. A.* Semirings which are the unions of a ring and semifield // Russian Mathematical Surveys. 2008. **63**:6. 1152–1153; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* К теории полутел // Успехи математических наук. 2008. Т. 63. Вып. 2. С. 161–162. Translation: *Vechtomov E. M., Cheraneva A. V.* On the theory of semidivision rings // Russian Mathematical Surveys. 2008. **63**:2, 391–393; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Полутела и их свойства // Фундаментальная и прикладная математика. 2008. Т. 14. № 5. С. 3–54. Translation: *Vechtomov E. M., Cheraneva A. V.* Semifields and their properties // Journal of Mathematical Sciences (New York), 2009. **163**:6. 625–661; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* Конгруэнции на полукольцах непрерывных функций и F-пространства // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2008. Вып. 8. С. 15–26; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* Главные ядра полуполей непрерывных положительных функций // Фундаментальная и прикладная математика. 2008. Т. 14. № 4. С. 87–107. Translation: *Vechtomov E. M., Chuprakov D. V.* The principal kernels of semifields of continuous positive functions // Journal of Mathematical Sciences (New York). 2009. **163**:5. 500–514; *Лукин М. А.* О полукольцевых объединениях кольца и полутела // Известия вузов. Математика. 2008. № 12. С. 76–80. Translation: *Lukin M. A.* Semiring unions of a ring and a half-body // Russian Mathematics. 2008. **52**:12, 65–68; *Вечтомов Е. М.* Строение полутел // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 1: Математика. Механика. Информатика. 2009. Вып. 10. С. 3–42 (аналитический научный обзор по гранту РФФИ, № 08-01-11000-ано); *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Полутела с образующей // Вестник Удмуртского университета. Математика. Механика. Компьютерные науки. 2009. Вып. 3. С. 25–33; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* О продолжении конгруэнций на полукольцах непрерывных функций // Математические заметки. 2009. Т. 85. Вып. 6. С. 803–816. Translation: *Vechtomov E. M., Chuprakov D. V.* Extension of congruences on semirings of continuous functions // Mathematical notes. 2009. **85**:6. 767–779; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* Псевдодополнения в решетке конгруэнций полуколец непрерывных функций // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2009. Вып. 9. С. 3–17; *Чупраков Д. В.* Условия дистрибутивности решеток конгруэнций полуколец непрерывных функций // Вестник Удмуртского университета. Математика. Механика. Компьютерные науки. 2009. Вып. 3. С. 128–134; *Вечтомов Е. М.* К структурной теории полуколец и полутел // Труды Математического центра имени Н. И. Лобачевского. Казань: Казан. матем. о-во, 2010. С. 63–67; *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В.* Определяемость полуколец непрерывных функций решеткой их подалгебр // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2010. Вып. 11. С. 112–125; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Функциональные представления полутел. Дополнение к книге // *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец. С. 164–219; *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В.* Изоморфизмы решеток подалгебр полуколец непрерывных неотрицательных функций // Фундаментальная и прикладная математика. 2010. Т. 16. № 3. С. 63–103. Translation: *Vechtomov E. M., Sidorov V. V.* Isomorphisms of lattices of subalgebras of semirings of continuous nonnegative functions // Journal of Mathematical Sciences (New York). 2011. **177**:6. 817–846; *Вечтомов Е. М.* Введение в структурную теорию полуколец и полутел // Материалы XIX Международной конференции «Математика. Образование». Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2011. С. 56–68; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* О простых идеалах полуколец непрерывных функций со значениями в единичном отрезке // Вестник Удмуртского университета. Математика. Механика. Компьютерные науки. 2011. Вып. 2. С. 12–18; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Решетки непрерывных функций со значениями в единичном отрезке // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2011. Вып. 14. С. 3–20; *Сидоров В. В.* Группа автоморфизмов решетки всех подалгебр полукольца многочленов над полуполем неотрицательных действительных чисел // Из-

вестия вузов. Математика. 2011. № 4. С. 104–107. Translation: *Sidorov V. V.* The automorphism group of the lattice of all subalgebras of the semiring of polynomials over the semifield of nonnegative real numbers // Russian Mathematics. 2011. **55**:4. 87–89; *Сидоров В. В.* Строение решеточных изоморфизмов полуколец, порожденных одной неотрицательной функцией // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2011. Вып. 13. С. 11–36; *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Полукольца с идемпотентным умножением // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2011. Вып. 14. С. 21–32; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Определяемость компактов решетками идеалов и конгруэнций полуколец непрерывных [0,1]-значных функций на них // Известия вузов. Математика. 2012. № 1. С. 87–91. Translation: *Vechtomov E. M., Lubyagina E. N.* The determinability of compacts by lattices of ideals and congruences of semirings of continuous [0, 1]-valued functions on them // Russian Mathematics. 2012. **56**:1. 79–82; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Полукольца непрерывных [0, 1]-значных функций // Фундаментальная и прикладная математика. 2012. Т. 17. Вып. 1. С. 53–82; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* О полукольцах sc-функций // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. Вып. 15. С. 73–82; *Вечтомов Е. М., Лубягина И. В.* Циклические полукольца с идемпотентным некоммутативным сложением // Фундаментальная и прикладная математика. 2012. Т. 17. Вып. 4. С. 33–52. Translation: *Vechtomov E. M., Lybiagina I. V.* Cyclic semirings with idempotent noncommutative addition // Journal of Mathematical Sciences (New York). 2012. **185**:3. 367–380; *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Свойства мультипликативно идемпотентных полуколец // Труды X Международной конференции «Алгебра и теория чисел: современные проблемы и приложения». Ученые записки Орловского государственного университета. 2012. № 6. Ч. 2. С. 60–68; *Марков Р. В., Чермных В. В.* Пирсовские цепи полуколец // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. Вып. 16; *Орлова И. В.* О конечных циклических полукольцах с неидемпотентным некоммутативным сложением // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. Вып. 16; *Петров А. А.* Полукольца с условиями идемпотентности // Труды IX Международной конференции «Алгебра и теория чисел: современные проблемы и приложения». Чебышевский сборник. 2012. Т. XIII. Вып. 1 (41). С. 118–129; *Сидоров В. В.* Автоморфизмы решетки всех подалгебр полукольца многочленов от одной переменной // Фундаментальная и прикладная математика. 2012. Т. 17. № 3. С. 85–96. Translation: *Sidorov V. V.* Automorphisms of the lattice of all subalgebras of the semiring of polynomials in one variable // Journal of Mathematical Sciences (New York). 2012. 187:2. 169–176; *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец // Фундаментальная и прикладная математика. 2012. Т. 17. № 3. С. 111–227. Translation: *Chermnykh V. V.* Functional representations of semirings // Journal of Mathematical Sciences (New York). 2012. **187**:2. 187–267.

6. *Вечтомов Е. М.* Строение полутел.

7. *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* К теории полутел; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Полутела и их свойства; *Вечтомов Е. М.* Строение полутел; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Полутела с образующей; *Вечтомов Е. М., Черанева А. В.* Функциональные представления полутел. Дополнение к книге; *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец // Фундаментальная и прикладная математика.

8. *Вечтомов Е. М., Лукин М. А.* Полукольца, являющиеся объединением кольца и полутела; *Лукин М. А.* О полукольцевых объединениях кольца и полутела.

9. *Вечтомов Е. М., Лубягина И. В.* Циклические полукольца с идемпотентным некоммутативным сложением; *Орлова И. В.* О конечных циклических полукольцах с неидемпотентным некоммутативным сложением.

10. *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Полукольца с идемпотентным умножением; *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Свойства мультипликативно идемпотентных полуколец; *Петров А. А.* Полукольца с условиями идемпотентности.

11. *Марков Р. В., Чермных В. В.* Пирсовские цепи полуколец; *Чермных В. В.* Функциональные представления полуколец // Фундаментальная и прикладная математика.

12. *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* Конгруэнции на полукольцах непрерывных функций и F-пространства; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* Главные ядра полуполей непрерывных положительных функций; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* О продолжении конгруэнций на полукольцах непрерывных функций; *Вечтомов Е. М., Чупраков Д. В.* Псевдодополнения в решетке конгруэнций полуколец непрерывных функций; *Чупраков Д. В.* Условия дистрибутивности решеток конгруэнций полуколец непрерывных функций.

13. *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В.* Определяемость полуколец непрерывных функций решеткой их подалгебр; *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В.* Изоморфизмы решеток подалгебр полуколец непрерывных неотрицательных функций; *Сидоров В. В.* Группа автоморфизмов решетки всех подалгебр полукольца многочленов над полуполем неотрицательных действительных чисел; *Сидоров В. В.* Строение решеточных изоморфизмов полуколец, порожденных одной неотрицательной функцией; *Сидоров В. В.* Автоморфизмы решетки всех подалгебр полукольца многочленов от одной переменной.

14. *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* О простых идеалах полуколец непрерывных функций со значениями в единичном отрезке; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Решетки непрерывных функций со значениями в единичном отрезке; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Определяемость компактов решетками идеалов и конгруэнций полуколец непрерывных [0,1]-значных функций на них; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Полукольца непрерывных [0, 1]-значных функций; *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* О полукольцах sc-функций.

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

13–14 марта 2013 г. состоялась III Международная научно-практическая конференция «Проблемы сопровождения детей и подростков с особыми образовательными потребностями: психолого-педагогический, социальный и медицинский аспекты», которая привлекла внимание ученых и практиков из России, Украины, Казахстана, Киргизии, в их числе доктора психологических и медицинских наук, представители молодого поколения ученых, логопеды, дефектологи, руководители образовательных учреждений и другие работники образовательных, медицинских учреждений и учреждений соцзащиты.

Открыл конференцию проректор по научно-исследовательской работе Вятского государственного гуманитарного университета профессор Ю. А. Балыбердин. Он отметил традиционность в проведении конференций и их направленность на постановку и решение проблем в сфере специального (дефектологического) образования, а также особую значимость в связи с комплексным подходом к совместному обучению здоровых детей и детей с особыми образовательными потребностями. Отличительной чертой этой конференции было участие в ней студентов выпускного курса – будущих специальных психологов и проведение мастер-классов на базе образовательных учреждений г. Кирова.

На конференции заслушано пять пленарных докладов, работало три тематические секции, было проведено пять мастер-классов. В заключение программы конференции был организован «круглый стол», где шла речь о «Психологической безопасности образовательной среды», в работе которого принял участие представительный состав: от докторов наук до практических специалистов, аспирантов и студентов старших курсов.

Пленарное заседание открыл В. И. Циркин, доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии Казанского государственного медицинского университета, докладом «Влияние неблагоприятных перинатальных факторов на успешность обучения детей», в котором представил результаты многолетнего изучения детей, имеющих неблагоприятные факторы: низкую или большую массу тела при рождении, перинатальные поражения ЦНС, наличие хронической артериальной гипертензии у матери во время беременности и другие. Научное качество и практическая значимость доклада были высоко оценены участниками конференции.

Л. Э. Семенова, доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета (Россия, Н. Новгород), посвятила свой пленарный доклад семье как институту гендерной социализации на этапах раннего онто- и дезонтогенеза, где отметила определяющую роль семьи в процессе личностного развития подрастающего поколения.

В пленарном докладе О. С. Кучерук (Украина, Харьков) рассмотрены основные качества учителя основ здоровья как неотъемлемой составляющей успешности формирования готовности к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в условиях перехода к инклюзивной модели обучения. По мнению автора, процесс формирования качеств учителя заключается в раскрытии и реализации личностного потенциала студента, его возможностей и способностей. Необходимым условием развития личности студента является глубинное осознание им своего долга, стремление к самооценке, самоанализу и самосовершенствованию.

В докладе Н. В. Цветковой (Россия, Киров) представлены материалы по проблеме психологической безопасности образовательной среды, что актуально в связи со сравнительно недавним появлением понятия в психолого-педагогическом тематическом пространстве, которое не имеет сегодня однозначного определения. В данном докладе были фрагментарно представлены результаты проектной деятельности студентов старших курсов.

Т. В. Шамова (Россия, Киров) в своем пленарном докладе отразила практический опыт воспитания и социализации учащихся коррекционной школы VIII вида в рамках успешно реализующейся воспитательной системы, раскрыла основные подходы и педагогические условия, способствующие развитию и самовыражению ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Проблематика секций «Психологические особенности детей и подростков с особыми образовательными потребностями», «Актуальные вопросы изучения отклоняющегося развития у детей и подростков», «Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков с особыми образовательными потребностями» была посвящена методологии, теории и практике специального (дефектологического) образования, лицам с особыми образовательными потребностями, оказанию им медицинской, психолого-коррекционной и социальной помощи.

Исследуя качество жизни подрастающего поколения, А. Н. Тесленко, доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Центра ювенологических исследований (Казахстан, г. Астана) отметил, что основная часть учащейся молодежи видит улучшения ка-

чества жизни, и это основное условие психического здоровья населения.

О. В. Селецкая, кандидат педагогических наук, сертифицированный педагог Монтессори международной квалификации (AMI) (Канада, Оттава), обратила внимание участников секционного заседания на проблему обучения детей с синдромом Аспергера (из опыта работы Канадской Академии Монтессори), где изложила наиболее продуктивные методы коррекции детей с синдромом Аспергера, направленные на их социализацию, преодоление трудностей в этом процессе, имеющим далеко идущий травмирующий эффект.

С обширным докладом выступила Е. Д. Бурмистрова (Россия, Саратов), где представлены формы работы с семьей, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья в условиях стационара детской клинической больницы. В основе работы – сотрудничество. Основные формы деятельности: консультативно-рекомендательная; лекционно-просветительская.

В совместном докладе И. А. Ивановой и И. А. Мухина (Россия, Н. Новгород) изложена проблема пониженной обучаемости школьников и подходы к ее решению в контексте научных исследований признанных ученых: П. П. Блонского, Л. С. Выготского, Л. В. Занкова и многих других.

Участию психолога в диагностике лиц с особыми образовательными потребностями был посвящен доклад Н. В. Лаптевой (Россия, Киров), в котором она рассказала об использовании регрессионного анализа в исследованиях по специальной психологии.

В выступлении Н. Н. Шешуковой (Россия, Киров) представлены некоторые рекомендации, касающиеся оптимизации сферы межличностных отношений со сверстниками подростков с задержанным психическим развитием.

В докладе С. И. Смирновой (Россия, Киров) обоснована программа развития самооценки учащихся 10–12 лет с задержкой психического развития, определены возможности коррекции самооценки детей в преддверии подросткового кризиса.

Вопросам совершенствования вербального общения как одной из важнейших компетенций практического психолога посвящен доклад С. М. Чокаева (Киргизия, Бишкек), суть которого в выделении деструктивных и конструктивных средств и форм коммуникации, используемых СМИ в современных условиях.

В докладе В. П. Кузьминой (Россия, Киров) отмечалась роль эмпатии во взаимодействии детского и взрослого сообществ при реализации инклюзивной практики в образовательной сфере.

В докладе В. Н. Савиных (Россия, Киров) подчеркивалась важность поиска эффективных средств коррекции эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи. Автор предлагал использовать психогимнастику как одну из перспективных форм невербальной психотерапии, которая способствует совершенствованию саморегуляции, преодолению личностной незрелости, развитию речи и познавательной деятельности ребенка в целом.

О. Л. Королева (Россия, Киров) в своем выступлении затронула проблему преодоления отчуждения в становлении профессионального сознания будущих специальных психологов. В качестве механизма преодоления отчуждения автор предлагает использование активности студентов и рефлексии, с помощью которых возможно трансформировать собственные переживания и их принятие.

В сообщении Н. В. Хоркуновой (Россия, Челябинск) обоснованно показаны особенности развития связной речи дошкольника через алгоритм действий с лексическим текстом, позволяющим ребенку глубже осознать семантику слов и значение лексико-грамматических конструкций, расширить активный словарь, овладеть синтаксическими нормами языка.

Ряд интересных докладов был представлен учеными и практиками Украины: И. В. Дехтяренко (Украина, г. Хмельницкий), О. В. Гулько (Украина, Киев), О. С. Кучерук (Украина, Харьков), где изложены подходы к инклюзии, лицам с особыми образовательными потребностями, средствам и методам их коррекции.

Обзор материалов докладов показывает, что большинство из них строилось на конкретных эмпирических исследованиях с использованием различных методик и программ коррекции. В то же время указывалось на необходимость разработок теоретического характера в сфере специального образования.

Актуальное направление в практическом содержании мероприятий – это проведение мастер-классов, направленных на коррекцию и развитие поведения, деятельности, общения лиц с особыми образовательными потребностями. В рамках конференции были проведены следующие мастер-классы: «Использование техники “Бумагопластика” для развития речи детей старшего дошкольного возраста»; «Изобразительная деятельность как средство профилактики психосоматических заболеваний детей и подростков»; «Логоритмика как компонент воздействия на развитие полисенсорики и высших психических функций ребенка»; «Дифференциальная диагностика ранних форм дизонтогенеза»; «Использование песочной терапии в профилактике и коррекции нарушений в эмоционально-волевой сфере детей дошкольного возраста».

Работа конференции позволила научным работникам, практикам обсудить дискуссионные

вопросы, обменяться мнениями, новой информацией в сфере специального образования, что способствует обогащению знаний и, как следствие, накоплению профессионального опыта, необходимого в разработке актуальных вопросов в профессиональной сфере.

При подведении итогов конференции принято решение, содержащее ряд рекомендаций:

1. Издать тексты пленарных и основных секционных докладов в форме сборника.

2. Опубликовать в научном журнале «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» отчет о проведенной конференции.

3. Провести IV Международную научно-практическую конференцию по обозначенной проблеме в 2014 г.

Участники конференции отметили хорошую организацию мероприятия и выразили благодарность руководству университета за предоставленную возможность плодотворного научного общения и обмена значимой информацией.

В. П. Кузьмина,
кандидат психологических наук, доцент,
зав. кафедрой общей
и специальной психологии ВятГГУ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЖИН Константин Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

ВЕЧТОМОВ Евгений Михайлович – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и дискретной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru

ВИШНЯКОВ-ВИШНЕВЕЦКИЙ Константин Константинович – доктор исторических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. 190020, г. Санкт-Петербург, ул. Лифляндская, д. 4, лит. Ц.
E-mail: guminstitutVK@yandex.ru

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

ЕФИМОВА Наталья Игоревна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре английской филологии Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.
E-mail: nordragon@mail.ru

ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы Марийского государственного университета. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1.
E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: alexander_kalinin@mail.ru

КАЛИНИНА Дарья Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

КАЛИНИЧЕНКО Владимир Валентинович (1948–2008) – кандидат философских наук, доцент, преподавал на кафедре философии и социологии ВятГГУ в период 2004–2008 гг., специалист по европейской философии, феноменологии, проблемам сознания.

КЛЕПЦОВА Елена Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: klepcova@mail.ru

КОВРИЖНЫХ Любовь Александровна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре правовой информатики Института (филиала) Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 30.
E-mail: kla_62@mail.ru

КОВЫРЗЕНКОВА Татьяна Владимировна – аспирант кафедры русской литературы XIX века Московского педагогического государственного университета. 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.
E-mail: kontrgayka@gmail.com

КОЛОБОВА Юлия Игоревна – кандидат культурологии, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kolobovay@list.ru

КОРШУНОВА Ольга Витальевна – доктор педагогических наук, доцент по кафедре физики и методики обучения физике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

КОРЯКИНА Анна Павловна – аспирант заочной формы обучения кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

МЕХОНОШИН Василий Юрьевич – аспирант кафедры культурологии Пермского государственного института искусств и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18.
E-mail: redcarrot@yandex.ru

МОТОРИНА Любовь Евстафьевна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии Московского авиационного института (национального исследовательского университета), директор межвузовского центра гуманитарного образования по содержанию и методике преподавания философии в вузах Российской Федерации. 125993, г. Москва, А-80, ГСП-3, Волоколамское шоссе, д. 4.
E-mail: dekan10@mai.ru

НОВОСЕЛОВ Олег Николаевич (1939–2011) – кандидат философских наук, доцент. В Кировском государственном педагогическом институте (ныне ВятГГУ) работал в течение 26 лет (1972–1998 гг.).

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПАВЛОВА Виктория Геннадиевна – аспирант кафедры русского и контрастивного языкознания филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в городе Елабуге. 423604, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.
E-mail: victoria-pv@mail.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ПОСПЕЛОВА Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент по кафедре культурологии и рекламы, декан факультета философии и культурологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

РАФИКОВ Азат Миннегаязович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

РЕДИКУЛЬЦЕВА Елена Николаевна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: elena.red@inbox.ru

РОЗУВАН Алексей Михайлович – декан юридического факультета ВятГГУ, заслуженный юрист РФ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

СИДНЕВА Татьяна Борисовна – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и эстетики, проректор по научно-исследовательской работе Нижегородской государственной консерватории (академии) имени М. И. Глинки. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Пискунова, д. 40.
E-mail: tbsidneva@yandex.ru

СИМОНОВА Галина Ивановна – доктор педагогических наук, зав. кафедрой педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре истории государства и права Уральской государственной юридической академии. 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54.
E-mail: igp@usla.ru, chea001@usla.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: ur@vshu.kirov.ru

ЧИКИШЕВА Ольга Владимировна – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: veshicki4@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAZHIN Konstantin Sergeevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor of the Department of Practical Psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

VECHTOMOV Evgeniy Mikhaylovich – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Algebra and Discrete Mathematics in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: mathematic@vshu.kirov.ru

VISHNYAKOV-VISHNEVETSKIY Konstantin Konstantinovich – Doctor of History, Professor, Rector of St. Petersburg Institute of Humanities. 190020, St. Petersburg, Liflyandskaya Str. 4.
E-mail: guminstitutVK@yandex.ru

DANYUSHENKOV Vladimir Stepanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Physics and Physics Teaching Methods in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

EFIMOVA Natalya Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology in Mari State University. 424000, Yoshkar-Ola, 1 Lenina sq.
E-mail: nordragon@mail.ru

ZOLOTOVA Tatyana Arkadyevna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature in Mari State University. 424000, Yoshkar-Ola, 1 Lenina sq.
E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of History, Senior Professor of the Department of General history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: alexander_kalinin@mail.ru

KALININA Darya Alexandrovna – Candidate of History, Head teacher of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

KALINICHENKO Vladimir Valentinovich (1948–2008) – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Lecturer of The Department of Philosophy and Sociology in VSHU (2004–2008), specialist in European philosophy, phenomenology, problems of consciousness.

KLEPTSOVA Elena Yuryevna – Candidate of Psychology, Associate professor of the Department of Practical Psychology in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: klepcova@mail.ru

KOVRIZHNYKH Lyubov Alexandrovna – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Law Informatics in Moscow State Law Academy named after O. Kutafin (Kirov branch office). 610000, Kirov, 30 Moskovskaya Str.
E-mail: kla_62@mail.ru

KOVYRZENKOVA Tatyana Vladimirovna – postgraduate student of the Department of XIX century Russian Literature in Moscow Pedagogical State University. 119991, Moscow, 1/1 Malaya Pirogovskaya Str.
E-mail: kontrgayka@gmail.com

KOLOBOVA Yulia Igorevna – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of Culturology and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kolobovay@list.ru

KORSHUNOVA Olga Vitalyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Physics and Physics Teaching Methods in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

KORYAKINA Anna Pavlovna – postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya str. 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

MASHKOVTSEV Andrey Anatolyevich – Candidate of History, Associate Professor of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

MEKHONOSHIN Vasiliy Yuryevich – postgraduate student of the Department of Culturology in Perm State Institute of Arts and Culture. 614000, Perm, 18 Gazety Zvezda str.
E-mail: redcarrot@yandex.ru

MOTORINA Lyubov Evstafyevna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy in Moscow Aviation Institute (National Research University), Director of the Inter-University Centre of arts education on the content and methods of teaching philosophy at the Universities of Russian Federation. 125993, Moscow, A-80, Volokolamskoe sh. 4.
E-mail: dekan10@mai.ru

NOVOSELOV Oleg Nikolaevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor. Worked for 26 years at the Kirov State Pedagogical Institute (1972–1998) (now VSHU).

OSIPOVA Nina Osipovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Culturology and Advertisement in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

PAVLOVA Viktoria Gennadyevna – postgraduate student of the Department of Russian and Contrastive Linguistics in Kazan Federal University (branch office in Elabuga). 423604, The Republic of Tatarstan, Elabuga, 89 Kazanskaya Str.
E-mail: victoria-pv@mail.ru

POMELOV Vladimir Borisovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy in VSHU. Kirov, 610002, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

POSPELOVA Natalya Ivanovna – Candidate of Science (Art), Associate Professor of the Department of Culturology and Advertisement in VSHU, Dean of the Faculty of Philosophy and Cultural Studies in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

RAFIKOV Azat Minnegayazovich – Candidate of History, Head teacher of the Department of Native History in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

REDIKULTSEVA Elena Nikolayevna – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Civil Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: elena.red@inbox.ru

ROZUVAN Aleksey Mikhaylovich – Dean of the Faculty of Law in VSHU, Honored lawyer of RF. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: rozuvan@vshu.kirov.ru

SIDNEVA Tatyana Borisovna – Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Esthetics, Vice-rector for scientific research in Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) named after Glinka. 603005, Nizhny Novgorod, 40 Piskunova str.
E-mail: tbsidneva@yandex.ru

SIMONOVA Galina Ivanovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Pedagogy in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SUROWEN Dmitriy Aleksandrovich – Candidate of History, Associate Professor of the Department of State and Law History in Ural State Law Academy. 620034, Ekaterinburg, 54 Kolmogorova Str.
E-mail: igp@usla.ru, chea001@usla.ru

SUCHKOVA Tatyana Evgenyevna – Assistant of the Department of Caval Law Disciplines in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: tatyanaes@rambler.ru

TIMSHIN Vadim Alekseevich – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology in VSHU. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

KHODYREVA Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-rector for Education in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya Str.
E-mail: ur@vshu.kirov.ru

CHIKISHEVA Olga Vladimirovna – postgraduate student of the Department of Culturology and Advertisement in VSHU. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: veshicki4@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 1(1)

Подписано в печать 25.02.2013 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 1000. Заказ № 133.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674